

ISSN 2411-1503

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Кафедра археологии, этнографии и музеологии

НИИ гуманитарных исследований

**УПРАВЛЕНИЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
ПО КУЛЬТУРЕ И АРХИВНОМУ ДЕЛУ**

**СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

Сборник научных статей

Выпуск XXII

Барнаул

**Издательство
Алтайского государственного
университета
2016**

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431
С 689

Ответственные редакторы:
А.А. Тишкин, В.П. Семибратов

Редакционная коллегия:
*В.В. Горбунов, Т.Г. Гребенникова, С.П. Грушин, Е.Г. Кабанова,
А.А. Казаков, Ю.Ф. Кирюшин, Г.А. Кубрина, Д.В. Папин,
Н.Н. Серегин, Т.В. Тишкина, О.Г. Филиппова, Я.В. Фролов*

С 689 **Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края** [Текст] : сборник научных статей / отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. – Вып. XXII. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. – 328 с.

ISSN 2411-1503

В сборнике опубликованы материалы докладов XXII научно-практической конференции (с международным участием) «Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края». Рассматриваются различные вопросы, связанные с проблемами сохранения, изучения и использования археологических, исторических и архитектурных памятников Алтайского края и сопредельных регионов.

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

<i>Кубрина Г.А., Кабанова Е.Г., Пугачев Д.А., Рябцева К.Д.</i> Об итогах деятельности по сохранению историко-культурного наследия в 2014–2015 гг.	7
<i>Скрягина Е.В.</i> О порядке размещения информационных конструкций (вывесок) на объектах культурного наследия	15
<i>Гаврилова Н.П., Ковалевский С.А.</i> О сохранении культурного наследия Кемеровской области	21
<i>Кротов А.В., Мелехин В.А., Бусленко А.В.</i> Экология культуры как научное направление в вопросах сохранения культурного наследия	26
<i>Вистингаузен В.К.</i> Проект расширения границ памятника природы «Большая Талдинская пещера» и проблема сохранения объектов культурного наследия на его территории	30
<i>Филиппова О.Г.</i> Осуществление государственного контроля в сфере музейного дела на территории Алтайского края: основные итоги проверок 2012–2015 гг.	33
<i>Кимеев В.М.</i> Современные проблемы музеефикации и использования объектов историко-культурного наследия Кузбасса в сфере культурного туризма	38

РАЗДЕЛ 2. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ

<i>Бородовский А.П., Горохов С.В.</i> Вновь выявленные петроглифические местонахождения в окрестностях с. Озерного (Онгудайский район Республики Алтай)	43
<i>Вальков И.А.</i> Результаты археологической разведки в Локтевском районе Алтайского края	48
<i>Воронкин К.И.</i> Научно-практические аспекты использования метода реконструкции внешнего облика по костям черепа	53
<i>Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю.</i> Пригары из керамических сосудов поселения Новоильинка-VI в Северной Кулунде (предварительное сообщение)	58
<i>Головченко Н.Н., Головченко Е.А.</i> Случайные находки с территории с. Крутихи	62
<i>Горбунов В.В., Тишкин А.А., Фролов Я.В.</i> Раннесредневековая антропоморфная подвеска из Краснощековского района Алтайского края	63

<i>Грушин С.П., Кунгуров А.Л., Шейда Н.А.</i> Новый памятник Озерно-Кузнецово-III в Угловском районе Алтайского края	68
<i>Грушин С.П., Леонтьева Д.С.</i> Случайная находка наконечника дротика у с. Рулихи (Восточно-Казахстанская область)	72
<i>Грушин С.П., Кунгуров А.Л., Леонтьева Д.С.</i> Новые материалы с памятника Озерки на р. Чарыше	75
<i>Грушин С.П., Симонов Е.В., Сайберт В.О.</i> Новые случайные находки наконечников стрел из Угловского района Алтайского края	78
<i>Дашковский П.К.</i> Новые результаты исследований курганов скифского времени на могильнике Инской дол	82
<i>Дашковский П.К., Гончарова Н.С.</i> Курган афанасьевской культуры на могильнике Инской дол	85
<i>Иванов Г.Е.</i> Раскопки поселения Суслово-1	90
<i>Иванов Г.Е.</i> Кинжал киммерийского типа из Черной Курьи	95
<i>Илюшин А.М.</i> Поселение Шабаново-5 как объект культурного наследия средневекового населения Кузнецкой котловины	98
<i>Илюшин А.М., Борисов В.А.</i> Коллекция бронзовых изделий из раскопок на Торопово-7	104
<i>Казаков А.А.</i> К археологической карте Бийского района и верховьев р. Оби	109
<i>Казаков А.А.</i> Материалы I тысячелетия со сборов у с. Фоминского ...	116
<i>Казаков А.А., Сайберт В.О.</i> Жилище №1 городища Малый Гоньбинский кордон-2/6–2	122
<i>Казаков А.А., Семибратов В.П., Ситников С.М., Матренин С.С., Григоров Е.В.</i> Новые исследования погребений быстринской культуры на могильнике Каменка в Советском районе Алтайского края	126
<i>Кирюшин К.Ю.</i> Третий горизонт поселения Новоильинка-VI (проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности)	132
<i>Константинов Н.А., Соенов В.И.</i> Случайные находки железных предметов (из фондов Музея археологии ГАГУ)	139
<i>Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А.</i> Полевые исследования на могильнике Бесоба (Казахстан)	142
<i>Кунгуров А.Л.</i> К археологической карте Косихинского района (Алтайский край)	147
<i>Лихачева О.С.</i> Разведка в Чемальском районе Республики Алтай	150
<i>Мамонтова О.С., Толкацкая А.С.</i> Новые комплексы русской археологии Алтайского края в собрании Алтайского государственного краеведческого музея	156

<i>Мерц И.В., Мерц В.К., Куц Г.А., Тишкин А.А.</i> Находки металлических изделий раннего бронзового века из Верхнего Прииртышья (Восточный Казахстан)	163
<i>Паршикова Т.С.</i> Деятельность Б.Х. Кадикова по изучению археологических памятников Алтая в 1950-е гг.	170
<i>Серегин Н.Н., Горбунов В.В., Тишкин А.А.</i> Раскопки ритуальных объектов на комплексе Чобурак-I (Северный Алтай)	174
<i>Ситников С.М., Кирюшин К.Ю., Запрудский С.С.</i> Поселение эпохи неолита – энеолита Бычье-III в Волчихинском районе Алтайского края	182
<i>Ситников С.М., Семибратов В.П.</i> Новые находки с могильника Чекановский Лог-7	187
<i>Тишкин А.А., Быков Н.И., Горбунов В.В., Серегин Н.Н.</i> Радиоуглеродное датирование погребальных комплексов сrostкинской культуры лесостепного Алтая	191
<i>Тишкин А.А., Мухарева А.Н., Мунхбаяр Ч.</i> Петроглифы скалы Чандмань хар узуур в Западной Монголии (перспективы повторного документирования)	197
<i>Тишкин А.А., Фролов Я.В.</i> Бронзовые парные распределители уздечных ремней скифо-сакского времени из лесостепного Алтая	203
<i>Федорук А.С., Фролов Я.В., Редников А.А., Папин Д.В.</i> Работы 2012, 2014, 2015 гг. по определению границ территорий объектов археологического наследия	210
<i>Шалахов Е.Г.</i> Сейминско-турбинский феномен: к проблеме изучения маркирующего инвентаря (кремневые изделия)	216

РАЗДЕЛ 3. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ И ЭТНОГРАФИИ

<i>Богданова О.В.</i> Из опыта строительства народных домов на Алтае	220
<i>Гавриленко М.В.</i> Взаимодействие в сфере питания у русских и других народов, проживавших в Верхнем Приобье и Саяно-Алтае в XIX–XX вв.	224
<i>Иванов Г.Е., Кабанова Е.Г.</i> Обелиск на меже	230
<i>Калашиников Д.С., Ситников С.М., Семибратов В.П., Чекрыжова О.И.</i> Некоторые находки религиозного характера с территории Нагорного кладбища	238
<i>Коваленко П.С.</i> Бийский архиерейский дом: история и современность	241

<i>Минов И.Г.</i> К вопросу о заселении памятного места с. Юрт-Оры – места древнего поселения сибирских татар в XVII–XIX вв.	251
<i>Попкова А.В.</i> Living history на примере деятельности Музейно-выставочного центра «Нефтяник» в городе Лангепасе	255
<i>Станченко В.И.</i> Дом Яковлева в Барнауле: история барнаульского предпринимателя Степана Яковлевича Яковлева (1866–1917)	259
<i>Супонина Л.С.</i> Личный фонд фотографа С.И. Борисова в собрании АГКМ	267
<i>Целищева М.А.</i> Усадьба купцов Суховых в Барнауле	270
<i>Целищева М.А., Дышлюк М.А.</i> Барнаульская Одигитриевская церковь	280
<i>Шмидт А.В.</i> Музейный фестиваль традиционных ремесел как пример сохранения национальной культуры малочисленных народов	287
<i>Ябыштаев Т.С.</i> Памятники родоначальнику и зайсану Чуйской волости (Республика Алтай)	292

РАЗДЕЛ 4. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

<i>Бондаренко О.В.</i> Изучение, реставрация и музеефикация значимых объектов культурного наследия Сузунского района Новосибирской области	296
<i>Бутина А.В., Гребенникова Т.Г.</i> Музей истории Алтайского региона дороги	303
<i>Гребенникова Т.Г.</i> Развитие сети учреждений музейного типа в Алтайском крае	307
<i>Мамешина Н.С., Кротов А.В.</i> Культурное наследие как фактор развития туризма в регионе (Россия)	312
<i>Тишкина Т.В., Сомова В.Н.</i> Опыт деятельности Павловского историко-художественного музея им. Г.Ф. Борунова	317
<i>Целева М.Н.</i> Актуальные вопросы сохранения культурных ценностей в музеях и использование культурно-просветительской деятельности в «Музее Заельцовка»	322
<i>Список сокращений</i>	327

РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Г.А. Кубрина, Е.Г. Кабанова, Д.А. Пугачев, К.Д. Рябцева

*Управление Алтайского края по культуре и архивному делу,
Барнаул, Россия*

ОБ ИТОГАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В 2014–2015 гг.

На территории Алтайского края расположено 4499 объектов культурного наследия, принятых на государственную охрану в соответствии с законодательством Российской Федерации: 2283 памятника истории и культуры федерального и 2216 – регионального значения (рис. 1). Деятельность проводится согласно концепции сохранения, использования, популяризации объектов культурного наследия Алтайского края на период до 2020 г., утвержденной Постановлением Администрации Алтайского края от 26.05.2010 №228.

В связи с изменением федерального законодательства принят ряд нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере охраны и сохранения объектов культурного наследия. В число указанных документов входят Закон Алтайского края от 01.10.2015 №92-ЗС «О внесении изменений в закон Алтайского края “Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Алтайском крае”», а также приказы управления Алтайского края по культуре и архивному делу по вопросам предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций.

Важнейшим направлением в работе управления является деятельность по формированию Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

По состоянию на 31.12.2015 в реестре зарегистрированы 1077 памятников истории и культуры Алтайского края (на 31.12.2014 – 147).

Активная работа региона получила высокую оценку Минкультуры России, что подтверждается письмом на имя губернатора Алтайского края А.Б. Карлина.

Мероприятия по формированию реестра реализуются при непосредственном участии краевого государственного бюджетного учреждения «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края» (НПЦ «Наследие»), которое в рамках государственного задания осуществляет подготовку необходимых документов и сведений, а также мониторинг данных об объектах культурного наследия.

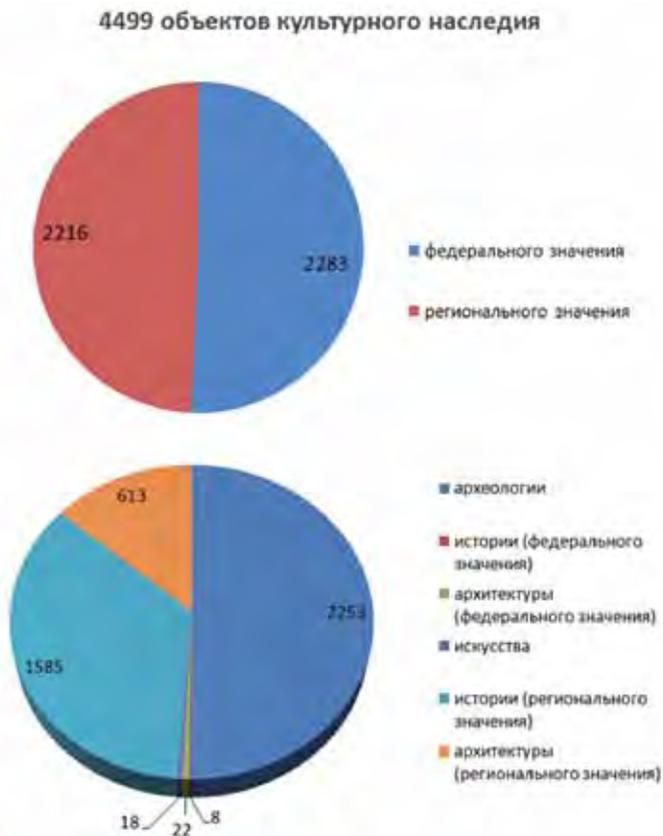

Рис. 1. Количество объектов культурного наследия на территории Алтайского края по категориям историко-культурного значения

В течение 2015 г. издано 80 приказов управления края по культуре и архивному делу об утверждении предметов охраны, границ территорий и режимов использования земельных участков в границах территорий объектов культурного наследия (в 2014 г. – 34). По состоянию на 31.12.2015 утверждены границы территорий 236 объектов культурного наследия (на 31.12.2014 – 191). Сведения о границах территорий объектов культурного наследия направлены в филиал ФГБУ «ФКП Росреестра» по Алтайскому краю для учета в государственном кадастре недвижимости.

В 2015 г. начата работа по внесению в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО объекта культурного наследия федерального значения «Денисова пещера», расположенного на территории Солонешенского

района Алтайского края. Объект культурного наследия «Денисова пещера» зарегистрирован в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Предложение о включении объекта в Предварительный список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, содержащее обоснование его выдающейся универсальной ценности, направлено в Минкультуры России. В целях организации дальнейших мероприятий распоряжением Администрации Алтайского края от 08.12.2015 №324-р создана рабочая группа, включающая представителей органов исполнительной власти региона, Администрации муниципального района и Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

В ходе государственного надзора в области охраны объектов культурного наследия управлением Алтайского края по культуре и архивному делу проведено 30 проверок соблюдения законодательства в сфере сохранения, использования и охраны объектов культурного наследия (в 2014 г. – 22), по итогам которых выдано 21 предписание об устранении выявленных нарушений (в 2014 г. – 14). Организовано 37 мероприятий по контролю за состоянием и систематическому наблюдению в отношении объектов культурного наследия (в 2014 г. – 24). Должностными лицами управления края по культуре и архивному делу составлено семь протоколов об административных правонарушениях (в 2014 г. – 10), в соответствии с которыми судами общей юрисдикции наложено четыре административных наказания в виде штрафов на общую сумму 240,0 тыс. руб. (в 2014 г. – 8 штрафов на сумму 640,0 тыс. руб.).

Управление Алтайского края по культуре и архивному делу принимает активное участие в судебных процессах по вопросам сохранения объектов культурного наследия. К примеру, в 2014 г. Центральным районным судом г. Барнаула вынесено решение в отношении ОАО «ИПП «Алтай»», демонтировавшего объект культурного наследия «Памятный знак в честь Фролова П.К.» в Барнауле в ходе работ по благоустройству территории, о возложении обязанности установить памятник в соответствии с проектом, согласованным с управлением края по культуре и архивному делу. В 2015 г. данный объект культурного наследия установлен. Бийским городским судом в 2014 г. вынесено решение в отношении ОАО «Бийский завод Электропечь», собственника объекта культурного наследия «Собор Александра Невского» 1902 г. в г. Бийске, об обязанности обеспечить сохранность памятника посредством заключения охранного обязательства и демонтажа производственного оборудования, оказывающего негативное воздействие. В 2015 г. собственником во исполнение указанного судебного акта начаты работы по демонтажу оборудования, управлением Алтайского края по культуре и архивному делу утверждено по новой форме охранный обязательство на указанный объект и направлено собственнику для исполнения.

Осуществление государственного контроля (надзора) управлением в области охраны объектов культурного наследия, методическая и профилактическая работа с собственниками (пользователями) объектов культурного наследия, органами местного самоуправления способствовали тому, что на протяжении 2012–2015 гг.:

- уменьшилось количество строительно-ремонтных работ, проводимых на зданиях-памятниках в нарушение действующего законодательства, т.е. в отсутствие согласования и разрешения управления и организациями, не имеющими лицензии на осуществление деятельности по сохранению объектов культурного наследия. Ежегодно увеличивается количество обращений по вопросам согласования проектной документации и получения разрешений на производство работ по сохранению памятников;

- увеличилось количество памятников, на которые оформлены правоустанавливающие документы и зарегистрированы права собственности и ограничения (обременения) данных прав;

- улучшилась ситуация по недопущению размещения информационных и рекламных конструкций на объектах культурного наследия и сохранению их первоначального облика.

Ежегодно управлением значительно расширяется деятельность по государственной охране объектов культурного наследия. В 2015 г. рассмотрены 183 запроса о наличии либо отсутствии объектов культурного наследия на земельных участках, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, работ по использованию лесов и иных работ (в 2014 г. – 134), выдано 87 выписок из Единого государственного реестра объектов культурного наследия и 187 уведомлений о необходимости соблюдения законодательства в отношении памятников истории и культуры.

В текущем году в связи с принятием Федерального закона от 22.10.2014 №315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации”» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» по форме и в порядке, определенном приказом Министерства культуры Российской Федерации от 01.07.2015 №1887, управлением края по культуре и архивному делу утверждено 44 охранных обязательства собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия, включенного в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. В Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество на основании охранных обязательств зарегистрированы соответствующие ограничения (обременения).

В отчетном году управлением края по культуре и архивному делу выдано 23 задания и 47 разрешений на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия, в том числе на объекты федерального

значения два задания (в 2014 г. – 16 и 97 соответственно). Осуществлена приемка выполненных работ по сохранению 41 объекта культурного наследия. Согласовано 93 комплекта проектной документации на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия, включая один – на объект федерального значения (в 2014 г. – 70), шесть разделов об обеспечении сохранности объектов культурного наследия в проектах проведения строительных работ и пять актов выбора земельных участков для проектирования и строительства. Рассмотрено 75 документов территориального планирования Алтайского края, согласовано 20 схем размещения рекламных конструкций на земельных участках, а также на зданиях или ином недвижимом имуществе, находящихся в собственности Алтайского края или муниципальной собственности (в 2014 г. – 37), 18 проектов (в 2014 г. – 17) информационных конструкций (вывесок).

В 2015 г. в управление Алтайского края по культуре и архивному делу поступила информация о 25 разрешениях (открытых листах), выданных Министерством культуры Российской Федерации на право проведения работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия на территории региона. В числе указанных открытых листов 12 разрешений на археологические раскопки и 13 – на археологические разведки.

Открытые листы были выданы на раскопки 14 объектов археологического наследия, а также памятника истории «Нагорное кладбище» в г. Барнауле. Спасательные археологические полевые работы осуществлялись на трех из них.

В числе разрешений, выданных на право проведения археологических разведок, шесть открытых листов на 10 городов и районов края, где планировались научно-исследовательские работы. Данные исследования включали мероприятия по определению территорий пяти объектов археологического наследия, которые выполнены ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» в рамках федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)».

На основании семи открытых листов проводились археологические разведки на землях, подлежащих воздействию строительных и иных работ. По состоянию на конец первого квартала 2016 г. в управление Алтайского края по культуре и архивному делу представлена отчетная документация по результатам обследований 49 объектов строительства, выполненных в 2015 г.

В 2015 г. более 140,5 млн руб. из бюджетов всех уровней и внебюджетных источников направлено на проведение научно-исследовательских и ремонтно-реставрационных работ на 1058 памятниках архитектуры, истории и археологии (в 2014 г. – 128,6 млн руб. на 937 памятников), в том числе 13,9 млн руб. из федерального бюджета; 71,1 млн руб. из краевого бюджета; 39,8 млн руб. из бюджетов муниципальных образований; 15,7 млн руб. из внебюджетных источников.

Средства федерального бюджета направлены на ремонт находящихся в федеральной собственности объектов культурного наследия «Здание административное» (здание ФГБОУ ВО «Алтайский государственный институт культуры») и памятника, входящего в состав ансамбля «Комплекс: Казармы Барнаульского стрелкового полка» (здание ФГКОУ ВО «Барнаульский юридический институт МВД России»). В рамках краевой адресной инвестиционной программы продолжалась реконструкция объекта культурного наследия «Средняя школа» (здание КГБУ «Государственный художественный музей Алтайского края») (рис. 2). Объем финансирования указанных работ из краевого бюджета составил 69841,7 тыс. руб.

В г. Бийске проведены работы по консервации памятника архитектуры «Особняк Кричевцева» на сумму 256,7 тыс. руб. из средств, поступивших от сдачи в аренду имущества, находящегося в оперативном управлении НПЦ «Наследие». Продолжены работы по реставрации объекта культурного наследия регионального значения «Церкви Знамения» в с. Курья Курьинского района (рис. 3), объем средств из внебюджетных источников составил 5868,0 тыс. руб. На памятнике истории «Нагорное кладбище» за счет средств бюджета Барнаула и средств Барнаульской епархии Русской православной церкви проведены охранные археологические исследования (раскопки) на сумму 3446,9 тыс. руб. В Первомайском районе Алтайского края организованы спасательные полевые работы на объектах археологического наследия «Фирсово-1, грунтовый могильник» и «Фирсово-3, поселение», разрушенных в ходе строительства линии электропередачи. Финансирование работ в размере 1157,5 тыс. руб. осуществлялось за счет средств, поступивших от филиала ПАО «МРСК Сибири – «Алтайэнерго» в рамках исполнения решения суда по возмещению ущерба, причиненного данным памятникам.

Общий объем средств из муниципальных бюджетов и внебюджетных источников, направленных органами местного самоуправления на проведение работ по сохранению памятников архитектуры и истории, составил 55310,9 тыс. руб., в том числе на ремонт 866 памятников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – 15 320,2 тыс. руб. Значительные средства были вложены муниципальными районами Благовещенским, Кулундинским, Первомайским, Солонешенским, Топчихинским, Троицким, Тюменцевским, Хабарским, городами Барнаулом и Новоалтайском.

В истекшем году завершена реализация мероприятий ведомственной целевой программы «Ремонт и благоустройство памятников Великой Отечественной войны, расположенных в поселениях края» в 2013–2015 гг. Мероприятия программы реализованы на 71 объекте культурного наследия в 67 муниципальных образованиях края. Выделены средства краевого бюджета в объеме 33884,33 тыс. руб.

К юбилею Победы управлением Алтайского края по культуре и архивному делу совместно с Алтайским государственным краеведческим музеем и Алтайским региональным отделением Общероссий-

ской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» издана книга «Воинская слава Алтай: подвиг, герои, память», проиллюстрированная фотографиями памятников, отремонтированных в рамках программных мероприятий.

Рис. 2. Реконструкция здания КГБУ «Государственный художественный музей Алтайского края»

Рис. 3. Реставрация «Церкви Знамени» в с. Курья Курьинского района

Органами управления культурой края организованы памятно-мемориальные мероприятия, направленные на популяризацию объектов культурного наследия и патриотическое воспитание подрастающего поколения. Все муниципальные образования края приняли активное участие во Всероссийской акции «Бессмертный полк». Организовали агитпоезда «Салют Победе!» и «Поезд памяти», конкурсы «Память наших сердец» и «Памятники – наша история», творческие акции «Мы помним», «Радиус действия», «С Победой в сердце», «Салют и Слава годовщине навеки памятного дня».

Совместно с ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» проведена XXI региональная научно-практическая конференция «Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края». Продолжена деятельность научно-методического совета по культурному наследию Алтайского края, в рамках трех заседаний рассмотрено 12 вопросов. Прошли семинар-совещание руководителей органов культуры по Бийской управленческой зоне «Роль органов местного самоуправления в решении вопросов сохранения и использования памятников истории и культуры» (рис. 4) и семинар для священнослужителей Алтайской митрополии «Законодательное обеспечение охраны памятников культурной архитектуры» (рис. 5).

Рис. 4. Семинар-совещание руководителей органов культуры по Бийской управленческой зоне

Рис. 5. Семинар для священнослужителей Алтайской митрополии

Е.В. Скрягина

*Управление Алтайского края по культуре и архивному делу,
Барнаул, Россия*

О ПОРЯДКЕ РАЗМЕЩЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОНСТРУКЦИЙ (ВЫВЕСОК) НА ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

На территории Алтайского края расположено 4499 объектов культурного наследия, из них 635 отнесены к памятникам архитектуры. Большая часть зданий и архитектурных ансамблей сосредоточена в таких городах, как Барнаул (246 объектов) и Бийск (206).

Нежилые помещения, расположенные в зданиях-памятниках, приспособлены под размещение торговых организаций и предприятий, которые, в свою очередь, согласно Закону Российской Федерации от 07.02.1992 №2300-1 «О защите прав потребителей» [Российская газета, 1996] обязаны довести до потребителя сведения о наименовании своей организации, товарах и услугах. В связи с этим на объектах культурного наследия устанавливаются следующие вывески и изображения:

- табличка с наименованием юридического лица, адресом его местонахождения и указанием режима работы;
- вывески с названием магазина или фирменным наименованием с изображением товарного знака, размещаемые над входом в помещение;
- изображения товаров (в том числе фотографии) либо сведения об ассортименте реализуемых товаров и услуг, расположенные в окнах витрин.

Перечисленные вывески и изображения носят как рекламный, так и информационный характер. В отношении рекламных конструкций действует Федеральный закон от 13.03.2006 №38-ФЗ «О рекламе» [Российская газета, 2006], в отношении вывесок – нормативные правовые акты, утверждаемые органами местного самоуправления.

Федеральным законом от 08.03.2015 №50-ФЗ «О внесении изменений в статью 19 Федерального закона “О рекламе” и Федеральный закон “Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации”» [Официальный интернет-портал..., 2015] принята норма о запрете распространения наружной рекламы на объектах культурного наследия, а также на их территориях.

В соответствии с законодательством в области сохранения объектов культурного наследия в Алтайском крае проекты размещения вывесок согласовываются с управлением Алтайского края по культуре и архивному делу (статья 47.3 Федерального закона от 25.06.2002 №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [Парламентская газета, 2002] обязывает собственников зданий (помещений) обеспечивать неизменность предмета охраны, облика и интерьера объекта культурного наследия).

Однако анализ существующей ситуации выявил не только неудовлетворительное состояние наружного информационного оформления памятников архитектуры, но и многочисленные случаи самовольных установок конструкций вывесок без оформления разрешительной документации и согласования проектной документации.

Так, в 2014 г. в рамках проведения мониторинга объектов наружной рекламы и информации специалистами управления установлено, что значительная часть вывесок не соответствуют историческому облику памятников, искажают архитектурно-художественное восприятие их основных характеристик. Установленные конструкции негативно затрагивают архитектурно-конструктивные элементы, архитектурные детали, а также рустованную, скульптурную и иную ценную художественную отделку фасадов объектов культурного наследия. Некоторые фасады скрыты баннерами, перетяжками и транспорантами, часть вывесок выполнены в виде лайтбоксов и световых экранов с бегущей строкой, диссонирующих со стилистикой памятников купеческой архитектуры (XIX в.) и советского периода постройки (1940–1950-е гг.). Большое количество вывесок выполнены из некачественных материалов и установлены хаотично, без учета архитектурных особенностей зданий (рис. 1).

Рис. 1. Объект культурного наследия «Дом жилой», г. Барнаул, просп. Ленина, 73

Принимая во внимание изложенное, государственным органом охраны объектов культурного наследия – управлением Алтайского края по культуре и архивному делу (далее – управлением) активизирована деятельность, направленная на предупреждение, выявление и пресечение указанных нарушений юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Главной целью данной работы является упорядо-

чение процесса размещения вывесок и сохранение исторически сложившегося облика памятников.

В рамках организации данного процесса управлением разработаны методические рекомендации по проектированию и размещению объектов наружной рекламы и информации на объектах культурного наследия, которые 15.04.2014 прошли утверждение на научно-методическом совете – консультативном органе, созданном при управлении [Официальный сайт управления...].

В процессе работы над документом были изучены и применены достижения отечественного опыта в изготовлении и размещении информационных конструкций на зданиях-памятниках. Разработанные рекомендации содержат принципы выбора художественного решения и размещения основных и дополнительных типов конструкций, гармонично сочетающихся с архитектурными, стилистическими и колористическими особенностями памятников. Предусматриваются случаи принятия решений о недопустимости установки объектов наружной рекламы и информации на памятниках истории и культуры. Рекомендации адресованы как для заказчиков, так и для специалистов в области сохранения историко-культурного наследия, архитектуры, дизайна и рекламы.

Чтобы минимально воздействовать на объекты культурного наследия и не нарушать целостность восприятия архитектуры, вывески рекомендуется выполнять в горизонтальном исполнении в виде отдельных объемных букв (возможно, световых) на общем металлическом каркасе с расположением точек крепления конструкции каркаса в плоских частях фасада здания, а не в декоративных элементах или ценной отделке (рис. 2). Размеры текстовой части вывески – не более 50 см, декоративного элемента вывески (логотип) – не более 70 см.

В 2014 г. государственным органом охраны объектов культурного наследия на территории Алтайского края согласовано 17 проектов информационных конструкций, планируемых к установке на зданиях-памятниках. Мотивированные решения об отказе в выдаче согласования вынесены в отношении 36 вывесок.

Специалистами краевого управления осуществляется регулярная работа по направлению писем уведомительного характера о вывесках, искажающих облик памятников. С владельцами информационных конструкций ведется ежедневная разъяснительная работа.

В результате некоторые вывески были демонтированы собственниками в добровольном порядке. Так, сняты ПВХ баннеры с витрин объекта культурного наследия «Дом жилой “Дом под шпилем”», расположенного в г. Барнауле по просп. Ленина, 82.

Также стоит отметить значимость роли общественности, заинтересованной в решении данных проблем. Благодаря активному участию жителей краевой столицы были демонтированы многочисленные рекламные баннеры, скрывающие собой полностью главный фасад памятника архитектуры «Стадион» (просп. Строителей, 18).

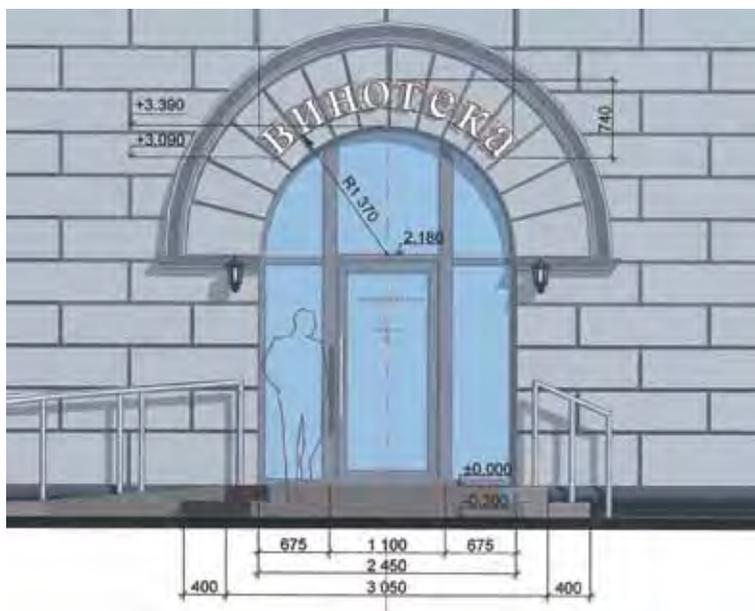

Рис. 2. Чертеж входа с размещением вывески на объекте культурного наследия «Дом со встроенным на первом этаже рестораном», г. Барнаул, просп. Ленина, 80

Рис. 3. Объект культурного наследия «Дом жилой», г. Барнаул, просп. Ленина, 73

В рамках административного регламента исполнения управлением Алтайского края по культуре и архивному делу государственной функции «Осуществление государственного надзора в области охраны объектов культурного наследия», утвержденного приказом управления от 24.10.2011 №375 [Официальный сайт управления...], осуществляется надзор за соблюдением требований законодательства путем проведения плановых и внеплановых проверок, согласованных с прокуратурой Алтайского края. Специалистами управления выдаются предписания об устранении нарушений, выявленных в ходе осуществления проверки, в том числе по демонтажу вывесок, искажающих облик памятников (рис. 3). В случае невыполнения предписаний в установленные сроки собственники привлекаются к административной ответственности согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ [Российская газета, 2001].

По выданным предписаниям управления в 2015 г. выполнен демонтаж рекламных конструкций и вывесок на следующих памятниках:

«Дом Шадрина (дер.)», г. Барнаул, просп. Красноармейский, 8;

«Кинотеатр «Россия», г. Барнаул, просп. Ленина, 71;

«Дом жилой», г. Барнаул, просп. Ленина, 73;

«Дом жилой со встроенными торговыми помещениями», г. Барнаул, просп. Ленина, 87/ просп. Строителей, 2;

«Контора купца А.Г. Морозова», г. Барнаул, ул. Ползунова, 31;

«Дом жилой», г. Барнаул, ул. Л. Толстого, 33;

«Магазин купца Рождественского» и «Магазин купца Фирсова», Алтайский район, с. Алтайское, ул. Советская, 187 и ул. Советская, 190.

В целях упорядочения размещения вывесок многочисленных организаций, находящихся в помещениях объектов культурного наследия, а также во избежание искажения их облика с некоторыми собственниками зданий достигнута договоренность о разработке проектов паспортов-схем размещения информационных конструкций. Данные паспорта, предполагающие допустимые места размещения, типы конструкций и габариты вывесок на главных фасадах, разработаны в отношении четырех памятников архитектуры, расположенных в г. Барнауле (просп. Ленина, 71, ул. Л. Толстого, 33, ул. Л. Толстого, 28, просп. Строителей, 22), и утверждены краевым управлением в установленном законом порядке (рис. 4).

Проектная документация согласовывается управлением в рамках административного регламента по предоставлению государственной услуги «Согласование проектной документации по сохранению объектов культурного наследия», утвержденного приказом управления от 30.12.2010 №486 [Официальный сайт управления...]. В 2015 г. согласовано 18 проектов информационных конструкций.

Полномочиями по регулированию процессов размещения вывесок на зданиях также обладают и органы местного самоуправления.

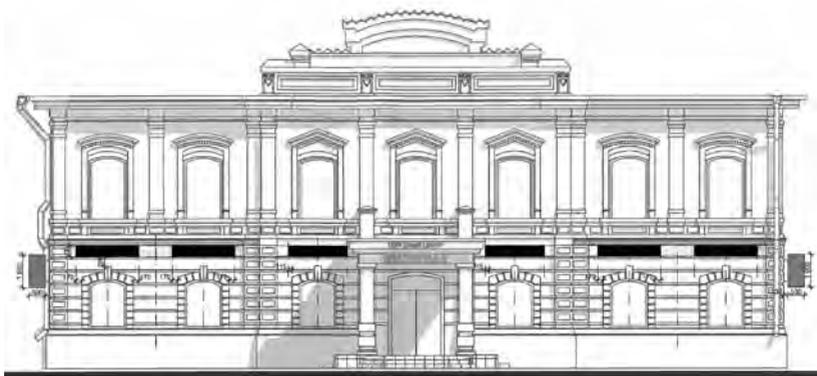

Рис. 4. Чертеж из паспорта с допустимыми местами размещения вывесок на фасаде объекта культурного наследия «Дом жилой», г. Барнаул, ул. Л. Толстого, 33

Согласно правилам благоустройства территории городского округа – города Барнаула, утвержденным решением Барнаульской городской Думы 07.06.2013 №110 [Вечерний Барнаул, 2013], размещение вывесок разрешается только после согласования проекта вывесок с Администрацией района города, а в случае, если здание является объектом культурного наследия (памятником истории и культуры), – и с органом, уполномоченным в области государственной охраны объектов культурного наследия на территории Алтайского края.

Порядок согласования размещения вывесок на территории городского округа – города Барнаула Алтайского края утвержден постановлением Администрации города Барнаула от 06.04.2015 №484 [Вечерний Барнаул, 2015] и в случае, если объект, на котором планируется размещение вывески, является памятником, проект размещения вывески согласовывается с уполномоченным органом (управлением Алтайского края по культуре и архивному делу).

Таким образом, в случае, если проект установки вывески не согласован с управлением, районными администрациями города выдаются предписания о демонтаже существующих рекламных (информационных) вывесок и изображений.

Порядок взаимодействия органов местного самоуправления с управлением Алтайского края по культуре и архивному делу постепенно выстраивается, что, безусловно, способствует регулированию вопросов размещения вывесок на стадии согласования проектной документации. Процесс размещения информационных конструкций более систематизирован и носит упорядоченный характер.

Библиографический список

- Вечерний Барнаул. 2015. 14 апр. (№53).
Вечерний Барнаул. 2013. 15 июня (№85).
Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 09.03.2015.
Официальный сайт управления Алтайского края по культуре и архивному делу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culture22.ru/pic/file/rekomendacii1.pdf>
Официальный сайт управления Алтайского края по культуре и архивному делу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culture22.ru/documents/gosudarstvennye/>.
Парламентская газета. 2002. 29 июня (№120–121).
Российская газета. 2001. 31 дек. (№256).
Российская газета. 2006. 15 марта (№51).
Российская газета. 1996. 16 янв. (№8).

Н.П. Гаврилова, С.А. Ковалевский

*Кузбасский государственный технический университет,
Кемерово, Россия*

О СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

По данным департамента культуры и национальной политики Кемеровской области, на сегодняшний день на территории области на государственной охране находится 1315 объектов культурного наследия. К категории памятников федерального значения относятся 828 объектов, регионального значения – 331, местного (муниципального) значения – 203.

Из них памятников архитектуры и градостроительства – 344, истории – 169, монументального искусства – 31, археологии – 815, достопримечательных мест – 3 («Красная горка, площадь 56 га (г. Кемерово), «Кузнецк», площадь 222,56 га (г. Новокузнецк), «Мариинск исторический» площадь 108,4 га (г. Мариинск). Все они внесены в специальный список.

Формирование и ведение такого списка (реестра) осуществляется в соответствии с Федеральным законом №73-ФЗ от 25.06.2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и Положением о Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, утвержденным Правительством Российской Федерации. Соответствующая статья вошла и в областной закон №29-ОЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Кемеровской области», принятый Советом народных депутатов Кемеровской области 25 января 2006 г. Этот закон регулирует отношения в сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) на территории области.

В соответствии с данными законодательными актами 1 марта 2006 г. при департаменте культуры и национальной политики Кемеровской области был создан отдел сохранения объектов культурного наследия. Одной из важнейших задач этого отдела стало уточнение списка памятников, расположенных на территории области. Ведь государственный учет объектов культурного наследия является основополагающим направлением в сфере его охраны. Для выполнения этой работы потребовался почти год.

20 декабря 2006 г. постановлением коллегии Администрации Кемеровской области такой список был утвержден. Вошедшие в список объекты обрели статус памятника и, таким образом, государственную охрану. Внесение объекта в список памятников осуществляется на основе соответствующей экспертизы. С этой целью при коллегии Кемеровской области создан научно-методический совет, который для проведения экспертизы объекта и составления его паспорта уполномочен формировать специальные рабочие группы, состоящие из археологов, историков, искусствоведов.

В декабре 2009 г. распоряжением коллегии Администрации Кемеровской области утверждена Концепция сохранения культурного наследия, в которой с учетом современных требований определены основные направления деятельности областной администрации по сохранению культурного наследия.

Кемеровская область как самостоятельное административно-территориальное образование насчитывает недолгую историю. Она появилась на карте страны в январе 1943 г. (до этого ее территория входила в состав Новосибирской области). В мире Кемеровская область известна прежде всего как крупнейший район угледобычи. Не случайно у нее имеется второе название – Кузбасс (Кузнецкий каменноугольный бассейн).

Кузбасс расположен в южной части Западной Сибири. Его территория была присоединена к России в начале XVII в. Таким образом, Кузбасс является регионом относительно нового освоения. Это во многом определило и специфику его культурного наследия. За исключением археологических памятников, оно в основном представлено памятниками недавнего прошлого, которые не всегда воспринимаются в общественном сознании как значимые объекты культурного наследия.

Большинство объектов культурного наследия области включены в государственный реестр в 1970–1980-х гг. прошлого века. Позже его пополняли согласно распоряжениям областной администрации. В декабре 2007 г. список охраняемых объектов культурного наследия был уточнен. В него вошли вновь выявленные в соответствии с принятой классификацией (по Федеральному закону №73-ФЗ от 25 июня 2002 г.) памятники регионального и местного значения. В основном это постройки второй половины 1950-х гг., т.е. здания, которым больше 40 лет, поэтому они могут быть признаны памятниками. В частности, такими памятниками признаны расположенные в областном центре главпоч-

тамт, здание мэрии города, областной драматический театр, областная научная библиотека имени Василия Федорова, Кемеровская государственная филармония Кузбасса и другие объекты.

В Кемерово, помимо региональных и местных памятников, находится четыре объекта федерального значения. Во Дворце Труда на улице Карболитовская, 11, построенном в 1927 г. (архитектор Андрей Крячков), сегодня расположен Кемеровский областной колледж культуры и искусства. Памятник первооткрывателю кузнецкого угля Михайле Волкову (1968 г.) находится на одноименной площади; обелиск в честь открытия Волковым в 1721 г. месторождений кузнецкого угля был установлен к 50-летию Кемеровского рудника в 1957 г. на территории музея «Красная Горка». Еще один федеральный памятник Владимиру Ленину (1970 г., скульптор Лев Кербель) стоит на главной площади Кузбасса – площади имени Ленина (1929–1931, 1931–1937 гг.). К памятникам федерального значения относятся также: пантеон-могила выдающегося металлурга Михаила Курако (1872–1920 гг.); дом, где в 1857 г. жил писатель Федор Достоевский, Кузнецкая крепость (1800–1820 гг.).

Памятники археологии находятся в основном в сельских районах. К памятникам федерального значения были отнесены курганные могильники и поселения, преимущественно раннего железного века (курганные могильники Тисуль-II, Большой Барандат-I, II, Изындаево-II, III, поселения Михайловское, Большое Пичугино, Серебряково, Тисуль-I, II), а также две писаницы (Томская и Усть-Писаная), исследованные во второй половине 1950-х – 1970-х гг. Соответственно, они приобрели статус федеральных памятников постановлениями СМ РСФСР №1327 от 30.08.1960 и №624 от 04.12.1974.

Крупнейшим памятником истории и архитектуры Кузбасса является Красная Горка. Само здание, где теперь находится музей, созданный в 1992 г. по решению мэрии на месте бывшего Кемеровского рудника, построено в 1916 г. В 1922 г. в доме жил руководитель и один из основателей АИК «Кузбасс» голландский инженер Себальд Рутгерс. С тех пор дом носит название «Дом Рутгерса».

Согласно принятой классификации памятники можно разделить на подлинные и символические. Среди подлинных выделяют памятники археологии и памятники истории. По территории области как археологические (их условно можно назвать доисторическими), так и исторические памятники (в основном XIX–XX вв.) распределены неравномерно. Больше всего археологических памятников открыто (по опубликованным данным) в Новокузнецком районе – более 100; в Тисульском районе – около 100; в Промышленновском районе – около 80; в Чебулинском районе – около 60. Интересно, что памятники, исследованные на востоке области, датируются преимущественно ранним железным веком, а памятники, изученные на территории западной части, представлены бронзовым веком и средневековьем.

Научные коллекции из раскопанных археологических памятников Кузбасса хранятся и экспонируются в Государственном Эрмитаже, Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Музее археологии и этнографии Южной Сибири КемГУ, Кемеровском областном краеведческом музее и в ряде городских краеведческих музеев Кузбасса (Новокузнецком, Гурьевском, Ленинске-Кузнецком, Прокопьевском и других).

Большинство исторических памятников связаны с хозяйственным освоением Кузнецкой земли, крупными событиями отечественной истории (Гражданская война 1918–1920-х гг., Великая Отечественная война). Среди исторических памятников по функциональному признаку можно выделить следующие группы:

- могилы выдающихся людей, внесших большой вклад в хозяйственное развитие региона, в литературу и искусство (например, могила организатора горного дела в Кузбассе профессора П.И. Кокорина на кладбище «Центральное-1» в Кемерово);
- братские могилы и кладбища участников Гражданской войны 1918–1920-х гг. (воевавших на стороне Красной Армии и боровшихся за установление советской власти). Это, например, братские могилы участников Кольчугинского восстания главным образом в Ленинске-Кузнецком;
- захоронения репрессированных спецпереселенцев (1930–1950-х гг. XX в.) как памятники жертвам сталинского режима (например, захоронения заключенных Севкузбаслага в Анжеро-Судженске);
- места формирования отрядов Красной Гвардии и места боев отрядов Красной Гвардии и Красной Армии с белогвардейцами, белочехами, колчаковцами (например, место боев красногвардейцев с белочехами в 1918 г. в Мариинске («старые окопы»), отмеченное обелиском);
- сохранившиеся хозяйственные объекты или места, где они располагались, которые олицетворяют собой основные этапы освоения Кузнецкого края (например, место первой угольной копи Кузбасса в семи километрах к северо-востоку от с. Новобачаты Беловского района; домна №1 КМК – первенец Кузнецкой металлургии);
- здания, где родились, жили или работали выдающиеся люди. Эти здания отмечены мемориальными досками. В некоторых из них созданы музеи (например, дом-усадьба поэта В.Д. Федорова в деревне Марьевка Яйского района);
- здания, в которых размещались эвакуогоспитали в 1941–1943 гг. Например, в Кемерово насчитывается 11 таких зданий. Сюда же можно отнести и другие здания, связанные с историей Великой Отечественной войны (здания, где происходило формирование военных подразделений, хозяйственные объекты, производившие военную технику и вооружения);

- здания, которые помимо исторического значения обладают определенной художественной ценностью, являются памятниками архитектуры. Например, каменные и деревянные дома в Мариинске, относящиеся к концу XIX – началу XX в.

Как уже отмечалось, на территории области кроме подлинных исторических памятников выделяют и категорию символических памятников. Их подавляющую часть составляют мемориалы, посвященные воинам, павшим в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Они созданы в 1960–1970-е гг., когда отмечалось 20- и 30-летие Победы в Великой Отечественной войне. Эти мемориалы являются особыми сакральными точками в культурном пространстве региона и играют важную роль в формировании регионального самосознания, сохранении исторической памяти, воспитании подрастающего поколения. Еще одну часть символических памятников составляют памятники В.И. Ленину. Некоторые из них представляют собой художественную ценность и поэтому достойны сохранения для будущих поколений.

Как видим, в список памятников Кемеровской области внесены в основном объекты недвижимого характера, включая сюда произведения монументальной скульптуры, объекты археологического характера и достопримечательные места.

Но культурное наследие не исчерпывается только этим. Оно значительно больше по объему. Сюда можно отнести и особые сложившиеся в регионе традиции, особенности региональной ментальности. Не вдаваясь в анализ всего содержания культурного наследия региона, отметим только ту его часть, представление о которой приняло в общественном мнении довольно четкие очертания. Это прежде всего различного рода исторические документы и вещи, хранящиеся в архивах и музеях, произведения изобразительного искусства и литературы, фольклора, а также народные сказания и традиции коренных народов области (шорцев и телеутов). В целях сохранения культурного наследия коренных народов в марте 2005 г. был принят областной закон №42-ОЗ «О коренных малочисленных народах Кемеровской области». С этой же целью на территории области созданы специальные национальные экомузеи. Таким образом, в категорию охраняемых вошли объекты как материального, так и нематериального (духовного) наследия. Для популяризации культурного наследия среди молодежи нами было написано учебное пособие [Гаврилова, Ковалевский, 2010].

Изучение и сохранение культурного наследия региона является, на наш взгляд, важнейшим фактором его интеграции в культуру современной России и вместе с ней в систему общечеловеческой культуры в качестве ее равноправного участника.

Библиографический список

Гаврилова Н.П., Ковалевский С.А. Культурное наследие региона: Кузбасс с древнейших времен до наших дней : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. Кемерово, 2010. 136 с.

А.В. Кротов¹, В.А. Мелехин², А.В. Бусленко¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

*²Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова, Барнаул, Россия*

ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ КАК НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ВОПРОСАХ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Обращение к культурному наследию в наше время имеет под собой глубокие основания. Под культурным наследием следует понимать сумму всех культурных достижений данного общества, его исторический опыт, сохраняющийся в арсенале общественной памяти, включая и подвергшееся переоценке прошлое. Такое наследие обладает для общества вневременной ценностью, так как к нему относятся различной давности достижения, которые сохраняют способность перехода к новым поколениям в новые эпохи пусть и с большими или меньшими вкраплениями обогащения и социально-культурных инноваций. Культурное наследие, понимаемое в широком смысле, совместимо с экологией культуры, что требует необходимого пояснения.

Понятие «культурный код нации» шире культурного наследия. В самых трудных ситуациях в стране или в мире данные категории становятся важны как своеобразные точки отсчета, а иногда и точки возврата. Это неменяющаяся сердцевина любого состоявшегося народа. Даже критически разрушительные события в истории планетарного развития сознательного существования человека можно было преодолеть именно благодаря накопленной веками прошлыми поколениями культурной составляющей. В дальнейшем происходит посткризисное оживление и движение вперед. В этом случае, по всей видимости, культурный код будет не чем иным, как цивилизационным ядром. Мы хорошо знаем, что исчезновение целых цивилизаций (хотя это тема другого исследования) не обходится без полной деградации культурного базиса. Даже засухи и обезвоживание региона Месопотамия – это прежде всего не неразрешимая экологическая или природная катастрофа, вызванная переселенностью территории и неправильным природопользованием, а в основном проблема, которую не смогли решить люди, следуя своему накопленному культурному потенциалу. В культурном наследии общества не найдены были варианты, модели и/или силы для нового сосуществования с природными изменениями. Здесь было правильно обратиться к определению экологической политики.

Экологическая политика – одна из форм социальной деятельности, направленная на регулирование отношений человека и общества к природе, а также взаимосвязей в природе, в экосистемах и между экосистемами. В зависимости от широты охвата выделяют: международную экологическую политику, региональную и государственную политику [Словарь..., 2006, с. 210].

Авторы подобной трактовки экологической интерпретации политики упускают культуросозидающее начало, которое с необходимостью присутствует в политическом восприятии государства как главного социального института общества.

Экологию неприемлемо ограничивать лишь задачами сохранения природной биологической среды. В жизненном плане для человека не менее важна среда, созданная культурой предшествующих поколений и им самим. С пониманием данного постепенно стало возникать понятие «экология культуры». Считается, что в научный оборот его ввел Д.С. Лихачев [2006]. Уточним, что экологическая культура – это не синоним экологии культуры [Формирование..., 2008].

Сохранение культурной среды выступает фактором, не менее существенным, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда выступает необходимым элементом его духовной, нравственной жизни, подчеркивая его социальную сущность в системе ценностных ориентаций.

Нравственная экология, которая с необходимостью обосновывает экологическое содержание культуры, должна трактоваться наряду с вышеперечисленными критериями экологической политики, более того – входить своим моральным содержанием в политику культуры государства и общества.

Проблемная ситуация видится в том, что «изучаются отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого, вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучаются нравственные значения воздействующей силы на человека всей культурной среды во всех ее взаимосвязях, хотя сам факт воспитательного воздействия на человека его окружения ни у кого не вызывает ни малейшего сомнения» [Антология..., 1996, с. 309].

Речь идет о культуре в ее определенной форме – памятниках, картинках, текстах, изобретениях, преданиях, т.е. обо всем том, что может быть собрано в музеях (а большей частью хранится в запасниках), книгохранилищах, изданиях литературных памятников. Поддержание этой сферы породило специальные типы эмпирических и теоретических исследований (археологию, памятниковедение, музееведение, архивное дело и т.д.), имеющих свою методологию, комплекс профессий, требующих специальной подготовки, компетенций и соответствующей внутренней ориентации.

Как было обозначено выше, в экологии имеются два раздела: экология биологическая и экология культурная, нравственная, между которыми имеются принципиальные различия.

Экология культуры, методологически вливаясь в ряд научных дисциплин историко-культурологического содержания, имеет свое предметное обоснование и отличается от экологии биологической. «До из-

вестных пределов утраты в природе восстановимы. Можно очистить загрязненные реки и моря, можно восстановить леса, поголовье животных, конечно, если не перейдена известная грань, если не уничтожена та или иная порода животных целиком, если не погиб тот или иной сорт растения. Природа при этом сама помогает человеку, ибо она «живая». Она обладает способностью к самоочищению, к восстановлению нарушенного человеком равновесия. Она залечивает раны, нанесенные ей извне: пожарами, вырубками, ядовитой пылью, сточными водоемами» [Антология..., 1996, с. 311].

По-иному обстоит дело с памятниками культуры, поскольку их утраты не восстановимы, всегда индивидуальны с определенной эпохой и с мастерами – творцами этих памятников. Если памятник разрушается, то навечно, и искажается навсегда.

«Мастер-класс» такого порядка передали современные варвары, прячущиеся за пелену религиозных воззрений, когда разрушали древние памятники культуры в Ливии, Афганистане, на территории современной Сирии и Ирака. Причем уничтожение бесценных и невозможных образцов мирового культурного наследия каждый раз по-своему обосновывалось новыми властителями территорий безотносительно, сколько времени им удавалось или пока удастся продержаться у власти и управления пространством.

Весь опыт истории современного человечества говорит о невозможности предугадать даже в пределах близкой и осязаемой перспективы одного поколения важность и необходимость той или иной части культурного багажа. Особенно это актуально сейчас, когда изменения в обществе происходят настолько быстро, что соотнести последствия этого можно будет только со значительным опозданием. Аналогично и прогресс технологий вместе с облегчением жизни и повышением ее качества ведет к некоторому высокомерию по отношению к накопленному тысячелетиями наследию и может способствовать быстрому его уничтожению или реформатированию культурного кода, когда становится совершенно не понятно, кто мы, зачем мы и куда мы идем.

Здесь будет уместным упомянуть мнение Д.С. Лихачева [2006], который писал, что экология культуры – это не только «забота о сохранении памятников культуры», как об этом в основном пишут в многочисленных работах, но и важная, сложная и довольно ответственная дисциплина, которая необходима как при становлении и формировании культурной политики любого государства, так и для осознания всего многообразия культуры и возможных последствий вследствие кризисных ситуаций или при манкировании учета базовых культурных ценностей (мы не должны забывать о сотне определений «культуры», предлагаемых в самых разных источниках и в самой необычной трактовке).

Поэтому так важно сейчас, при существующих научно-исследовательских и практических возможностях разработки культурного наследия, не упустить следующие фундаментальные точки отсчета. Во-первых, не все то, что признается научно-экспертным сообществом сегодня культурным наследием им является, и в то же время остается огромный пласт, которые пока по тем или иным причинам не признаются, но им является или будет являться в связи с крайне высокой степенью изменчивости современного общества, его информатизации. Во-вторых, роль средств массовой информации в продвижении, сохранении или открытии элементов культурного наследия не всегда так однозначно позитивна. Внимание СМИ еще не означает осознания всей важности момента или объекта. В-третьих, современная тяга к количественным и качественным оценкам всего и вся приводит к своеобразному отходу от сути явления. Общество также, исходя из рейтингового статуса, обращает свое внимание на раскрученные образцы. Не будем забывать, как быстро сейчас удваивается вся доступная человечеству информация. Мозг остался прежним у индивида, а поток всего интересного, нужного и необходимого удваивается и удваивается. И, в-четвертых, как это ни прискорбно признавать, мы в конечном счете сейчас не знаем реальной ценности, значимости и важности в истории развития страны или ее отдельного региона тех или иных элементов (объектов) культурного наследия. Сейчас кажется, что устоялась система координат в оценке уникальных компонентов мирового наследия. Но возможности науки сегодня таковы, что никто не застрахован от новых фундаментальных открытий.

Принимая во внимание вышесказанное, стоит обратить внимание на соотношение огромного накопленного культурного наследия с возможностями современного человека его воспринимать и оценивать. Именно поэтому мы обращаемся к раскрытию понятия экологии культуры и его продвижению в научном дискурсе. Исходя из теоретико-эмпирической посылки, заложенной в идею статьи, авторы хотят показать, что мало иметь лишь платоническую любовь к своей стране и ее истории, такое чувство должно быть действенным и рациональным, что должно выразиться в конкретизации знаний, умении их преподавать на разных уровнях, начиная чуть ли не с детского сада. Необходимы знания, и не только краеведческие, а более глубокие, объединяемые в дисциплину особого порядка – экологию культуры.

Библиографический список

- Антология культурологической мысли / сост. С.П. Мамонтов. М., 1996.
Лихачев Д.С. Русская культура. М., 2000.
Словарь виталистской социологии / под ред. С.И. Григорьева. М., 2006.
Формирование экологической культуры и развитие молодежного движения / под. ред. В.М. Захарова. М., 2008.

В.К. Вистингаузен

*Алтайское отделение Русского географического общества,
Алтайский край, Россия*

**ПРОЕКТ РАСШИРЕНИЯ ГРАНИЦ ПАМЯТНИКА ПРИРОДЫ
«БОЛЬШАЯ ТАЛДИНСКАЯ ПЕЩЕРА»
И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ЕГО ТЕРРИТОРИИ**

Комплекс Талдинских пещер является одним из старейших туристских объектов Алтайского края. Первые туристы, так называемые «дачники», появились здесь еще в 70-х гг. XIX в. [Ядринцев, 1883, с. 203; Сапожников, 1912, с. 57–58; Сапожников, 1949, с. 236; Хребтов, 1919, с. 7–8; Шемелев, 1925; Крот, 1926; Хороших, 1938, 1940; Сидоренко, 1975]. В XXI в., с созданием особой экономической зоны «Бирюзовая Катунь», начинается новый этап туристского освоения Талдинских пещер. Организация с названием «Алтай-Известь» захватила Большую Талдинскую пещеру и после примитивного оборудования стала эксплуатировать ее как коммерческий экскурсионный объект. Произошло это без проведения историко-культурной и экологической экспертизы, хотя пещера давно была известна как памятник археологии [Крот, 1926; Хороших, 1937; Давыдова, 1957, с. 19; Вистингаузен, 1982, 1984, 1998; Пугачев, 1998], а в 1998 г. была объявлена памятником природы [Постановление..., 1998; Вистингаузен, 2009].

В течение некоторого времени имело место плодотворное сотрудничество между организаторами туризма на «Бирюзовой Катунь» и археологами Алтайского государственного университета, в результате чего был изучен Тавдинский грот, а участок с Большой Талдинской пещерой получил известность как археологический парк «Перекресток миров». Но эта идиллия длилась недолго. Археологи были вынуждены покинуть «Бирюзовую Катунь», а уже утвердившийся бренд «Перекресток миров» остался туристам, заменив неблагозвучную «Алтай-Известь».

С ростом числа посетителей «Бирюзовой Катунь» растет и популярность Талдинских пещер. Организаторам экскурсий стало тесно в Большой Талдинской пещере, и они распространили экскурсии на другие пещеры, вступив в конкуренцию с гидами маршрута «Долина гротов». В результате возникла идея расширения территории памятника природы «Большая Талдинская пещера». Инициатором выступил «Перекресток миров», стремящийся стать монополистом в деле эксплуатации Талдинских пещер. В настоящее время проект расширения территории памятника природы находится в стадии рассмотрения. При этом проблемы охраны объектов культурного наследия на территории памятника природы остаются недостаточно проработанными.

Еще Н.М. Ядринцев [1883, с. 203], посетивший Талдинские пещеры в 1878 г., упоминает, что в них «когда-то ... обитали раскольники». М.И. Крот, обследовавший пещеры в 1920 г., отметил следы недавнего обитания в некоторых из них. Кроме того, у входов трех пещер он обнаружил каменно-земляные сооружения неизвестного назначения и с неясной датировкой. В двух пещерах М.И. Крот [1926] сделал археологические находки. Это Большая Талдинская пещера, и грот, позже получивший условное название Кротовский [Вистингаузен, 1982, 1984, 1998]. В настоящее время каменно-земляные сооружения выявлены еще у трех пещер Талдинского карстового массива.

По наблюдениям спелеологов Томского университета в 1968 г., археологическое значение имеют пещеры Голубиная и Широкие Ворота [Каталог, 1979, с. 151]. К настоящему времени становится ясно, что рыхлые отложения практически каждой пещеры содержат культурный слой, а в некоторых пещерах археологические находки возможны на поверхности пола. Кроме того, в пещерах или рядом с ними могут быть обнаружены петроглифы. Информацию о наскальных рисунках охрой в районе Талдинских пещер еще в 1960–1970-е гг. имели археологи А.П. Окладников, В.Д. Кубарев, музейные работники Б.Х. Кадиков и С.С. Зяблицкий.

На Талдинских пещерах организаторами экскурсий уже проводятся работы по прокладке троп, вскрытию новых пещер, расширению пещерных входов, выемке грунта для установки оборудования, выравниванию площадок перед входами пещер и расчистке склонов. Все эти работы могут нарушить культурный слой или повредить древние сооружения и должны проводиться по согласованию с органами охраны культурного наследия.

Экскурсоводы «Перекрестка миров» поставили перед собой на первый взгляд благородную задачу: устранить все посетительские надписи в пещерах. Однако при этом могут быть уничтожены надписи исторического содержания, а также повреждены не заметные неопытному глазу наскальные рисунки.

Туристы продолжают оставлять в Талдинских пещерах мусор. Организаторами же туризма «загрязняется» информационное и духовное пространство. Правильное название Талдинских пещер нередко заменяется просторечным – «Тавдинские». Отдельным пещерам даются нелепые названия, и для привлечения туристов о них сочиняются еще более нелепые истории. Последняя выдумка 2015 г. – проведение экскурсий «старообрядческой» тематики.

В заключение отметим, что охрана таких комплексных объектов, как пещеры, требует тесного сотрудничества органов охраны природы с органами охраны культурного наследия.

Библиографический список

- Вистингаузен В.К. Спелеоархеология Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 137–156.
- Вистингаузен В.К. Отчет об археологических разведках пещер на территории Алтайского района Алтайского края в июле 1983 г., Барнаул, 1984 (рукопись) (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АГУ; архив Института археологии Российской академии наук, г. Москва).
- Вистингаузен В.К. Природно-исторические пещерные памятники Алтайского района // В предгорьях Алтая: Очерки истории и культуры. Барнаул; Алтайское, 1998. С. 35–52.
- Вистингаузен В.К., Силантьева М.М., Гребенникова А.Е. Пещера Большая Талдинская // Красная Книга Алтайского края: Особо охраняемые природные территории. Барнаул, 2009. С. 170–171.
- Давыдова Л. Археологические и исторические памятники Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1957. 27 с.
- Каталог пещер и простых гротов // Цыкин Р.А., Цыкина Ж.Л., Черняева К.П. Пещеры Алтае-Саянской горной области // ВИНТИ. 1979 (деп). №1875-79. 162 с.
- Кирюшин К.Ю., Кондрашов А.В., Семибратов В.П. Археологическое обследование в Алтайском районе по левому берегу р. Катунь в 2004 г. (перспективы использования археологических объектов в сфере туризма) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XIV. Барнаул, 2005. С. 90–94.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Исследования Тавдинского грота в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири. Т. XI, ч. 1. Новосибирск, 2005. С. 333–339.
- Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Роговые изделия Тавдинского грота // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV. Барнаул, 2006. С. 217–222.
- Кирюшин К.Ю. Археологический парк «Перекресток миров»: итоги работ 2002–2005 гг. Барнаул, 2006.
- Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Хронология, периодизация и культурная принадлежность материалов третьего слоя Тавдинского грота // Известия Алтайского государственного университета. 2012. №4/1. С. 119–129.
- Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В. Проблемы сохранения и использования в сфере туризма историко-культурного наследия Алтая (опыт работ на «Бирюзовой Катунь») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, №3. С. 66–73.
- Крот М.И. Талдинские пещеры // Известия Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. Омск, 1925–1926. Т. 5. С. 119–129.
- Постановление №234 Администрации Алтайского края от 13.04.1998 г.
- Пугачев Д.А. Археологические памятники Алтайского района // В предгорьях Алтая: Памятники истории и культуры. Алтайское; Барнаул, 1998. С. 75–76.
- Сапожников В.В. Пути по Русскому Алтаю. Томск, 1912. 170 с. : ил., карты.
- Сапожников В.В. По Русскому и Монгольскому Алтаю. М., 1949. 579 с. : ил., карты.
- Сидоренко М.Н. Туристско-экскурсионные объекты на плановых маршрутах Горного Алтая // Вопросы географии Горного Алтая. Барнаул, 1975. С. 76–84.
- Хребтов А.А. Из природы Алтая: 13 общедоступных естественно-исторических экскурсий по окрестностям г. Бийска в 1916 г. Бийск, 1919. 38 с.

- Хороших П.П. Пещеры Алтая // Природа. 1938. №4. С. 158–159.
Хороших П.П. Экскурсии в пещеры Ойротии // Алтайская правда. 1940. №212 (5928), 12 сент. С. 4.
Хороших П.П. Археологические памятники Западной Сибири. Б.м., 1937. 18 с.
Шемелев В. Горные экскурсии рабочей молодежи // Сибирские огни. 1925. №1. С. 23.
Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 г. // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. 9, вв. II и III. М., 1883. С. 181–204.

О.Г. Филиппова

*Управление Алтайского края по культуре и архивному делу,
Барнаул, Россия*

**ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА
НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ:
ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ПРОВЕРОК 2012–2015 гг.**

Исполнение функции государственного контроля в отношении государственной части Музейного фонда Российской Федерации на территории Алтайского края осуществляется управлением Алтайского края по культуре и архивному делу начиная с 2012 г. Юридическим основанием для ее введения является ст. 4 Федерального закона от 26.05.1996 №54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» [Российская газета, 1996а]. В Положение об управлении Алтайского края по культуре и архивному делу были внесены соответствующие изменения Постановлением Администрации Алтайского края от 24.12.2009 №537 «Об утверждении положения об управлении Алтайского края по культуре и архивному делу [Алтайская правда, 2009].

Кроме того, был разработан административный регламент «Об осуществлении исполнения управлением Алтайского края по культуре и архивному делу государственной функции “Осуществление государственного контроля за состоянием государственной части Музейного фонда Российской Федерации на территории Алтайского края”», на основании которого и проводятся плановые и внеплановые проверки в отношении юридических лиц, хранящих музейные предметы и музейные коллекции [Официальный сайт управления...].

Согласно статистическим данным по итогам 2015 г. на территории Алтайского края существует 54 музея в статусе юридического лица и 15 музейных отделов в составе других юридических лиц (культурно-досуговых центров, домов культуры, библиотек и др.). В краевых государственных и муниципальных музеях Алтайского края хранится более

700000 музейных предметов, отражающих не только страницы истории нашего региона, но и лучшие образцы отечественной и мировой культуры и искусства.

Важным моментом является то, что музейные предметы, хранящиеся в государственных и муниципальных музеях края, являются федеральной собственностью и относятся к государственной части Музейного фонда Российской Федерации, так как основная часть музеев была создана в советский период. Данное положение основывается на следующих моментах.

В государственную часть Музейного фонда включаются музейные предметы, являющиеся общефедеральной собственностью и собственностью субъектов Российской Федерации, а также та федеральная собственность, которая скомплектована до 1997 г. и хранится в муниципальных музеях. В негосударственную часть Музейного фонда Российской Федерации включаются музейные предметы, являющиеся муниципальной и частной (личной или корпоративной) собственностью.

Начиная с 2012 г. проведены плановые проверки в отношении 26 юридических лиц, из них 24 являются самостоятельными юридическими лицами и два музейных отдела входят в состав других учреждений культуры. Выдано 25 соответствующих предписаний. По результатам выданных предписаний проведено 17 внеплановых проверок. В подавляющем большинстве (за исключением Троицкого краеведческого музея – плановая проверка 2015 г.) в результате проведенных проверок выявлены значительные нарушения нормативно-правовых документов Российской Федерации в сфере музейного дела – федеральных законов, регламентирующих документов Минкультуры России и других органов государственной власти.

Наиболее часто встречаемые нарушения касаются следующих требований:

- отсутствует приказ учредителя о закреплении в оперативное управление музейных предметов, являющихся муниципальной собственностью. Данный документ должен готовиться музеем на часть музейного фонда, включенного в Книги поступлений основного фонда после 1997 г., и подписываться учредителем организации;
- отсутствует договор о передаче на определенный срок музейных предметов и музейных коллекций, входящих в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации и находящихся в федеральной собственности. Трехсторонний договор заключается муниципальными музеями с Минкультуры России на 10 лет;
- отсутствует разрешение Комиссии по государственным наградам при Президенте Российской Федерации. Зачастую государственные награды, хранящиеся в музеях, относятся к наградам участников и ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., и были переданы на постоянное хранение без получения разрешения комиссии;

- отсутствует свидетельство (уведомление) Западно-Сибирской государственной инспекции пробирного надзора Российской государственной пробирной палаты о постановке на специальный учет организации, хранящей предметы, содержащие драгоценные металлы;
- музейные предметы, содержащие драгметаллы, не прошли апробацию;
- отсутствует лицензия на экспонирование и хранение оружия, что является нарушением Федерального закона от 13.12.1996 №150-ФЗ «Об оружии» [Российская газета, 1996б].

Указанные выше нарушения касаются основных вопросов, связанных с оформлением прав собственности на музейные предметы, в том числе оформления прав на хранение государственных наград, являющихся особой категорией музейных предметов. Кроме того, данные нарушения являются наиболее серьезными, так как связаны с вопросами хранения оружия и музейных предметов, содержащих драгоценные металлы.

Согласно законодательству хранение – один из основных видов деятельности музея, предполагающий создание материальных и юридических условий, при которых обеспечивается сохранность музейного предмета и музейной коллекции. К сожалению, понимание важности данного положения не всегда имеется как среди учредителей музея, так и его сотрудников.

Государственный учет и хранение музейного фонда необходимо осуществлять в соответствии с «Инструкцией по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР», утвержденной приказом Министерства культуры СССР от 17 июля 1985 г. №290. Как показывают результаты проверок, данному вопросу уделялось недостаточное внимание в предшествующие десятилетия, что создает массу вопросов на сегодняшний день.

Наиболее часто встречаемыми нарушениями инструкции являются следующие пункты:

- П. 64. Все помещения, а также несгораемые шкафы и сейфы, в которых хранятся предметы из драгоценных металлов и драгоценных камней, должны быть опломбированы и снабжены охранной и противопожарной сигнализацией.
- П. 82. Государственный учет музейных фондов не включает вторую стадию учета – инвентаризацию.
- П. 84. Имеются исправления в книгах поступлений основного фонда.
- П. 87, 90, 93, 94 и 99. Нарушен порядок приема и выдачи поступивших в музей предметов. Не осуществляется регистрация предметов дофондовых поступлений. Не ведутся соответствующие акты, отсутствуют книги регистрации дофондовых поступлений.
- П. 100. Нарушена процедура регистрации новых поступлений. В книгу поступлений основного фонда вносятся предметы без заключения экспертной фондово-закупочной комиссии.

- П. 124. Музей не проводит проверку наличия и состояния сохранности предметов.
- П. 128. Не на всех предметах музейного собрания имеется необходимая маркировка.
- Пп. 190–192. Нарушены сроки экспонирования, условия хранения и безопасности музейных предметов и многие другие.

Также одним из наиболее встречаемых является нарушение условий и срока экспонирования музейных предметов. Способы и методы крепления предметов зачастую не соответствуют современным требованиям и нарушают целостность самого предмета, что со временем может привести к его полной утрате.

Основными причинами выявленных нарушений, на наш взгляд, являются:

- отсутствие необходимых знаний основных нормативно-правовых документов в сфере музейного дела;
- отсутствие необходимого образования и квалификации;
- отсутствие необходимой материально-технической базы, позволяющей хранить и экспонировать музейные предметы в соответствии с требованиями законодательства;
- целенаправленное нарушение требований: халатное отношение, нежелание соблюдать элементарные требования чистоты, порядка, ведения учета.

По результатам проведенных проверок музеи устраняют выявленные нарушения далеко не в полном объеме. Из выданных 26 предписаний только одно учреждение выполнило все необходимые требования.

Изменение ситуации возможно не только в случае работы сотрудников муниципальных музеев по результатам выданных предписаний, но и в ходе постоянной целенаправленной плановой работы по соблюдению законодательства.

Кроме того, в Алтайском крае есть возможность получения высшего профильного образования в ведущих вузах Алтая: на кафедре археологии, этнографии и музеологии исторического факультета ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» и кафедре музеологии и документоведения факультета информационных ресурсов и дизайна ФГБОУ ВО «Алтайская государственная академия культуры и искусств».

Также музейные сотрудники музеев могут существенно повысить уровень знаний и квалификации в ходе участия в ежегодных краевых методических семинарах и конференциях, проводимых КГБУ «Алтайский государственный краеведческий музей» совместно с управлением Алтайского края по культуре и архивному делу, а также на курсах повышения квалификации, организуемых высшими учебными заведениями и музеями края.

Существенной помощью в ведении государственного учета могут также стать методические рекомендации, разработанные сотрудниками

КГБУ «Алтайский государственный краеведческий музей» и размещенные на официальном сайте учреждения в разделе «Наши консультации»: <http://www.agkm.ru/metodrabota.html>.

Основные нормативно-правовые документы, регулирующие вопросы музейной деятельности в Российской Федерации

- Постановление Правительства Российской Федерации от 12.02.1998 №179 «Об утверждении Положений о Музейном фонде Российской Федерации, о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации, о лицензировании деятельности музеев в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 26.05.1996 №54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 13.12.1996 №150-ФЗ «Об оружии»;
- приказ Минкультуры СССР от 17.07.1985 №290 «Об утверждении «Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в музеях СССР»;
- приказ Минкультуры СССР от 15.12.1987 №513 «Об инструкции по учету и хранению музейных ценностей из драгоценных металлов и драгоценных камней, находящихся в музеях СССР»;
- приказ Министерства финансов Российской Федерации от 16.06.2003 №51н «О специальном учете организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих операции с драгоценными металлами и драгоценными камнями»;
- приказ Министерства культуры Российской Федерации от 05.05.2009 №226 «Об утверждении формы договора о передаче в безвозмездное бессрочное пользование или пользование на определенный срок музейных предметов и музейных коллекций, входящих в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации и находящихся в федеральной собственности»;
- письмо Минкультуры России от 20.01.2000 №01-09/16-14 «О регистрации музеев в государственных инспекциях пробирного надзора»;
- Федеральный закон от 15.04.1993 №4804-1 «О ввозе и вывозе культурных ценностей»;
- приказ Министерства культуры Российской Федерации от 28.07.2000 №470 «Об утверждении формы Свидетельства о включении музейных предметов и музейных коллекций в состав Музейного фонда Российской Федерации».

Библиографический список

- Алтайская правда. 2009. 30 дек. (№415-416).
Официальный сайт управления Алтайского края по культуре и архивному делу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culture22.ru/documents/gosudarstvennye>
Российская газета. 1996а. 4 июня (№104).
Российская газета. 1996б. 13 дек. (№241).

В.М. Кимеев

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КУЗБАССА В СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-11-420003
«Этнокультурное наследие коренных малочисленных народов
и русских Притомья как результат межэтнического
взаимодействия и специфика его актуализации»

Департамент культуры и национальной политики Администрации Кемеровской области с целью повышения туристской привлекательности и популяризации памятников историко-культурного наследия, сохранения исторической памяти, патриотического и нравственного воспитания молодого поколения разработал историко-культурный познавательный проект «Золотое кольцо Кузбасса». В туристический маршрут включены, кроме отдельных памятников природы, культовой и народной архитектуры, монументального искусства, наиболее известные краеведческие музеи и все созданные за последние 25 лет музей-заповедники: историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница» в Яшкинском районе, в 55 км вниз по Томи от г. Кемерово; экомузей-заповедник «Тюльберский городок» в Кемеровском районе, в 55 км вверх по Томи от Кемерово; историко-архитектурные музей-заповедники «Красная горка» в областном центре, «Мариинск исторический» в г. Мариинске и его окрестностях, «Кузнецкая крепость» в старой части г. Новокузнецка, а также «Трехречье» с его филиалом – экомузеем «Тазгол» в Таштагольском районе [Кимеев, 2014, с. 101–106]. Эти достижения побудили высшее руководство Кузбасса продолжить работу по созданию седьмого музея-заповедника в окрестностях с. Шестаково Чебулинского района.

Первым идею сохранения и музеефикации комплекса археологических памятников выдвинул в 1980 г. кемеровский археолог А.М. Кулемзин после предыдущих раскопок вместе с академиком А.П. Окладниковым и профессором А.И. Мартыновым [Кулемзин, 1980, с. 95; Мартынов и др., 1971]. Впоследствии в 1995 г. А.М. Кулемзин выдвинул идею создания «Чумайско-Шестаковского историко-природного заповедника», но ограничился выделением нескольких комплексов предполагаемого заповедника: эпохи от палеолита до средневековья; исторический комплекс из памятников Гражданской войны и захоронений репрессированных Сиблага, архитектурный комплекс из деревянных крестьянских домов и церкви XIX–XX вв. в селах Чумай и Шестаково; природный комплекс, включающий потухший вулкан, карстовые провалы и пещеры, водопад на реке Кия и уникальное местонахождение

«останков вымерших динозавров и палеолитической фауны». Предлагалось также обустройство автомобильного, конного, пешего и водного маршрутов, создание археолого-палеонтологического музея и реставрация памятников народной архитектуры в с. Шестаково.

В те же годы кемеровский биолог-охотовед Н.И. Белоусов разработал фантастический бизнес-план создания и развития «Опытно-экспериментального охотничьего хозяйства». По его плану до 1998 г. предполагалось создание на территориях Тисульского и Чебулинского районов охотхозяйства с круглогодичной центральной базой-кордоном в виде двух срубных домов и бани, а на маршрутах – строительство охотничьих избушек, солонцов и подкормочных площадок. Естественно, этот проект в те годы так и не осуществился.

Следует отметить, что первооткрывателем Шестаковского палеонтологического местонахождения с 1953 г. считается палеонтолог А.А. Масаковский, работавший под руководством известного палеонтолога, писателя-фантаста И.А. Ефремова. Впоследствии работы на палеонтологическом местонахождении проводил в 1995 г. томский геолог С.В. Лещинский, зафиксировавший три местонахождения: Шестаково-I, II, III. Начиная с 1996 г. сотрудники кафедры палеонтологии ТГУ стали проводить полноценные раскопки, привлекая для исследований палеонтологов Московского института палеонтологии РАН и Музея естественной истории Северной Аризоны США [Лещинский и др., 1997, с. 83; Алифанов и др., 1999, с. 491–493].

В 2001 г. научным коллективом биологов, географов и археологов (А.А. Васильченко, Т.Н. Гагина, Н.В. Скалон, С.Д. Тивяков, А.М. Кулемзин) был подготовлен проект организации Шестаковского природного парка с включением его в действующий природный заповедник «Кузнецкий Алатау» [Кулемзин, 2015, с. 28]. Однако и этот проект не был поддержан властями, и больше к нему официально никто возвращался.

В 1998–2006 гг. А.М. Кулемзин с учетом всего накопленного опыта создания музеев-заповедников Сибири разработал новый проект комплексного историко-культурного и природного музея-заповедника, опубликовал несколько научных статей [Кулемзин, 1998, с. 37–45; 2006, с. 206–230] и монографию [Кулемзин, 2015].

Игнорируя накопленный опыт создания средовых музеев в Кузбассе («Томская писаница», «Тазгол», «Тюльберский городок»), сотрудники Кемеровского областного краеведческого музея (КОКМ) в 2013 г. выступили с инициативой организации «научно-исследовательских работ» и разработали «Программу палеонтологического изучения ископаемых остатков из палеозойских и мезозойских отложений территории Кемеровской области». При этом музей легко добился лицензии на «право пользования недрами с целью сбора минералогических, палеонтологических и других геологических коллекционных материалов на севере Кемеровской области». Одновременно в Кузбассе началась мощная

пиар-компания, развернутая в прессе, статьях форума и конференции по развитию внутреннего туризма. Летом 2015 г. у с. Шестаково был проведен амбициозный областной фольклорный фестиваль «В гостях у Динозавра» [Лейсле, 2014, с. 56–59; Кудрина, Кулемзин, Пономарев, 2015, с. 47–48; Кулемзин, 2015, с. 57].

В результате раскопок 2013–2015 гг. с привлечением специалистов-палеонтологов из ТГУ, Зоологического института РАН (Санкт-Петербург), Палеонтологического института им. А.А.Борисяка РАН (Москва) на участке местонахождений Шестаково-I и Шестаково-III в окрестностях с. Шестаково были найдены фрагменты костей млекопитающих мамонтовой фауны позднего плейстоцена – позвонков, конечностей, ребер шерстистого мамонта и носорога, бизона, древних лошадей, а также фрагменты позвоночных начала мелового периода – костей, черепа гигантских растительноядных динозавров. После камеральной обработки в краеведческом музее оформлена выставка «Вглубь времен за динозаврами», а в ДК с. Шестаково открыта выставка с находками в витринах и фото на стенах. Сотрудниками Института экологии человека СО РАН и КемГУ были проведены археологические раскопки кургана, расположенного вблизи палеонтологического местонахождения Шестаково-III.

Дирекцией КОКМ и местными властями организовано несколько выездных экскурсий на исследуемые палеонтологические и археологические памятники, а также разработан экскурсионный маршрут «Шестаковский парк мелового периода» с рекреационными площадками [Феофанова и др., 2015 с. 25–28]. При подготовке смотровых площадок и подъездных путей были повреждены несколько стоящих на государственном учете археологических памятников. Совершенно фантастической выглядят идея «экономического моделирования туристического продукта, выбор и формирование набора маркетинговых схем взаимодействия с потенциальными потребителями» при отсутствии музейфицированных памятников и специалистов в КОКМ по экономике и туризму [Феофанова и др., 2015, с. 28].

Рабочей группой, образованной в 2015 г. в КемГУ, были разработаны и официально переданы в Администрацию Кемеровской области «Концепция создания природного парка и музея-заповедника регионального значения у с. Шестаково в Чебулинском районе Кемеровской области РФ» и проект Постановления коллегии Администрации Кемеровской области о создании музея-заповедника регионального значения.

Осенью 2015 г. сотрудник Кузбасского ботанического сада д.б.н. Ю.А. Манаков на заседании Общественной палаты Кемеровской области озвучил новый план рекреационного развития территории Чебулинского района в форме природного парка «Кийские просторы», видимо, стремясь перехватить инициативу и получить финансирование через новый департамент экологии и сельского хозяйства АКО. Довольно по-

верхностный текст предложенной «стратегии и плана» будущего парка игнорирует концептуальные предложения А.М. Кулемзина и требует значительной доработки с привлечением специалистов историков, архитекторов и музееведов, а также дальнейшей всесторонней экспертизы. Более того многообразие идей и проектов может вновь на многие годы затормозить создание музея-заповедника, как единственной организованной структуры, способной спасти богатейшее историко-культурное и природное наследие севера Кузбасса.

По опыту создания музеев-заповедников в Кузбассе вначале необходимо разработать архитектурный проект лицензированным институтом (например «Сибспецпроектреставрация» Министерства культуры РФ, г. Томск). В основу научной концепции для архитектурного проектирования целесообразно положить концепцию Шестаковского музея-заповедника, предложенную археологом А.М. Кулемзиным [2015]. Следует доработать разделы музеефикации архитектурно-этнографических памятников и организации туристических маршрутов. Специалисты-биологи КемГУ и Ботанического сада способны подготовить анализ природной и рекреационной составляющей будущего музея-заповедника и разработать тематическую структуру будущих экспозиций памятников природы.

Отработанная в России методика создания средовых музеев предполагает выполнение нескольких обязательных этапов. При выделении предполагаемых границ будущего музея-заповедника по заказу Администрации Чебулинского района необходимо: выполнить лицензионными топографами топосъемку масштаба 1 : 1000 участков с памятниками историко-культурного и природного наследия и участков, предполагаемых для комплекса предполагаемых турбаз. Только после передачи топографических карт и разработанной творческими коллективами КемГУ, Институтом человека СО РАН и КОКМ научной концепции, архитектурно-проектный институт сможет изготовить проект зон охраны и генеральный план со всеми чертежами и сметами, а также предложить генеральную схему развития будущего музея-заповедника.

После всесторонней экспертизы и утверждения генплана департамент культуры и национальной политики Администрации Кемеровской области сможет определиться с генподрядчиком, который поэтапно начнет реставрацию и вместе с сотрудниками созданного музея-заповедника произведет музеефикацию памятников, строительство инфраструктуры с инженерными и дорожно-тропиночными сетями для дирекции и туристических баз. Только после этого Кемеровский областной музей совместно с турфирмами и департаментами культуры, молодежной политики, спорта и туризма может организовать и обслуживать полноценный туристический маршрут, издать буклет и заказать сувениры.

Будущий музей-заповедник должен быть не муниципальным бюджетным учреждением Чебулинского района, а областным автономным

учреждением по примеру музея-заповедника «Томская писаница» в Яшкинском районе. Дирекция и фондохранилище музея-заповедника могут находиться как в г. Кемерово, так и в с. Шестаково, в непосредственной близости к экспозициям под открытым небом [Кулемзин, 2015, с. 72].

Библиографический список

Алифанов В.Р., Ефимов М.Б., Новиков И.В., Моралес М. Доклады Академии наук. 1999. Т. 369, №4. С. 491–493.

Кимеев В.М. Музеи-заповедники Кузбасса как ресурс регионального туризма // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения. Новосибирск, 2014. С. 101–106.

Кудрина Е.Л., Кулемзин А.М., Пономарев В.Д. Феномен Шестаковского комплекса объектов культурного наследия и возрождения традиционной культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. №33/2. С. 44–51.

Кулемзин А.М. Шестаковский археологический комплекс // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1980. С. 95–106.

Кулемзин А.М. Шестаковский историко-природный комплекс: концепция создания музея-заповедника // Музей-заповедник «Томская писаница». Вып. I: Природа. Кемерово, 1998. С. 37–46.

Кулемзин А.М. Проект музеефикации Шестаковского комплекса объектов историко-культурного и природного наследия // Музееведение и историко-культурное наследие. Кемерово, 2006. С. 206–230.

Кулемзин А.М. Восьмое чудо Кузбасса. Шестаковский музей-заповедник: концепция создания и развития : методическое пособие. Кемерово, 2015. 107 с.

Лейсле Е. Богатство села Шестаково // Кузбасс. XXI век. Кемерово, 2014. С. 56–59.

Лещинский С.В., Воронкевич А.В., Файнгерц А.В., Шиховцева Л.Г. Некоторые аспекты тафономии и стратиграфического положения Шестаковского комплекса раннемеловых позвоночных // Вопросы геологии и палеонтологии Сибири. Томск, 1997. С. 83–90.

Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. Кемерово, 1971. 248 с.

Феофанова О.А., Демиденко Н.В., Кузьмина Е.А. Организация палеонтологических научных исследований Шестаковского комплекса Кемеровским областным краеведческим музеем // Вестник КемГУ. 2015. №2 (62), т. 7. С. 24–28.

РАЗДЕЛ 2. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ

А.П. Бородовский^{1,2}, С.В. Горохов³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

³Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

ВНОВЬ ВЫЯВЛЕННЫЕ ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ В ОКРЕСТНОСТЯХ с. ОЗЕРНОГО (Онгудайский район Республики Алтай)

В окрестностях Тенгинского озера в Онгудайском районе на протяжении более полувека ведется последовательное выявление и изучение наскальных изображений различных периодов.

Впервые местонахождение петроглифов Озерное у одноименного села Онгудайского района исследовал академик А.П. Окладников в 1961 г. Многочисленные наскальные рисунки, изображающие оленей, козлов, лошадей, были датированы различными историческими периодами [Мартынов, 1985; Кубарев, 1988]. В 1989 г. обследование окрестностей с. Озерного в целях выявления новых петроглифических композиций проводила Е.А. Миклашевич. В результате было обнаружено и задокументировано шесть пунктов петроглифических местонахождений [Миклашевич, 2006]. Начиная с 2011 г. в окрестностях с. Озерного активно работают авторы [Бородовский, Горохов, 2013]. Результатом стало не только составление сводной археологической картографии окрестностей с. Озерного Онгудайского района Республики Алтай, но и выявление ранее не известных петроглифических местонахождений Мал. Бугачи, Верх. Барбок-4 и 6 (рис. 1). Все ранее проводившиеся работы по поиску и документации наскальных изображений в основном затрагивали скальные поверхности в непосредственной близости от села.

Описание вновь выявленных петроглифических местонахождений приведено с севера на юг. Археологический памятник Верх. Барбок-4 расположен в 5,3 км к северо-северо-западу от с. Озерного, на правом берегу ручья Верх. Барбок (расстояние до ручья Верх. Барбок составляет 0,4 км). Географические координаты (WGS-84): N – 50° 95332'; E – 85° 53408'. Высота над уровнем моря – 1132 м по балтийской системе высот (БСВ). Археологический памятник Верх. Барбок-4 расположен на скальной плоскости оконечности отрога горной системы, вдающегося в долину р. Верх. Барбок с запада. Сама скальная плоскость с изображениями ориентирована на северо-восток (рис. 2.-3). Наскальные выбивки представлены тремя изображениями. Одно процарапанное изображение неясного облика. Другие представлены двумя копытными животны-

ми: одно из них расположено сверху, а другое – внизу, в районе живота вышестоящего изображения (рис. 2.-4). Такая композиция наскальных изображений, очевидно, воспроизводит беременную самку марала или процесс кормления молоком как отражение культов, связанных с охотничьей магией и культом плодородия.

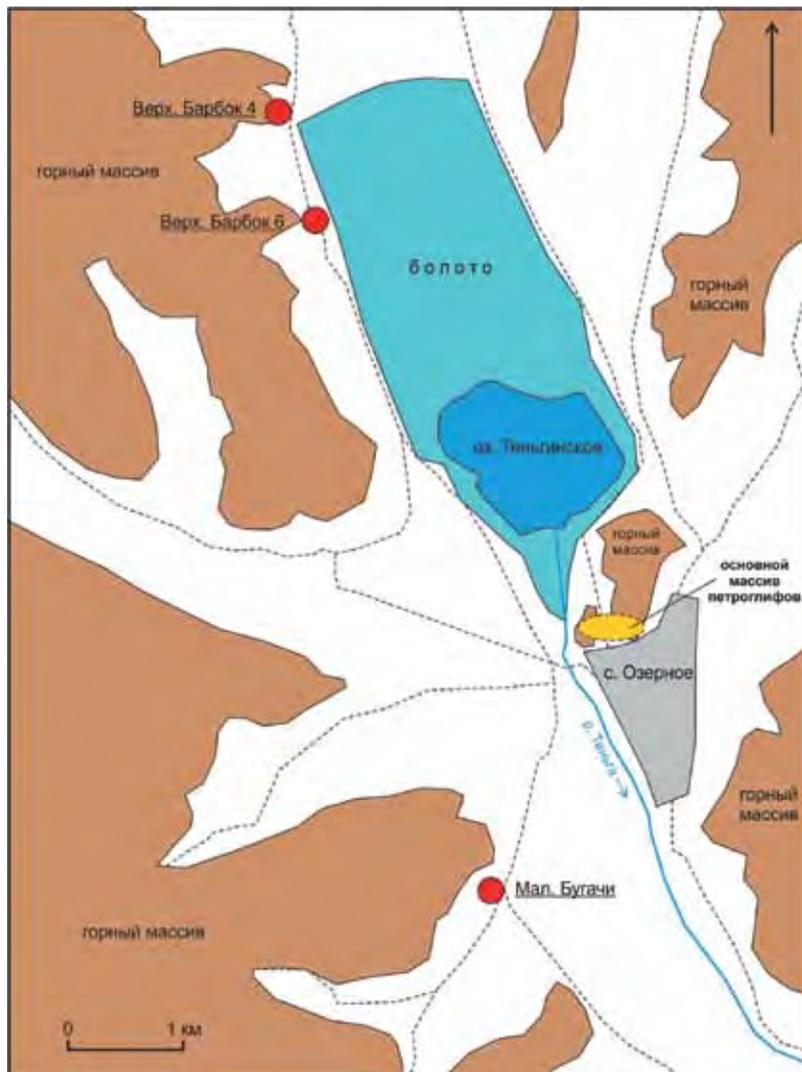

Рис. 1. Карта-схема расположения петроглифических местонахождений в районе с. Озерного (Онгудайский район Республики Алтай)

Рис. 2. Вновь выявленные петроглифы в окрестности с. Озерного:
1 – общий вид скальной плоскости с петроглифами (Верх. Барбок-6);
2 – петроглифическое изображение всадника (?) (Верх. Барбок-6);
3 – общий вид скальной плоскости с петроглифами (Верх. Барбок-4);
4 – парное петроглифическое изображение копытных животных
(беременность, кормление (?)) (Верх. Барбок-4); 5 – общий вид скальной
плоскости с петроглифами (Мал. Бугачи); 6 – чашечное углубление
и зооморфный петроглиф (Мал. Бугачи)

Археологический памятник Верх. Барбок-6 расположен в 5 км к северо-северо-западу от с. Озерного, на правом берегу ручья Верх. Барбок (расстояние до ручья Верх. Барбок составляет 0,3 км). Географические

координаты (WGS-84): N – 50° 94535', E – 85° 3959'. Высота над уровнем моря – 1119 м по БСВ. Изображения расположены на скальной плоскости оконечности отрога горной системы, вдающегося в долину ручья Верх. Барбок, притока р. Теньги с запада. Скальная плоскость с одиночными изображениями, включая всадника (?), ориентирована на восток (рис. 2.-1–2).

Археологический памятник Малые Бугачи расположен в 1,6 км к юго-западу от с. Озерного, на правом берегу р. Теньги (1,5 км к западу от р. Теньги), на скальных обнажениях на северном предустьевом борту лога Малые Бугачи. Географические координаты (WGS-84): N – 50° 893801', E – 85° 561421'. Высота над уровнем моря – 1126 м (по БСВ). В ходе исследований выявлены восемь отдельных скальных плоскостей с петроглифами копытных животных (козлов и оленей), ориентированных на юго-восток (рис. 2.-5). Среди них есть единичное чашечное углубление, расположенное в непосредственной близости от зооморфных выбивок (рис. 2.-6). Диаметр лунки составляет 3,5 см. В связи с выявлением чашечного углубления на скальной плоскости с петроглифами следует отметить, что окрестности с. Озерного являются одним из мест максимальной концентрации чашечных камней в Горном Алтае. Первая сводка находок этой особой разновидности археологических объектов на указанной территории опубликована В.Д. Кубаревым [2009].

В целом для территории вокруг с. Озерного, долины р. Теньги, ее притоков (Ниж. Булундык) и окрестностей Тенгинского озера характерны не только высокая концентрация чашечных камней, но и их разнообразие. Встречаются камни у курганов (Нижний Булундык-12), камни на курганах (Верх. Кекса-5), камни, являющиеся частью мегалитических конструкций курганов (Бугачи-1), чашечные камни около каменоломен (Верх. Кекса-1) и чашечные углубления на скальных плоскостях с петроглифами (Мал. Бугачи). Такая предварительная классификация позволяет существенно уточнить основную и, разработанную В.Д. Кубаревым [2009, с. 74–75] для Саянского региона.

Особое внимание следует уделить пространственному расположению вновь выявленных петроглифических местонахождений (Мал. Бугачи, Верх. Барбок-4 и 6). Во-первых, они размещены на значительном удалении от основной концентрации на скальных изображениях у с. Озерного. Эта особенность позволяет выделить в системе расположения на скальных изображениях Озерного центр и периферию. Во-вторых, основная экспозиция скальных плоскостей, на которые нанесены изображения этих петроглифических местонахождений (Верх. Барбок-4 и 6), ориентирована в противоположном направлении от участков их максимальной концентрации у села. В-третьих, совпадение ориентации с указанным выше участком максимальной концентрации петроглифов около села отмечено только для петроглифического местонахождения Мал. Бугачи. На этом археологическом памятнике выявлено максимальное количество на скальных рисунков, известных на правом берегу р. Теньги. Исходя из этих особенностей для

окрестностей с. Озерного преимущественной ориентацией для размещения петроглифов следует считать северо-восточное направление, имеющее ограниченный период освещения в течение светового дня. Возможно, с этим и связана немногочисленность наскальных изображений.

Высотное расположение обнаруженных наскальных изображений в окрестностях с. Озерного, колеблющееся в интервале от 1119 до 1132 м над уровнем моря, вполне соответствует локализации петроглифов Горного Алтая эпохи металла [Бородовский, 2015]. Общее незначительное различие высот размещения наскальных изображений у с. Озерного обусловлено несколькими факторами. Во-первых, это связано с особенностями рельефа алтайского среднегорья. Во-вторых, все наскальные изображения расположены на северной периферийной зоне центральноазиатской петроглифической традиции [Бородовский, 2014].

В рамках оценки перспектив сохранения памятников необходимо отметить, что вновь выявленные петроглифические местонахождения Верх. Барбок-4 и 6 расположены в непосредственной близости от зоны предполагаемого строительства газопровода «Сила Сибири-2» («Алтай»), в связи с чем рекомендуется перенос оси трассы газопровода на северо-запад на 300 м или на юго-восток на 200 м от этих археологических памятников.

Наиболее многочисленные наскальные изображения Малые Бугачи находятся в непосредственной близости от летнего скотоводческого загона. С одной стороны, это достаточно типично для расположения петроглифов на Горном Алтае. С другой стороны, именно фактор такого соседства с древними наскальными изображениями может стать причиной нанесения на них современных надписей и их подновления. Тем не менее на всех вновь выявленных петроглифических местонахождениях, в отличие от наскальных рисунков у с. Озерного, фактов современного воздействия не выявлено.

Библиографический список

Бородовский А.П. Граница распространения центральноазиатской петроглифической традиции на Северном Алтае // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации. Новосибирск, 2014. С. 9–13.

Бородовский А.П. Археологические исследования трассы магистрального газопровода «Алтай» (Республика Алтай) // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях. Новосибирск, 2015. С. 163–167.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Чашечные камни окрестностей села Озерное (Онгудайский район Республики Алтай) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 5: Археология, этнография. С. 182–190.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988. 174 с.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009. 264 с.

Мартынов А.И. О древних изображениях Каракола // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1985. С. 80–86.

Миклашевич Е.А. Памятники древнего искусства у села Озерного (Горный Алтай) // Археология Южной Сибири. Вып. 24. Кемерово, 2006. С. 102–127.

И.А. Вальков

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В ЛОКТЕВСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Локтевский район находится на юге Алтайского края, на границе с Республикой Казахстан. Территория района преимущественно покрыта степной растительностью. Древесный покров достаточно скудный и присутствует лишь в долинах рек. Гидрографическая сеть района относится к бассейну р. Оби и представлена р. Алеем с притоками, а также Гилевским водохранилищем, озерами Новенское, Калантырь и Соленое [Червонное золото Локтя..., с. 272]. Рельеф района неоднородный, в основном равнинный, с возвышениями в виде сопок на отдельных участках.

Локтевский район, как и другие юго-западные районы края, богат памятниками археологии. Начало научному исследованию памятников района было положено в 70-х гг. XX в., когда В.А. Могильников и Я.А. Шер открыли и исследовали ряд археологических объектов в окрестностях Гилевского водохранилища, недалеко от с. Гилево [Памятники истории и культуры..., с. 99–103]. Также на территории района по поиском и исследованием памятников археологии занимались экспедиции под руководством В.А. Могильникова, Я.А. Шера, Г.А. Клюкина, П.И. Шульги, С.М. Ситникова и др. Большие комплексы памятников археологии на сегодняшний день известны около сел Гилево, Локоть, Новенькое, Калантырь. В настоящее время на территории Локтевского района известно примерно 250 памятников различных эпох от палеолита до средневековья, что составляет примерно десятую часть всех известных памятников археологии на территории Алтайского края. Однако следует сразу отметить некоторую диспропорцию в составе известных памятников археологии. Она заключается в том, что около 90% составляют курганные могильники, которые в результате археологических разведок достаточно легко выявляются. При этом известно лишь около полутора десятка поселений. Сохранившихся на сегодняшний день грунтовых могильников на территории района, за исключением андроновского памятника Самарка-IV [Грушин, Леонтьева, 2013], нам не известно. Поэтому, на наш взгляд, одной из перспективных задач изучения археологического наследия Локтевского района является осуществление археологических разведок с целью выявления новых памятников археологии и главным образом поселенческих памятников.

Именно руководствуясь данной целью, Локтевским археологическим отрядом (ЛАО) под руководством автора в августе – сентябре 2015 г. осуществлялась разведка на территории Локтевского района. Маршрут ЛАО пролегал вдоль р. Золотухи вверх по ее течению от с. Самарки и до ее устья недалеко от с. Советский Путь, где река впадает в Алей. На обследуемой территории известно около трех десятков памятников, большинство из которых также представляют собой курганные могильники (рис. 1). Однако недалеко от устья р. Золотухи, в районе с. Советский Путь, известно три поселения. На одном из них, Советский Путь-I, проводились раскопки П.И. Шульгой и С.М. Ситниковым [Шульга, 1995; Ситников, 1997]. По результатам работ на данном поселении получен чрезвычайно богатый материал, отражающий развитое бронзолитейное производство у древнего населения Советского Пути-I. В культурно-хронологическом отношении памятник Советский Путь-I неоднороден и, по мнению исследователей, заселялся дважды: наиболее древние находки относятся к андроновской (фёдоровской) культуре, а среди керамики поздней бронзы выделяется саргаринско-алексеевская, бегазы-дандыбаевская и станковая [Кунгурова, Ситников, 1999, с. 46]. Что касается поселений Советский Путь-IV и Советский Путь-VI, то они были выявлены по подъемному материалу и к настоящему времени не изучались, что не позволяет судить об их культурно-хронологической принадлежности.

Таким образом, на обследуемом участке Локтевского района так же, как и на территории района в целом, преобладают погребальные памятники, представленные курганными могильниками. Тем не менее данный район был достаточно густонаселенным в древности. О наличии крупных поселений с развитой индустрией эпохи бронзы свидетельствуют в частности и раскопки на поселении Советский Путь-I, а также обилие погребальных памятников. Исходя из этого, преимущественной задачей организованной разведки стал поиск в первую очередь поселенческих памятников. Разведка проводилась на основании Открытого листа, форма которого не предусматривала проведение каких-либо земляных работ. В связи с этим производился осмотр берегов р. Золотухи, различных обнажений, полевых дорог на небольшом удалении от реки. На отдельных участках р. Золотуха имеет достаточно высокие для небольшой речки разрушающиеся берега – до 3–5 м высотой. На отдельных возвышенностях вдоль реки располагаются также и курганные могильники. В частности, курганная группа Николаевка-VII расположена на сопке, на правом берегу реки. Однако при осмотре разрушающихся берегов каких-либо следов наличия поселений или же грунтовых могильников не выявлено. Культурный слой ни на одном из разрушающихся участков не зафиксирован.

Рис. 1. Карта Локтевского района с обозначением археологических памятников на исследованном участке

Тем не менее поселение эпохи бронзы было выявлено в результате осмотра полевой дороги, соединяющей села Самарку и Успенку. Этому памятнику присвоено наименование Самарка-V. Поселение Самарка-V находится на левом берегу р. Золотухи, в 1,5 км к северу от с. Самарки (рис. 1). На полевой дороге, а также на примыкающей к ней пашне был собран немногочисленный подъемный материал: два фрагмента керамики (рис. 2.-2-3), а также каменный пест (рис. 2.-1). На одном из фрагментов керамики имеется орнамент.

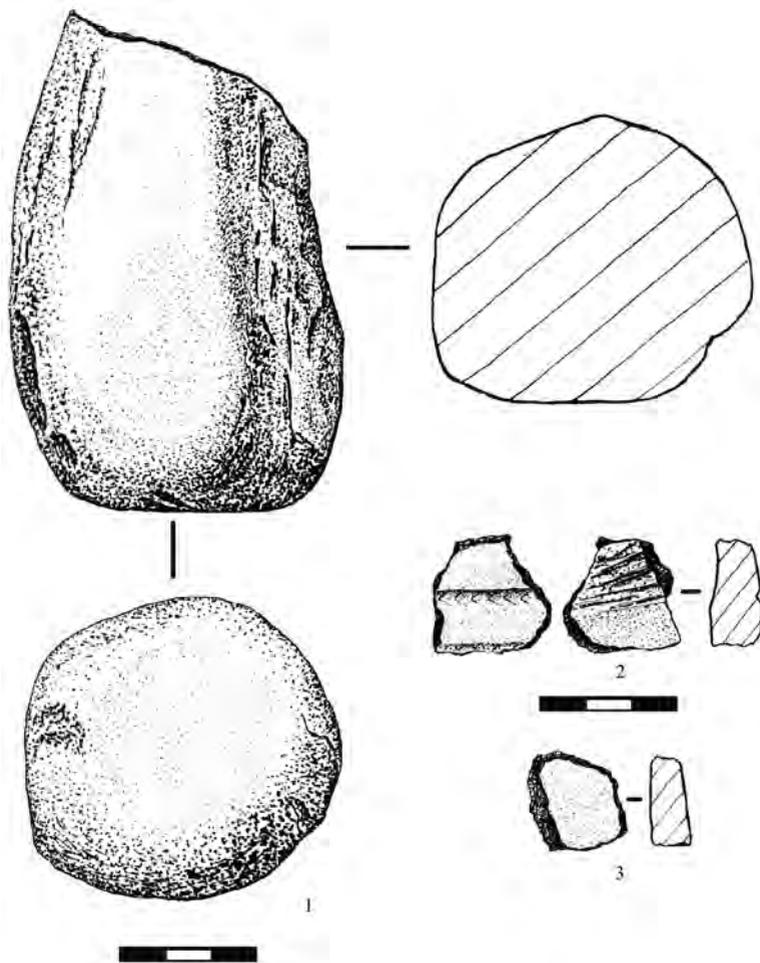

Рис. 2. Подъемный материал с памятника Самарка-V:
1 – каменный пест; 2 – фрагменты керамики (рисунки В.О. Сайберт)

Обнаруженный каменный пест имеет близкую к цилиндрической форму и изготовлен из мелкозернистой породы камня. Рукояточная часть песта обломана. Сохранившаяся часть длиной 11 см и диаметром около 7 см. Пест имеет следы подшлифовки, а его рабочая часть сильно забита, что свидетельствует о его неоднократном употреблении в трудовых операциях. Обнаруженные фрагменты керамических сосудов, а также каменный пест свидетельствуют о поселенческом типе памятника. На основании полученного материала данное поселение можно отнести к эпохе бронзы. Более точное культурно-хронологическое определение по имеющимся материалам не представляется возможным. Памятник Самарка-V испытывает сильное антропогенное воздействие и разрушается полевой дорогой и пашней. Очевидно, что большая часть памятника уничтожена.

Таким образом, в результате проведенной археологической разведки на территории Локтевского района выявлено новое поселение эпохи бронзы. Согласно нашей точке зрения дальнейшие разведочные работы позволяют обнаружить еще ряд поселенческих памятников на данной территории. Для дальнейшего поиска необходимым условием является закладка разведочных шурфов в наиболее перспективных для расположения поселений местах.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что, несмотря на большое количество выявленных памятников археологии на территории Локтевского района, он все же остается в настоящее время слабоизученным. Имеющиеся сведения свидетельствуют о плотной заселенности этих территорий в эпоху бронзы – средневековья и протекании здесь значительных историко-культурных процессов. Очевидно, что поиск новых поселенческих памятников позволит расширить наши знания о древней истории данного района. Следует также отметить и значительное антропогенное воздействие, которое испытывают на себе памятники на территории района. Так, в результате разведки проводился также и мониторинг состояния известных памятников археологии на исследуемой территории. В частности, ввиду сельскохозяйственных работ постепенно уничтожаются большие курганные группы Успенка-II и Успенка-III. Поэтому хотелось бы в очередной раз акцентировать внимание исследователей и общественности на том, что разведочные работы мотивируются не только расширением наших знаний о древней истории отдельных районов Алтайского края, но также и целью сохранения их историко-культурного наследия.

Библиографический список

Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Новые материалы андроновской культуры с территории лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIX. Барнаул, 2013. С. 121–128.

Кунгурова Н.Ю., Ситников С.М. Материальная культура древних жителей поселения Советский Путь-1 // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. №4. Горно-Алтайск, 1999. С. 46–53.

Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. 253 с.

Ситников С.М. Отчет об аварийных археологических раскопках Верхне-алейского отряда БГПУ в Локтевском районе Алтайского края в июне 1997 г. Барнаул, 1997. 72 с.

Червонное золото Локтя. Страницы истории Локтевского района. Ч. 2. Барнаул, 2012. 288 с.

Шульга П.И. Отчет о полевых работах отряда Алтайской археологической экспедиции в Чарышском, Локтевском и Курыньском районах летом 1994 года. Барнаул, 1995. 119 с.

К.И. Воронкин

*Медико-криминалистическое отделение ГУВД Алтайского края,
Барнаул, Россия*

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА РЕКОНСТРУКЦИИ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ПО КОСТЯМ ЧЕРЕПА

Индивидуальность каждого человека можно оценить по многим характеристикам. Однако одно из первых мест занимает внешний облик, лицо с присущим только ему комплексом признаков. Несмотря на то, что устойчивость признаков внешности относительна, их совокупность индивидуальна и позволяет выделить одно лицо из множества других. О приметах человека можно также судить по костным останкам, среди которых наиболее информативен череп.

Первые в России систематические исследования в области краниологии относятся ко 2-й половине XIX в. Выдающуюся роль в формировании и развитии антропологической науки играли труды А.П. Богданова (1867 г.) и Д.Н. Анучина (1880 г.), в которых освещены вопросы формирования русского народа (по материалам исследования черепов из курганных захоронений славян), а также процессы расообразования. Кому принадлежала мысль о восстановлении облика ископаемого человека по признакам черепа, не известно. Первым опубликованным источником о закономерностях строения черепа и лица считается работа П. Брока (1868 г.). Упоминается и 1877 г., когда анатом Шафгаузер предпринял попытку воспроизвести типовой портрет человека по нескольким черепам «металлической» эпохи. Затем в 1898 г. швейцарские ученые Кольман и Бехли разработали специальную методику реконструкции по данным, полученным на препаратах головы трупа. Несомненно, были и ошибки, в первую очередь связанные с неточностью измерений, а также отсутствием возможности изучения соотношения мягких тканей и черепа с помощью рентгеноскопии живого человека.

В России первый опыт воспроизведения внешнего облика древнего человека по его черепу принадлежит А.П. Богданову (1882 г.), который выполнил реконструкцию лица ладожского человека периода неолита. В 1927 г. М. Герасимов попытался сделать реконструкцию ископаемого человека, а в 1940-е гг. на основе собственных исследований ему удалось «воспроизвести ряд документальных портретов». С научной точки зрения получают развитие два основных направления: методика портретной реконструкции по черепу и применение антропологической реконструкции как источника исторического исследования. Независимо от пластического (скульптурного) способа или графического выполнения метод реконструкции «дает более полное представление о той или иной группе людей, объединенных принадлежностью к определенному историческому отрезку времени», а также наглядно показывает в пределах одной группы картину формирования антропологического типа.

С целью более объективного суждения о процессе этногенеза в последнее время разработан вспомогательный прием антропологической диагностики – графическая реконструкция. Метод не менее точен, чем скульптуральный, и применим для индивидуального построения лица в целях его опознания. При этом он имеет ряд преимуществ: прост, требует меньше времени, нагляден. В отличие от художественного произведения, реконструкция по черепу является не субъективным решением портрета, а объективным его восстановлением. Это как бы бесстрастная схема, документально построенная и максимально приближающаяся по своим чертам к внешнему облику субъекта, череп которого послужил объектом реконструкции. Это один из способов иллюстративной диагностики, в результате которой костный материал приобретает выразительность и наглядность живого человека. Опыт криминалистических воспроизведений современного человека по черепу убеждает в том, что предлагаемая методика реконструкции обеспечивает приближение портрета к подлиннику. По крайней мере, не возникает сомнения при идентификации лица.

Рассматриваемый метод реконструкции в настоящее время имеет три направления прикладного использования.

Первое связано с задачами криминалистики и нашло применение в качестве технического приема опознания неизвестного субъекта. Разработанные подходы дают возможность отождествить найденный череп с фотографией предполагаемого человека, в результате чего исключается элемент случайности в процессе следствия. Кроме того, имеется воспроизведение внешности неизвестного в той степени приближения к портрету, которое позволяет опознание его родственниками (знакомыми). Значение этого метода в криминалистике трудно переоценить.

Второе направление связано с вопросами истории в узком смысле этого слова. Это идентификация исторического лица по его костным останкам.

Третье связано с вопросами антропологии и в первую очередь с проблемами расо- и этногенеза.

Одним из основных принципов рассматриваемого метода реконструкции лица по черепу является единство технического приема воспроизведения. Это выражается в постоянной последовательности одних и тех же операций. Такое постоянство позволяет учитывать имеющиеся индивидуальные черты черепа и, следовательно, обеспечивает возможность вносить те поправки, которые очевидны, т.е. диктуются формой черепа. Отклонения в непостоянстве форм различной мускулатуры головы человека в большей или меньшей мере обуславливаются строением костей черепа. Это может выражаться различно: либо увеличением отдельных размеров, либо своеобразием собственно формы. Вторым и обязательным условием данного метода является применение стандартных величин толсто-мягких тканей по определенным сечениям головы и ряду опорных точек.

Нам было предложено выполнить реконструкцию внешнего облика по костным останкам из погребений могильника Каменка, расположенного в окрестностях с. Красный Яр Советского района Алтайского края. Исследование на памятнике осуществляла археологическая экспедиция Барнаульского юридического института МВД России (руководитель А.А. Казаков), в которой приняли участие специалисты из Алтайского государственного университета. По материалам, полученным в результате раскопок в 2015 г., установлено, что захоронение потревожено, но грабители нарушили лишь западную часть, в которой располагались черепа человека и лошади. Остальная площадь могилы грабителями не потревожена. Наряду с тем состояние памятника аварийное. Череп принадлежит костяку из погребения №6.

При работе с данными останками пришлось решать серьезную проблему. Костные останки представлены в виде множественных фрагментов костей лицевого и мозгового отдела черепа. На начальном этапе была выполнена реконструкция (восстановление) костной основы черепов. Скрепление костных фрагментов выполнено воско-парафиновой мастикой. По причине отсутствия значительного количества фрагментов костей лицевой части и невозможности по косвенным признакам (особенности строения окружающего массива костной ткани) реконструировать недостающие фрагменты пришлось отказаться от восстановления прижизненного облика одного из представленных для исследования объектов. В ходе реконструкции другого черепа удалось практически полностью восстановить весь лицевой отдел, часть отсутствующих костных фрагментов не являлись принципиально значимыми в ходе определения признаков внешности.

На предварительном этапе установлены общие антропологические признаки, а именно: половая и расовая принадлежности, наиболее вероятный возрастной интервал. Костный возраст (предпола-

гаемый календарный возраст погибшего (умершего)) определялся по методике М. Герасимова (1955) с введением поправки на рацион питания (более грубая с преобладанием крупнофракционной пищи, с наличием в ней достаточно большого количества «абразивного» материала) – на 5–7 лет меньше, чем это отражено в данных М. Герасимова. Наиболее сложным явился этап определения индивидуальных черт внешности и построения рисунка. Данная схема описательного строения лица достаточно сложная и многокомпонентная и на данном этапе не приводится.

Восстановление внешнего облика выполнено графическим способом. Для этого на фотоснимке препарата черепа (фото 1), выполненного по правилам сигналетической съемки, нанесены основные опорные точки (ориентиры антропологических точек) и контуры. Затем изображение трансформировалось в графическом редакторе «Adobe Photoshop» путем зеркального поворота по горизонтали и распечатывалось. Рисунок выполнялся на обратной стороне листа бумаги, с целью ориентации по контурам и точкам подсвечивался снизу. После окончания формирования общих элементов внешности дополнительно прорисовывали элементы для придания особенностей возраста и признаков внешности. Далее рисунок перефотографирован, обработан в текстовом редакторе ПЭВМ и распечатан.

На реконструкции (фото 2) наиболее достоверно воспроизведены общая форма лица, положение осей глазных щелей, форма носа, подбородка. Приблизительно воспроизведены формы глазных щелей, носа, кайм губ. Таким образом, реконструкцию лица следует рассматривать как условный портрет, отражающий в основном тип строения лица умершего и пригодный для выявления портретного сходства.

Рассмотрев два научных направления данного метода исследования (связанное с вопросами истории в некотором узком смысле и частично с вопросами расо- и этногенеза), следует отметить криминалистическое значение данного метода. В разных регионах нашей страны созданы и (или) создаются подразделения, сотрудники которых обеспечивают экспертное сопровождение процесса установления личности погибших (умерших). В нашем регионе (Алтайский край) с 1996 г. и по настоящее время успешно действует на базе экспертно-криминалистического центра МВД России по Алтайскому краю, а с 2008 г. – и на базе бюро судебно-медицинской экспертизы подразделения со специалистами данного направления. Экспертные исследования выполняются для ОВД-УВД не только нашего, но и ближайших регионов (Республика Алтай, Новосибирская и Кемеровская области, Республика Хакасия). Акцент в работе специалистов направлен на выполнение диагностических (первичных) и идентификационных экспертных исследований (фото 3 и 4), сформирована и в полной мере используется краниологическая коллекция.

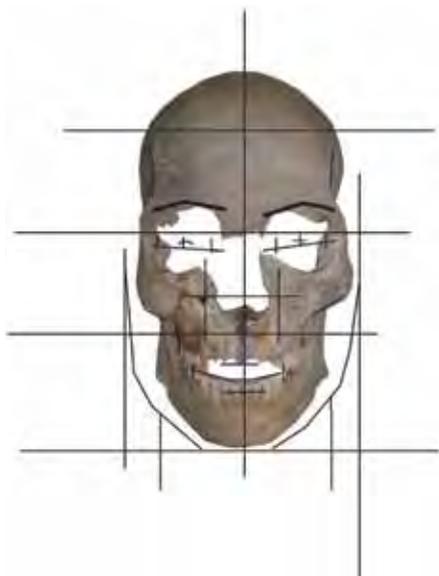

Фото 1. Графический способ восстановления внешнего облика по костным останкам черепа

Фото 2. Реконструкция внешнего облика по костным останкам черепа

Фото 3. Реконструкция внешнего облика по костным останкам черепа

Фото 4. Прижизненное изображение человека, череп которого после смерти был подвержен реконструкции

Л.Л. Гайдученко¹, К.Ю. Кирюшин²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**ПРИГАРЫ ИЗ КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ
ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА-VI В СЕВЕРНОЙ КУЛУНДЕ
(предварительное сообщение)**

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В 2013 г. в Хабаровском районе Алтайского края выявлен новый памятник – поселение Новоильинка-VI [Кирюшин, 2013, с. 202–206]. В 2014–2015 гг. на поселении исследовано 96 кв. м [Кирюшин, Ситников, Шабанова, 2015, с. 253–257]. В площадь раскопа практически полностью попало долговременное жилище эпохи энеолита (№1). Хорошо выделяются два горизонта: 1 – период, когда котлован жилища использовался как место, куда выбрасывали мусор и пищевые отходы (финальный энеолит); 2 – период функционирования жилища (ранний – развитый энеолит). В площадь раскопа попали части еще двух жилищ: №2 – в восточной части раскопа и №3 – в южной. Жилище №2, скорее всего, синхронно жилищу №1 и относится к эпохе финального энеолита, а №3 – к более позднему времени: финальный энеолит – ранняя бронза. В северо-восточной части раскопа выявлено пятно, которое может оказаться частью четвертого жилища. Между жилищами №1, 2 и 3 зафиксированы следы легких наземных конструкций, которые датируются более ранним временем: неолит – ранний энеолит. Можно констатировать, что поселение Новоильинка-VI является сложным археологическим объектом, который пока не имеет аналогов на территории Кулундинской степи в пределах Алтайского края.

Для первого горизонта поселения Новоильинка-VI получены две радиоуглеродные даты: 4290 ± 95 л. т.н. (СОАН-9042) и 4320 ± 100 л. т.н. (СОАН-9043). Калибровка этих дат значительно удревает период формирования культурного слоя первого горизонта памятника. В первом случае разброс значений по 1σ (вероятность 68,2%) занимает интервал от 3090 до 2690 г. до н.э., по 2σ (вероятность 95,4%) – от 3350 до 2550 г. до н.э. Во втором случае разброс значений по 1σ (вероятность 68,2%) занимает интервал от 3300 до 2750 г. до н.э., по 2σ (вероятность 95,4%) – от 3100 до 2700 г. до н.э. Таким образом, максимальный разброс составляет 800–750 лет, а минимальный – 400–550 лет. Это очень значительный интервал. Скорее всего, процесс формирования культурного слоя памятника происходил в течение более короткого промежутка времени. Если в первом случае учитываются значения по 1σ с вероятностью 47,3%, то полученный интервал составляет 180 лет – от 3030 до 2850 г. до н.э.

Если во втором случае учитываются значения по 1σ с вероятностью 66%, то полученный интервал составляет 350 лет – от 3100 до 2750 г. до н.э. С учетом калибровки радиоуглеродных дат материалы первого горизонта поселения можно датировать концом IV – началом III тыс. до н.э.

Вопрос об абсолютном возрасте комплексов второго и третьего горизонтов пока остается открытым. Скорее всего, хронологический разрыв между временем функционирования жилищ и их использованием в качестве мест, куда выбрасывали отходы, будет относительно небольшим. В 2015 г. из заполнения жилища №1 были отобраны образцы для радиоуглеродного датирования. Полученные результаты позволят нам вернуться к обсуждению вопроса абсолютного датирования материалов второго горизонта. Можно уверенно говорить о том, что возраст материалов третьего горизонта выходит за пределы III тыс. до н.э.

Обнаруженные находки костей животных (более 30000) позволяют утверждать о производящем характере экономики населения памятника [Гайдученко, Кирюшин, 2014, с. 421–427]. Его фаунистический комплекс отображает ранний этап становления «стада» домашних копытных (разведение лошади и крупного рогатого скота при отсутствии овцы и козы), отмечаемый для неолита и энеолита северной половины Казахстана [Гайдученко, 2002, с. 173–189; 2014, с. 211–214].

Остатки пригоревшего в древности содержимого керамических сосудов собирались с внутренних поверхностей фрагментов керамики непосредственно в поле (сезоны 2014 и 2015 гг.). Всего отобрано 15 образцов пригаров. В камеральных условиях они обработаны и изучены по методике Л.Л. Гайдученко [2000, с. 150–169].

Все отобранные образцы пригаров после деконсолидации оказались результативными. Состав слагающих пригары частиц приведен в таблице 1.

Таблица 1

Качественный состав пригаров
из керамических сосудов поселения Новоильинка-VI

Наименование частиц	Количество выявленных случаев по структурам поселения		
	верхние слои	жилище №1	жилище №2
Мясные*	2	–	1
Мясные + растительные незерновые	1	1	1
Мясные + зерновые (не злаки)	–	1	–
Молочные	3	3	2
Всего	6	5	4

* Для кратности под таким наименованием подразумеваются частицы как собственно мясного происхождения, так и субпродуктового и рыбного. Уверенно разделять их данный метод не позволяет.

Несмотря на небольшое количество подвергнутых анализу образцов из этого поселения ($n = 15$), ряд закономерностей все же удастся выявить на данном этапе исследования. Прежде чем приступить к изложению, оговорим, что, по нашему мнению, все образцы представляют собой пригары от приготавливавшейся в сосудах пищи. В данном случае нет оснований (по крайней мере, пока) соотносить имеющиеся остатки пригаров с приготовлением каких-либо технологических растворов (отваров).

Все структуры изучаемого поселения характеризуются наличием в соотносимых с ними сосудах как простых, однокомпонентных, так и композитных пригаров. Соотношение их представлено в таблице 2. Из нее следует, что во всех структурах простые пригары преобладают над композитными.

Таблица 2

Соотношение простых и композитных пригаров по структурам поселения Новоильинка-VI (%%)

Структуры поселения	Частота встречаемости пригаров	
	простых	композитных
Верхние слои	83,33	16,66
Жилище №1	60,0	40,0
Жилище №2	75,0	25,0
В целом по поселению	73,33	26,66

Мы считаем, что преобладание простых пригаров над композитными детерминировано достатком традиционных пищевых продуктов у древнего населения изучаемого поселения во все периоды его обитания. Присутствие в пищевых композициях некоторой доли продуктов растительного происхождения можно рассматривать как пищевкусовые и/или регулирующие работу пищеварительного тракта добавки. В данном случае, вероятно, растительные добавки нельзя соотносить с пищевым балластом, вводимым для усиления эффекта насыщения. Ингредиентный состав изученных пригаров приведен в таблице 3.

Таблица 3

Ингредиентный состав пригаров поселения Новоильинка-VI в целом

Наименование ингредиента	Количество случаев	
	абсолютное	относительное (%%)
Мясо	7	36,84
Молоко	8	42,1
Незерновые части растений	3	15,79
Зерновые части растений (не злаков)	1	5,26
Продукция животноводства и охоты	15	78,95
Продукция собирательства	4	21,05
Всего случаев	19	100

Данные анализа пригаров отображают лишь часть пищевого спектра древнего населения. Количественно определить долю этой части в питании мы не можем. Тем не менее, опираясь на показатели соотношений ингредиентов в пригарах, мы вполне адекватно можем оценить значимость таких ингредиентов в той части пищи, которая приготавливалась в сосудах – варилась и/или тушилась в них.

Данные колонки 3 таблицы 3 отображают относительное содержание того или иного ингредиента пригаров всей совокупности образцов из поселения Новоильинка-VI. Это отвечает продуктовым предпочтениям и возможностям населения данного пространственно-временного континуума при подборе продуктов для приготовления пищи в горшках на огне.

Основным продуктом для такого приготовления у древних «новоильинцев» являлось молоко. Второе место по частоте встречаемости отводилось мясу, субпродуктам и, возможно, рыбе. Вся совокупность продуктов животного происхождения в пригарах составляет 78,95% по количеству случаев обнаружения. Это указывает на преобладание в питании древнего населения продукции животноводства и охоты, что хорошо согласуется с данными археозоологических определений для исследуемого памятника [Гайдученко, Кирюшин, 2014].

Наряду с мясными и молочными продуктами, в пищевых композициях использованы и продукты растительного происхождения. Ранее уже отмечалось, что это, вероятно, пищевкусовые и физиологически обусловленные добавки. В совокупности они являлись продукцией собирательства, что, учитывая приуроченность изучаемого памятника к обширной речной долине, вполне логично предположить.

Большая значимость молока, по нашему мнению, напрямую связана с обеспеченностью древних обитателей поселения Новоильинка-VI этим продуктом. Опосредованно это указывает на обитаемость поселения в теплый период года, когда молокопродуктивность скота наиболее высока.

Библиографический список

Гайдученко Л.Л. Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением Урало-Казахстанских степей в эпоху неолита-бронзы // Археолог. источник и моделирование древних технологий : тр. музея-заповедника «Ар-каим». Челябинск, 2000. С. 150–169.

Гайдученко Л.Л. Время появления и особенности древнейшего степного животноводства в Казахстане // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014. С. 211–214.

Гайдученко Л.Л. Некоторые биологические характеристики животных из жертвенных комплексов кургана 25 Большекараганского могильника // Ар-каим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника) : в 2 кн. Кн. 1. Раздел IV. Челябинск, 2002. С. 173–189.

Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю. Новые остеозоологические материалы из раскопок энеолитического поселения Новоильинка-VI в Кулунде // Маргулановские чтения – 2014. Алматы ; Павлодар, 2014. С. 421–427.

Кирюшин К.Ю. Поселение Новоильинка-VI – новый памятник энеолита Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск, 2013. С. 202–206.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Шабанова О.Н. Материалы второго горизонта жилища №2 поселения Новоильинка-VI (предварительные итоги исследования) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск, 2015. С. 253–257.

Н.Н. Головченко, Е.А. Головченко

*Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия*

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ С ТЕРРИТОРИИ с. КРУТИХИ

Исследования проведены за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036) «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»

Осенью 2015 г. Верхнеобский археологический отряд Алтайского государственного педагогического университета осуществил мониторинг оврагов и прилегающих к ним зон вдоль течения р. Крутишки на территории районного центра Крутихи. Данные исследования явились продолжением работ отряда в Крутихинском районе Алтайского края по мониторингу памятников историко-культурного наследия [Головченко, Кузнецова, 2014, с. 25–32; Головченко, 2015, с. 68–70]. В ходе работ собрана небольшая коллекция керамики и каменных изделий.

Большая часть керамического материала (35 фрагментов) не орнаментирована и представляет собой осколки стенок русских лепных сосудов, среди всей керамической коллекции найден один фрагмент венчика (рис.-1). Все находки керамики тяготеют к зоне оврагообразования в районе ул. Заречной и были выявлены на участке общей площадью около 60–80 кв. м. По устному сообщению старожила Г.В. Ушакова, когда-то в тех местах располагались овечьи выгоны и стояло несколько стаек. Время бытования выгона информатор, к сожалению, конкретизировать не смог. Вероятно, найденные находки – посуда пастухов.

Коллекция случайных находок с территории с. Крутихи

Отдельного внимания заслуживают находки камней в устьевой зоне р. Крутишки. Следы «обработки» на камнях незначительны и, скорее всего, явились следствием случайных процессов. В пользу этого свидетельствуют как неподходящее для обработки сырье, так и отсутствие явно заметной техники обработки камня. Однако близость к месту их обнаружения энеолитических памятников (Крутихинская Сопка, Крутиха-11 и др.) заставляет нас быть осторожными в атрибуции подобных находок. Один из камней может быть определен как ретушированный скол (рис.-2), другой скол – возможно, производственный отход (рис.-3).

Данные находки являются незначительной частью комплекса артефактов, встречающихся в зоне, прилегающей к оврагу, в огородах местных жителей. С завидным постоянством на территории с. Крутихи можно обнаружить как фрагменты керамики, так и другие археологические находки. Последнее обстоятельство вынуждает установить над этой зоной своеобразный археологический надзор, чтобы избежать утраты более ценных находок.

Библиографический список

Головченко Н.Н., Кузнецова Е.А. Археологическая разведка в Крутихинском районе Алтайского края // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 9. Павлодар, 2014. С. 25–32.

Головченко Н.Н. Археологическая разведка в Крутихинском районе Алтайского края осенью 2014 года // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул, 2015. С. 68–70.

В.В. Горбунов, А.А. Тишкин, Я.В. Фролов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ ПОДВЕСКА ИЗ КРАСНОЩЕКОВСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта №14-01-00463а «Этнокультурные процессы на юге Западной Сибири в раннем средневековье», а также при реализации гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Произведения средневековой торевтики с изображениями людей являются достаточно редкими археологическими находками на юге Западной Сибири. Серия таких изделий происходит из погребальных памятников 2-й половины VIII – 1-й половины XI в. н.э., относящихся к сросстинской культуре. Эти предметы представляют собой небольшие пряжки, нашивки, подвесные и накладные бляхи, сделанные из цветных металлов и служившие украшениями костюма человека или снаряжения верхового коня

[Абдулганеев, Шамшин, 1990, рис. 2.-5; Абдулганеев, Егоров, 1995, рис. 2; Алехин, 1998, рис. 1.-1-3, 9; Иванов, 2000, рис. 35.-10; Могильников, 2002, рис. 82.-16, 91.-10; Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004, рис. 1.-15; Тишкин, Горбунова, Тишкина, 2009, рис. 1.-1-2, 5; Горбунов, 2010, рис. 1]. У авторов настоящей статьи появилась возможность пополнить представленную серию важной находкой случайного происхождения.

В 2012 г. жителями Барнаула А.В. Неверовым и Е.Б. Красноперовым на месте расположения русской деревни, исчезнувшей в конце XVIII или в XIX в., была найдена бляха-подвеска в виде мужской личины. Предмет обнаружен в пойме Чарыша (на правом берегу), в 1,5 км к северу от пос. Чарышский Краснощековского района Алтайского края (рис. 1). Возможно, средневековое изделие оказалось в культурном слое более позднего времени в результате деятельности бугровщиков.

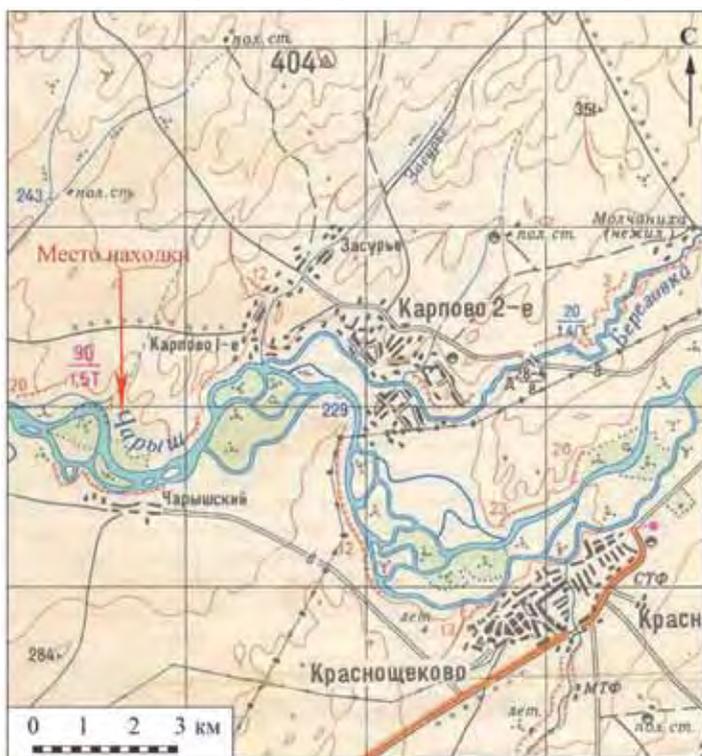

Рис. 1. Местонахождение антропоморфной бляхи-подвески на фрагменте карты Алтайского края

Рассматриваемая подвеска имеет такие внешние размеры: 3,6 x 2,8 x 0,4 см (рис. 2). Толщина металлической основы по краю составляет около

0,15 см. Предмет изготовлен в технике литья с элементами дополнительной проработки деталей на лицевой поверхности. Бляха воспроизводит голову мужчины явно монголоидного типа (рис. 2.-1а, 2а). На лице рельефно показаны брови, переходящие в широкий уплощенный нос, уши, узкие глаза, щеки, усы (слегка загнутые вверх), маленький рот, закругленная борода. Прическу на голове с пробором посередине передают наклонные линии. Аналогичные, но вертикально расположенные бороздки детализируют бороду. Лоб, глаза, уши и усы показаны небольшими углублениями. Выше головы имеется выступ-ушко (размерами 0,8 x 0,7 см) с отверстием для подвешивания диаметром 0,3 см (рис. 2).

Рис. 2. Бронзовая бляха-подвеска в виде мужской личины:

1 – фотоснимки изделия: а – вид с лицевой стороны, б – вид с тыльной стороны (выполнены А.А. Тишкиным); 2 – прорисовки находки: а – лицевая сторона, б – разрез, в – вид сбоку (выполнены И. Чудилиным)

Для установления химического состава сплава, из которого была сделана бляха-подвеска в виде личины, в Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета одним из авторов статьи произведены исследования с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США). Для этого использовалась специальная аналитическая программа выявления компонентов сплава из цветных металлов.

Тестирование осуществлялось в разных местах изделия для получения более объективного заключения. Зафиксированы следующие результаты:

1) в центре лицевой окисленной поверхности: Cu (медь) – 65,49%; Sn (олово) – 20,34%; Pb (свинец) – 11,34%; Zn (цинк) – 1,62%; Fe (железо) – 1,15%; Ni (никель) – 0,06%;

2) та же сторона изделия (верхняя часть): Cu – 62,97%; Sn – 22,66%; Pb – 11,25%; Zn – 1,74%; Fe – 1,03%; As (мышьяк) – 0,3%; Ni – 0,05%;

3) противоположная (внутренняя) поверхность без снятия окислов: Cu – 74,23%; Sn – 15,58%; Pb – 7,75%; Zn – 1,66%; Fe – 0,73%; Ni – 0,05%;

4) участок верхней части внутренней стороны предмета, на котором механическим путем были удалены окислы, исследовался четырежды в разных местах:

– Cu – 76,45%; Sn – 14,51%; Pb – 7,08%; Zn – 1,62%; Fe – 0,34%;

– Cu – 76,85%; Sn – 13,89%; Pb – 7,19%; Zn – 1,63%; Fe – 0,36%; Ni – 0,08%;

– Cu – 77,01%; Sn – 13,86%; Pb – 7,13%; Zn – 1,61%; Fe – 0,31%; Ni – 0,08%;

– Cu – 77,37%; Sn – 13,52%; Pb – 7,02%; Zn – 1,64%; Fe – 0,36%; Ni – 0,09%.

Полученные результаты свидетельствуют об использовании сложного сплава, основу которого составляла медь. В качестве добавок, влияющих на качество металла и цвет изделия, привлекались олово, свинец и цинк в разных пропорциях. Такой набор элементов уже ранее фиксировался с помощью рентгенофлуоресцентного анализа при изучении украшений конского снаряжения, найденных в памятниках раннего средневековья, в том числе сросткинской культуры [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009]. Медно-оловянно-свинцово-цинковый сплав является художественной бронзой, которая демонстрирует наиболее оптимальный состав для получения изобразительных изделий. Существенное количество свинца, по всей видимости, добавлялось для облегчения процесса отливки. Что касается выявленного железа и никеля, а также мышьяка, то они могут демонстрировать остатки окислов в поверхностном слое предмета или сопроводительные рудные элементы.

Ближайшей (практически идентичной) аналогией публикуемой бляхе-подвеске является металлическая мужская личина [Тишкин, Дашковский, 2008, с. 3, 9; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 59], обнаруженная в могиле кургана №8 на памятнике Чинета-II. Исследованный объект датируется 2-й половиной IX в. н.э. и относится к сросткинской культуре [Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004, с. 413, рис. 1.-15]. Указанный памятник также располагается в Краснощековском районе Алтайского края. Найденная в нем бляха с выступом-ушком входила в состав достаточно «богатого» инвентаря детского погребения, сопровождавшегося захоронением лошади, где являлась нагрудным украшением костюма, наряду с двумя колокольчиками и ажурной подвеской. Высокая степень сходства обоих изделий позволяет предположить их изготовление в одной мастерской.

По стилистическим признакам к представленным бронзовым бляхам можно отнести еще шесть металлических подвесок из сrostкинских погребений 2-й половины IX – 1-й половины XI в. н.э.: две личины в шлемах из археологических комплексов Сростки-I и Гилево-XII [Горбунов, 2003, рис. 36.-3, 6], личины с прическами из Кондратьевки-IV и Калиновки-I [Алехин, 1998, рис. 1.-9; Иванов, 2000, с. 85, рис. 35.-10] и три личины со стержневидными отростками ниже бороды из памятников Сростки-I и Кондратьевка-IV [Алехин, 1998, рис. 1.-3; Горбунов, 2010, рис. 1.-4–5]. Две подвески-личины из Кондратьевки-IV также являлись нагрудными украшениями «богатого» детского костюма [Алехин, 1998, с. 202], а личина в шлеме из Гилево-XII была найдена в ограбленном мужском захоронении с конем [Могильников, 2002, с. 34]. Для всех этих предметов характерны каноничные приемы передачи лица человека, схожие с традицией изображений на тюркских каменных изваяниях. Более ранней версией сrostкинских личин, видимо, является золотая пластина-нашивка с тисненым изображением лица человека, найденная в погребении по обряду ингумации с лошадьё на памятнике Точильное-5, где она являлась нагрудным украшением костюма [Абдулганеев, Шамшин, 1990, с. 102, рис. 2.-5]. По комплексу сопроводительного инвентаря этот памятник следует датировать 2-й половиной VIII – 1-й половиной IX в. н.э. Изображение на данной личине тоже напоминает тюркские каноны, но в ранних формах плит-изваяний, где «вырезалась» лишь голова человека [Горбунов, Тишкин, 2014, с. 27].

В целом среди произведений торевтики сrostкинской культуры бляхи-личины составляют отдельную группу, наряду с подвесками в виде конных и пешего воинов и сердцевидными накладками на ремни конской амуниции, в центре которых изображены мужские головы [Горбунов, 2010, с. 16–19].

На территориях, сопредельных с ареалом сrostкинской культуры, пока известны лишь случайные находки подвесок-личин (в основном из Минусинской котловины). Часть из них выполнена в совершенно другом стиле [Король, 2008, рис. 22, табл. 12]. Традиция использования изображений мужских голов в виде украшений конского снаряжения фиксируется в пазырыкской культуре [Руденко, 1953, табл. XLIII–XLIV].

В заключение следует отметить, что публикуемая бляха-подвеска в виде личины как по месту своего обнаружения, так и по ближайшим аналогиям может быть отнесена к материалам сrostкинской культуры (вероятнее всего, к грязновскому этапу, датируемому 2-й половиной IX – 1-й половиной X в. н.э. [Тишкин, Горбунов, 2002]).

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Егоров Я.В. Новые раскопки на Ближних Елбанах // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V, ч. 2. Барнаул, 1995. С. 190–195.

Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б. Аварийные раскопки у с. Точильное // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 99–104.

Алехин Ю.П. Курган кимакской знати на Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX. Барнаул, 1998. С. 201–203.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. 174 с.

Горбунов В.В. Антропоморфные подвески из могильника Сростки-I // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010. С. 16–19. (Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VI).

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Выявление и изучение тюркских изваяний в долине Буянты (Монгольский Алтай) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул, 2014. С. 23–27 (Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 4).

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул, 2009. 144 с.

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. Мамонтово; Барнаул, 2000. 160 с.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М. ; Кемерово, 2008. 332 с. (Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. V).

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002. 362 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л., 1953. 402 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. №9. Горно-Алтайск, 2002. С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья : иллюстрированный исторический атлас. Барнаул, 2011. 136 с. : ил.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., Тишкина Т.В. Раннесредневековые металлургические украшения конского снаряжения из коллекции Н.С. Гуляева // Роль естественных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 333–335.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Историко-культурное наследие Алтая: Древности Краснощековского района. Вып. 2. Барнаул, 2008. 16 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X, ч. 1. Новосибирск, 2004. С. 410–415.

С.П. Грушин, А.Л. Кунгуров, Н.А. Шейда

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
СОШ с. Озерно-Кузнецово, Алтайский край, Россия*

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ОЗЕРНО-КУЗНЕЦОВО-III В УГЛОВСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Памятник Озерно-Кузнецово-III находится в 0,5 км к юго-западу от одноименного села в Угловском районе Алтайского края. Он открыт

школьниками краеведческого кружка с. Озерно-Кузнецово под руководством руководителя – учителя истории Н.А. Шейды. На памятнике с 1999 по 2010 г. ими собрана представительная коллекция артефактов, которая состоит из фрагментов керамики, каменных наконечников стрел, вкладышей, призматических пластин, отщепов, скребков и проч. Судя по представленным в коллекции артефактам, памятник многослойный, включающий как могильники, так и поселения разного времени.

В имеющейся коллекции керамики, находят отражение хронологические периоды от неолита до средневековья. С периодом позднего неолита связан основной массив каменных артефактов [Кунгуров, Онников, Тишкин, 1999]. Техника расщепления представлена мелкими и средними призматическими пластинами устойчивой формы и пластинчатыми отщепами (рис.-7–8). Пластины усечены с двух концов (рис.-1–2, б) или с дистальной части (рис.-3–5). Обработка присутствует на всех изделиях, частично модифицируя кромки заготовок. Основной прием – ретуширование. Ретушь мелкая чередующаяся регулярная, иногда образует микрорубчатость и выемчатый абрис. Имеется один двойной укороченный концевой скребок на пластине средних размеров (рис.-9) и три скребка на массивных крупных пластинчатых отщепах (рис.-10–11), один из которых двойной (рис.-12). Рабочие кромки во всех случаях имеют высокую форму и обработаны аккуратными регулярными удлиненными сколами и мелкой притупляющей ретушью. Обработка фиксируется и на продольных краях. Расположение рабочих краев, кромок и участков на орудиях из пластин и пластинчатых сколов дорсальная.

Отщеповая индустрия представлена скребками, наконечниками стрел и дротика. Скребки имеют укороченные пропорции, широкие, с высокой формой рабочего края, дорсальные. Все отличаются достаточно разнообразной формой: подпрямоугольный с прямым рабочим краем (рис.-25), угловатый с двумя сходящимися краями (рис.-26), конвергентные с обработкой по периметру (рис.-21, 27–28), случайной формы с выемками и зубцами (рис.-20), неровно-овальные с ретушью по периметру (рис.-23–24, 29, 31), неровно-сегментовидный (рис.-22), веерообразный с ретушью по одной продольной кромке (рис.-30), крупные и средний скребковидные инструменты (рис.-32–34).

Шесть артефактов относятся к наконечникам дистанционного вооружения – пять стрел и дротик. Формы этих орудий, как и размеры, достаточно разнообразны. Целые наконечники представлены треугольным изделием со слегка овальными краями и прямым насадом (рис.-13) и треугольным орудием с глубокой выемкой (рис.-15). У трех предметов более мелких размеров насад утерян. Они имеют подтреугольную форму с незначительными отличиями. Один наконечник достаточно узкий и асимметричный (рис.-16), второй – более широкий с овальными продольными краями (рис.-17), третий – также асимметричен и имеет зубчатые кромки (рис.-18). Обломок дротика представлен срединной частью (рис.-14).

Находки археологического материала с памятника Озерно-Кузнецово-III

В коллекции имеется скребловидное орудие из угловатого обломка, слабо окатанного кварцитовой отдельности (рис.-33) и фрагмент сильно изношенного тесла с подшлифовкой поверхности (рис.-19). Также обращает на себя внимание сырьевой ресурс каменного индустриального комплекса, характерный для степной зоны юго-западных районов Алтайского края: цветная яшма различных оттенков и кремнистые породы из Рудного Алтая, серый и розоватый кварцитник из Восточного Казахстана.

Период ранней бронзы представлен крупными фрагментами от одного плоскодонного сосуда, украшенного горизонтальными и диаго-

нальными лентами «шагающей гребенки». Такая керамика характерна для елунинской культуры Обь-Иртышья [Кирюшин, 2002; Грушин, 2003].

Фрагменты керамических сосудов с резной и накольчатой техникой орнамента. Орнаментационные мотивы в виде прочерченных меандров, прямых концентрических линий, образующих треугольник, заштрихованных треугольников (рис.-38). Подобные виды орнамента встречаются в материалах андроновской культурно-исторической общности средней бронзы [Уманский, Кирюшин, Грушин, 2008].

К эпохе средневековья относятся полностью реконструированный керамический плоскодонный сосуд, украшенный поясом ямочных вдавлений под венчиком (рис.-37), а также керамика с накольчатой техникой, выполненной гребенчатым орудием (рис.-39). В коллекции имеется небольшой фрагмент бронзового изделия, имеющий серповидную форму, отлитый в односторонней форме. На предмете присутствуют следы плавки в виде каверн, заусенец, следов литейных швов.

Таким образом, наличие почти целых сосудов в коллекции и сборы многочисленных фрагментов костей человека позволяют утверждать о наличии елунинского, андроновского и одинцовского (?) могильников бронзового и раннего железного веков. Находки позднего неолита связаны, скорее всего, с поселенческим комплексом. Немногочисленные материалы эпохи средневековья не позволяют на данный момент связать их с конкретным типом памятников и культурой.

Библиографический список

Грушин С.П. Керамический комплекс поселения Березовая Лука как исторический источник по изучению орнаментальных традиций елунинской культуры // Источники по истории Западной Сибири. Ч. 1. Сургут, 2003. С. 54–60.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка I // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 25–40.

Кирюшин Ю.Ф., Симонов Е.В. Каменный сосуд из Угловского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1997. С. 167–171.

Кунгуров А.Л., Онников А.В., Тишкин А.А. Каменная индустрия эпохи неолита с поселения Рубцовское // Проблемы неолита-энеолита юго-западной Сибири. Кемерово, 1998. С. 58–63.

Кунгурова Н.Ю. Технологические традиции населения большемысской культуры предгорной зоны Алтая Салаирского края // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. №3. Горно-Алтайск, 1998. С. 15–22.

Тишкин А.А. Поселение Рубцовское в пойме р. Алей // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. 2, ч. 2. Барнаул, 1995. С. 30–35.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул, 2007. 132 с.

С.П. Грушин, Д.С. Леонтьева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА НАКОНЕЧНИКА ДРОТИКА
У с. РУЛИХИ (Восточно-Казахстанская область)**

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010п, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», и в рамках базовой части государственного задания Алтайского государственного университета, код проекта: 1006, тема «Использование естественно-научных методов в реконструкции историко-культурных процессов на Алтае в древности»

Введение в научный оборот случайных находок – предметов материальной культуры прошлого – имеет важное значение для пополнения источниковой базы по различным историческим периодам или областям человеческой жизнедеятельности. Такие находки, как правило, отличает хорошая сохранность, позволяющая судить о многих деталях их устройства и технологии изготовления, которые искажаются у предметов из закрытых археологических комплексов [Горбунов, Кирюшин, 2006].

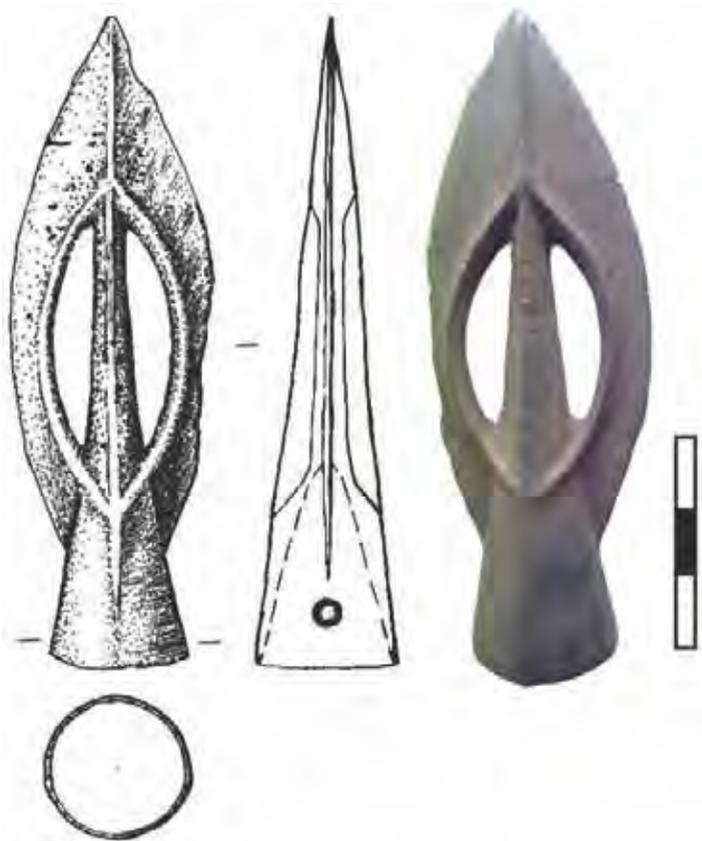
Целью нашей работы является публикация случайной находки предмета вооружения – металлического наконечника. Он был найден в 2015 г. учеником 11-го класса Рулихинской средней школы Антроповым Борисом во время полевых работ на юго-восточной окраине с. Рулихи, Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области. В настоящее время артефакт хранится в школьном музее с. Рулихи*.

Наконечник (общая длина 8,9 см) – втульчатый, с широким вытянутым листовидным пером, наибольшее расширение которого приходится на центр. Перо имеет подовальные вырезы на лопастях с расширением к основанию, окаймленные выступающими валиками. Втулка короткая, в виде раструба, круглая в сечении (диаметр 2 см), с двумя противоположными отверстиями для крепления к древку. По центру пера проходит нервюра, заходящая на втулку. Сохранность наконечника хорошая, но поверхность изделия несет следы современного механического воздействия. Края пера немного обломаны.

Наконечники подобного типа, с прорезным пером, исследователи обычно относят к группе копий [Аванесова, 1991; Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982]. Однако морфологические признаки и размеры найденного изделия позволяют отнести его к группе наконечников дротиков. Так, основным критерием, разграничивающим наконечники копий и дротиков, становится диаметр втулки, косвенно указываю-

* Авторы выражают благодарность за помощь в работе руководителю музея Ирине Викторовне Ченцовой.

щий на толщину древка, от которого зависело, использовалось ли оружие для метания или для нанесения колющего или таранного удара. В том случае, если он превышает 2,5 см, то изделие, скорее всего, является копьем, поскольку было слишком тяжелым для метания [Лихачева, 2013, 2015].

Бронзовый наконечник дротика из с. Рулихи
(Восточно-Казахстанская область)

Дротик представляет собой древковое оружие колющего действия, предназначенное для метания и поражения противника на дальней дистанции. Он состоит из поражающей части – наконечника и несущей – древка.

Подобные наконечники в Казахстане представлены шестью экземплярами: три – происходят из поселений с валиковой керамикой Черноозерье-VIII [Генинг, Гусенцова, и др., 1970], Чаглинка – 2 экз.

[Оразбаев, 1970, с. 129], один – из клада в Предгорном [Кузьмина 1967], и два – как случайные находки с Амурдарьи и правого берега Иссык-Куля [Козловский, Аванесова, 1983 с. 34]. На территории Верхнего Приобья данный тип изделий представлен двумя случайными находками из с. Буканского [Абдулганеев, Кирюшин, Кадилов, 1982; Иванов, 2000], и один наконечник обнаружен в Горном Алтае у с. Чепош [Абдулганеев, Кирюшин, Кадилов, 1982].

В целом, наконечники с прорезным пером были широко распространены на территории степной и лесостепной Евразии, от Приднепровья и Причерноморья до Казахстана, Алтая и Енисея. Они являлись ведущим в этой категории оружием для населения саргаринско-алексеевской культуры позднего бронзового века (XII – 1-я половина VIII в. до н.э.) [Аванесова, 1991; Грушин, Папин, и др., 2009, с. 97].

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадилов Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52–77.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991. 200 с.

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 12–51.

Горбунов В.В., Кирюшин К.Ю. Случайная находка из с. Володарка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV. Барнаул, 2006. С. 179–180.

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул, 2000. 160 с.

Лихачева О.С. Копья и дротики раннескифского времени с территории лесостепного Алтая // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект. Владивосток, 2013. С. 199–201.

Лихачева О.С. Развитие древкового оружия средней дистанции у населения лесостепного Алтая в бронзовом и раннем железном веке // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. III. СПб., 2015. С. 69–84.

Козловский В.А., Аванесова Н.А. Прорезной втульчатый наконечник копья с берега Амурдарьи // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 19. Ташкент, 1983.

Кузьмина Е.Е. Клад у с. Предгорное и вопрос о связях населения евразийских степей в конце эпохи бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев, 1967.

Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 129–146.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. 160 с.

Самашев З., Ермолаева Е., Куц Г. Древние сокровища Казахского Алтая. Алматы, 2008. 200 с.

С.П. Грушин, А.Л. Кунгуров, Д.С. Леонтьева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ С ПАМЯТНИКА ОЗЕРКИ НА р. ЧАРЫШЕ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010п, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», и в рамках базовой части государственного задания Алтайского государственного университета, код проекта: 1006, тема «Использование естественно-научных методов в реконструкции историко-культурных процессов на Алтае в древности»

В ходе археологического обследования Чарышского района Алтайского края археологическим отрядом АлтГУ проведены работы на памятнике Озерки. Памятник расположен в 2 км к югу от с. Озерки в месте впадения в р. Сосновку р. Трактовой на террасе, разрушенной автодорогой Алейск – Чарышское. Памятник был открыт в 1999 г. П.И. Шульгой и С.А. Суворовым [Шульга, 2000]. На краю террасы выявлена кольцевая кладка диаметром около 5 м из лежавших сланцевых плит размерами 80 x 50 x 10 см. У восточного края оползающей вниз по склону ограды был найден развал афанасьевского сосуда без венчика и днища. В отвалах к востоку от памятника обнаружены плиты каменных оград, которые оказались перемещены при строительстве дороги. Погребения разрушены [Шульга, 2000].

В ходе археологического обследования в 2015 г. был снят глазомерный план памятника, определены координаты примерных границ археологического объекта и осуществлен сбор подъемного материала в зоне разрушения. В обрыве террасы обнаружены торчащие каменные сланцевые плиты. Они располагаются на метровой глубине от уровня современной поверхности террасы. Скорее всего, это остатки разрушенной афанасьевской ограды, описанной ранее [Шульга, 2000]. Кольцевая кладка не зафиксирована. По-видимому, к настоящему времени она полностью разрушена. В ходе визуального осмотра склона разрушенной террасы собран подъемный материал: 15 каменных артефактов и два фрагмента керамики.

Каменные орудия памятника изготовлены из четырех видов минерального сырья. Наибольшее количество получено из черного, частично прозрачного кремнистого однородного материала со светлыми размытыми прожилками. Подобный кремнь часто использовался в каменных индустриях Горного Алтая и являлся наиболее качественным минеральным ресурсом региона в каменном веке (рис.-2, 8–10, 13, 15). Одинаковое количество изделий (по четыре артефакта) сделаны из окремненного непрозрачного синевато-темно-серого мелкозернистого песчаника (рис.-1, 3, 11, 14) и коричневато-бурой яшмы (рис.-4–6, 12). Этот материал типичен

для региона и получен, скорее всего, из аллювия Чарыша. Один предмет (рис.-7) изготовлен из светло-серого патинированного, возможно, яшмовидного кремня. Подобный сырьевой ресурс характерен для материалов рубцовской неолитической культуры [Кунгуров, Онников, Тишкин, 1998].

Индустриальный комплекс представлен 15 изделиями: четыре иллюстрируют технику расщепления, три являются отщепами и восемь – продуктом расщепления: пластинами (5) и пластинчатыми отщепами (3).

Первая группа демонстрирует развитую технологию призматического расщепления: нуклеус (рис.-1) и сколы обновления грани «площадка-фронт» (рис.-2–4). Нуклеус истощен и дополнительно оббит с целью использования в качестве, видимо, скобеля, впрочем, неудачно. Все предметы отражают приемы призматического расщепления с нуклеусов, имеющих округлый фронт, прямой или близкий к прямому углу площадки и продольной оси орудия, фасетированную площадку скалывания. Фасетки снятий, фиксирующиеся на всех изделиях, показывают получение средних и мелких соразмерных пластин с параллельными кромками. Именно подобные пластины составляют наиболее выразительную часть коллекции.

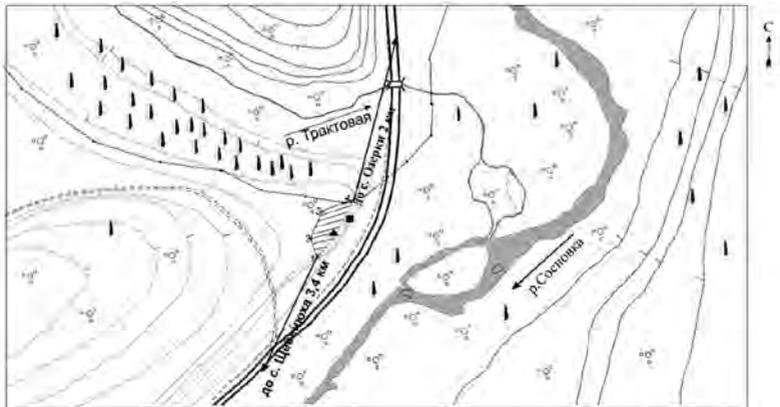
Все пластины усечены в процессе вторичной обработки. Три представлены полноразмерными изделиями с усеченным дистальным фрагментом (два – средних размеров и одно – мелкое) (рис.-5–7), две (мелкое и среднее) являются сечениями. Все пластины имеют следы утилизации на продольных кромках. На двух пластинах фиксирующаяся ретушь мелкая, регулярная, притупляющая, преимущественно дорсальная по одному (рис.-6) и двум (рис.-8) продольным краям. На мелкой усеченной пластине четко оформлен притупленный левый край (рис.-7).

На пластинчатых отщепах средних размеров (рис.-10–12), мелком (рис.-15) и средних (рис.-14) отщепах, один из которых является полупервичным (рис.-13), присутствуют только следы утилизации в виде разноразмерных выщерблин и сломов.

Также найдены два небольших фрагмента керамики (рис.-16), один из которых орнаментирован гребенчатым штампом. Керамика на изломе двухцветная: изнутри – до половины черная, снаружи – красно-оранжевая. Скорее всего, обжиг окислительный (костровой) или в обжиговой яме без поддува.

П.И. Шульга [2000] отнес курганный могильник Озерки к афанасьевской культуре, стоянку Озерки датировал временем палеолита. Материалы, обнаруженные во время мониторинга памятника в 2015 г., позволяют уточнить время существования стоянки. Комплекс каменных артефактов имеет ярко выраженный призматический характер, ориентированный на получение и утилизацию мелкой и средней призматической пластины из высококачественных кремнистых пород. Наиболее допустимая датировка материала – ранне-неолитическое время. Обнаруженные фрагменты керамики, вероятно, относятся к сосуду, обнаружен-

ному П.И. Шульгой в 1999 г., и датируются афанасьевским временем. Афанасьевская культура Алтая на сегодняшний день хронологически определяется в рамках XXXVII–XXVI вв. до н.э. [Грушин, 2009; Поляков, 2010].

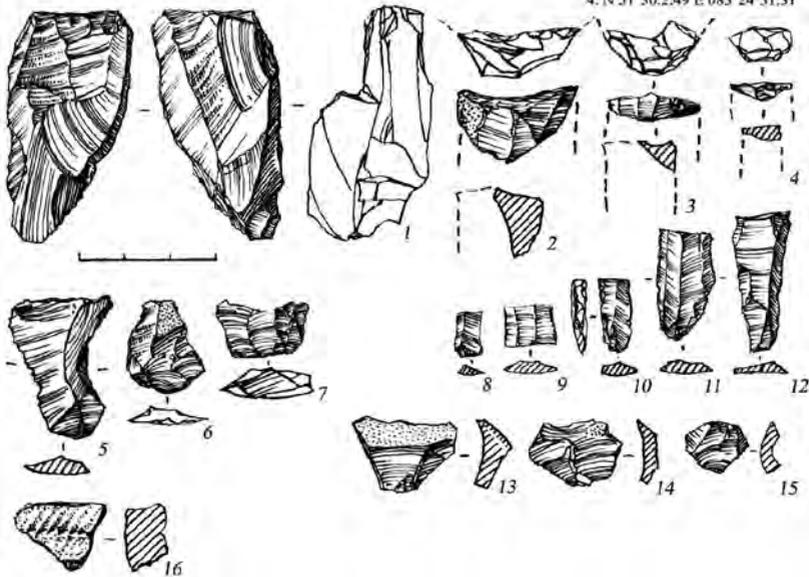
Условные обозначения:

	деревья		границы памятника		ЛЭП
	кустарник		грунтовая дорога		место сборов каменных орудий
					место сборов керамики

сечение горизонталей 2 м

GPS-координаты
угловых точек памятника:

1. N 51°30.4.34 E 083°24'32.69
2. N 51°30.4.02 E 083°24'31.36
3. N 51°30.3.26 E 083°24'30.78
4. N 51°30.2.49 E 083°24'31.31

Памятник Озерки. Топоплан и находки 2015 г.

Таким образом, проведенные работы на памятнике Озерки позволили получить материалы неолита – энеолита. Дальнейшее изучение памятника имеет значение для исследования культур, населявших предгорья Алтая на завершающем этапе каменного века, а также для спасения аварийного памятника.

Библиографический список

- Алтайский край. Атлас. Т. 1. М. ; Барнаул, 1978. 222 с.
- Грушин С.П. Радиоуглеродная хронология афанасьевских памятников Горного Алтая // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 110–112.
- Кунгуров А.Л., Онников А.В., Тишкин А.А. Каменная индустрия эпохи неолита с поселения Рубцовское // Проблемы неолита-энеолита юго-западной Сибири. Кемерово, 1998. С. 58–63.
- Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 158–171.
- Шульга П.И. Афанасьевские памятники в северо-западных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул, 2000. С. 108–114.

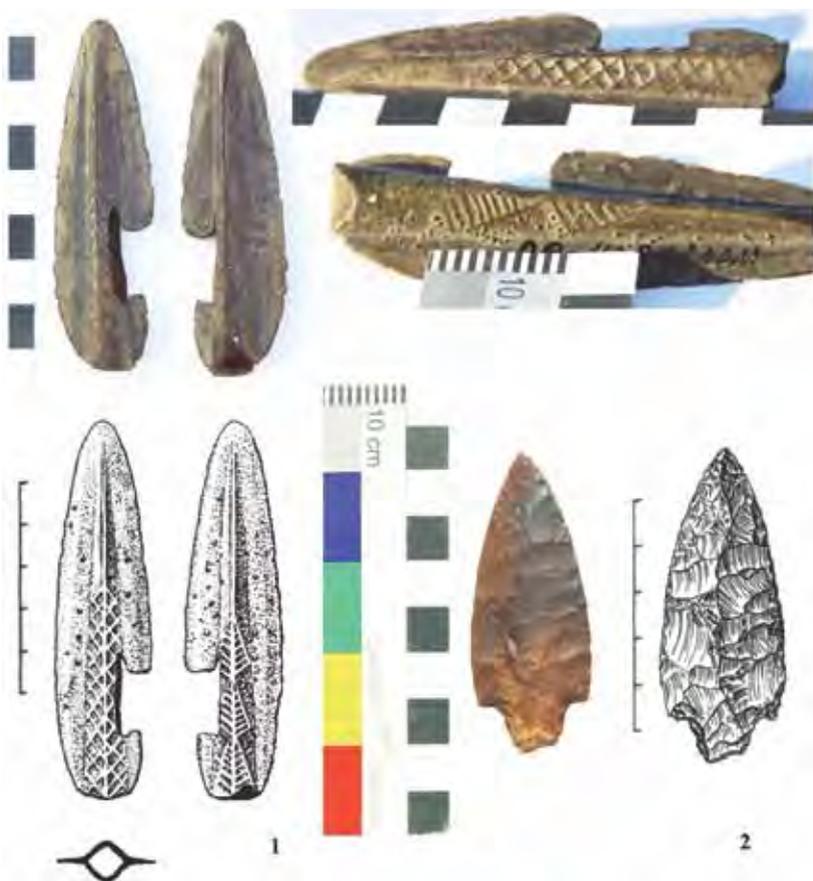
С.П. Грушин¹, Е.В. Симонов², В.О. Сайберт¹

²*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*
³*Угловский муниципальный краеведческий музей,
с. Угловское, Алтайский край, Россия*

НОВЫЕ СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ ИЗ УГЛОВСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

За последние несколько лет на территории Угловского района Алтайского края местными жителями обнаружены новые случайные находки наконечников стрел. Данная статья посвящена их характеристике и культурно-хронологической атрибуции. Случайная находка каменного наконечника стрелы (рис.-2) была сделана Н.В. Подкорытовым на пашне в 2,5 км к северо-востоку от с. Озерно-Кузнецово. Черешковый наконечник стрелы линзовидный в сечении с подтреугольной вытянутой формой пера имел общую длину 6,8 см, из них 5,9 см приходится на перо. Максимальное расширение пера – 2,6 см, черешок имел параметры 0,9 x 1,2 см. В настоящее время предмет находится в кабинете краеведения средней школы с. Озерно-Кузнецово.

Случайные находки наконечников стрел с территории Угловского района Алтайского края: 1 – бронзовый наконечник стрелы из с. Лаптев Лог; 2 – каменный наконечник стрелы, обнаруженный у с. Озерно-Кузнецово

Черешковые наконечники стрел в научной литературе получили название «сейминские». Подобные наконечники стрел известны в могильнике Синташта на Южном Урале (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, рис. 185.-6–13), а также на памятниках Ростовка (Матюшенко, Синецына, 1988, рис. 36.-1; 45.-5; 58.-1–5), Преображенка-III, Сопка-II (Молодин, 1985, рис. 16.-14–16), Крохалевка-I, Самусь-IV (Молодин, Глушков, 1989, рис. 15.-1–4), Ташково-II (Ковалева, 1997, рис. 53.-6–11; 54.-2–4) и др. Присутствуют они в памятниках Восточной Европы – срубной, поздняяковской, приказанской, чирковской и других культур. Появление черешковых наконечников стрел в Синташте, в абашевской

культуре не связано с сейминско-турбинскими популяциями (Григорьев, 1999, с. 61). В лесостепном и степном Обь-Иртыше наконечники стрел такого типа широко представлены в материалах елунинской культуры раннего бронзового века XXIII–XVIII вв. до н.э. Они известны в памятниках Березовая Лука, Кольванское-I, Телеутский Взвоз-I, Бураново, Нижняя Суетка, Староалейка-II, Усть-Алейка, Лебяжье, Денисовая Пещера, Григорьевка и др.

Интересные данные относительно функционального применения каменных черешковых наконечников стрел с памятника Преображенка-III приводит В.И. Молодин. Трасологический анализ этих изделий показал, что они имеют сильную специфическую залощенность, которая свидетельствует об использовании наконечников в качестве ножей для разделывания мяса, кожи и других мягких материалов [Молодин, 1977, с. 60]. Аналогичных следов на каменных наконечниках Верхнего Приобья на данный момент не отмечено.

Еще одна случайная находка – это бронзовый наконечник стрелы (рис.-1), обнаруженный местным жителем с. Лаптев Лог в огороде частного дома по адресу ул. Молодежная, 2. Втульчатый, двухлопастной наконечник имел длину 9 см, максимальное расширение пера – 2,2 см, диаметр втулки – 0,7 см. Втулка не выступает за пределы пера. По центру втулки имеется валик – ребро жесткости, по центру каждой лопасти – выраженная грань. На одной лопасти пера и части втулки имеется литейный брак – недолив металла. По втулке с двух сторон на изделии оформлен орнамент: с одной стороны – это два симметричных вертикальных ряда из трех заштрихованных треугольников; с другой стороны втулка орнаментирована сеткой.

Двухлопастные и втульчатые наконечники стрел имеют широкое распространение на огромной территории, куда входят Средняя и Центральная Азия [Кузьмина, 1966, с. 33–37], Западная Сибирь [Косарев, 1984, рис. 10.-17; Григорьев, 1999, рис. 70.-1], Минусинская котловина, Восточный Казахстан [Черников, 1960, с. 79], Сибирь [Варенов, 1997, с. 170–175]. Они встречаются в комплексах андроновской, срубной, еловской, ирменской, карасукской и других археологических культур бронзового века. Большая часть такого типа наконечников не имеет орнамента. Наконечники с орнаментом преобладают в памятниках лесной и лесостепной полосах Западной Сибири [Грушин и др., 2009, с. 42]. Орнаментированный наконечник такого типа известен из II Еловского курганного могильника периода поздней бронзы [Косарев, 1984, рис. 10.-17; Григорьев, 1999, рис. 70.-1]. На поселении Куделька-II в Присалаирье В.А. Захом [1997, рис. 19.-24, 32] обнаружены две сломанные каменные створки для отливки орнаментированного «елочкой» наконечника. Аналогичные литейные формы, только для отливки более крупного наконечника, вероятно, дротика, найдены в погребении №21 могильника Ростовка на Иртыше [Матющенко, Синицына, 1988, рис. 36.-3].

Важно отметить, что находка двухлопастного и втульчатого наконечника стрелы на территории Угловского района не единственная. Подобного типа стрелы, только без орнамента, обнаружены у сел Беленькое и Озерно-Кузнецово [Грушин, Дашковский, 2002]. Появление двухлопастных втульчатых наконечников стрел связано с елунинской культурой раннего бронзового века XXIII–XVIII тыс. до н.э. [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003, рис. 36.-3]. Бронзовый наконечник из с. Лаптев Лог по своим параметрам относится к позднему бронзовому веку и датируется в рамках 2-й половины II – начала I тыс. до н.э. [Черников, 1960, с. 79; Кузьмина, 1966, с. 36; Тишкин, Фролов, 2015, с. 147].

Библиографический список

Варенов А.В. Афанасьевские древности из Северного Сибиряка и их алтайские аналогии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX. Барнаул, 1998. С. 77–81.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск, 1992. 408 с.

Григорьев С.А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999. 444 с.

Грушин С.П., Дашковский П.К. Предметы вооружения с территории Угловского района Алтайского края // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 11–16.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. 160 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск, 1997. 132 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул, 2003. 333 с.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. 245 с.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966. 150 с. (САИ. Вып. В4-9).

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988. 136 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 126 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 171 с.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск, 1989. 168 с.

Тишкин А.А., Фролов Я.В. Рентгенофлюоресцентный анализ наконечников стрел из археологического собрания МКУК «Районный историко-краеведческий музей им. В.М. Комарова» (с. Волчиха, Алтайский край) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015. С. 144–147.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М., 1960. 172 с. (МИА. №88).

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

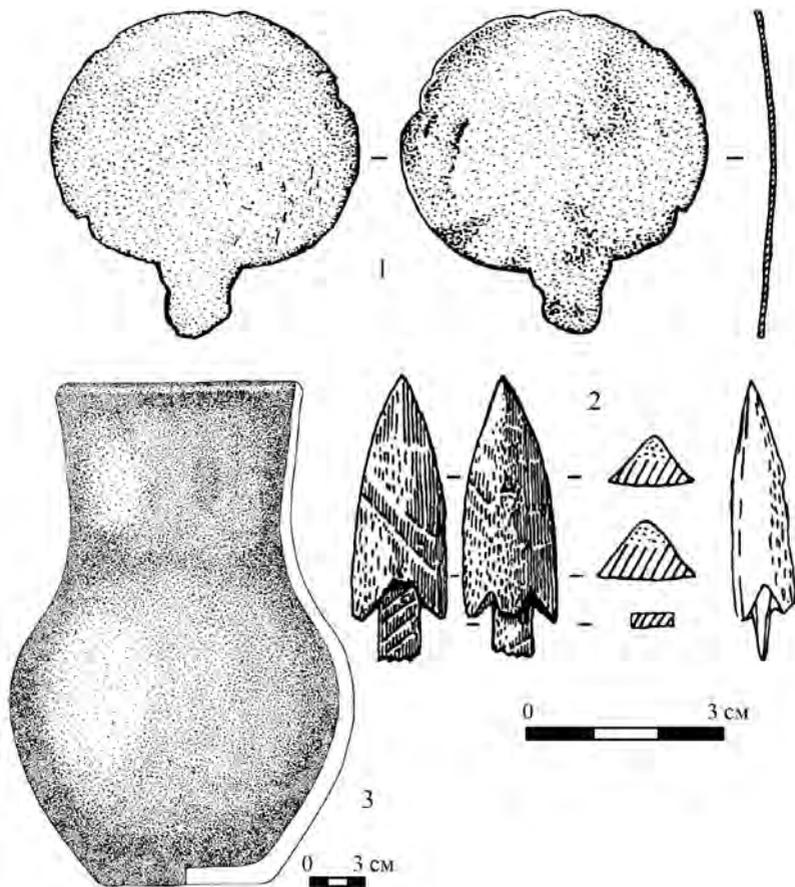
НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КУРГАНОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА МОГИЛЬНИКЕ ИНСКОЙ ДОЛ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №14-31-01201 «Погребально-поминальная обрядность кочевников Западного Алтая и Восточного Казахстана как источник для реконструкции этногенетических и социальных процессов в контексте культурно-исторической ситуации в Саяно-Алтайской горной провинции в древности и раннем средневековье»)

Курганный могильник обнаружен на второй надпойменной террасе, в 2 км к югу-юго-востоку от с. Чинеты, на левом берегу Ини, в южной части долины [Дашковский, 2013]. В той же долине, только в северной и восточной ее частях, ранее выявлены могильники Ханкаринский дол и Чинета-II [Дашковский, 2004]. В 0,8 км к северу от могильника Инской дол протекает р. Ханкара, а в 0,7 км к юго-востоку от памятника находится фундамент от здания пионерского лагеря у края берега Ини. На протяжении последних шести лет Краснощекцовская археологическая экспедиция АГУ проводит целенаправленное изучение данного некрополя. В результате выявлены объекты энеолита и скифского времени [Дашковский, Гончарова, Мейкшан, 2015; Дашковский, 2014б; Дашковский, Мейкшан, 2014; и др.]. В данной публикации представлены результаты раскопок двух курганов – №12 и 13, расположенных в разных частях могильника.

Курган №12 находится в западной части некрополя, на елбане, к югу от курганов №1–3, исследованных в предшествующие годы [Дашковский, 2014а]. Диаметр каменной насыпи, сложенной в один слой из небольших камней, составлял с севера на юг 6,75 м, а с запада на восток – 6 м. Высота сооружения – 0,3 м, а вместе со слоем грунта – 0,5 м. В центральной части насыпи камни лежали не сплошным слоем. Невыразительность насыпи и мощный слой гумуса затрудняли определение его размеров до проведения раскопок. Наименьшее количество камней выявлено с западной стороны кургана. Под насыпью сооружения зафиксировано могильное пятно подпрямоугольной формы, ориентированное длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Могильная яма имела размеры 2,55 x 1,7 x 2,3 м. На глубине 1,85–2,33 м выявлены остатки шести деревянных плахов плохой сохранности, вероятно, от продольного перекрытия. Плахи имели длину от 0,2 до 0,9 м, а ширину – 0,1–0,2 м. В центральной части могилы они не сохранились. Под плахами обнаружено погребение человека, которое, возможно, носило вторичный характер, так как не все кости расположены в анатомическом порядке. Погребенный был ориентирован головой на восток и, вероятно, первоначально уложен на правый бок. В районе стоп ног обнаружен костяной наконечник стрелы (рис.-2). В 0,4 м к северу от

грудной клетки скелета зафиксированы ритуальная пища (позвонки барана) и рядом керамический сосуд (рис.-3).

Инвентарь из могильника Инской дол:
1 – курган №13; 2–3 – курган №12

Курган №13 обнаружен в центральной части некрополя. Диаметр каменной насыпи кургана, сложенной из камней в 1–3 слоя, составлял с запада на юг 9 м, а с запада на восток – 10 м. Высота сооружения из камней достигала 0,45 м, а вместе с грунтом – 0,6 м. По периметру кургана выявлена кольцевая выкладка – крепиды из более крупных камней. Диаметр крепиды с севера на юг – 9 м, а с запада на восток – 10 м. В центре кургана зафиксирована западина диаметром до 2,5 м, которая образовалась в результате просада могильной ямы. Под на-

сыпью кургана выявлено могильное пятно подпрямоугольной формы, ориентированное длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Могильная яма имела следующие размеры 2,35 x 1,61 x 2,79 м. На глубине 2,41 м зафиксированы шесть продольных деревянных плах плохой сохранности, которые образовывали перекрытие. Длина сохранившихся фрагментов – от 0,15 до 1,25 м, ширина – 0,1–0,2 м. Наиболее хорошо сохранились северная и южная плахи. Плохая сохранность плах в центральной части могилы обусловлена ограблением (осквернением) погребения. Под плахами на глубине 2,76 м, выявлено захоронение человека, который лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на восток. Погребение оказалось потревоженным. В частности, череп человека находился в 0,6 м к западу от остального скелета. В 0,15 м к востоку от черепа обнаружена нижняя челюсть человека. В районе таза выявлено бронзовое миниатюрное зеркало (рис.-1).

Исследованные курганы №12–13 имеют определенные аналогии в памятниках пазырыкской культуры [Кирюшин, Степанова, 2004; Кубарев, 1987, 1991, 1992; Кубарев, Шульга, 2007; и др.], в том числе раскопанных в Северо-Западном Алтае [Дашковский, 2011, 2014б]. На это указывают планиграфические особенности расположения курганов в цепочку в направлении Ю–С, традиция помещения умерших скорчено, на правом боку, головой на восток, а также состав сопроводительного инвентаря. Правда, в данном случае отсутствуют сопроводительные захоронения лошадей, характерные во многих случаях для памятников пазырыкской культуры. На могильнике Инской дол такой показатель отмечен из пяти раскопанных курганов только один раз – в объекте №2 [Дашковский, 2014а; Дашковский, Мейкшан, 2014]. Для сравнения отметим, что в целом сопроводительные захоронения лошадей зафиксированы в чуть более чем 37% погребений кочевников горных районов Алтая пазырыкского времени. Лошадь выступала важным социальным маркером, а также занимала значительное место в мировоззрении кочевников [Тишкин, Дашковский, 1998; Дашковский, 2003]. Примечательно также, что из 21 погребения пазырыкской культуры могильника Ханкаринский дол, расположенного в той же долине, что и некрополь Инской дол, данный признак зафиксирован в 13 случаях (61,9%) [Дашковский, 2011]. Погребальный инвентарь из исследованных курганов могильника Инской дол представлен немногочисленными и невыразительными предметами: костяной наконечник стрелы, миниатюрное бронзовое зеркало, керамический сосуд. Данные обстоятельства свидетельствуют о невысоком социальном статусе погребенных. В целом, учитывая особенности погребального обряда и инвентаря, курганы №12–13 можно предварительно датировать, как и ранее раскопанные на данном некрополе объекты №1–3, 10–11, IV–III вв. до н.э. Последующее изучение курганов на могильнике Инской дол позволит расширить источниковую базу по этнокультурным процессам в Западном Алтае в скифо-сакский период.

Библиографический список

Дашковский П.К. Лошадь в религиозно-мифологической системе номадов Горного Алтая в VI–II вв. до н.э. // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2003. Вып. 1. С. 16–25.

Дашковский П.К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004. С. 34–37.

Дашковский П.К. Предварительные итоги исследования курганов скифского времени на могильнике Ханкаринский дол (Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011. С. 160–163.

Дашковский П.К. Археологическая разведка в северо-западном Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013. С. 128–133.

Дашковский П.К. Инской дол – новый памятник скифо-сакского периода в Западном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл, 2014а. С. 207–210.

Дашковский П.К. Погребальные памятники кочевников скифо-сакского периода в Северо-Западном Алтае // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014б. С. 235–243.

Дашковский П.К., Гончарова Н.С., Мейкшан И.А. Продолжение исследования курганов на могильнике Инской дол // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10. Барнаул, 2015. С. 40–44.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Исследование курганов скифского времени на могильнике Чинета-II и Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул, 2014. С. 94–100.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул, 2004. 292 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлогема. Новосибирск, 1992. 220 с.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Погребение человека с конем в курганах пазырыкской культуры Горного Алтая // История и культура народов Саяно-Алтая в прошлом, настоящем и будущем. Горно-Алтайск, 1998. С. 16–19.

П.К. Дашковский, Н.С. Гончарова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КУРГАН АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА МОГИЛЬНИКЕ ИНСКОЙ ДОЛ

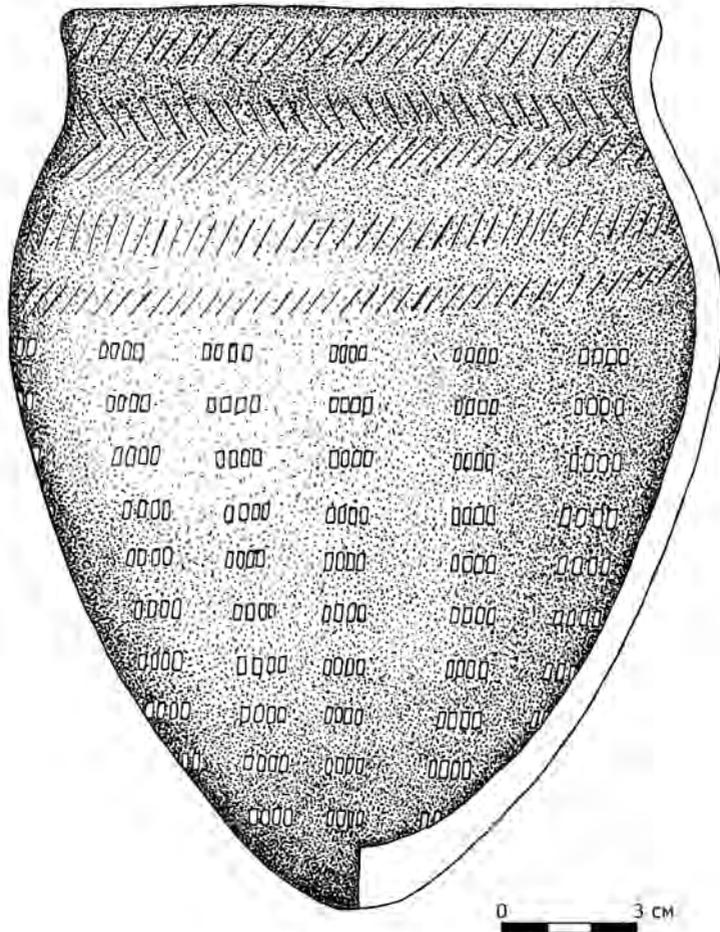
Курганный могильник Инской дол расположен на второй надпойменной террасе, в 2 км к юго-юго-востоку от с. Чинеты (Краснощевский район Алтайского края), на левом берегу р. Ини в южной ча-

сти долины. В 0,8 км к северу от могильника Инской дол протекает р. Ханкара. В 0,7 км к юго-востоку от памятника находится фундамент от здания пионерского лагеря у края берега Ини [Дашковский, 2013]. Изучение топографии, планиграфии и конструктивных особенностей насыпей курганов позволило установить, что на могильнике Инской дол есть объекты скифо-сакского периода, результаты которых частично опубликованы, а также курганы эпохи энеолита [Дашковский, 2014; Дашковский, Мейкшан, 2014; Дашковский, Гончарова, Мейкшан, 2015; и др.]. Данная публикация посвящена предварительным итогам изучения кургана №5, выявленного в южной части некрополя.

Курган №5 находится в 5 м к северу от кургана №4, образуя с ним одну микрогруппу. Данный объект, несмотря на высокую степень задернованности, достаточно хорошо просматривается на уровне современного горизонта, особенно каменная ограда по периметру сооружения. После зачистки каменной насыпи было установлено, что курган имел кольцевую ограду по всему периметру шириной 2,25–3,5 м из средних и крупных камней, в том числе камней в виде плит. Наиболее крупные плиты выявлены в северо-восточном секторе ограды. Диаметр каменной ограды, сложенной в 2–3 слоя, с севера на юг – 15,25 м, а с запада на восток – 15 м. Высота сооружения достигала 0,9 м. В западной части каменной кольцевой ограды зафиксирован преднамеренно оставленный проход шириной до 2 м. Внутри ограды отмечена подпрямоугольная конструкция из камней в один слой, которая углами была ориентирована по сторонам света. Конструкция имела длину с двух стороны по 5,5 м, а ширину других двух сторон – по 5 м. После разбора данной прямоугольной конструкции была обнаружена могильная яма, которая ориентирована сторонами почти строго по направлениям горизонта. Могила имела следующие размеры: 2,3 x 1,67 x 0,72 м. В ней обнаружен скелет человека, который был уложен на спину, вероятно, с подогнутыми ногами и ориентирован головой на запад. В 0,15 м к северу от черепа найден керамический орнаментированный сосуд яйцевидной формы (рис.). В районе грудной клетки зафиксированы следы красной охры.

Важно отметить, что конструктивно курган представлял собой круглую ограду, в центре которой над могилой сооружена подчетыреугольная каменная конструкция, ориентированная углами по сторонам света. По мнению исследователей, такая конструкция афанасьевского кургана может соотноситься с шаманскими представлениями о мироздании [Кузьмин, 1992, с. 127]. Создание модели мира через геометрический код в погребальных памятниках было распространенным явлением у древних и средневековых народов Евразии [Кызласов, 1987; Саенко, 1994; Войтов, 1996; Дашковский, 1997, 2011; Ольховский, 1999; и др.]. Следует обратить внимание на то, что с западной стороны ограды был преднамеренно оставлен вход. Примечательно, что умерший в могиле ориентирован головой также на запад, т.е. в сторону захода солнца, которая в мифологиче-

ской концепции мира многих древних народов часто воспринималась как символ нижнего загробного мира.

Керамический сосуд из кургана №5 могильника Инской дол

Существенным является вопрос о культурно-хронологической атрибуции исследованного кургана на некрополе Инской дол. Курган №5 имеет явные аналогии среди памятников афанасьевской культуры [Ларин, 2005; Афанасьевский..., 2010, 2012; Кирюшин и др., 2010; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, с. 319–321]. К числу характерных признаков афанасьевской культуры, зафиксированных при исследовании кургана №5 на могильнике Инской дол, можно отнести, во-первых,

указанные выше планиграфические особенности расположения объектов и наличие надмогильной конструкции округлой формы, по периметру которой сооружено кольцо из плит, поставленных вертикально, и камней, уложенных плашмя. Во-вторых, зафиксирована грунтовая могила, в которой умершего помещали на спине с согнутыми в коленях ногами и ориентировали головой на запад. В-третьих, в объекте выявлена окраска умерших красной охрой. В-четвертых, в кургане обнаружен сосуд яйцевидной формы с характерным для афанасьевской культуры орнаментом [Степанова, 2010; 2012, с. 174, рис. 1; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, с. 5–99, 327, рис. 198; и др.].

Достаточно сложным остается проблема хронологии памятников афанасьевской культуры Алтая, в отношении которой исследователями высказываются разные точки зрения [Хлобыстина, 1975, с. 17; Цыб, 1984, с. 12–13; Молодин, 2002, с. 125; Погожева, 2006; Савинов, 1994, с. 134; Бородовский, 2006, с. 95; и др.], в том числе с учетом данных радиоуглеродного анализа [Степанова, 2009; Поляков, 2010, с. 164–167; и др.]. Не останавливаясь подробно на различных мнениях ученых о проблеме датировки афанасьевской культуры Алтая, отметим, что большинство исследователей относят ее, как правило, к разным периодам III тыс. до н.э. Очевидно, в пределах III тыс. до н.э. можно предварительно датировать и курган №5 могильника Инской дол.

Библиографический список

- Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. 293 с.
Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. 226 с.
Бородовский А.П. Афанасьевские памятники Нижней Катунь // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 84–95.
Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул, 2014. 380 с.
Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культовых поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996. 152 с.
Дашковский П.К. Космологическая модель пазырьковского кургана // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997а. С. 44–47.
Дашковский П.К. Мироззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул, 2011. 244 с.
Дашковский П.К. Археологическая разведка в Северо-Западном Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013. С. 128–133.
Дашковский П.К. Инской дол – новый памятник скифо-сакского периода в Западном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл, 2014а. С. 207–210.
Дашковский П.К. Стелы и оленные камни из памятников древних кочевников Северо-Западного Алтая // Мироззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2014б. С. 46–62.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Исследование курганов скифского времени на могильнике Чинета-II и Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул, 2014. С. 94–100.

Дашковский П.К., Гончарова Н.С., Мейкшан И.А. Продолжение исследования курганов на могильнике Инской дол // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10. Барнаул, 2015. С. 40–44.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Степанова Н.Ф., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катунки (результаты исследований Катунской археологической экспедиции в зоне строительства и затопления Алтайской ГЭС в 2006–2007 гг.). Барнаул, 2010. 80 с.

Кузьмин Н.Ю. Генезис саяно-алтайского шаманизма по археологическим источникам // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1991. С. 125–130.

Кызласов И.Л. Семантика тагарского кургана // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 2. Омск, 1987. С. 94–97.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. Барнаул, 2005. 208 с.

Молодин В.И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай. Т. I. Горно-Алтайск, 2002. С. 98–142.

Ольховский В.С. К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999. С. 114–136.

Погожева А.П. Афанасьевская культура // Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. I. Барнаул, 2006. С. 18–48.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 158–171.

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-33 // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994. С. 39–49.

Саенко В.Н. Скифский курган как семиотическая система // Проблемы скифо-сакской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1994. С. 164–167.

Степанова Н.Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 154–159.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и Енисея: погребальный обряд и керамика (сходство и различие) // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 177–187.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и погребения куртинского типа // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. С. 173–182.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. №1. С. 17–34.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая : автореф. дис. ... к.и.н. Кемерово, 1984. 19 с.

Шульга П.И. Погребения эпохи энеолита-бронзы в долине Сентелека // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 47–72.

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ СУСЛОВО-1

Поселение Суслово-1 расположено в 3–4 км к западу от с. Суслово Мамонтовского района Алтайского края, на опушке ленточного соснового Касмалинского бора. Оно занимает высокую (до 4–5 м), небольшую по площади дюнную возвышенность с крутыми склонами, навешанную из расположенного с юго-восточной стороны холма обширного старого, давно задернованного выдува, в котором также сохранился культурный слой поселения, т.е. и дюна, и выдув образовались значительно позднее, что подтвердили последующие работы.

Поселение отделено от степи заболоченным озером, лежащим в русле древнего, идущего вдоль опушки бора водотока (старичья р. Касмалы с многочисленными заболоченными теперь озерами в понижениях). Перпендикулярно ему со степного водораздела к поселению спускается широкий и глубокий лог, по которому весной сбегает в р. Касмалу вода с обширного степного участка.

Подобная топография характерна практически для всех поселений поздней бронзы Чернокурьянского археологического микрорайона (Крестьянское-2–4; Миронов Лог-2; Курейка-3; Моховое-2, 3; Чёрная Курья-3, 5; Калиновка-2, 4; Шипуново-2) [Иванов, 2000].

Рассматриваемый памятник открыт автором в 1982 г., когда разведочным раскопом площадью 26 кв. м, заложенным по кромке выдува у подошвы холма, был вскрыт угол жилища №1 с прилегающим к нему участком культурного слоя, насыщенного костями животных, фрагментами керамики и мелкими обломками камней, часто очень сильно пережженных, легко крошащихся. Видимо, они использовались для изготовления дресвы.

Анализ сравнительно немногочисленной коллекции орнаментированной керамики уже тогда позволил высказать предположение о том, что Суслово-1 – самый поздний памятник с валиковой керамикой в степном Алтае [Иванов, 1988, с. 101–104].

В связи с тем, что поселение интенсивно разрушалось в результате выветривания, в 1990 г. к раскопу 1982 г. с северо-западной стороны был прирезан раскоп площадью 96 кв. м, которым вскрыта большая часть жилища №1 периода поздней бронзы, и собрана представительная коллекция керамики, подтвердившая предположение о ее поздней дате. Керамический комплекс опубликован [Иванов, 2004, с. 49–56].

Однако процесс разрушения памятника продолжался. К природным факторам добавились антропогенные: на площади поселения и прилегающего к нему могильника Суслово-2 [Иванов, 2000, с. 62–63] возник никем не санкционированный, но очень быстро развивающийся песчаный карьер, представляющий собой хаотично разбросанные по склону дюны ямы разных размеров и глубины и являющийся единствен-

ным местом для добычи песка населением и предприятиями с. Суслово. В связи с реальной угрозой полного уничтожения этого важного памятника на средства, выделенные по программе «Культура Алтайского края 2007–2010 гг.», в 2009 г. археологической экспедицией МБОУ «Чернокурьянская СОШ» Мамонтовского района были проведены его аварийно-спасательные исследования.

Раскоп площадью 134 кв. м разбит к западу от раскопа 1982 г. Ориентирован длинной осью по линии Ю–С. Восточная его стенка упирается в выдув на берегу водоема, северная – смыкается с раскопом 1982 г. и краем глубокой обширной ямы для добычи песка, появившейся на месте раскопа 1982 г. (рис. 1). Поверхность раскопа ровная, поросла травой, круто повышается с востока на запад и с юга на север. Раскоп вскрывался по пластам толщиной 20 см с зачисткой после каждого пласта. Вскрытие производилось с востока на запад одновременно по всей площади (рис. 1).

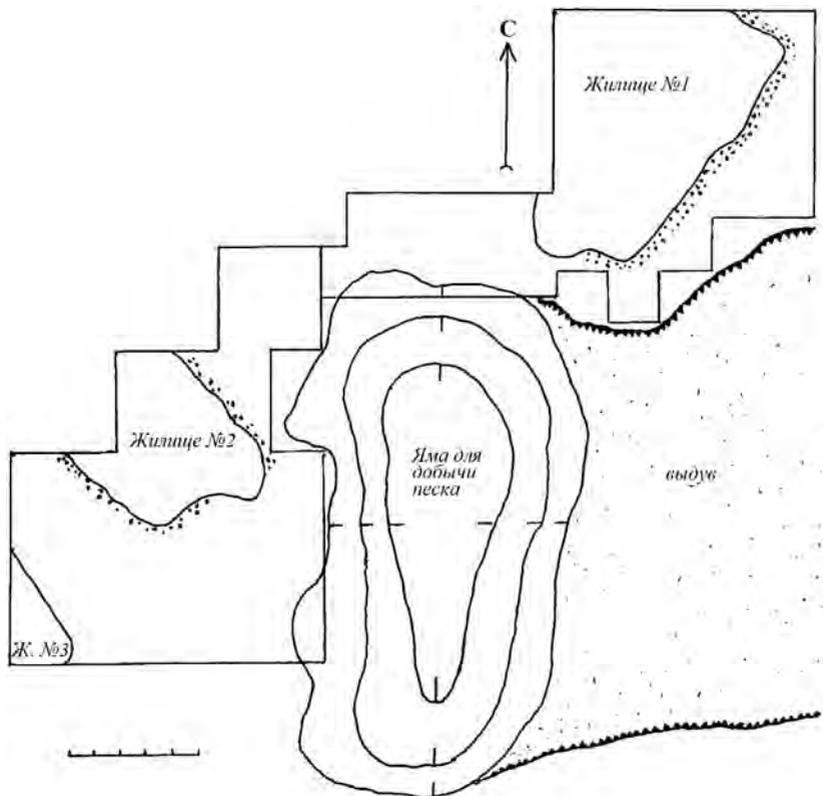

Рис. 1. Поселение Суслово-1. План раскопа

В восточных квадратах раскопа, по кромке выдува, уже в первом пласте встречались довольно многочисленные находки костей животных и керамики – венчики профилированных сосудов с типичным для поздней бронзы орнаментом: один украшен рядом резной сетки под венчиком, у второго ниже этого же орнамента нанесен ряд жемчужин – признак поздней даты комплекса, третий – обломок профилированного сосуда с широким воротничком и резной сеткой по его низу, по шейке – косые семечковидные вдавления, еще один – с формованным низким валиком и резной елочкой над ним и по нему. Обнаружен фрагмент стенки с косыми треугольниками, нанесенными мелким гребенчатым штампом. Аналогичные находки, четко датирующие первый пласт периодом поздней бронзы, найдены и в других квадратах.

Во втором пласте культурный слой, содержащий фрагменты керамики и кости животных, вскрыт во всех квадратах. Орнаментированная керамика верхней части слоя в западных квадратах – крупные фрагменты сосудов баночных форм, орнаментированные под венчиком одним рядом жемчужин, чередующихся с семечковидными вдавлениями, типичными для керамики каменной культуры раннего железного века. Они обнаружены впервые и, видимо, отражают факт существования на этом месте летнего поселения середины – 2-й половины I тыс. до н.э. Эти квадраты насыщены крупными костями КРС. Там же найдены типичные для памятника фрагменты венчиков с орнаментом в виде резной сетки и рядом жемчужника под ней, представляющие наиболее поздний комплекс поздней бронзы. Довольно часто встречались фрагменты тонкостенной чернолощеной станковой керамики, найденные и в раскопе 1990 г. [Иванов, 2004, с. 56, рис. 5]. По составу теста, технике изготовления, форме и орнаменту эта керамика резко отличается от основного комплекса поселения. Сосуды небольшие, шаровидной формы, с уплощенным дном. По шейке всегда орнаментированы несколькими рядами каннелюров. Венчик чаще всего не орнаментирован, но изредка украшен аккуратно выполненными резными и гребенчатыми треугольниками. Такой же рисунок присутствует иногда и на плечиках (рис. 2.-1–5). Там же встречены обломки крупных толстостенных сосудов, изготовленных на гончарном круге, в том числе стенка сосуда с горизонтальными полосами, нанесенными красно-коричневой краской.

Вместе с керамикой найдены две круглые фишки из стенок сосудов, орудие из трубчатой кости с зашлифованным торцом. В квадрате ГД–2 при зачистке на глубине 40 см выявлено черное гумусированное пятно, отличавшееся по цвету от заполнения соседних квадратов. Длина его по восточной стенке квадрата Д–2 – 150 см, по западной стенке – 240 см, занимает всю восточную стенку квадрата Г–2. У границы котлована, в квадрате В–2, зафиксировано очажное пятно подпрямоугольной формы (размерами 40 x 20 см) с многочисленными включениями мелких

жженных костей. Мощность очажного пятна – 16 см, дно линзовидное, плавно углубляется к центру. Выявленное сооружение получило название «жилище №2» (см. рис. 1). Находки в заполнении котлована более многочисленные, чем в остальных квадратах.

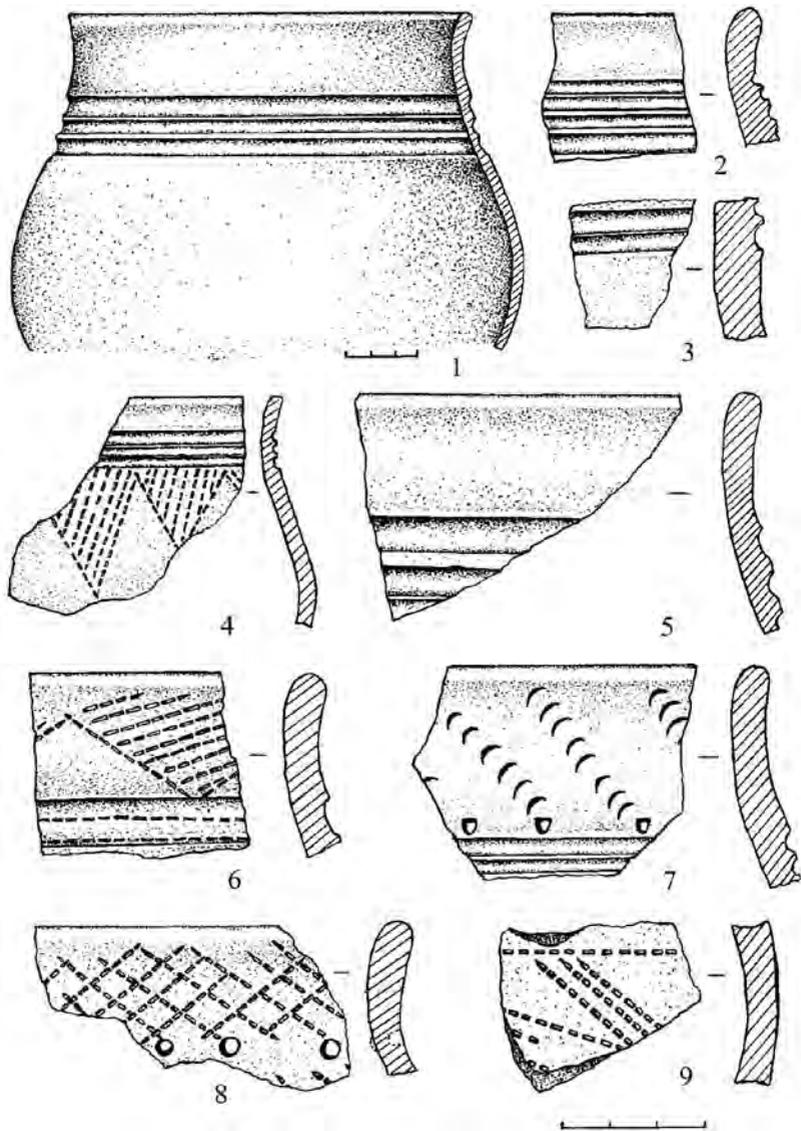

Рис. 2. Поселение Суслово-1. Керамика

Жилище №2 вскрыто частично, видимо, около половины котлована, ориентировано длинной осью по линии ЮВ–СЗ, подпрямоугольной в плане формы, окружено двумя рядами столбовых ям диаметром 8–20 см. Длина вскрытой части – 5,5 м, ширина – 5,25 м. Выход, возможно, угловой, в юго-восточном углу (с подветренной стороны). Глубина котлована – около 80 см, заполнение – интенсивно-черная влажная супесь, насыщенная костями животных и крупными фрагментами керамики, совершенно аналогичной обнаруженной в пласте 2 (рис. 2.-4). Довольно часто встречались фрагменты глиняных кирпичиков: вымостка очагов и мелкие обломки камней низкого качества. Пол жилища на уровне материка ровный, столбовых и хозяйственных ям внутри котлована нет.

В квадратах А–6 и Б–6 после зачистки второго пласта обнаружен небольшой участок котлована **жилища №3**, расположенного на расстоянии около 5 м на юго-запад от жилища №2 и ориентированного аналогичным образом. Длина вскрытого участка по длинной стенке – 4,5 м, максимальная ширина – 2 м. Глубина котлована – 75–80 см, следов столбовых ям на вскрытом участке не обнаружено. Культурный слой насыщен крупными костями животных и крупными фрагментами керамики, совершенно аналогичной обнаруженной в пласте 2 и относящейся к поздней бронзе (рис. 2.-8). Видимо, жилища располагались в ряд по склону.

Глубина залегания находок и окраска супеси позволяют определить мощность культурного слоя в межжилищном пространстве в 30–40 см. Как и везде в раскопе, и на поселениях этого круга, за пределами котлованов жилищ плотность находок небольшая, они представлены мелкими фрагментами костей животных и фрагментами керамики периода поздней бронзы.

Полученные в ходе работ материалы существенно дополняют имеющиеся сведения об этом уникальном поселении, дают более полное представление о его керамическом комплексе, что позволяет уточнить его хронологию, культурные связи населения и, самое главное, место и роль комплекса в сложении степных культур раннего железного века. Уже сейчас можно уверенно говорить о том, что каменная культура не является пришлой в степном Алтае, а продолжает традиции местного населения периода поздней бронзы, восходящие, в свою очередь, к андроновской культуре, но при этом она никак не связана происхождением с позднебронзовыми ирменскими и переходными от бронзы к железу большебереченскими комплексами Верхнего Приобья.

Находки станковой (в том числе и крашеной) керамики, возможно, позволят связать полученные материалы с хорошо датированными среднеазиатскими памятниками.

Библиографический список

Иванов Г.Е. К вопросу об абсолютной и относительной хронологии памятников с валиковой керамикой степного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 101–104.

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. Барнаул, 2000. 159 с.

Иванов Г.Е. Керамика поселения Суслово-1 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 49–56.

Г.Е. Иванов

КИНЖАЛ КИММЕРИЙСКОГО ТИПА ИЗ ЧЕРНОЙ КУРЬИ

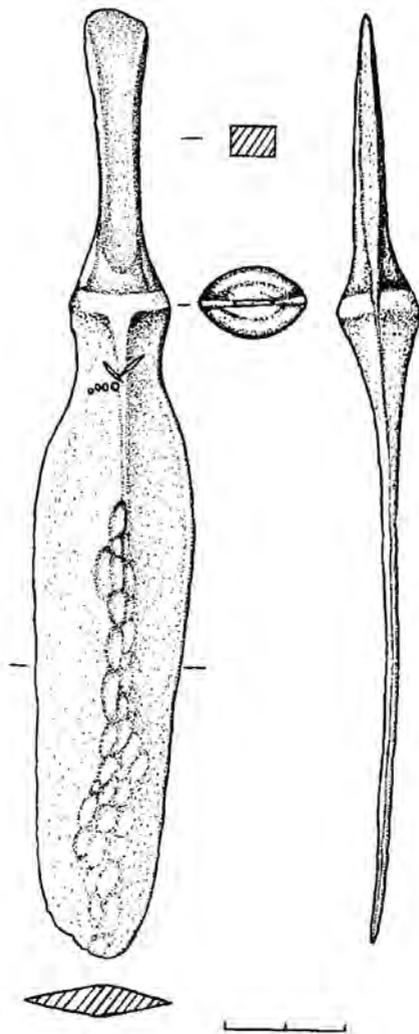
Несмотря на интенсивное изучение памятников поздней бронзы в лесостепном Алтае, существенную роль в формировании наших представлений о многих чертах культуры населения, оставившего эти памятники, продолжают играть случайные находки. Одной из них является бронзовый кинжал так называемого киммерийского типа, найденный у с. Черная Курья Мамонтовского района.

Кинжал обнаружен в отвале траншеи, прокопанной для извлечения из земли подземного кабеля связи, в степи, на высоком водоразделе между Касмалинской и Барнаульской ложбинами древнего стока. Находчик сразу же сообщил об этом автору статьи, и мы вместе с ним осмотрели место находки.

Траншея прорезала небольшой березовый колок, участок степи вокруг которого не распахивается. В колке и вокруг него отмечены очень небольшие в диаметре и невысокие всхолмления, расположенные без видимого порядка, большая часть которых имеют в центре неглубокие ямы с крутыми, но хорошо задернованными бортами. Скорее всего, это курганный могильник, и кинжал происходит из кургана, разрушенного еще при прокладке траншеи для укладки кабеля в середине 1960-х гг., поскольку никаких следов насыпи или могильной ямы в стенках современной траншеи, как и никаких других предметов из разрушенного погребения, в ее отвале обнаружить не удалось.

Найденный кинжал (рис.) хорошей сохранности, покрыт прекрасной равномерной патиной светло-зеленого цвета. Отлит в двусторчатой форме. На черенке и перекрестии хорошо заметны литейные швы, судя по которым, обе половинки формы имели равные по глубине негативы. Изделие имеет типичное для предметов этого типа кольцевое, подовальное в плане утолщение при переходе от прямоугольного в сечении черешка к ромбовидному в сечении клинку, имеющему выемку у основания. Длина кинжала – 15,6 см, длина клинка с перекрестьем – 10,5 см, максимальная ширина (в верхней трети) – 2,6 см, толщина у острия – 0,3 см, в середине – 0,5 см. Ширина перекрестья – 1,8 см, максимальная толщина – 1,4 см. Черенок раскован на конце, ширина в середине – 0,8 см, толщина – 0,6 см. В профиле кинжал слегка изогнут. В верхней трети клинка слабо выраженная нервюра, намеренно уплощенная на полотне ударами небольшого орудия. Нерационально малые для боевого оружия размеры, заovalенность острия, намеренная уплощенность

клинка, видимо, свидетельствуют об использовании изделия в качестве орудия для разделки туш и других бытовых целей. На одной из сторон клинка в верхней части – тамгообразный знак в виде V-образной насечки с отходящими от нее четырьмя точками. Заметим, что подобные знаки чрезвычайно распространены на самых различных бронзовых изделиях того времени и свидетельствуют, скорее всего, об институализации собственности.

Бронзовый кинжал. Черная Курья

Кинжалы киммерийского типа – самый распространенный тип этого оружия в культурах валиковой керамики, в том числе в саргаринско-алексеевской (нам известно более 20 экземпляров, в том числе восемь – из лесостепного Алтая) [Бородаев, Кирюшин, Кунгуров, 1983, рис. на с. 17; Демин, Ситников, 2002, с. 27–29; Иванов, 2005, с. 67; 2005а, с. 52; Кирюшин, Папин, Шамшин, 1999, рис. 2; Ситников, Фролов, 1995, с. 76–77; и др.].

Широкое использование кинжалов киммерийского типа объясняется, во-первых, их функциональным совершенством: узкий длинный и достаточно толстый клинок, усиленный ребром и валиковым упором, делал его действенным и надежным оружием рукопашного боя. Во-вторых, изделие было, видимо, полифункциональным: многие исследователи считают, что оно могло использоваться и в качестве наконечника копья [Оразбаев, 1958, с. 124; Молодин, 1985, с. 124; Соловьев, 2003, с. 42, рис. 37; и др.].

Зафиксированный тип датируется XII–IX вв. до н.э. [Кузьмина, 1966, с. 43–44], а рассматриваемое изделие типологически – одно из самых поздних [Иванов, 1995, с. 69–70].

Обращает на себя внимание тот факт, что кинжалы, использовавшиеся населением саргаринско-алексеевской культуры, чаще всего находят на распаханых полях, на значительном удалении от известных поселений того времени. Анализ топографии известных точных мест находок показывает, что они приурочены к истокам степных водотоков на степных водоразделах, у устьев которых, на обухках боров, расположены саргаринско-алексеевские поселения (см. статью автора «Раскопки поселения Суслово-1» в данном сборнике).

Библиографический список

Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Археологические памятники на территории Барнаула // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983. С. 7–30.

Демин М.А., Ситников С.М. Кинжал эпохи поздней бронзы из Третьяковского района Алтайского края // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространства, время, культура. Барнаул, 2002. С. 27–29.

Иванов Г.Е. Бронзовый кинжал из с. Островного и некоторые вопросы развития военного дела населения саргаринско-алексеевской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2005. С. 66–72.

Иванов Г.Е. Вооружение населения степного и лесостепного Алтая в эпоху поздней бронзы // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск, 2005а. Т. 2. С. 44–58.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Рублево-VI – новое поселение эпохи поздней бронзы в Кулундинской степи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Новосибирск, 1999. С. 381–385.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. М., 1966. 150 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.

Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Алма-Ата, 1958. С. 216–294.

Ситников С.М., Фролов Я.В. Кинжал эпохи поздней бронзы из с. Клепиково // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока. Кемерово, 1999. С. 76–77.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Новосибирск, 2003. 223 с.

А.М. Илюшин

Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия

ПОСЕЛЕНИЕ ШАБАНОВО-5 КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

При исследовании вопроса о культурных традициях сооружения мест проживания у средневекового населения Кузнецкой котловины [Илюшин, 2011, с. 105–111] был выявлен факт большого количества открытых и раскопанных поселений той эпохи и малое количество опубликованных материалов таких исследований. Цель настоящей работы – ввести в научный оборот материалы полевых исследований на поселении Шабаново-5, которые предварительно были датированы развитием средневековья, и осуществить их типолого-хронологический и первичный культурно-исторический анализ.

Поселение Шабаново-5 расположено в центральной части одноименного села в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области, на пойменной террасе левого обрывистого берега р. Касьмы, в 150 м выше впадения в нее с правой стороны р. Каменки, на территории Кузнецкого Присалаирья. Памятник открыт в 1990 г. А.М. Илюшиным и обследовался им же в 1991–1993 и 1995 гг. В 1999–2000 гг. усилиями ККАЭЭ был раскопан участок на краю береговой террасы, который подвергался наибольшему разрушению [Илюшин, Борисов, Ковалевский и др., 2001, с. 248–250; Илюшин, Борисов, Ковалевский, 2001, с. 229–231]. Площадь раскопа составляет приблизительно 440 кв. м. Поселение имеет один культурный слой в виде чернозема, который фиксировался на втором, третьем и четвертом слоях раскопа на глубине от 0,41 до 0,92 м. В процессе раскопок были зафиксированы следы кострищ и найдены многочисленные фрагменты костей животных, керамической посуды и другие предметы материальной культуры (рис. 1.-1–14; рис. 2.-1–13). Информация о памятнике и материалы раскопок были частично опубликованы [Илюшин, 2001, с. 383–386; 2002, с. 51–53; 2005, с. 32; 2011, с. 105–111], что позволило предварительно датировать Шабаново-5 1-й половиной II тыс. н.э. и отождествлять с культурным комплексом племени аз-кыштымов, которое в то время проживало в пределах Кузнецкого Присалаирья.

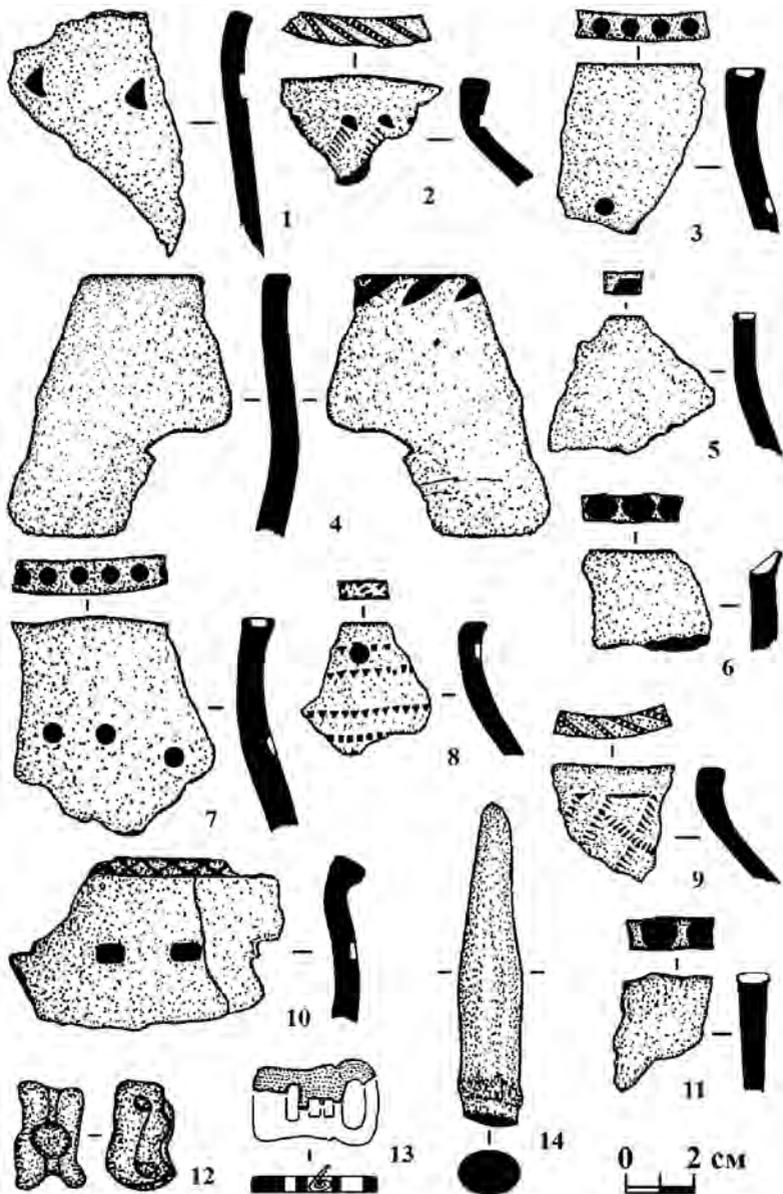

Рис. 1. Поселение Шабаново-5. Находки из раскопа 1999 г.:
1–11 – фрагменты керамической посуды; 2 – игральная кость;
13 – фрагмент костяной пряжки; 14 – рог марала

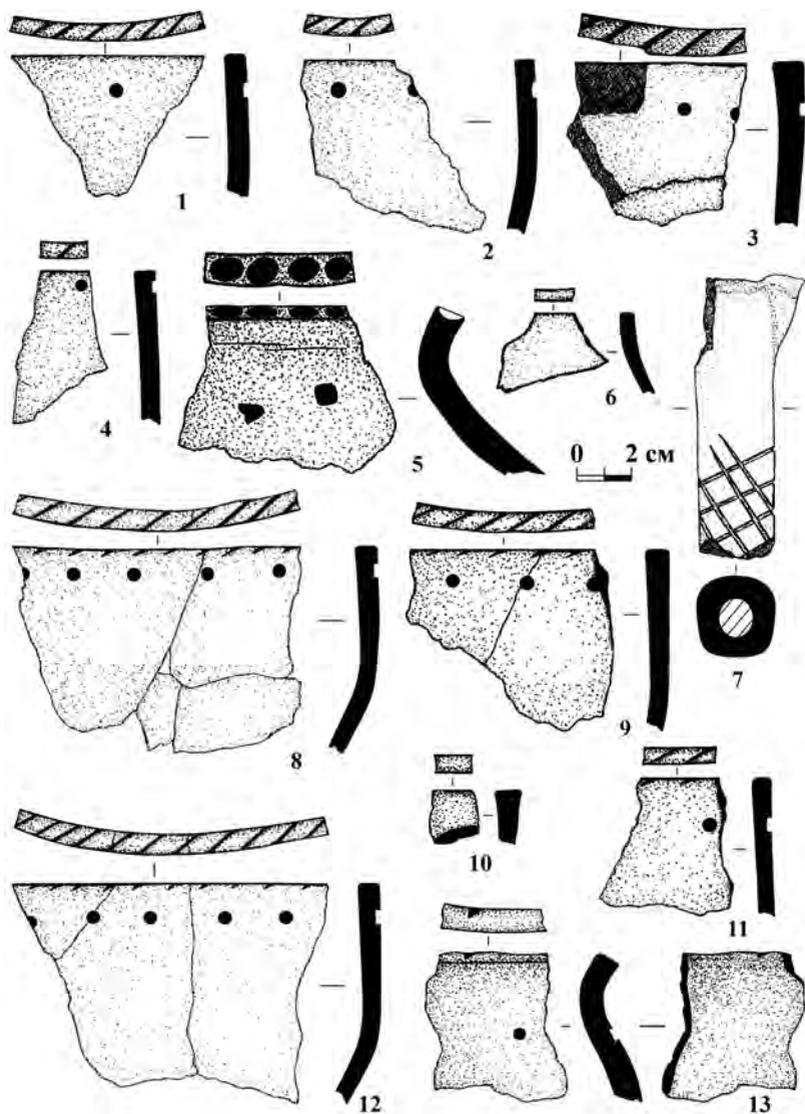

Рис. 2. Поселение Шабаново-5. Находки из раскопа 2000 г.: 1–6, 8–13 – фрагменты керамической посуды; 7 – фрагмент костяной рукоятки плети

В настоящей работе из раскопок Шабаново-5 публикуются и исследуются выборочная коллекция керамической посуды (23 фрагмента венчиков, большая часть которых была орнаментирована) и единичные находки

(фрагмент миниатюрной костяной пряжки, игральная кость, обработанный и орнаментированный резной сеточкой фрагмент трубчатой кости животного и рог марала (заготовка для поделки)) (рис. 1.-1-14; рис. 2.-1-13). На поселении среди фрагментов керамической посуды найдено несколько плоских днищ сосудов, что указывает на традицию изготовления плоскодонной керамической посуды у населения, оставившего этот памятник.

Фрагменты венчиков можно классифицировать по профилю и по форме. По профилю выделяются три типа: отогнутый наружу, в разном исполнении (рис. 1.-1, 10; рис. 2.-5, 13); прямой, в разном исполнении (рис. 1.-2-5, 7-9, 11; рис. 2.-1-4, 6, 8-12) и вогнутый вовнутрь (рис. 1.-6), а по форме выделяются два типа венчиков: приостренные (рис. 1.-6) и с плоскими краями (рис. 1.-1-5, 7-11; рис. 2.-1-6, 8-13). По способу нанесения орнамента на керамическую посуду из исследуемых мест проживания выделяются два типа: штампованные (рис. 1.-1-11; рис. 2.-1-5, 8-9, 11-12) и резные (рис. 1.-10; рис. 2.-1-4, 8-9, 11-12). На отдельных фрагментах фиксируются оба типа орнаментации (рис. 1.-10; рис. 2.-1-4, 8-9, 11-12).

По элементам орнамента, нанесенным на фрагменты керамической посуды, и их отсутствию выделяются девять типов: круглые ямки (рис. 1.-3, 7-8; рис. 2.-1-4, 8-9, 11-13); узкие резные желобки, в разном исполнении (рис. 1.-10; рис. 2.-1-4, 8-9, 11-12); скобообразные насечки, в разном исполнении (рис. 1.-1, 4); оттиски гребенчатого штампа, в разном исполнении (рис. 1.-2, 8-9); треугольные ямки (рис. 1.-8); ямки подчетыреугольной формы, в разном исполнении (рис. 1.-5, 8, 10; рис. 2.-5); ямки каплевидной формы, в разном исполнении (рис. 1.-1-2, 4; рис. 2.-13); ямки от пальце-ногтевых вдавлений (рис. 1.-6, 11; рис. 2.-5); отсутствие элементов орнамента (рис. 2.-6, 10). На отдельных экземплярах были зафиксированы несколько типов классифицированных элементов орнамента (рис. 1.-2, 8, 10; рис. 2.-1-5, 8-9, 11-13).

По мотивам орнамента, нанесенным на фрагменты керамической посуды, выделяются четыре типа: горизонтальное расположение элементов (рис. 1.-1-8, 10-11; рис. 2.-1-5, 8-9, 11-13); наклонное расположение элементов (рис. 1.-2, 8-9; рис. 2.-1-4, 8-9, 11-12); расположение элементов в форме наклонного креста (рис. 1.-9); расположение элементов в форме сеточки (рис. 1.-10). На отдельных экземплярах зафиксировано несколько типов классифицированных мотивов нанесения орнамента (рис. 1.-2, 8-9, 10; рис. 2.-1-4, 8-9, 11-12).

Основным источником для определения времени функционирования и культурной принадлежности поселения Шабаново-5 является керамическая посуда (рис. 1.-1-11; рис. 2.-1-6, 8-13). При сравнении набора классифицированных типов, выделенных при первичном анализе керамической посуды из Шабаново-5, больше всего аналогий имеется в материалах развитого средневековья на поселениях Торопово-4 [Илюшин, Ковалевский, 2012, с. 84-85], Шабаново-10 [Илюшин, 2015, с. 92-98], Торопово-7 [Илюшин, Борисов, 2014, с. 100-105, рис. 2.-1, 5, 8; Илюшин,

Борисов, Бутьян, 2014, с. 149–160, рис. 4.-2, 4-5, 9–11; рис. 5.-1; Илюшин, Борисов, Онищенко, 2015, с. 61–65, рис. 1.-1, 4, 7–8, 10], Гурьевское [Елькин, 1974, с. 119–129; Ширин, 1992, с. 44–46, табл. 1], Есаульское-2 [Эрдниев, 1959, с. 13–14; Ширин, 1992, с. 40–41, рис. 3.-1–7; табл. 1; 2004, с. 153–162] и на городищах Маяк [Эрдниев, 1960; Ширин, 1992, с. 41–48, рис. 5.-1–9; табл. 1] и Городок [Ширин, 2002, с. 57–58, рис. 7.-1–21; рис. 8.-1–17; рис. 9.-1–6; 2004а, с. 86–90]. Аналогии имеются в материалах погребальных памятников, датированных разными временными интервалами развитого средневековья. Они известны на Сапогово-2 [Илюшин, 1997, с. 39–42, рис. 22.-1–18; рис. 23.-1–9; рис. 26.-2], Калтышино-1 [Савинов, 1997, с. 77–90, рис. 1.-3], Озерки-5 [Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2012, с. 171–172, рис. 57а.-1–7; рис. 57б.-1–9], Мусохраново-1 [Илюшин, Бутьян, 2010, с. 175–184, рис. 5.-1; рис. 8.-1], Шабаново-3 [Илюшин, 1998, рис. 6.-1; рис. 11.-1, 8], Сапогово-1 [Илюшин, Ковалевский, Сулейменов, 1996, с. 96, рис. 11.-1, 2], Торопово-1 [Илюшин, 1999, с. 47–50, рис. 27.-5; рис. 35.-7; рис. 44.-1–3; рис. 45.-13] и Ишаново [Илюшин, 2014, рис. 3.-2; рис. 17.-1; рис. 18.-10–12; рис. 23.-3–5; рис. 33.-1, 5]. Несмотря на небольшое количество исследуемых посуды, на Шабаново-5 в разных пропорциях имеются признаки всех трех типов керамической посуды XI–XIII вв., ранее выделенных Ю.В. Шириным [1992, с. 40–46, табл. 1] по материалам раскопок мест проживания в западной и южной частях Кузнецкой котловины, что указывает на ее смешанный характер, отражающий этнокультурную специфику этих материалов. Наиболее близкими географически и в культурном плане для Шабаново-5 являются поселения Шабаново-10 и Торопово-4. Первое из них, датированное XI–XIII вв. н.э. [Илюшин, 2015, с. 92–98], находится в 1,2 км на запад – юго-запад от Шабаново-5, в той же самой пойменной долине р. Касьмы. При этом, несмотря на одинаковые процессы почвообразования, культурный слой Шабаново-5 находится ближе к современной поверхности, что позволяет считать его более молодым памятником. На это указывает и тот факт, что среди элементов орнамента на Шабаново-5 в большем количестве имеются те, которые известны по материалам позднего средневековья в Кузнецкой котловине [Илюшин, 2004, с. 132–138; 2010, с. 55–60; Ширин, 1992, с. 56–48; 2004, с. 153–162; и др.]. Учитывая эти обстоятельства и корреляцию дат всех имеющихся аналогий, можно датировать культурный слой в пределах XIII–XV вв. и связывать его с культурой племени аз-кыштымов, проживавшего в это время на данной территории.

Для историко-культурной характеристики поселения необходимо отметить такие специфические особенности, как мощный культурный слой, расположение в пределах поймы и отсутствие конструкций и сооружений жилищ. Это указывает на его долговременное использование в качестве сезонного местожительства. Местонахождение памятника каждую весну покрывается паводковыми водами, и поэтому уместно предполагать, что оно могло использоваться только летом, осенью или

зимой. В качестве жилищ могли быть использованы легкие передвижные конструкции типа чума или юрты, следы которых практически невозможно зафиксировать, так как они не заглаблились в материк. Сезонность поселения указывает на его хозяйственную функцию, которая может быть связана с использованием заливных лугов для пойменного приречного земледелия, заготовки сена или (и) выпаса скота.

Библиографический список

Елькин М.Г. Поселение позднего железного века у г. Гурьевска // ИЛАИ. Вып. 5. Кемерово, 1974. С. 119–129.

Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII – первой половине XI вв. н.э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово, 2012. 213 с.

Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. Кемерово, 1997. 119 с.

Илюшин А.М. Курганная группа Шабаново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово ; Гурьевск, 1998. С. 54–78.

Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1) // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 3. Кемерово, 1999. 208 с.

Илюшин А.М. Методика датировки средневековых поселений Кузнецкой котловины // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001. С. 383–386.

Илюшин А.М. Кузнецкие татары по историко-этнографическим и археологическим источникам // Тюркские народы. Тобольск ; Омск, 2002. С. 51–53.

Илюшин А.М. Материальная и духовная культура аз-кыштымов (по археологическим данным) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 132–138.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005. 240 с.

Илюшин А.М. Позднесредневековая керамика Кузнецкой котловины как показатель этнокультурных процессов // Труды Томского областного музея. Т. XVI. Томск, 2010. С. 55–60.

Илюшин А.М. Культурная традиция сооружения мест проживания у средневекового населения Кузнецкой котловины // Известия Алтайского государственного университета. 2011. №4/2. С. 105–111.

Илюшин А.М. Курганы кыштымов в долине Ура // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 8. Кемерово, 2014. 216 с.

Илюшин А.М. Новые материалы о местах проживания населения Кузнецкой котловины в развитом средневековье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул, 2015. С. 92–98.

Илюшин А.М., Борисов В.А. Средневековое жилище на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул, 2014. С. 100–105.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2012 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2014. №1. С. 149–160.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Ковалевский С.А. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2000 года. М., 2001. С. 229–231.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 1999 года. М., 2001. С. 248–250.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Онищенко С.С. Исследования средневековых жилищ на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10. Барнаул, 2015. С. 61–65.

Илюшин А.М., Бутьян В.А. Раскопки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 2009 года на курганной группе Мусохраново-1 // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2010. №4. С. 175–184.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 5. Кемерово, 2012. 212 с.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. Кемерово, 1996. 206 с.

Савинов Д.Г. Могильник Калтышино-1 (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997. С. 77–99.

Ширин Ю.В. Орнаментация средневековой керамики Южного Кузбасса // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 36–50.

Ширин Ю.В. Городище Городок в Кемеровском районе // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово ; Городок, 2002. С. 41–77.

Ширин Ю.В. Позднесредневековые поселения в западных предгорьях Кузнецкого Алатау // Древности Алтая. №12. Горно-Алтайск, 2004. С. 153–162.

Ширин Ю.В. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. Вып. 6. Новокузнецк, 2004а. С. 69–112.

Эрдниев У.Э. Типы древних поселений и жилищ в верховьях р. Томи // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Вып. 3. Томск, 1959. С. 13–14.

Эрдниев У.Э. Городище Маяк. Кемерово, 1960. 68 с.

А.М. Илюшин, В.А. Борисов

Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия

КОЛЛЕКЦИЯ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ РАСКОПОК НА ТОРОПОВО-7

Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета (ККАЭЭ ГНЦ КузГТУ) с 2008 г. по настоящее время проводит археологические исследования на комплексе археологических памятников Торопово-7. На административной карте Кемеровской

области этот объект культурно-исторического наследия расположен в Ленинск-Кузнецком районе, в 1,2 км на восток – северо-восток от с. Торопово. По физико-географическим координатам Торопово-7 находится в степной зоне Кузнецкой котловины, вблизи восточных отрогов Салаирского кряжа, покрытых таежной растительностью, в бассейне среднего течения р. Касьмы, на первой надпойменной террасе правого берега. Материалы раскопок этого памятника по мере их исследования частично были введены в широкий научный оборот [Илюшин, 2013, с. 137–142; 2013а, с. 127–136; 2014, с. 64–69; Илюшин, Борисов, 2014, с. 100–105; Илюшин, Борисов, Бутьян, 2014, с. 149–160; 2014а, с. 151–154; Илюшин, Бутьян, Борисов, 2012, с. 142–152; Илюшин, Сулейменов, Бутьян, 2009а, с. 165–179; Илюшин, Борисов, Онищенко, 2015, с. 61–65; и др.]. Проведенные исследования позволили дать культурно-хронологическую характеристику отдельных объектов и артефактов, которые были датированы двумя периодами: поздней бронзой (ирменская археологическая культура IX–VII вв. до н.э.) и развитым средневековьем (шандинская археологическая культура XI–XIV вв. н.э.) [Илюшин, Борисов, Онищенко, 2015, с. 61].

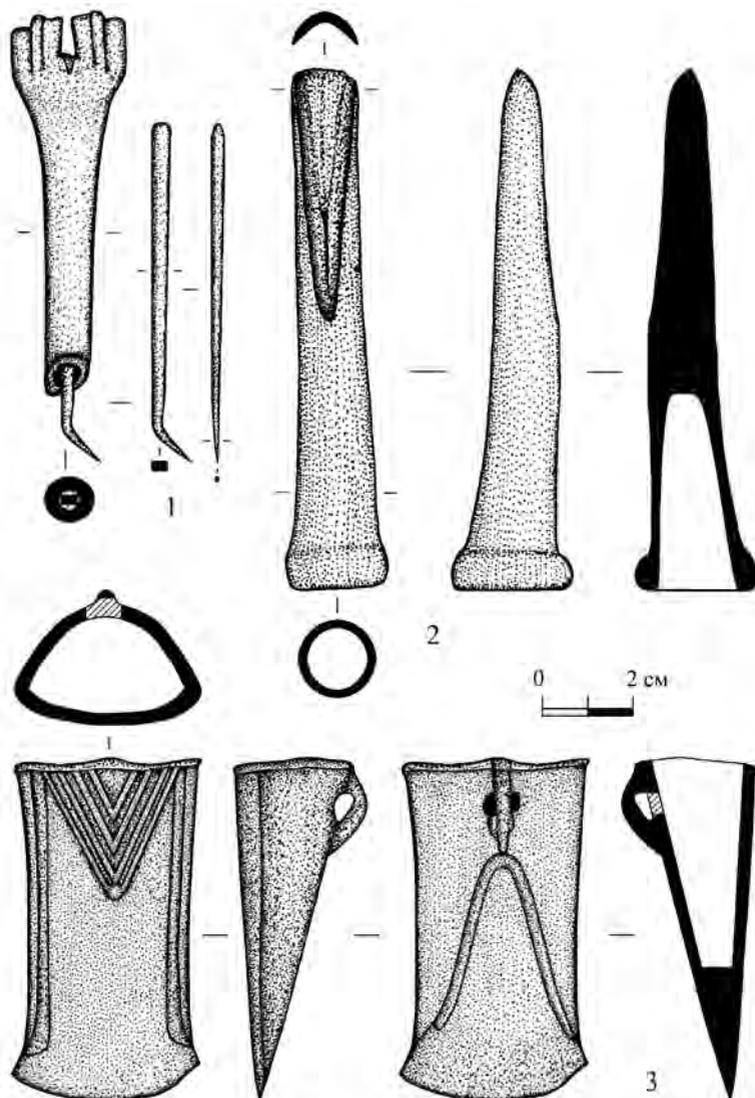
Цель настоящей работы – ввести в широкий научный оборот информацию о коллекции уникальных бронзовых изделий, которые в разные годы были найдены на Торопово-7. Для этого опубликуем и опишем эти артефакты, проведем их сравнительно-исторический анализ и дадим их культурно-историческую характеристику.

Коллекция бронзовых изделий представлена шилом, долотом-стамеской и кельтом-теслом (рис.-1–3), которые традиционно используются при ведении домашнего промысла и ремесла. Все эти предметы найдены в одном слое вблизи друг от друга и, вероятно, представляют собой синхронный культурный комплекс, который был зафиксирован рядом с жилищем и культовой площадкой, предварительно отнесенных нами к ирменской археологической культуре и датированных периодом поздней бронзы или переходным временем между эпохой бронзы и ранним железным веком.

Бронзовое шило найдено вместе с костяной рукояткой, которая представляла собой расчлененную трубчатую кость животного (рис.-1). Во внутренний пазух этого фрагмента кости, срезанного под острым углом, был вставлен прокованный четырехгранный металлический штырь, заостренный на рабочем окончании и приплюснутый на крепящемся в рукояти конце. Длина штыря 7,5 см. Сечение штыря в средней части составляло 0,3 x 0,3 см. Рабочая часть шила, выступающая из рукояти, – 1,4 см, из которых 0,7 см было заострено и загнуто в результате его использования.

Близкие аналогии этому изделию известны в материалах ирменской культуры Барабы на разных этапах ее развития на могильнике Гандичевский совхоз и Чича-1 [Молодин, 1985, с. 124, 166, рис. 63.-8; рис. 84.-4], а также в Алтайском Приобье на поселении Фирсово-XVIII, где в культурном слое преобладают материалы ирменской и корчажкин-

ской культур [Федорук, Шамшин, Папин, 2008, с. 128, рис. 13.-7]. На территории Кузнецкой котловины аналогичное бронзовое шило с рукоятью из трубчатой кости животного было найдено в ирменском жилище на поселении Исток [Бобров, 2010, с. 32–35, 37, рис. 2.-5].

Находки периода поздней бронзы на комплексе археологических памятников Горопово-7: 1 – шило; 2 – долото; 3 – кельт-тесло (1 – кость, бронза; 2, 3 – бронза)

Бронзовое втульчатое желобчатое долото-стамеска (рис.-2). Длина изделия составляет 11,6 см, ширина у основания втулки – 2,7 см, а у лезвия инструмента – 1,6 см. Глубина втулки – 4,4 см. По своим размерам и форме это изделие представляет собой универсальный плотничный инструмент. Изгиб лезвия позволяет использовать его как долото для выдалбливания отверстий и пазов, а также в качестве стамески для снятия фасок и зачистки деревянных поверхностей.

Аналогичные изделия появляются на территории Алтайского Приобья в материалах андроновской (федоровской) культуры и бытуют до конца эпохи бронзы – начала переходного времени от бронзы к железу [Кирюшин, Лузин, 1990, с. 129; Федорук, Шамшин, Папин, 2008, с. 128, рис. 13.-5]. Втульчатое желобчатое долото из числа случайных находок на территории Новосибирского Приобья А.В. Матвеев [1993, табл. 26.-6] включал в круг артефактов позднебронзовых изделий ирменской археологической культуры. На территории Кузнецкой котловины подобные изделия были найдены в комплексах ирменской культуры на поселениях Люскус и Исток [Бобров, 1979, с. 48; 2010, с. 37, рис. 2.-1].

Бронзовый кельт-тесло асимметричной формы (рис.-3) по классификации Б.Г. Тихонова [1960, с. 46] относится к группе кельтов-тесел с лобным ушком. Под ушком имеется сквозное отверстие «пещерка» во внутреннюю часть втулки. Длина изделия – 7,3 см. Размеры кельта-тесла у основания втулки – 4 x 2,7 см, а ширина острия лезвия составляет 3,8 см. Глубина втулки – 4,5 см. По бокам изделия фиксируются обработанные литейные швы, а под ушком и по краям на противоположной стороне – рельефные желобки, вероятно, для придания большей жесткости. Вверху по основанию втулки на изделии имеется рельефный поясок шириной 2 мм и высотой не более 0,5 мм, который замыкается на ушке. Овальное ушко длиной 2,3 см возвышается над телом кельта на 0,7 см. На противоположной ушку стороне в верхней части тела кельта имеется рельефный орнамент в виде четырех равнобедренных треугольников разных размеров, меньшие из которых последовательно включены во внутреннее пространство самого большого. Эта композиция начинается от рельефного пояса у основания и обращена вершиной вниз, где на пересечении рельефных линий большого треугольника имеется округлая рельефная «шишечка» диаметром 4 мм. Ширина и высота композиции, внешне напоминающей перевернутую пирамиду, составляет 3,2 см. Высота рельефных линий не превышает 0,5 мм.

На территории Алтайского Приобья аналогичные изделия известны на поселении Фирсово-ХVIII в материалах поздней бронзы – начала переходного времени от бронзы к железу, а также в единичных случаях были найдены в материалах раннего железного века на могильниках Ближние Елбаны-VII, Тузовские Бугры-I и Фирсово-XIV [Грязнов, 1956, табл. XVI.-9; Фролов, 2008, рис. 82.-2; рис. 137.-6]. На территории Кузнецкой котловины ближайшая аналогия известна по материалам рас-

копок на поселении Люскус в комплексе находок ирменской культуры [Бобров, 1979, с. 47–59, рис. 13.-11].

Поиск аналогий публикуемым находкам из бронзы на комплексе археологических памятников Торопово-7 свидетельствует о том, что основная масса подобных изделий была найдена в Верхнем Приобье при раскопках ирменских и позднеирменских поселений, датированных поздней бронзой – началом перехода от бронзы к железу. При этом обращает на себя внимание тот факт, что аналогии всем трем публикуемым изделиям (рис.-1–3) имеются на поселении Фирсово-XVIII в Алтайском Приобье [Федорук, Шамшин, Папин, 2008, с. 128, рис. 13.-5–7] и по две аналогии публикуемым изделиям были выявлены в Кузнецкой котловине на поселениях Люскус и Исток [Бобров, 1979, с. 47–59, рис. 13.-11; 2010, с. 32–35, 37, рис. 2.-1, 5]. Это обстоятельство позволяет предполагать, что эти памятники не только однокультурны, но и хронологически близки между собой. Наличие одинаковых орудий труда свидетельствует о схожих культурных традициях в ведении домашнего промысла и ремесла и одинаковом уровне социально-экономического развития у различных групп населения ирменской культуры на завершающей стадии ее развития на территории Алтайского Приобья и Кузнецкой котловины.

Библиографический список

Бобров В.В. Поселение на р. Люскус (предварительное сообщение) // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С. 47–59.

Бобров В.В. Ирменский комплекс памятника Исток // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). Новосибирск, 2010. С. 30–38.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л., 1956. 163 с. (МИА. №48).

Илюшин А.М. Касьминский археологический микрорайон и результаты раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIX. Барнаул, 2013. С. 137–142.

Илюшин А.М. Семейные святилища у восточных кыпчаков (по материалам исследований Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2011 году) // Казахстан и Россия: научное и культурное взаимодействие и сотрудничество. Астана ; Омск, 2013а. С. 127–136.

Илюшин А.М. Исследование семейных культурных площадок восточных кыпчаков на Торопово-7 в Кузнецкой котловине // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 9. Павлодар, 2014. С. 64–69.

Илюшин А.М., Борисов В.А. Средневековое жилище на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул, 2014. С. 100–105.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2012 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2014. №1. С. 149–160.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2013 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2014а. №6. С. 151–154.

Илюшин А.М., Бутьян В.А., Борисов В.А. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2011 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2012. №2. С. 142–152.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Бутьян В.А. Результаты полевых разведок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2009. №3. С. 165–179.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Онищенко С.С. Исследования средневековых жилищ на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10. Барнаул, 2015. С. 61–65.

Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Поселение Большой Лог I – новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 42–56.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 181 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 210 с.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. М., 1960. №90. С. 5–115.

Федорук А.С., Шамшин А.Б., Папин Д.В. Предварительные итоги исследования поселения Фирсово-XVIII // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008. С. 125–143.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008. 479 с.

А.А. Казаков

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ БИЙСКОГО РАЙОНА И ВЕРХОВЬЕВ р. ОБИ

Несмотря на то, что Бийский район является одной из наиболее изученных в археологическом отношении территорий Алтайского края, остается еще очень много материала, не введенного в научный оборот. И если за судьбу больших коллекций, содержащих хорошо документированный материал из стационарных раскопов можно не беспокоиться (рано или поздно он найдет своего исследователя и будет опубликован), то судьба небольших коллекций, происходящих со сборов, случайных находок, других малочисленных слабодокументированных коллекций зачастую бывает очень печальной. Они или «растворяются» в общей массе, смешиваясь с себе подобными малочисленными коллекциями, или осе-

дают в недоступных закромах хранилищ, не попадаясь на глаза исследователям, или каким-то загадочным образом просто исчезают, оставаясь лишь на страницах музейных описей, как это случилось с коллекцией из сборов близ с. Фоминского [см. статью автора в данном сборнике].

Несмотря на кажущуюся малопредставительность подобных материалов, их значение для исследователя трудно переоценить. Публикация подобных коллекций, введение их в научный оборот – одна из основных задач муниципальных сводов памятников, которые активно издаются в Алтайском крае. К сожалению, в эти своды попадают порой далеко не все материалы, которые рассредоточены по различным хранилищам, начиная от крупных музеев и заканчивая сельскими музеями, школьными музеями, а порой и частными коллекциями.

Основная масса материалов из Бийского района сосредоточена в Бийском краеведческом музее (БКМ). Учитывая большую насыщенность памятниками Бийского района, обусловленную его географическим положением (на стыке трех крупнейших экосистем – горной, таежной и степной), расположенным на месте слияния двух рек – Бии и Катуня, дающих начало крупнейшей реке мира Оби, которые являлись основными коммуникационными артериями древности, облегчающими культурные контакты различных групп населения, понятна большая привлекательность этого места для археологов. Здесь работали экспедиции из различных научных центров, благодаря чему коллекции материалов из Бийского района хранятся в Государственном Эрмитаже, Кунсткамере, Государственном историческом музее и других хранилищах России. И в большинстве своем они относятся как раз к той категории коллекций, которые попадают в «группу риска» – малочисленных коллекций со сборов подъемного материала на разрушаемых в результате эоловых процессов песчаных дюн на берегах водоемов.

Задачей автора является введение в научный оборот части материалов с коллекций, происходящих из сборов близ сел Малоугренево, Енисейское, Камышенка и Солдатово, относящихся к I–II тысячелетиям. Материалы, относящиеся к обозначенному хронологическому периоду, не нашли отражения в двух изданиях сводов памятников по Бийскому району [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, с. 45; Кунгурова, 2005, с. 13]. Учитывая, что они происходят с раздуваемых памятников с разрушенным культурным слоем, из общей массы вычлняются только типологически.

Местонахождение Малоугренево-1 находится в Бийском районе. Расположено на правом берегу р. Бии, в 2 км выше по ее течению от с. Малоугренево, на раздуваемых песчаных дюнах. В 1927–1941 гг. там были проведены сборы подъемного материала сотрудниками БКМ, которые и в дальнейшем обследовали это местонахождение.

Этот памятник достаточно полно описан [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, с. 108; Кунгурова, 2005, с. 10]. Материал, полученный с памятника, представлен различными культурно-хронологическими

комплексами, начиная с эпохи ранней бронзы и кончая периодом позднего средневековья. Типологически из этого материала вычленился комплекс одинцовской культуры, который датируется 2-й половиной V – VIII в., опубликованный автором ранее [Казаков, 2014, с. 59].

Материалы фоминского этапа кулайской культуры (рис. 1) и VIII в. – II тысячелетия (рис. 2) публикуются впервые.

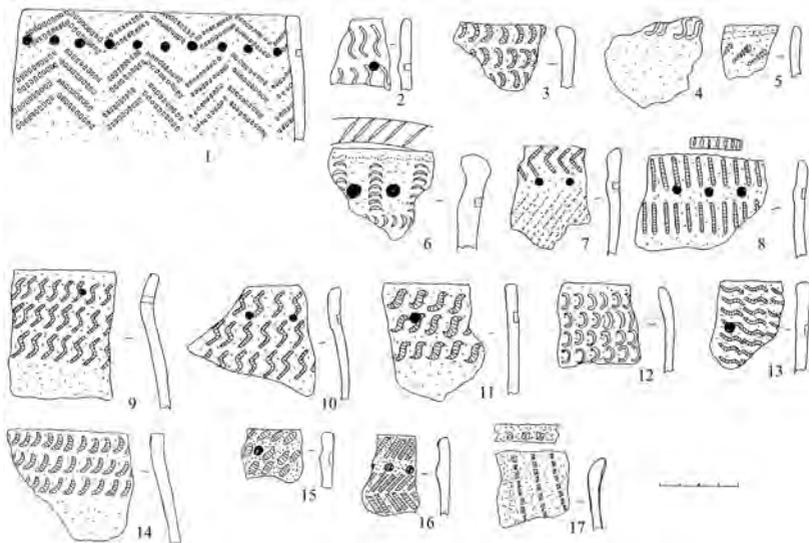

Рис. 1. Материалы фоминского этапа кулайской культуры (I в. – 1-я половина IV в.) с местонахождения Малоугренево-1

Обращает на себя внимание наличие в материалах фоминского этапа кулайской культуры большого количества таких элементов орнамента, как подковообразный гребенчатый штамп и гребенчатая уточка, расположенная нетрадиционно – как бы «лежа на боку». Кроме того, интересно, что на фрагментах венчиков сосудов с этого памятника встречается специфический, не характерный для подобной керамики стилистический способ нанесения уточки – «от обратного», когда уточка наносится слева – направо – сверху – вниз – слева – направо. Подобный стиль нанесения этого орнаментального элемента встречается крайне редко. Кроме того, можно указать на некоторые характерные признаки, позволяющие отнести фоминский комплекс с памятника к завершающему этапу, хронологически соприкасающемуся с памятниками переходного типа – сошниковского этапа одинцовской культуры – это нанесение ямок поверх уже нанесенных ранее орнаментальных элементов и заглаживание жемчужин от ямок на внутренней поверхности сосуда [Троицкая, 1979, с. 40].

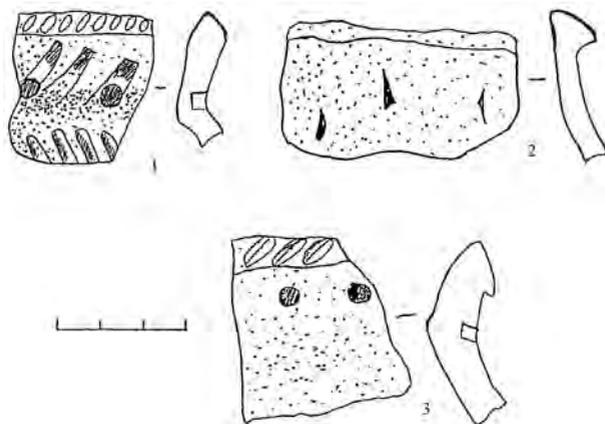

Рис. 2. Материалы VIII в. – II тыс. н.э. с местонахождения Малоугренево-1

Малочисленность материалов более поздних периодов не позволяет выявить в них специфические черты.

Местонахождение Енисейское находится в Бийском районе, расположено на правом берегу Бии, между селами Енисейское и Малоугренево, на первой надпойменной террасе. Памятник открыт в 1920 г. М.Д. Копытовым [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, с. 105]. Уже в то время памятник интенсивно разрушался эоловой эрозией. Повторное обследование этого объекта проведено сотрудниками Алтайской экспедиции Государственного Русского музея в 1925 г. под руководством С.И. Руденко и М.П. Грязнова [Казаков, 2014, с. 57]. В 1930–1960 гг. регулярные сборы на памятнике проводили сотрудники БКМ, которыми собрано большое количество материалов, относящихся к различным культурно-хронологическим этапам. С конца 1970-х гг. сборы регулярно проводились сотрудниками АлтГУ.

Как уже было сказано выше, на памятнике представлен материал различных культурно-хронологических периодов – от энеолита и до позднего средневековья. Материалы, относящиеся к одинцовской культуре, выделяются типологически. В настоящее время памятник почти полностью уничтожен раздувами. Одинцовский комплекс с него опубликован, датируется 2-й половиной V – VI в. н.э. [Казаков, 2014, с. 57, рис. 46].

Вниманию исследователей предлагается комплекс фоминского этапа кулайской культуры, происходящий из сборов, проведенных М.П. Грязновым в 1925 г. и хранящийся в Государственном Эрмитаже, коллекция №4402 (рис. 3).

Учитывая непосредственную близость расположения памятников Малоугренево-1 и местонахождения Енисейское, в фоминском комплек-

се можно отметить те же особенности, что и в вышеописанном комплексе фоминского этапа кулайской культуры местонахождения Малоугренево-1.

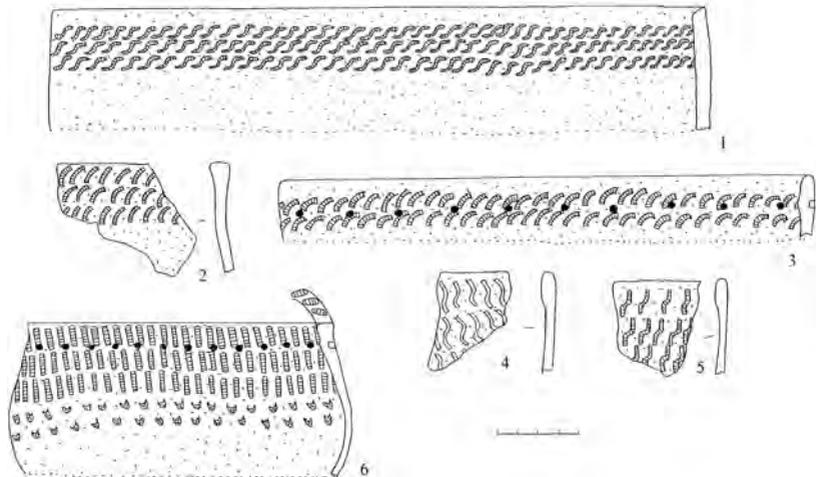

Рис. 3. Материалы фоминского этапа кулайской культуры (I в. – 1-я половина IV в.) с местонахождения Енисейское

В непосредственной близости от слияния рек Бии и Катунь, в самом верхнем течении Оби, расположены еще два памятника, материалы с которых хранятся в Государственном Эрмитаже и до последнего времени не были известны широкому кругу исследователей. Это местонахождение Камышенка и Солдатово.

Местонахождение Камышенка находится в Усть-Пристанском районе, расположено в пойме правого берега Оби, на дюнах в районе с. Камышенки. Открыто в 1925 г. М.П. Грязновым во время проведения Алтайской экспедиции Государственного Русского музея [Казаков, 2014, с. 57]. М.П. Грязновым на раздуваемых дюнах в районе с. Камышенки была собрана небольшая коллекция керамики. Типологически из нее вычлняются комплексы, относящиеся к тимириязевскому этапу одинцовской культуры, датируемые VII–VIII вв. [Казаков, 2014, с. 57, рис. 46].

Основную часть коллекции представляют более поздние комплексы с неопределенной культурно-хронологической принадлежностью (рис. 4). Учитывая, что в непосредственной близости от с. Камышенки расположен наиболее ранний могильник басандайской культуры Осинки, соотносимый с памятниками, относящимися к переходным от самодийско-одинцовских к самодийско-басандайским [Савинов, Новиков, Росляков, 2006], вполне возможно предположить, что часть представленного керамического комплекса относится именно к басандайской культуре.

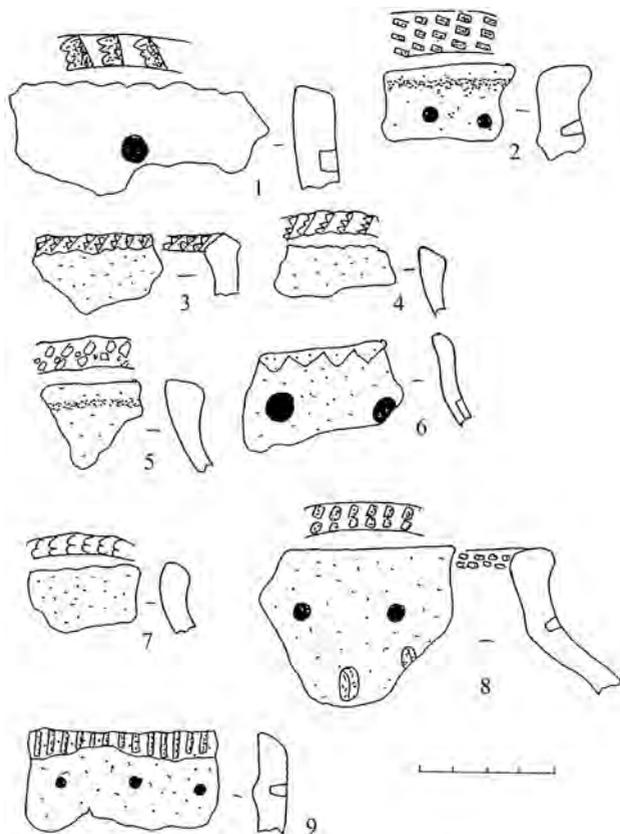

Рис. 4. Материалы VIII в. – II тысячелетия с местонахождения Камышенка

Материал публикуется впервые, хранится в ГЭ, коллекция №4617.

Местонахождение Солдатово находится в Петропавловском районе. Оно расположено на правом берегу Оби в районе одноименного села, открыто М.П. Грязновым в 1927 г. во время проведения Алтайской экспедиции Государственного Русского музея [Казаков, 2014, с. 60]. М.П. Грязновым на днах, раздуваемых к востоку от с. Солдатово, была собрана небольшая коллекция керамики, среди которой есть комплексы, относящиеся к фоминскому этапу кулайской культуры (рис. 5), причем это хорошо реконструируемый сосуд, что позволяет предположить наличие в этом месте могильника. Комплекс, относящийся к одинцовской культуре, включающий и два железных трехлопастных черешковых наконечника стрел, опубликован [Казаков, 2014, с. 60, рис. 47], наиболее вероятная его датировка – VII–VIII вв.

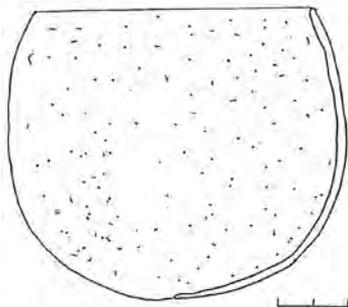

Рис. 5. Сосуд фоминского этапа кулайской культуры (I в. – 1-я половина IV в.) с местонахождения Солдатово

Большая часть коллекции представлена фрагментами керамики постодиновского времени, который делится на два комплекса (рис. 6). Одни из фрагментов изготовлены из достаточно грубого теста и украшены орнаментом, оставленным, вероятно всего, отпечатком челюсти мелкого животного и ямками. Наиболее вероятная хронологическая принадлежность комплекса – II тыс. н.э.

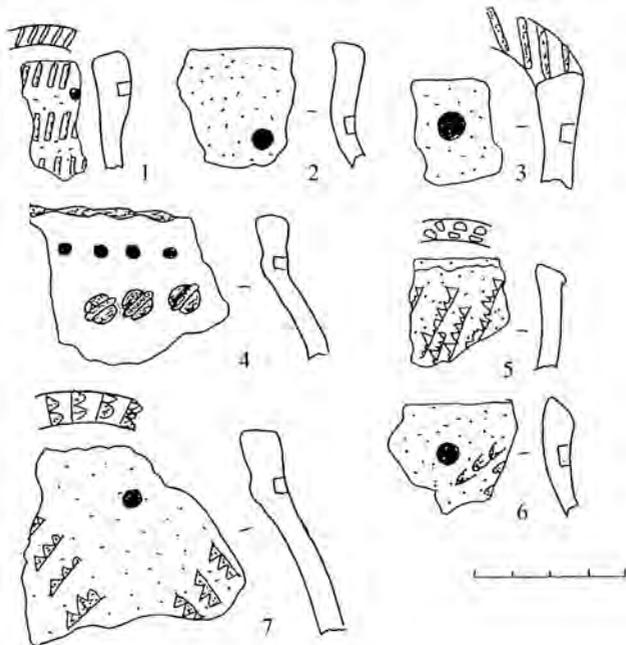

Рис. 6. Материалы VIII в. – II тыс. н.э. с местонахождения Солдатово

Второй комплекс представлен более изящной керамикой, из теста достаточно высокого качества, с профилировкой, близкой профилировке сосудов тимиразевского этапа одинцовской культуры и украшенной ямками, ногтевыми защипами, отпечатками кончика палочки. Возможно, это ранние комплексы басандайской культуры.

Материал публикуется впервые, хранится в ГЭ, коллекция №4400.

Введенный в научный оборот материал пополнит источниковую базу, что должно позитивно сказаться на дальнейших исследованиях и более крупных обобщениях.

Библиографический список

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул, 2014. 152 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Бийский район. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 100–115.

Кунгурова Н.Ю. Древнейшее прошлое района // Бийский район: История и современность: в 2 т. Т. 1. Барнаул, 2005. С. 6–40.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск, 2006. 424 с.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 125 с.

А.А. Казаков

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

МАТЕРИАЛЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ СО СБОРОВ У с. ФОМИНСКОГО

Процесс познания в археологии отличается от процесса познания других гуманитарных наук спецификой источника. Прежде чем построить теорию, претендующую на новое знание, необходимо этот источник сначала найти, затем с использованием специальных методов извлечь, как можно более подробно задокументировав условия его залегания. От этого зависит информативность источника.

К сожалению, далеко не все источники, используемые специалистами-археологами, хорошо задокументированы и содержат необходимый блок информации. Часть коллекций слабо документирована, и порой бывает достаточно сложно установить даже место ее происхождения. В результате различных факторов, влияющих на памятники археологии, прежде всего природных (эоловые, русловые процессы и т.п.), культурный слой памятника разрушается, и исследователь вынужден собирать с поверхности уже переотложенный материал, который никак не стратифицирован и не привязан к конкретным объектам.

В этом случае приходится только типологически разделять его на различные культурно-хронологические комплексы.

Несмотря на то, что часть информации подобным источником утеряна, трудно переоценить значимость даже переотложенных комплексов в изучении древней истории. Именно к таким комплексам и относятся публикуемые материалы, происходящие из окрестностей с. Фоминского Бийского района Алтайского края. Цель настоящей работы – введение в научный оборот ранее не известного широкому кругу исследователей материала, который пополнит источниковую базу археологии.

В настоящее время с. Фоминское территориально и административно входит в состав города Бийска. До 2004 г. входило в упраздненный Фоминский сельсовет и являлось его административным центром. Расположено к западу от Бийска на правом берегу Оби, выше места впадения в нее р. Чемровка. Расстояние по автодороге до центра Бийска – 30 км.

Несмотря на достаточно богатое археологическими находками место расположения села (правый берег Оби, напротив слияния рек Бии и Катуня), они слабо представлены в публикациях. Связано это прежде всего с уже отмеченной особенностью этих материалов – комплексы происходят с разрушенных природными процессами памятников и вычлениются только типологически. Немало поспособствовала этому и достаточно насыщенная новейшая история села, когда устье р. Чемровка переходило вместе с селом в ведение различных районов – то Бийского, то Зонального, то опять Бийского, что закончилось включением в состав города Бийска. Поэтому, несмотря на то, что по Бийскому и Зональному районам подготовлено и издано три свода памятников (два по Бийскому району и один по Зональному) [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992а, 1992б; Абдулганеев и др., 2003; Кунгурова, 2005], материалы, происходящие из окрестностей с. Фоминского, ни в один из них не вошли, так как в момент написания каждого свода памятников село входило в состав другой административной единицы.

Более того, несмотря на то, что публикуемый материал был в распоряжении автора с 1993 г., по каким-то необъяснимым причинам он не был включен в источниковую базу диссертационного исследования и не вошел в монографию по одинцовской культуре Барнаульско-Бийского Приобья [Казаков, 2014]! Сложившееся положение необходимо исправлять и вводить в научный оборот достаточно хорошие и представительные комплексы, которые по стечению обстоятельств так и не стали известны широкому кругу исследователей ранее.

В окрестностях с. Фоминского, входящего в настоящее время в состав г. Бийска, известны два памятника с комплексами I тыс. н.э. Оба открыты в начале XX в. писарем с. Фоминского, а затем сотрудником Бийского краеведческого музея М.Д. Копытовым, который производил на них регулярные сборы подъемного материала (сохранились

достаточно подробные описи). В настоящее время он хранится в Бийском краеведческом музее (коллекции №31, 157, 789). К сожалению, материал в основном был утерян, и до нас дошли лишь небольшие коллекции.

О расположении памятников на местности можно говорить, что в начале XX в. один из них, названный городищем Фоминское (коллекция №157), находился в 2 км от села ниже по течению Оби, второй – местонахождение на раздуваемых дюнах в окрестностях села, вероятнее всего, также ниже по течению реки. Возможно, городище находилось на боровой террасе в сосновом бору, в районе устья р. Чемровка. Точное местонахождение его не известно, описания нет, вероятнее всего, в настоящее время полностью разрушено.

В 1924 г. С.И. Руденко, профессор кафедры антропологии Ленинградского университета, заместитель директора Государственного Русского музея, во время проведения Алтайской экспедиции посетил эти дюны и сделал сборы подъемного материала, который хранится в Государственном Эрмитаже (коллекция №4263). С этими материалами уже в камеральных условиях, в стенах Бийского краеведческого музея, работал и М.П. Грязнов [1956, с. 126], который сделал название села эпонимом при выделении одного из этапов верхнеобской культуры – фоминского, справедливо посчитав, что на дюнах располагался могильник. Об этом свидетельствуют находки целых сосудов и кальцинированных костей. Затем это название, благодаря работам Т.Н. Троицкой [1979], закрепилось за последним этапом кулайской культуры.

Среди материалов различных культурно-хронологических групп выделяются комплексы I тыс. н.э., предлагаемые вниманию исследователей. В настоящее время с. Фоминское сильно разрослось, его окрестности заняты садовыми участками, и памятники, вероятнее всего, уничтожены полностью. Часть материалов из эрмитажной коллекции, относящихся к одинцовскому этапу одинцовской культуры (2-я половина V – VI в.), опубликована [Казаков, 2014, с. 60]. Целые сосуды, описанные М.П. Грязновым к фоминскому этапу, опубликованы [Грязнов, 1956, с. 126]. Ю.В. Ширин [2003, с. 166], справедливо передатировав эти материалы, вычленил из семи четыре, по его мнению, относящиеся к фоминскому этапу кулайской культуры, и более детально их прорисовал и опубликовал. Однако хорошо выраженная шейка одного из этих сосудов [Ширин, 2003, с. 166, табл. 2–4] указывает на его принадлежность к другой культуре – одинцовской. Опубликованные материалы на страницах этой работы не будут демонстрироваться.

Комплексы I тыс. н.э. представлены культурно-хронологическими группами, относящимися к фоминскому этапу кулайской культуры (I в. – 1-я половина IV в.) (рис. 1), одинцовской культуре (2-я половина IV – VIII в.) (рис. 2) и более поздними группами керамики, хронологически относящимися к VIII в. и позже (II тыс. н.э.) (рис. 3),

в культурном отношении принадлежавшими как аборигенным группам населения, продолжавшим местную линию развития, возможно, басандайской культуры, так и представителям сформированной на территории лесостепного Алтая сроткинской культуры и более поздним насельникам.

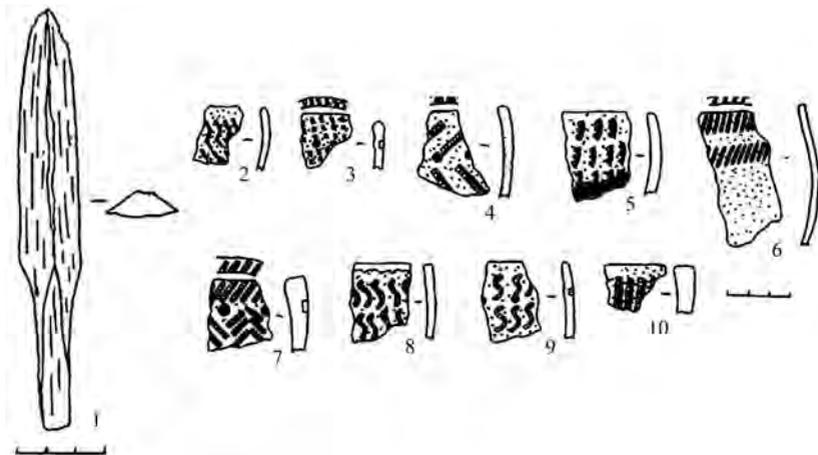

Рис. 1. Материалы фоминского этапа кулайской культуры (I в. – 1-я половина IV в.)

Из особенностей керамических комплексов фоминского этапа кулайской культуры считаю достаточно важным отметить наличие как гладкой, так и гребенчатой уточки. Причем культурнодиагностирующий элемент орнамента (уточка) выполнен в несколько иной стилистической манере, чем классическая, и больше напоминает лагинскую «S». По меткому выражению Ю.П. Чемякина, это «взлетающая уточка». Интересно, что все элементы уточки абсолютно на всех керамических комплексах Алтайского края (а возможно, и сопредельных территорий), нанесены в едином исполнении: справа – налево – сверху – вниз – справа – налево. Видимо, это связано с определенной смысловой нагрузкой, выполняемой этим элементом орнамента, как и исполнение свастики на керамике эпохи бронзы и в настоящее время – в различных религиозных культурах свастика «посолонь» (справа – налево) – добро, «противосолонь» (слева – направо) – зло.

Для одинцовской керамики можно отметить большое количество полулунного штампа и наличие достаточно редкого элемента – отпечатка уголка лопаточки. Вероятнее всего, это отличительные черты бийской группы памятников одинцовской культуры. Дальнейшая, более детальная работа с керамическими комплексами выделенных групп поселений [Казаков, 2015] позволит выявить подобные специ-

фические отличия для каждой из них, прежде всего в особенностях керамических комплексов, что является прямым выходом на социальные реконструкции.

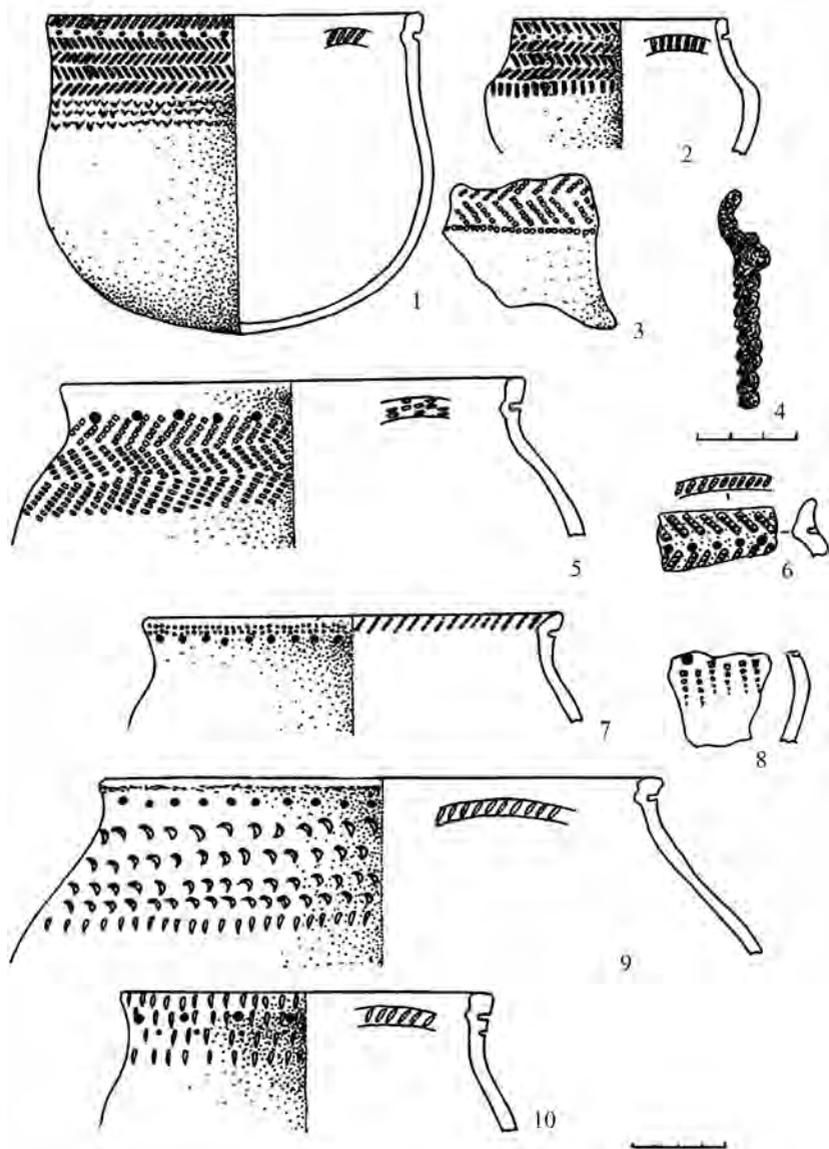

Рис. 2. Материалы одиновской культуры (2-я половина IV – VIII в.)

Не вдаваясь в подробности культурно-хронологической интерпретации материалов и не касаясь вопросов культурогенеза, контактов, миграционных процессов и прочего, ограничусь публикацией типологически выделенных комплексов с их первичной культурно-хронологической интерпретацией.

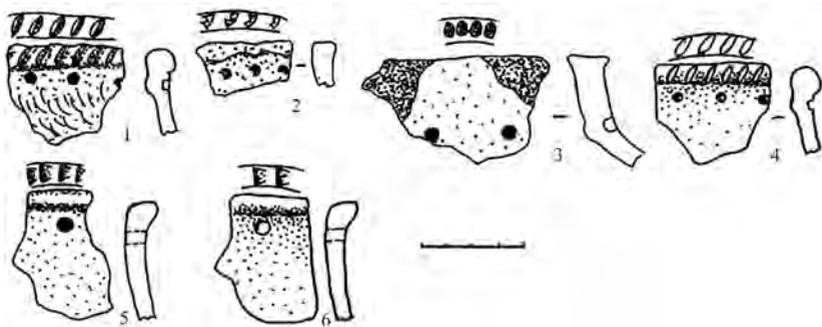

Рис. 3. Материалы VIII в. – II тыс. н.э.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х., Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова А.Ю. История исследования археологических памятников Зонального района // Зональный район: история, люди и судьбы. Барнаул, 2003. С. 50–78.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л., 1956. 256 с. (МИА. №48).

Казаков А.А. Макропланиграфические данные поселений как источник для исторических реконструкций // Вестник Сургутского государственного педагогического университета (научный журнал). 2015. №3 (36). С. 90–97.

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул, 2014. 152 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992а. С. 7–48.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Бийский район. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992б. С. 100–115.

Кунгурова Н.Ю. Древнейшее прошлое района // Бийский район: История и современность : в 2 т. Т. 1. Барнаул, 2005. С. 6–40.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 25 с.

Устав муниципального образования г. Бийск Алтайского края, зарегистрирован Администрацией Алтайского края 4 июля 2005 г. Регистрационный №12.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003. 288 с.

А.А. Казаков¹, В.О. Сайберт²

¹*Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия;*

²*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

ЖИЛИЩЕ №1 ГОРОДИЩА МАЛЫЙ ГОНЬБИНСКИЙ КОРДОН-2/6–2

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В характеристике элементов материальной культуры большую роль играет изучение жилищных конструкций, обеспечивающих благоприятные условия для жизнедеятельности человека. В центре внимания исследователей всегда находится выявление конструктивных особенностей и традиций домостроительства, так как они являются культурообразующими признаками и позволяют выйти на уровень реконструкций как социальной структуры населения, их оставившего, так и мировоззренческих позиций древних насельников путем отражения в конструктивных особенностях жилищ отношений с окружающим миром, гендерных и других представлений, связанных с традициями в культурной сфере, которые находят свое выражение в особенностях внутренней планировки. На территории Барнаульско-Бийского Приобья в настоящее время известно более 15 городищ, 20 поселений и местонахождений одиночской культуры, относящихся к различным этапам ее развития. В связи с наличием такого количества поселенческих памятников становится очевидной необходимость полного и всестороннего их изучения с целью выхода на реконструктивный уровень.

Целью работы является расширение источниковой базы по изучению одиночской культуры путем введения в научный оборот новых, не известных широкому кругу исследователей поселенческих материалов, полученных в результате аварийных исследований на городище Малый Гоньбинский кордон-2/6–2 (МГК-2/6–2). Вскрытая площадь на этом памятнике составила 3368 кв. м. На площади раскопа исследовано 30 конструкций как жилищного, так и хозяйственного назначения [Казаков, Грушин, Сайберт, 2015].

Все конструкции исследовались сплошными раскопами. После обнаружения пятна котлована, которое хорошо фиксировалось на уровне 25 см от современной дневной поверхности, раскоп расширился до пределов границ выявленного объекта. После этого проводилась сплошная зачистка площади квадратов с минимальными размерами 4 x 4 м, фиксация планиграфических данных, и далее котлован разбирался слоями по 10 см с отражением планиграфических особенностей каждого слоя.

Публикуемое жилище №1 (рис. 1) расположено в восточной части раскопа. Котлован жилища подквадратной формы, ориентирован углами

по сторонам света с небольшим отклонением. Южная часть котлована разрушена краем террасы. Ориентация, вероятнее всего, определяется не сторонами света, а расположением жилища относительно кромки террасы, которая ориентирована по линии ЮВ–СЗ. Глубина котлована от современной дневной поверхности составила 40–60 см и 10–20 см от материка, общая площадь без учета разрушенной кромкой террасы составила 64 кв. м. Стенки отвесные, закругляются к низу, дно жилища относительно ровное. Вход не фиксировался, можно предположить, что он располагался выше уровня пола и был ориентирован на северо-восток в центр открытого пространства, огороженного жилищными конструкциями [Казаков, Грушин, Сайберт, 2015].

На дне котлована, у юго-западной стенки, зафиксированы остатки сгоревшего дерева. Расположение подобных пятен по периметру котлована позволяет выдвинуть предположение о срубной конструкции жилища. На дне котлована фиксируются пятна темного грунта, появившиеся вследствие разложения деревянных конструкций. По их расположению можно утверждать, что они являются остатками каркасной конструкции крыши. На уровень выше фиксируется заполнение жилища более темного цвета. Исходя из вышесказанного, можно предполагать наличие остатков материала, перекрывающего крышу. По всей площади котлована жилища не зафиксировано столбовых ямок. Данный факт может свидетельствовать о самонесущей конструкции крыши (перекрытие укладывалось на следи) [Толковый архитектурно-строительный словарь, 2007].

Со стороны разрушенного края жилища зафиксировано пятно прокала, что может свидетельствовать о наличии в этом месте очага. Отсутствие каких-либо конструктивных особенностей позволяет характеризовать его как очаг открытого типа.

Стратиграфическая ситуация фиксируется в разрезах бровок. Первый слой толщиной от 5–15 см представлен дерном борového типа, слабогумусированными золотыми отложениями светло-серого цвета, в которых находится хорошо развитая корневая система травянистых растений. Второй горизонт, в котором залежали все находки, является культурным слоем. Он представлен гумусированным борovým песком темного цвета. Мощность культурного слоя – от 25 до 80 см. Материк – песок светло-коричневого цвета. В профиле III–III' фиксируется пятно прокала мощностью 25 см.

В заполнении жилища обнаружены несколько скоплений керамики, развал сосуда, фрагменты костей, а также каменные изделия. Найденные в заполнении жилища фрагменты керамических изделий позволили сделать реконструкции форм посуды и отразить орнаментальные традиции.

Керамический комплекс представлен шестью частично реконструированными сосудами, орнаментированным фрагментом венчика и ту-

лова (рис. 2). Посуда представляет собой широкогорлые сосуды, в двух случаях – с ярко выраженной шейкой (рис. 2.-1–2). Венчики имеют небольшое утолщение в верхней части, срезы либо уплощенные горизонтальные, либо скошены внутрь сосуда. Как внешняя, так и внутренняя поверхность хорошо заглажена, стенки тонкие (0,4–0,5 см).

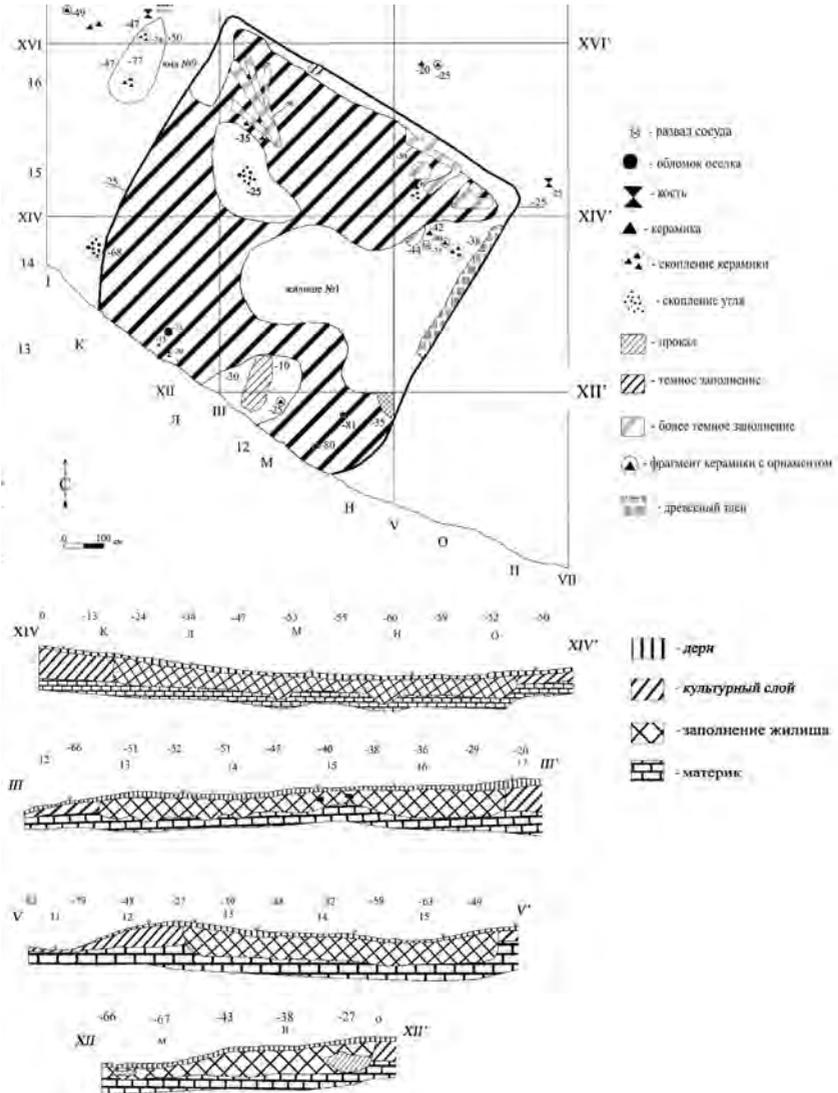

Рис. 1. МГК-2/6–2: план жилища №1 с профилями

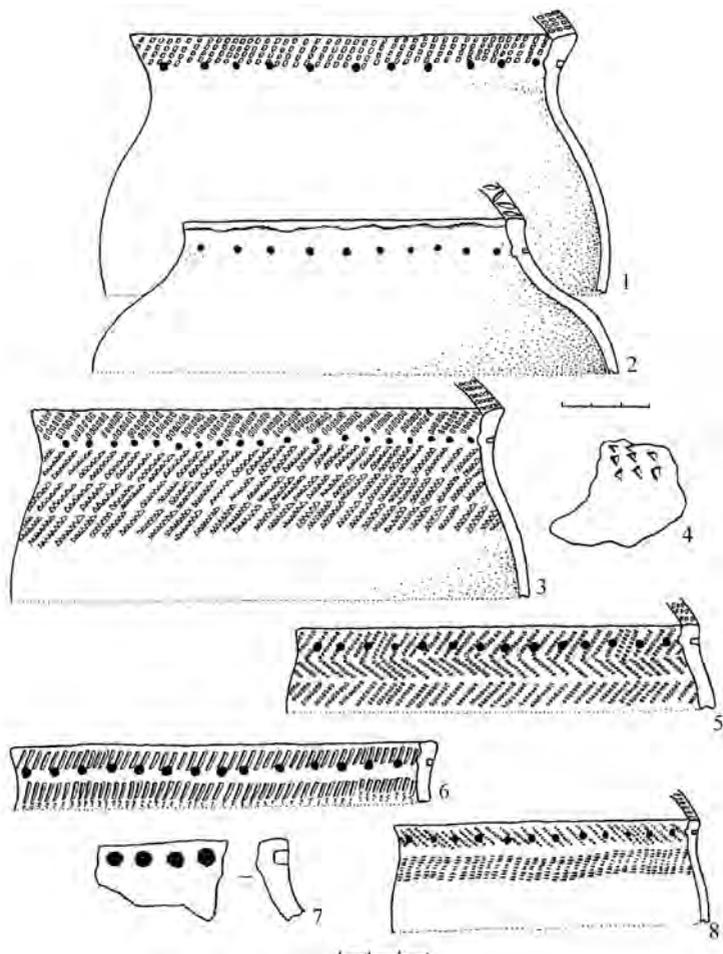

Рис. 2. МГК-2/6-2: материал из жилища №1

Орнамент наносился в 1–4 орнаментальных строки. Орнаментальные композиции крайне простые. Обязательным элементом орнамента являются ямки, которые располагались одной горизонтальной строкой под венчиком, причем ямки порой накладывались и поверх других элементов орнамента. Распространенной композицией являются наклонные ряды штампа либо елочка, которые наносились крупнозубчатой (рис. 2.-1, 3–5), мелкозубчатой (рис. 2.-8) гребенкой или гладким штампом (рис. 2.-6). Срезы венчиков в основном орнаментированы. Все элементы орнамента выполнены в статичной манере.

Описанная совокупность признаков является характерной для керамического комплекса одинцовского этапа одинцовской культуры, который датируется 2-й половиной V – VI в. [Казаков, 2014, с. 136]. По керамическому комплексу датируется и жилище.

На одинцовских памятниках исследуемой территории в общей сложности изучено порядка 10 построек. Все постройки имеют несколько характерных черт. Исследованные жилища имели подпрямоугольный котлован, стенки котлованов вертикальные, дно горизонтальное. Наличие и глубина котлована, остатки древесного тлена вдоль стенок котлованов говорят о полуземляночном срубном типе жилища. Во всех постройках прослеживаются входы, характерно также использование каркасно-столбовых конструкций, которыми, скорее всего, оформляли вход. Все очаги открытого наземного типа [Казаков, 2014].

Описанное жилище не является исключением и представляет собой полуземляночную срубную конструкцию, в целом типичную для одинцовской культуры. Отличает его несколько особенностей, а именно отсутствие столбовых ям в жилище и входа (выхода). Дальнейшее изучение конструкций городища Малый Гоньбинский кордон-2/6–2 позволит выявить новые черты и особенности домостроительных традиций, организации внутреннего пространства жилищ и выйти на реконструкции культурно-исторических процессов эпохи раннего средневековья.

Библиографический список

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул, 2014. 152 с.

Казаков А.А., Грушин С.П., Сайберт В.О. Малый Гоньбинский Кордон 2/6 – новый памятник одинцовской культуры Барнаульско-Бийского Приобья // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015. С. 312–315.

Толковый архитектурно-строительный словарь / под ред. А.А. Бакулина. Смоленск, 2008. 47 с.

**А.А. Казаков¹, В.П. Семibrатов²,
С.М. Ситников², С.С. Матренин¹, Е.В. Григоров¹**

¹Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБЕНИЙ БЫСТРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА МОГИЛЬНИКЕ КАМЕНКА В СОВЕТСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В 2015 г. совместной археологической экспедицией Барнаульского юридического института МВД России и Алтайского государственного университета были продолжены исследования на аварийном могиль-

нике Каменка, расположенном в окрестностях с. Красный Яр в Советском районе Алтайского края. Вещественные материалы из раскопок первооткрывателя данного памятника С.М. Сергеева [1946], а также опыт наших археологических изысканий предыдущего полевого сезона продемонстрировали большие перспективы обнаружения новых погребений быстринской культуры с представительным сопроводительным инвентарем [Казаков, Семибратов, Редников, Матренин, Шмидт, 2015; Тишкин, Казаков, Матренин, 2015]. Раскопочным работам предшествовали разведочные мероприятия, которые показали, во-первых, сложность выявления захоронений с сильно разрушенными в процессе распашки каменно-земляными наземными сооружениями при визуальном осмотре, зондировании поверхности с помощью металлического щупа, а также в результате шурфовки перспективных участков; во-вторых, отсутствие погребений в непосредственной близости от группы объектов, вскрытых в 2014 г.; в-третьих, малую эффективность традиционных методов археологической фиксации и целесообразность применения в будущем для обнаружения могил средств геофизической и геомагнитной фиксации. Несмотря на такие «отягчающие» обстоятельства, нами было изучено несколько погребений, локализованных на разных участках данного некрополя.

Погребение №4* обнаружено в 200 м к востоку от группы захоронений №1–3. Могильное пятно зафиксировано на глубине 0,4 м от уровня современной поверхности под слоем дерна и гумуса. На фоне древнего горизонта и материка (желтая суглинистая супесь) оно выделялось светло-коричневым цветом. Насыпь над погребением полностью разрушена в результате распашки. После зачистки по материк в 2 м к северо-востоку от ямы зафиксирован фрагмент наземной конструкции в виде однослойного кольца шириной до 1 м, сложенного из окатанного камня малого и среднего размеров. В процессе раскопок установлено, что яма имела форму овала размерами 3,6 x 1,8 м, ориентированного длинной осью с запада на восток. Заполнение ее состояло из мешаной супеси светло-коричневого и желтого оттенков с включением большого количества речной гальки (до глубины 1,5 м от уровня материка), являвшейся, скорее всего, остатками надмогильного сооружения. Эта «каменная забутовка» хорошо маркировала грабительский лаз в западной половине ямы. На глубине 2,1 м от уровня материка, вдоль южной стенки могилы, на материковом приступке (шириной 0,5 м) находилось захоронение верхового коня, уложенного на правый бок с подогнутыми ногами. Череп и нижняя челюсть лошади были смещены грабителями в сторону крупа и обнаружены в разных местах. Несмотря на это, достаточно уверенно восстанавливается первоначальная ориентация животного головой в западный сектор.

* Нумерация зафиксированным объектам давалась с учетом маркировки сооружений, исследованных в 2014 г.

У северо-восточного непо потревоженного края могилы (на отметке 1,85 м от уровня материка) найдены фрагменты керамического сосуда баночного типа, орнаментированного по венчику «жемчужинами» с ямочными вдавлениями-разделителями (рис. 2.-28). В северной половине ямы (на глубине 2,4 м) расчищено разрушенное погребение взрослого мужчины. У западного края могилы прослежен тлен от деревянного перекрытия, опиравшегося на приступку по южному борту могилы и на узкие материковые заплечики вдоль других стен ямы. Череп, позвонки шейного отдела, ключицы, кости правой руки человека были перемещены. Местонахождение других частей скелета, зафиксированных *in situ*, свидетельствовало о том, что умерший первоначально лежал на спине со слегка согнутыми в коленях ногами и обращен головой на запад. Вместе с покойным встречен разнообразный сопроводительный инвентарь. Вдоль левого бедра лежал железный полноразмерный кинжал (рис. 1.-1). На тазовых костях и под позвонками поясничного отдела зафиксированы металлические детали наборного пояса: две железные бляхи-пряжки прямоугольной формы (рис. 2.-1, 2), бронзовая обойма (рис. 2.-3), бронзовая трапецевидная бляха с прорезью и остатками трех узких кожаных ремешков (рис. 2.-4), железные пронизи (рис. 2.-5–26). В этом же скоплении выявлен обломок железного крючка-застежки (рис. 1.-3) и железная ворворка (рис. 1.-4). Рядом с бронзовой бляхой располагалась массивная бронзовая ворворка с остатками кожаного крепления (рис. 1.-5–6). Среди развала костей черепа найдены бронзовый вотивный чекан (рис. 1.-2), часть звена железных удил (рис. 2.-27), обломки керамического сосуда типа кринки, орнаментированного ямками и «жемчужинами» с налепными ушками (рис. 2.-29), мелкие фрагменты золотой фольги, вероятнее всего, от украшения одежды. Там же обнаружен крестец овцы – остаток ритуальной мясной пищи. При контрольном перекопе археологический материал не встречен.

Погребение №5 выявлено в 60 м к западу от предыдущего объекта на глубине 0,4 м от современной поверхности. По контуру могильное пятно было окружено каменной выкладкой овальной формы длиной 2,5 м, шириной 1,8 м, высотой 0,2 м, ориентированной длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ. Внутреннее пространство выкладки заполнено гумусированной супесью черного цвета. Данное наземное сооружение располагалось в центре разрушенного распашкой каменного кольца шириной 1,2 м, диаметром около 11 м, сложенного из окатанного камня в один слой. Яма была вырыта в слое слабо гумусированной супеси желтого цвета. В результате выборки преимущественно грунтового заполнения черного цвета установлено, что она имела овальную форму размерами 2,5 x 1,8 м с ориентацией длинной оси по линии З–В и отвесные стенки. На ее дне (глубина от уровня материка – 1,9 м) находились остатки сильно разрушенного одиночного захоронения взрослого человека: части черепа и нижней челюсти, обломки трубчатых костей, другие мелкие фрагменты плохой сохранности. Определить ориентацию умершего не представлялось возможным. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

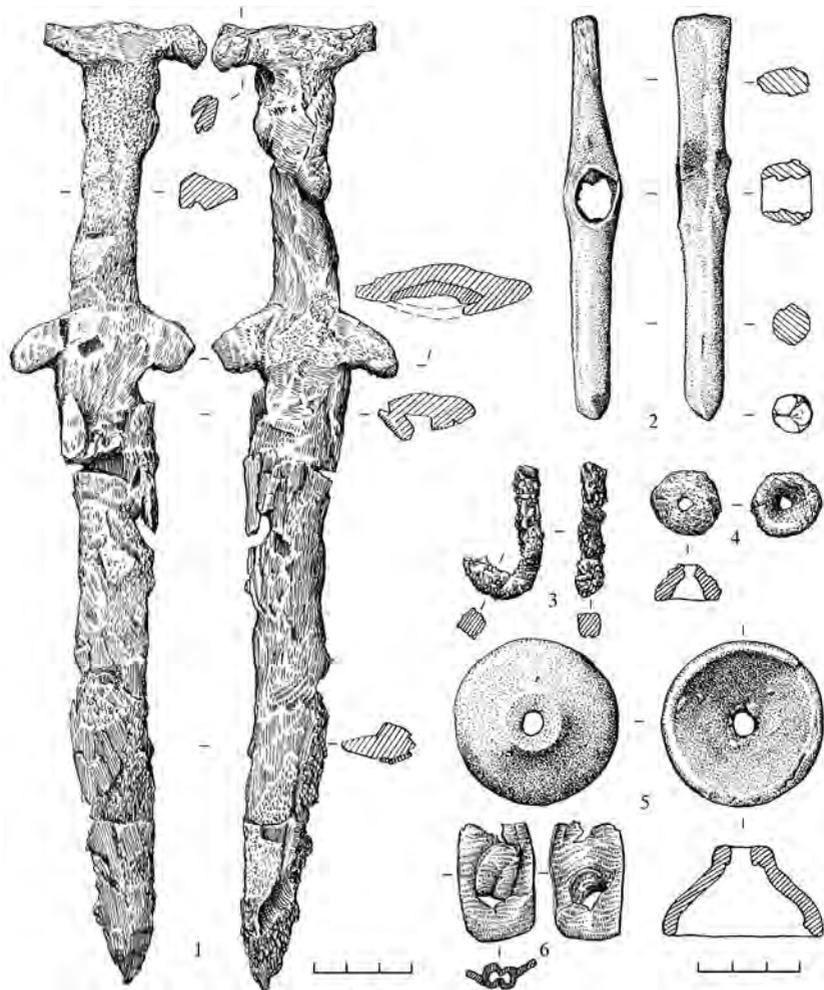

Рис. 1. Предметный комплекс из погребения №4 могильника Каменка:
1, 3–4 – железо; 2, 5 – бронза; 6 – кожа

Слабо различимый состав заполнения погребения №4 с окраской древнего горизонта без включений слоя гумуса, а также характер размещения потревоженных костей человека и животного дают основания предполагать, что проникновение в данную могилу с целью ограбления, а, возможно, и для осквернения произошло еще в древности. Погребение №5, судя по наличию в заполнении большого количества гумуса и супеси темно-коричневого цвета, было ограблено в более позднее время.

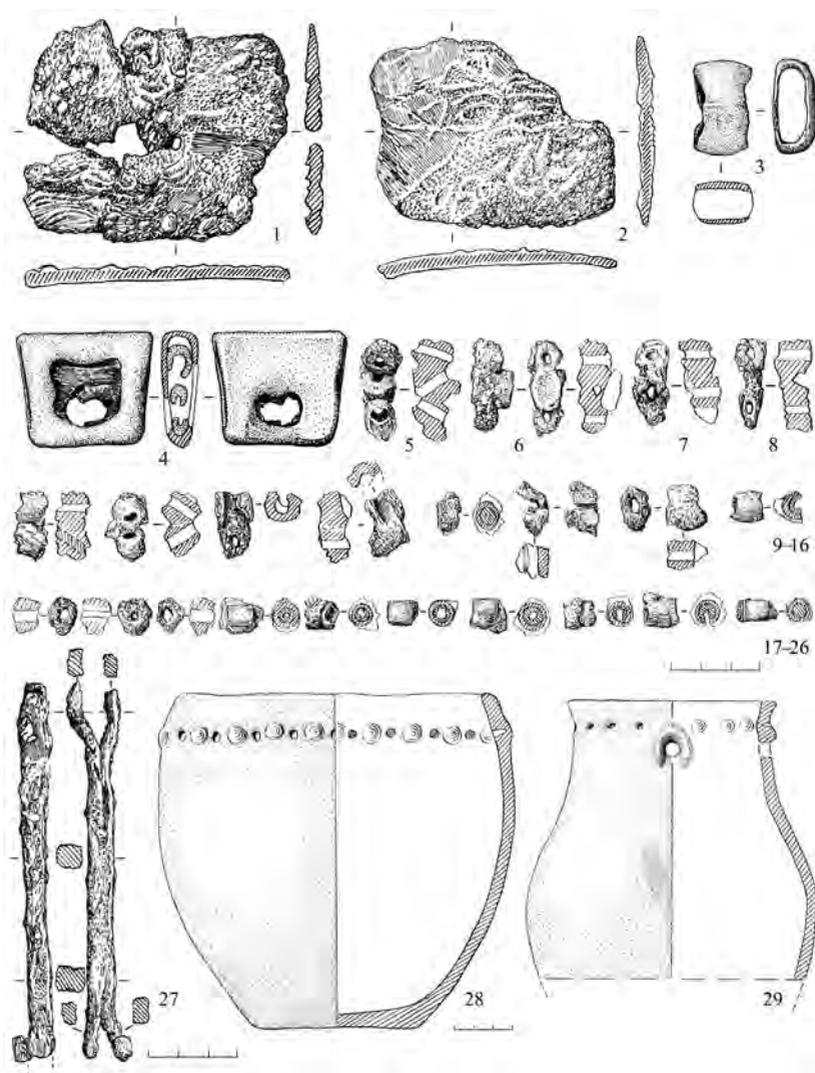

Рис. 2. Предметный комплекс из погребения №4 могильника Каменка:
1-2, 5-27 – железо; 3-4 – бронза, кожа; 28-29 – керамика

На участке могильника в 270 м к востоку от погребения №2 (на глубине 0,23 м от уровня современной поверхности) обнаружены остатки однослойной каменной выкладки из галечника шириной 1-1,2 м, являющейся, по-видимому, частью разрушенного наземного сооружения (внешнего коль-

ца) погребения. В пределах «кольца» зафиксирована яма длиной 1 м, шириной 0,4 м, глубиной 1,13 м от уровня древнего горизонта, ориентированная продольной осью по линии ЗЮЗ–ВЮВ. На глубину 0,4 м она имела плотную галечную забутовку. Погребение и археологический материал в ней отсутствовали. Трудно сказать, можно ли рассматривать данный объект в качестве кенотафа или это полностью разрушенное детское погребение.

Зафиксированные особенности обряда захоронения, наиболее ярко представленные ингумацией с верховым конем в погребении №4, отражают принадлежность раскопанных объектов к быстрианской археологической культуре [Суразаков, 1988, с. 134–136; Киреев, 1992а–б; Абдулганеев, Кунгуров, 1996; Бородовский, Бородовская, 2013, с. 37–40]. Найденный в погребении №4 достаточно многочисленный вещественный материал оказался весьма информативным для археологического датирования. Взаимовстречаемость обнаруженных изделий, прежде всего железного кинжала с почковидным перекрестием и брусковидным навершием, массивной бронзовой ворворки, железных пронизей от наборного пояса (аналогичных бронзовым уздечным украшениям конца раннесакского и раннепазырыкского времени), дают основания относить раскопанные объекты к концу VI – V в. до н.э. (обзор некоторых аналогий по: [Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 44.-11; 83, 84; Кубарев, Шульга, 2007, рис. 64.-6, 7; Шульга, 2008, рис. 12, 13.-5; рис. 27.-6, 17; рис. 40.-7; рис. 59; 2013, рис. 52.-4; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 115.-16, 28–29; Лихачева, 2015, с. 12–13]). Важным результатом работ на могильнике Каменка в 2015 г. стало подтверждение сведений об устройстве надмогильных каменных сооружений (однослойное внешнее кольцо, внутренняя выкладка с грунтовым заполнением по контуру могил), полученных в предыдущем полевом сезоне [Казаков, Семибратов, Редников, Матренин, Григоров, 2015]. Можно сделать вывод, что погребение №5 сочетает в себе элементы конструкций надмогильных построек, прослеженных в процессе раскопок погребений №1 и 2. Погребение №4, скорее всего, также имело кольцевую выкладку из галечника по периметру ямы, которая была полностью уничтожена в процессе ограбления. Правда, в отношении погребений №4 и 5 остается пока открытым вопрос о наличии насыпи, перекрывающей внутреннюю выкладку, которая была прослежена нами при изучении погребения №2 [Казаков, Семибратов, Редников, Матренин, Григоров, 2015, с. 103–109].

В заключение следует отметить, что материалы раскопок могильника Каменка расширяют корпус опубликованных археологических источников для изучения быстрианской культуры северных предгорий Алтая.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрианской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 143–155.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины Нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск, 2013. 220 с.

Казаков А.А., Семибратов В.П., Редников А.А., Матренин С.С., Григоров Е.В. Исследование погребального комплекса быстринской культуры Каменка в Советском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул, 2015. С. 103–109.

Киреев С.М. Курганы Майма-ХІХ // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992а. С. 39–47, 181–185.

Киреев С.М. Погребения быстринской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992б. С. 54–58.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Лихачева О.С. Вооружение и военное дело населения лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2015. 24 с.

Сергеев С.М. О резных костяных изделиях из «скифского» кургана на Алтае // Советская археология. 1946. №8. С. 289–292.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988. 216 с.

Тишкин А.А., Казаков А.А., Матренин С.С. Рентгенофлюоресцентный анализ коллекции металлических предметов быстринской культуры из могильника Каменка (по материалам раскопок 2014 г.) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015. С. 138–143.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Новосибирск, 2008. 276 с.

Шульга П.И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартыанова). Новосибирск, 2013. 149 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

К.Ю. Кирюшин

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

ТРЕТИЙ ГОРИЗОНТ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА-VI (проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности)

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культуры на территории Северной Азии»

До недавнего времени памятники эпохи энеолита на территории Кулунды были не известны, поэтому каждый новый объект археологи-

ческого наследия этого времени существенно расширяет круг источников по этому периоду в древнейшей истории Алтая.

В 2013 г. в Хабарском районе Алтайского края выявлен новый памятник – поселение Новоильинка-VI [Кирюшин, 2013]. В 2014 г. на поселении исследовано 96 кв. м [Кирюшин, 2014]. В площадь раскопа практически полностью попало долговременное жилище эпохи энеолита (№1). Хорошо выделяются два горизонта: 1 – период, когда котлован жилища использовался как место, куда выбрасывали мусор и пищевые отходы (финальный энеолит); 2 – период функционирования жилища (ранний – развитый энеолит). В площадь раскопа попали части еще двух жилищ: №2 – в восточной части раскопа и №3 – в южной. Жилище №2, скорее всего, синхронно жилищу №1 и относится к финальному энеолиту, а №3 – к более позднему времени, т.е. финальный энеолит – ранняя бронза.

Между жилищами №1, 2 и 3 – выявлены следы каких-то легких наземных конструкций. Можно уверенно утверждать, что жилища №1, 2 и 3 врезаны в культурный слой более раннего времени (далее горизонт 3). При зачистке поверхности объектов третьего горизонта на уровне 73–85 см от современной дневной поверхности собрана небольшая коллекция керамики (50 экз.) и каменных артефактов (143 экз.) (см. рис.).

По технике орнаментации и композиционному построению орнамента выделяются две группы керамики. Первая группа посуды имеет многочисленные аналоги и аналогии с «отступающе-накольчатой» керамикой, широко представленной в материалах первого и второго горизонтов поселения Новоильинка-VI [Кирюшин, 2015, с. 34, рис. 3.-2; рис. 15.-1] и в коллекциях поселения Новоильинка-III [Кирюшин, 2015а, с. 152, рис. 1].

Судя по фрагментам венчиков, керамика первой группы (40 экз.) представлена фрагментами не менее чем от семи сосудов (рис.-1, 4–7), орнаментированных прочерченными вертикальными и горизонтальными прямыми и волнистыми линиями и рядами ямок (наколов) (рис.-1–6). В нескольких случаях сосуды декорированы горизонтальными рядами отступающей палочки с элементами накальвания (рис.-7). На крупном фрагменте венчика хорошо заметно, что вертикальные волнистые линии выполнены прочерчиванием, а горизонтальные – тем же орнаментом, но уже в отступающе-накольчатой технике (рис.-1). Прочерченные линии и ряды ямок часто нанесены поверх горизонтальных рядов шагающей гребенки (рис.-1, 8), отпечатки которой часто фиксируются на внутренней поверхности сосудов (рис.-3, 8). На внутренней поверхности и в сломах стенок сосудов фиксируются следы органики (рис.-1–3).

Керамика второй группы более фрагментарна (10 экз.) (рис.-10–13). На всех фрагментах гребенчатым (зубчатым) штампом выполнены горизонтальные ряды (рис.-10, 12–13), которые в одном случае сочетают-

ся с диагональными (рис.-11). На трех экземплярах гребенчатый штамп встречается вместе с отпечатками, нанесенными полой косточкой (рис.-11–13). Хорошо заметно, что орнаментир располагался под углом к поверхности сосуда. В процессе нанесения орнамента происходило наложение отпечатков. Каждый последующий на 1/4 или на 1/5 перекрывал предыдущий. В результате получалась сплошная линия из отпечатков полой косточки (рис.-10–13). На трех фрагментах, помимо отпечатков гребенчатого штампа и полой косточки, проходят горизонтальные ряды оттисков лопаточки (рис.-13).

Аналоги керамики первой группы просматриваются в материалах поселенческих комплексов эпохи неолита и энеолита (или раннего металла) Северной Кулунды, Барабы и Северного Казахстана.

В материалах энеолитических поселений Северной Кулунды – Новоильинка-III [Кирюшин, 2015, с. 34, рис. 3.-2; рис. 15.-1], первого [Кирюшин, 2015а, с. 152, рис. 1] и второго горизонтов поселения Новоильинка-VI – очень часто встречается керамика, на которой отпечатки отступающей палочки с элементами накальвания и ряды ямок нанесены поверх горизонтальных или диагональных рядов шагающей гребенки. У крупного фрагмента сосуда (рис.-1) имеется очень близкий аналог на поселении Новоильинка-III [Кирюшин и др., 2011, рис. 1.-6]. Орнаментальные схемы этих двух сосудов практически идентичны, имеется сходство в технике орнаментации. Различия наблюдаются в размерах. Возможно, в лабораторных условиях будут установлены отличия в составе формовочных масс.

На территории Барабы аналоги керамики первой группы можно наблюдать в материалах поселений Венгерово-3 [Молодин, 1977, 1985] и Автодром-2 [Бобров, Марочкин, 2011]. Создается впечатление, что наибольшее сходство прослеживается с материалами артынской культуры поселения Автодром-2. На этом памятнике исследователями зафиксировано сочетание на одном сосуде различных орнаментов – отступающе-проташенного, накольчатого и прореченного [Бобров, Марочкин, 2011, с. 106].

На территории Северного Казахстана аналоги и аналогии керамике первой группы мы находим в материалах поселения Пеньки-1 и Пеньки-2 [Чалай, 1972, с. 163–182].

Аналоги и аналогии керамике второй группы встречаются в материалах поселенческих комплексов энеолита Северного Казахстана и неолита Верхнего Приобья.

Орнамент (рис.-11–13) выполненный полой косточкой, встречается в материалах энеолитических поселений Кожай-1 [Калиева, 1998, рис. 57.-6; рис. 63.-8; рис. 91.-1; рис. 114.-4; рис. 121.-1; рис. 125.-1, 12; рис. 145.-12; рис. 152.-2] и Ботай [Мосин, 2003, рис. 76.-1] в Казахстане. По мнению В.С. Мосина, сосуд с поселения Ботай, украшенный отпечатками полой кости, относится к группе посуды, определить время

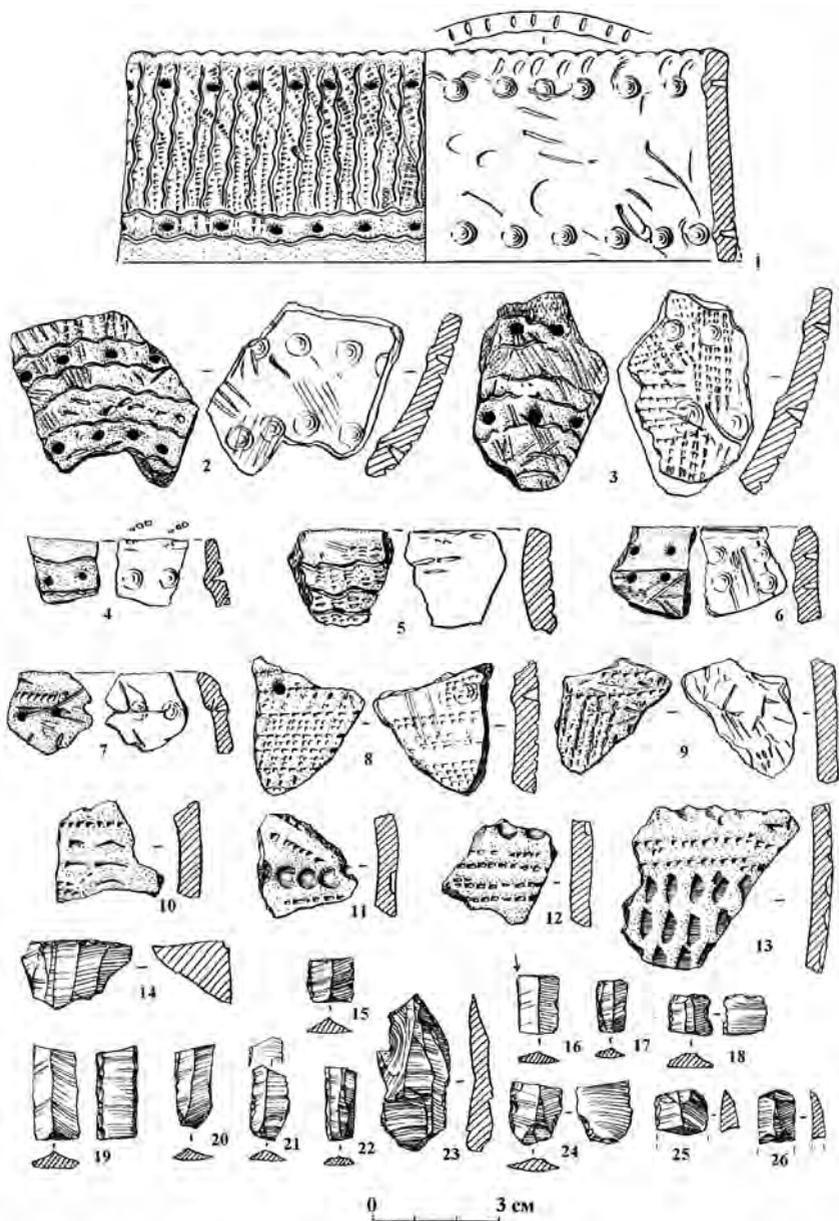
существования и культурную принадлежность которой весьма трудно [Мосин, 2003, рис. 76.-1; с. 66]. По мнению исследователя, наличие подобной керамики в материалах поселения Ботай является результатом «...контактов местного населения с соседями в разные эпохи, начиная с неолита» [Мосин, 2003, с. 66]. Подобный орнамент в материалах энеолитического поселения Кожай-1 С.С. Калиева [1998, с. 120, 152, 172, 204] называет «оттисками трубочки» или «трубчатыми вдавлениями». Стоит согласиться с точкой зрения С.С. Калиевой, что термины «оттиски трубочки» или «трубчатые вдавления» достаточно точно передают особенности данного орнамента. В некоторых случаях этот орнамент на керамике поселения Кожай-1 встречается вместе с отпечатками гребенчатого (зубчатого) штампа [Калиева, 1998, с. 152, 172; рис. 114.-4; рис. 125.-1].

Использование в качестве орнаментов костей птиц и мелких млекопитающих зафиксировано на неолитической керамике поселения Иня-11 в Тогучинском районе Новосибирской области [Зах, 2003, рис. 35, 85; с. 117–122].

На поселении Барнаульско-Бийского Приобья Бойниха-1 был найден археологически целый сосуд, орнаментированный в отступающенаколычатой технике [Кирюшин, Грушин, Ситников, 2015, рис. 2.-1]. Определения, выполненные М.Ю. Клименко, показали, что ряды вертикальных ямок на сосуде нанесены суставом мелкого млекопитающего размером с суслика (*Spermophilus*) [Кирюшин, Грушин, Ситников, 2015, с. 112]. К сожалению, сосуд найден в разрушенной части памятника, что существенно снижает возможности для историко-культурной интерпретации находки. В качестве рабочей гипотезы выдвинуто предположение, что этот сосуд может относиться к неолиту [Кирюшин, Грушин, Ситников, 2015, с. 115].

Керамика, обнаруженная в третьем горизонте поселения Новошльинка-VI, немногочисленна, но достаточно интересна и информативна. В ней наблюдается смещение неолитических и энеолитических орнаментальных традиций.

Среди каменных артефактов преобладают отходы производства – 116 экз. (81,12%), из них чешуйки – 55 экз., отщепы обычные – 57 экз. (из них мелких – 56 экз. и средних – 1 экз.), фрагменты пластин без ретуши – 4 экз. (из них проксимальных – 3 экз. и дистальных – 1 экз.). Сколы с нуклеусов представлены снятием ударной площадки – 1 экз. (рис.-14). Орудийный набор составляет 26 экз. Орудия на пластинах (69,23% от орудийного набора) демонстрируются пластинами с ретушью – 14 экз. (рис.-15, 17–22, 24–26), медиальными фрагментами без ретуши – 3 экз. и одним резцом (рис.-16). Орудия на технических сколах с нуклеусов представлены пластинчатым отщепом с ретушью (рис.-23), а орудия на отщепах – шестью скребками и одним обычным мелким отщепом с ретушью.

Материалы эпохи неолита поселения Новойльинка-VI:
1-13 – керамика; 14-26 – камень

Пластинчатый характер орудийного набора поселения Новоильинка-VI, казалось бы, не вызывает сомнений. К сожалению, данную выборку нельзя назвать представительной. Это обстоятельство заставляет отказаться от окончательных выводов, так как на сопредельной с Северной Кулундой территории в Барабе на поселении Венгерovo-3 металлические предметы встречены вместе с каменными орудиями, неолитический облик которых не вызывает сомнений [Молодин, 2001, с. 39]. Принимая во внимание материалы памятника Венгерovo-3, наверное, не стоит торопиться с определением периодизации коллекций каменного и керамического инвентаря третьего культурного горизонта поселения Новоильинка-VI. Стоит расширить определение периодизации комплекса в более широких рамках: финальный неолит – ранний энеолит.

Вопрос о культурной принадлежности данного комплекса также стоит отложить до получения более представительных коллекций. Можно только отметить, что материалы третьего горизонта Новоильинки-VI входят в круг памятников «гребенчато-ямочной общности» [Чалай, 1972, с. 163–182] или «отступающе-накольчато-прочерченной орнаментальной традиции» [Бобров, Марочкин, 2011, с. 106], к которым относятся комплексы первого и второго горизонтов поселения Новоильинка-VI, а также поселения Новоильинка-III, Венгерovo-3, Пеньки-1, Пеньки-2 и комплекс артынской культуры поселения Автодром-2. Причем из этих памятников Венгерovo-3, Пеньки-1 и комплекс артынской культуры поселения Автодром 2 являются наиболее ранними.

Для первого горизонта поселения Новоильинка-VI получены две радиоуглеродные даты: 4290 ± 95 л. т.н. (СОАН-9042) и 4320 ± 100 л. т.н. (СОАН-9043) [Кирюшин, 2015a]. Калибровка этих дат значительно удревняет период формирования культурного слоя первого горизонта памятника. В первом случае разброс значений по 1σ (вероятность 68,2%) занимает интервал от 3090 до 2690 г. до н.э., по 2σ (вероятность 95,4%) – от 3350 до 2550 г. до н.э. Во втором случае разброс значений по 1σ (вероятность 68,2%) занимает интервал от 3300 до 2750 г. до н.э., по 2σ (вероятность 95,4%) – от 3100 до 2700 г. до н.э. Таким образом, максимальный разброс составляет 800–750 лет, а минимальный – 400–550 лет. Это очень значительный интервал. Скорее всего, процесс формирования культурного слоя памятника происходил в течение более короткого промежутка времени. Если в первом случае учитываются значения по 1σ с вероятностью 47,3% то полученный интервал составляет всего 180 лет – от 3030 до 2850 г. до н.э. Если во втором случае учитываются значения по 1σ с вероятностью 66%, то полученный интервал составляет всего 350 лет – от 3100 до 2750 г. до н.э. С учетом калибровки радиоуглеродных дат материалы первого горизонта поселения можно датировать концом IV – началом III тыс. до н.э.

На данном этапе исследования не вызывает сомнений относительная хронология третьего горизонта поселения Новоильинка-VI – это

комплекс, более ранний по отношению к материалам первого и второго горизонтов памятника. Вопрос об абсолютном возрасте третьего горизонта пока остается открытым. Можно уверенно говорить о том, что он выходит за пределы III тыс. до н.э. Для керамики поселения Автодром-2 методом термolumинисцентного анализа получена серия дат 6500 ± 190 , 6400 ± 190 и 6600 ± 200 л.н. [Бобров, Марочкин, 2011, с. 108]. Не исключено, что материалы третьего горизонта поселения Новоильинка-VI окажутся синхронными или близкими по времени комплексам артынской культуры.

Есть все основания надеяться, что при продолжении исследований поселения Новоильинка-VI будут получены более представительные материалы третьего горизонта и органика для радиоуглеродного датирования. Это позволит вновь обратиться к проблемам, обозначенным в данной работе. Будущие исследования дадут возможность более точно определить место материалов третьего горизонта поселения Новоильинка-VI в кругу памятников «гребенчато-ямочных», «отступающе-накольчато-гребенчато-ямочных» и «отступающе-накольчато-ямочных» комплексов Алтая, Северного Казахстана и Барабы.

Библиографический список

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб. ; Великий Новгород, 2011. С. 106–108.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень, 2003. 168 с.

Калиева С.С. Поселение Кожай 1. Алматы, 1998. С. 255.

Кирюшин К.Ю. Поселение Новоильинка-VI – новый памятник энеолита Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск, 2013. С. 202–206.

Кирюшин К.Ю. Поселение эпохи энеолита Новоильинка-VI (по материалам исследований 2014 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск, 2014. С. 168–171.

Кирюшин К.Ю. Керамика поселения Новоильинка-VI (по результатам исследований 2013–2014 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015а. 4/1(88). С. 149–156.

Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. №1 (61). С. 25–36.

Кирюшин К.Ю., Грушин С.П., Ситников С.М. Обследование поселения Бойниха 1 в 2014 году // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул, 2015. С. 116–124.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Семибратов В.П., Гельмель Ю.И. Поселение Новоильинка-III – памятник энеолита Кулунды // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб. ; Великий Новгород, 2011. С. 226–227.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 174 с.

Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 2003. 220 с. (Сер. Этногенез уральских народов)

Чалай Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 163–181.

Н.А. Константинов, В.И. Соенов

*Горно-Алтайский государственный университет,
Горно-Алтайск, Россия*

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ ЖЕЛЕЗНЫХ ПРЕДМЕТОВ (из фондов Музея археологии ГАГУ)

Работа подготовлена в рамках проекта госзадания Министерства образования и науки РФ «Системы природопользования и производственные технологии древних и традиционных обществ Горного Алтая» (код 536)

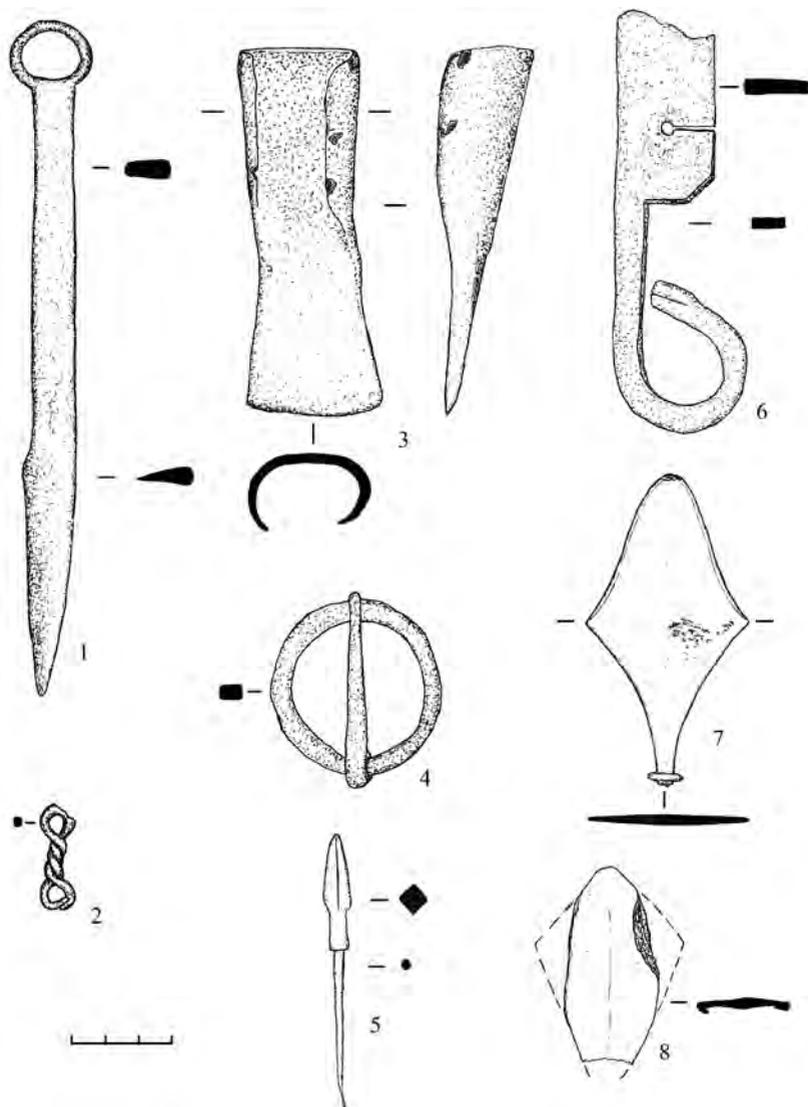
В разные годы в фонды Музея археологии ГАГУ поступили случайные находки древних и средневековых предметов, представляющих значительный научный интерес. В настоящей работе вводятся в научный оборот железные изделия, происходящие из Шебалинского и Кош-Агачского районов Республики Алтай.

Два железных предмета – нож и звено витой цепочки – найдены учителем Г.М. Новиковой в черте с. Ильинка Шебалинского района, на правом берегу р. Песчаной, и переданы в университетский музей. Железный нож обнаружен Галиной Михайловной в огороде по ул. Новая, расположенном у подножия горы. Нож имеет короткое лезвие с изогнутой относительно рукояти спинкой (рис.-1). Рукоять заканчивается кольцевым навершием. Общая длина ножа – 20 см, длина клинка – 6,6 см, максимальная толщина спинки 0,5 см.

Звено железной цепочки, изготовленное из витой проволоки (рис.-2), найдено детьми в каменной осыпи на склоне горы, примерно в 200 м к востоку от дома по ул. Новая, 1а. Длина звена – 3,1 см, ширина – 1,1 см, толщина проволоки – 0,2 см.

Судя по известным аналогиям, оба предмета могут быть отнесены к «гунно-сарматскому» времени, однако к разным ее периодам. Нож с кольцевым навершием близок по форме бронзовым изделиям скифского периода. Железные ножи аналогичной формы известны в памятниках тесинской культуры Минусинской котловины [Савинов, 2009, с. 69, рис. 7]. Поэтому нож из Ильинки может быть соотнесен с ранними памятниками булан-кобинской культуры «гунно-сарматского» времени. Витое звено цепочки, напротив, имеет аналогии в поздних памятниках булан-кобинской культуры. Такие цепочки использовались для подве-

шивания ножен к ремню [Горбунов, 2006, с. 82, рис. 63.-2-3]. Отсутствие подобных изделий в другие периоды позволяет датировать этот предмет в пределах III-V вв. н.э.

Случайные находки из фондов Музея археологии ГАГУ:
 1, 2 – Ильинка; 3–4, 6 – Туру-Алты; 5 – Ирбисту;
 7 – местонахождение не известно; 8 – Юстыд

Вторая серия железных изделий происходит с территории Кош-Агачского района. Три предмета найдены в ходе разведочных работ на правом берегу р. Барбургазы, на склонах горной гряды Туру-Алты [Буржуа и др., 2015]. Железная пряжка с подвижным язычком обнаружена у подножия северо-западной части гряды в насыпи разграбленного кургана. Пряжка имеет круглую форму, изготовлена из прямоугольного в сечении прута толщиной 0,4 см и шириной 0,6 см (рис.-4). Размеры пряжки – 5,3 x 5,1 см.

Железное тесло с несомкнутой втулкой найдено рядом с насыпью ограбленного кургана, расположенного в нижней части юго-западного склона гряды Туру-Алты. Длина тесла – 11 см, ширина рабочей части – 4 см, размеры втулки – 3,6 x 2,2 см (рис.-3). На втулке прослеживаются отпечатки фрагментов ткани.

Вместе с теслом найден фрагмент железного предмета, изготовленного из железной пластины (рис.-6). Он имеет прямоугольную форму, в его средней части пробито круглое отверстие, соединенное с краем пластины прорезом. Изделие обломано, с противоположного края один угол срезан, а от другого отходит стержень, напоминающий черенок, рассеченный на конце и завернутый в кольцо. Общая длина предмета составляет 12,5 см, толщина – 0,3–0,4 см, размеры прямоугольной части – 5,7 x 2,9 см. Функциональное назначение и датировка пока не известны.

Судя по имеющимся аналогиям, железное тесло, найденное на Туру-Алты, может быть отнесено к I тыс. н.э. [Соенов, Константинова, 2013], более узкую датировку точно установить невозможно. Железная пряжка также не имеет узкой хронологической привязки и может датироваться в широких хронологических пределах – с конца I тыс. до н.э. и до этнографического времени.

В коллекции также имеются три наконечника стрелы.

Четырехгранный черешковый наконечник найден в Кош-Агачском районе Республики Алтай в долине р. Ирбисту и передан в музей в 2009 г. студентом исторического факультета ГАГУ А.К. Богдановым. Наконечник имеет хорошую сохранность. Общая длина его составляет 8,2 см (рис.-5). Перо в сечении представляет собой квадрат со стороной 0,6 см. Форма пера в плане подтреугольная, длина пера – 2,2 см. Наконечник имеет цилиндрический упор длиной 1 см и диаметром 0,6 см. Судя по имеющимся аналогиям, это изделие может датироваться эпохой средневековья, хотя не исключено и более раннее происхождение [Горбунов, 2006, с. 35, 40].

Фрагмент пера плоского наконечника стрелы найден в 2014 г. также в Кош-Агачском районе (на левом берегу р. Юстыд) во время археологической практики студентов исторического факультета ГАГУ, проходившей под руководством А.В. Эбеля. Перо сильно сплющено с трех краев в результате ударов тяжелым предметом, черешок и упор не сохранились (рис.-8). Толщина пера – 0,3 см, сохранившаяся ширина – 2,4 см, предположительно, ширина пера была около 4,5 см.

Первоначальное местонахождение еще одного фрагмента плоского наконечника установить не удалось. У наконечника отломлен черешок, однако в целом изделие имеет хорошую сохранность (рис.-7). Перо ромбической формы, в месте перехода пера в черешок имеется шайбовый упор. Общая длина сохранившейся части – 9,2 см, длина пера – 8,8 см, ширина – 4,9 см, толщина – 0,3 см.

Из-за плохой сохранности плоского наконечника с Юстыда его можно только предположительно отнести к эпохе развитого средневековья. Второй плоский наконечник, имеющий значительное количество аналогий в памятниках монгольского времени XIII–XIV вв. [Горбунов, 2006, рис. 38], можно довольно уверенно датировать этим периодом.

Итак, рассмотренная серия предметов относится к разным историческим периодам. Несмотря на случайный характер обнаружения изделий, они несут важную информацию о территориальном распространении тех или иных типов вещей.

Библиографический список

Буржуа Ж., Константинов Н.А., Плетц Г., Ванденбулке А. Археологические работы на Туру-Алты в 2014 году // Полевые исследования в Приртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10. Барнаул, 2015. С. 18–22.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб., 2009. 226 с.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Деревообрабатывающие инструменты из могильника Верх-Уймон (Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2 (8). С. 42–57.

И.А. Кукушкин, Е.А. Дмитриев

*Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова,
Караганда, Казахстан*

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МОГИЛЬНИКЕ БЕСОБА (Казахстан)

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Грантовый проект «Исследование социально-стратифицированных
погребальных комплексов Сарыарки в эпоху бронзы»

В 2015 г. экспедицией Сарыаркинского археологического института при КарГУ им. Е.А. Букетова проведены плановые исследования на могильнике Бесоба. Памятник находится в Каркаралинском районе Карагандинской области, в 110 км юго-восточнее г. Караганды.

На основании отчетных данных установлено, что могильник был открыт в 1939 г. В 1940 г. экспедицией под руководством директора Карагандинского областного музея Л.Ф. Семенова и профессора МГУ С.В. Киселева [1940] на памятнике проведены рекогносцировочные раскопки нескольких рядовых оград, давших материалы бронзового века.

В 1969 г. раскопочные работы были продолжены академиком А.Х. Маргуланом. На погребальном поле он исследовал два крупных земляных кургана (№1, 2) и ряд периферийных сооружений. К сожалению, в силу различных причин материалы, полученные экспедициями, так и не были введены в научный оборот. Однако А.Х. Маргулан неоднократно упоминал в публикациях могильник Бесоба и его принадлежность к эпохе бронзы Центрального Казахстана [Маргулан и др., 1966, с. 55; Маргулан, 1979, с. 58].

Новое обследование памятника позволило установить, что погребальное поле состоит из 23 сооружений, представленных четырьмя крупными курганами и рядовыми сооружениями, которые располагаются двумя группами в северо-западной и юго-восточной частях некрополя на расстоянии чуть более 100 м друг от друга. Это может указывать как на хронологические различия, так и на обособленность родственных групп населения, оставивших эти памятники.

Юго-восточнее могильника зафиксирована крупная западина овальной в плане формы, занимающая площадь порядка 20000 кв. м. Скорее всего, в древности она являлась искусственным водоемом для сбора талых и дождевых вод. В западной части окружности сохранились значительные фрагменты каменных выкладок, оставшихся, очевидно, от фундамента сооруженной в древности плотины.

Объектами исследований были выбраны наиболее крупные земляные курганы (№3, 4), внешние параметры которых соответствовали признакам социально-стратифицированных объектов.

Для сравнительного анализа погребальных характеристик были также раскопаны три рядовых погребальных сооружения, два из которых располагались в непосредственной близости от обозначенных курганов и одно – на значительном удалении.

Северо-западная группа памятников

Курган №3. Имел земляную насыпь диаметром 26 м, высотой 1,5 м. Сооружение было окружено шестью равномерно расположенными ямами-западинами диаметром от 6 до 10 м, из которых выбирался грунт для возведения насыпи. На кургане был разбит раскоп общей площадью 530 кв. м.

На подкурганной площадке выявлены внешняя и внутренняя ограды, сооруженные из мощных, вертикально установленных гранитных плит. Диаметр внешней ограды составлял 14 м, внутренней – 6 м. Высота доходила до 1,6 м. Ширина обходного коридора достигала 8 м.

Внешняя ограда сохранилась достаточно фрагментарно. Часть плит отсутствовала, повалена или обломана у основания. Все сохранившиеся

плиты ограды имели наклон во внутреннюю сторону, что достигалось системой подпорок в виде прямоугольных блоков и крупных камней.

Особенностью погребальной архитектуры является наличие с внутренней стороны внешней ограды кольцевого рва, разомкнутого с северной стороны, который был заполнен беспорядочно лежавшими крупными камнями.

Внутренняя ограда сохранилась практически полностью. Для нее характерны обработанные, плотно подогнанные, вертикально установленные плиты серого гранита, на которых с северо-восточной стороны глубокой выбивкой изображены восьмилучевая звезда и прямой крест. Внутренняя часть ограды заполнена большим количеством крупных камней вперемешку с землей, что, видимо, предполагает наличие в древности плоской или куполообразной конструкции в центре погребального сооружения.

После расчистки внутренней ограды выявлены два погребения: основное и дополнительное.

Погребение 1 – основное, расположено в центральной части внутренней ограды, представляло собой каменный ящик из гранитных плит, заглубленный в материк и ориентированный по линии ЗЮЗ–ВСВ. При выборке заполнения встречены разрозненные кости человеческого скелета и фрагменты керамики.

Погребение 2 – дополнительное, расположено на 1,5 м южнее. Для его устройства была специально разобрана часть плит внутренней ограды. Представляет собой каменный ящик, ориентированный длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ. Ящик был заглублен в грунт только на половину своей высоты. Сверху имелось нарушенное перекрытие из гранитных плит. При выборке заполнения встречены разрозненные кости человеческого скелета, несколько фрагментов керамики и набор украшений, изготовленных из золота: две серьги с раструбом и три полусферические бляхи.

В 20 м севернее кургана №3 исследовано рядовое погребальное сооружение, зафиксированное под №17.

Ограда №17. Безнасыпная. Раскопками установлено, что надмогильная конструкция имела две кольцевые ограды: внешнюю и внутреннюю, сооруженные из плашмя уложенных камней и поставленных на ребро плиток. Диаметр фрагментарно сохранившейся внешней ограды предположительно составлял 7 м. Внутренняя ограда имела подовальную в плане форму размерами 5 x 3,8 м, в которой выявлено два погребения в виде каменных ящиков, сооруженных из плит.

Погребение 1 – южное. Представляет собой каменный ящик, заглубленный в материк, который был ориентирован по линии З–В. На дне ящика зафиксирована линза кальцинированных костей, западнее которой расчищен керамический сосуд.

Погребение 2 – северное. Расположено на 1 м севернее. Представляет собой каменный ящик, заглубленный в материк. Ориентирован по

линии 3–В. После выборки заполнения ящика, на глубине 80 см расчищен костяк человека в анатомическом порядке. Умерший был уложен на левый бок в скорченном положении, головой на запад. Череп несколько смещен к югу от первоначального положения и перевернут на теменную часть. Каких-либо сопровождающих находок не обнаружено.

Юго-восточная группа памятников

Курган №4. Имел земляную насыпь, диаметром 28 м, высотой 1,5 м. Курган был окружен шестью относительно равномерно расположенными ямами-западинами диаметром 5–6 м. На кургане был разбит раскоп общей площадью 615 кв. м.

После снятия насыпи выявлены округлая в плане ограда из вертикально установленных плит диаметром 15 м и подовальная в плане руинированная внутренняя постройка диаметром 6 м, сооруженная методом строительной кладки из крупных, подобранных по размерности уплощенных камней.

В ходе расчистки внутреннего сооружения выявлены два погребения: основное и дополнительное.

Погребение 1 – основное, расположено в центральной части внутренней постройки, устроено в каменном ящике, заглубленном в материк и ориентированном длинной осью по линии 3–В. При выборке заполнения, на глубине 60–70 см, встречены разрозненные кости человеческого скелета, фрагменты керамики от одного сосуда и две золотые серьги с раструбом.

Погребение 2 – дополнительное, расположено на 1,5 м северо-западнее. Для его устройства была специально разобрана часть внутренней конструкции. Представляет собой каменный ящик, заглубленный в материк. Ориентирован по линии ЮЗ–СВ. Сверху отмечена крупная плита перекрытия, проломленная с северо-западного угла. После выборки заполнения в центральной части погребения (на глубине 80 см) отмечена линза кальцинированных костей. В западном углу ящика расчищен археологически целый керамический сосуд.

В 15 м западнее кургана №4 исследовано рядовое погребальное сооружение, отмеченное под №21.

Ограда №21. Безнасыпная. Надмогильная конструкция состояла из двух вписанных друг в друга концентрических оград, сооруженных из камней, уложенных плашмя. Диаметр внешней ограды составлял 5,5 м, внутренней – 3,25 м. В конструкции внутренней ограды местами прослеживалась двухслойная каменная кладка.

В центральной части сооружения выявлен каменный могильный ящик, составленный из подогнанных гранитных плит и заглубленный в материк. Ориентирован по линии ЮЗ–СВ. После выборки заполнения в центральной части ящика расчищено скопление кальцинированных костей человека.

Дополнительно исследовано отдельно расположенное рядовое сооружение, обозначенное под №24.

Ограда №24. Безнасыпная. Диаметр – 5 м, высота камней – до 0,1 м. Надмогильная конструкция представлена фрагментарно сохранившейся западной частью ограды из плашма уложенных камней, восточная разрушена при строительстве дороги и водопровода.

В центральной части выявлены два каменных могильных ящика, сооруженных из плит.

Каменный ящик 1 – южный. Заглублен в материк. Ориентирован по линии ЗЮЗ–ВСВ. При выборке заполнения на разных глубинах встречены кости человеческого скелета. В восточном углу расчищен череп лошади.

Каменный ящик 2 – северный. Ориентирован по линии ЗЮЗ–ВСВ. После выборки заполнения в центральной части ящика выявлено скопление кальцинированных костей человека. В западной части ящика у торцовой стенки зафиксирован керамический сосуд.

Таким образом, в пяти исследованных погребальных сооружениях выявлены девять погребений, совершенных исключительно в каменных ящиках. Отмечена биритуальная погребальная практика, зафиксировано четыре случая кремации останков умерших. Причем в ряде сооружений она сочеталась с погребениями по обряду труположения. Керамическая коллекция представлена археологически целыми, плавно профилированными сосудами и фрагментами с характерной для федоровской культуры орнаментальной традицией. Коллекция украшений представлена четырьмя золотыми серьгами с раструбом и тремя полусферическими нашивными бронзовыми бляхами, плакированными золотым листом.

Серьги с раструбом представлены тремя вариантами: 1 – с конусовидным раструбом (2 экз., курганы №2 и 3); 2 – с колоковидным раструбом (1 экз., курганы №1 и 4); 3 – с раскованным, свернутым на конус раструбом (1 экз., курганы №1 и 4). На трех серьгах с монолитными раструбами отмечены отверстия, пробитые с внутренней стороны раструба, куда входил крючковидный заостренный конец серьги, что предполагает замковый способ крепления. Данная деталь характерна для среднеазиатских изделий [Аванесова, 1991, с. 51], хотя встречается и в материалах Южной Сибири [Кирюшин и др., 2006, с. 33–35; Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007, с. 30].

На градацию серег с раструбом исследователи обращали внимание неоднократно и связывают ее как с территориальными, так и с хронологическими особенностями.

В целом серьги с раструбом являются характерным этнокультурным маркером федоровской культуры и, как правило, не встречаются за пределами ее распространения.

Исследованные погребальные конструкции крупных курганов имеют аналогии среди ранее раскопанных сооружений на могильниках Аксу-Аюлы-II, Ортау, Байбала-II и др. А.Х. Маргуланом [1979, с. 58],

такие погребальные сооружения экстраординарного характера были отнесены к предбегазинскому переходному этапу, занимавшему промежуточное положение между памятниками средней и поздней бронзы Центрального Казахстана.

Новые археологические исследования на могильнике Бесоба, комплексно охватившие все типы погребальных сооружений, позволяют несколько по-иному взглянуть на процесс культурогенеза в степях Центрального Казахстана. Сопоставимость керамического материала из крупных курганов с небольшими оградами рядовых соплеменников, стереотипов в вопросе выбора способов обращения с телом умершего, стандартные параметры камер для погребения (как по типу, так и по размеру) однозначно указывают на идентичную культурную атрибуцию могильника. Наличие на одном погребальном поле столь контрастных сооружений позволяет говорить о крайне высокой степени социальной градации у носителей федоровской культуры Центрального Казахстана.

Библиографический список

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991.

Кирюшин Ю.Ф., Позднякова О.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Коллекция металлических украшений из погребений андроновского комплекса могильника Рублево-VIII // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006.

Киселев С.В. Предварительный отчет о раскопках Карагандинского облмузея в местности Бес-Оба, Карагандинского района, Карагандинской области в сентябре 1940 // Архив Карагандинского областного историко-краеведческого музея. 1940. Д. Ф. 1721.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул, 2007.

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет. Барнаул, Россия

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ КОСИХИНСКОГО РАЙОНА (Алтайский край)

Несмотря на достаточно удобное расположение для проживания человека в древности, Косихинский район продолжает оставаться самым слабоизученным с археологических позиций регионом Алтайского края. Этому может быть несколько объяснений, но основное – располо-

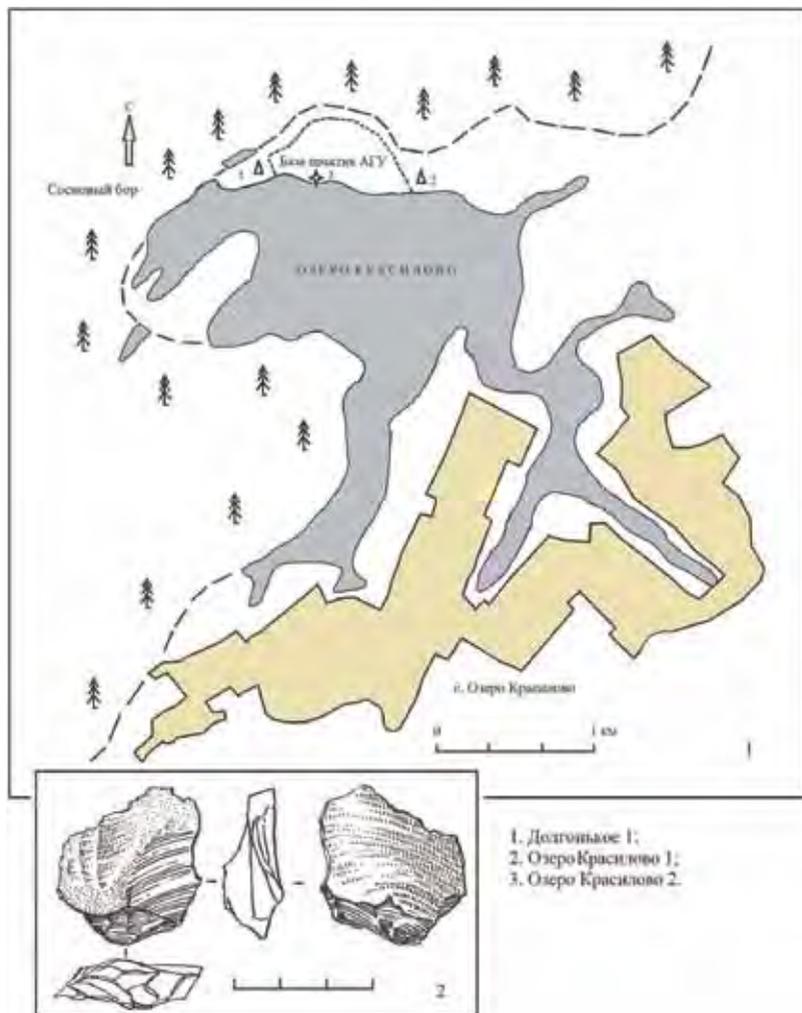
жение данной территории в стороне от основных водных и транспортных артерий края. Трасса М-52 и железнодорожная ветка до Бийска проходят по невыразительному выположенному лесостепному водоразделу, который не привлекает внимание исследователей [Алтайский край, 1978]. Обследование объектов мелиорационного и дорожного строительства в 70–80-х гг. прошлого века в силу разных причин оказались нерезультативными.

В настоящее время в литературе и музейных материалах известны две археологические находки и палеонтологическое местонахождение костей и бивней мамонта около с. Лосихи. Первой археологической находкой стал бронзовый кельт, судя по имеющимся в литературе материалам, относящийся к началу раннего железного века. Топор-кельт обнаружен в окрестностях с. Косихи в 20–30-х гг. XX в. [Уманский, 1959]. В 1970-х гг. в среде археологов распространилась информация о случайном открытии группой кемеровских исследователей поселения андроновской культуры развитого бронзового века (XV–XIII вв. до н.э.) на р. Лосихе. Дальнейшего подтверждения или публикации этого материала не последовало.

Палеонтологическое местонахождение было зафиксировано местными жителями в обрыве р. Лосихи на юго-западной окраине с. Лосихи. Информация и найденные кости поступили в 1975 г. в Алтайский краевой краеведческий музей. Место было обследовано сотрудником музея Э.М. Медниковой, однако археологических находок не зафиксировано.

На этом фоне открытие трех местонахождений на берегу оз. Красилово существенно увеличивает количество археологических объектов района.

Озеро расположено на правобережье р. Оби, в зоне сочленения так называемых боровых террас с четвертой террасой Верхней Оби на абсолютной высоте 220 м. Первая и вторая формы рельефа существенно различаются между собой. Западная часть района озера имеет параллельно-грядовую организацию поверхности (абсолютная высота – от 185 до 280 м), занятую сосновым лесом (боровая терраса). Восточный – северо-восточный берег имеет сглаженно-волнистый рельеф (абсолютная высота – от 200 до 240 м), который характерен для поверхности IV надпойменной террасы Оби. Переход от одного типа рельефа к другому достаточно отчетлив и занимает 50–100 м. Озеро имеет сложную конфигурацию: «лапчатое» очертание на юго-юго-востоке и неровноовальное на севере [Лузгин, 1998, с. 116]. Его площадь – около 20 кв. км, длина (с северо-запада на юго-восток) – около 3,7 км, ширина – около 2 км. Озеро бессточное, питается как поверхностными, так и грунтовыми водами. По биологическим свойствам относится к промежуточному типу между олиготрофным и эвтрофным. Б.Н. Лузгин считает, что озеро имеет подпрудный характер. Блокирование водотока произошло в процессе образования и движения песчаных дюн, а остатки «нижнего» русла представлены болотом Долгонькое.

Археологические находки на озере Красилово

На северном берегу озера располагается учебно-научная база Алтайского государственного университета, в окрестностях которой зафиксированы археологические памятники. В начале 2000-х гг. в ходе географической практики АлтГУ студентом В.А. Кунгуровым было обнаружено два поселения. Оба памятника представлены находками керамики. Артефакты обнаружены в шурфах, которые закладывались практикантами в учебных целях (изучение строения почвенных струк-

тур в различных условиях осадконакопления). Первый памятник зафиксирован в 200 м западнее базы, в начале низины с болотом и может быть маркирован названием Долгонькое-1. На глубине 25–30 см найден крупный обломок керамики толщиной около 1 см. Цвет коричневатосерый, обжиг достаточно качественный. Хотя орнаментации на фрагменте нет, его с определенной долей уверенности можно отнести к раннему железному веку (2-я половина I тыс. до н.э.). Второй аналогичный фрагмент при сходных условиях найден на восточной окраине базы, на мысе, образованном левым берегом небольшого временного водотока и акваторией озера (рис.-1). Памятник может быть назван Озеро Красилово-1. То, что оба местонахождения являются именно поселениями, доказывает обнаружение керамики на достаточной глубине на удалении от кромки озера (30–40 м) и на поверхности террас, не разрушенной антропогенным или природным воздействием.

Третье местонахождение случайно обнаружено на песчаной отмели озера посередине площади базы. На участке пляжа был подобран крупный скол кварцитовидного песчаника (рис.-2). Скол получен при расщеплении желвака с красноватой коркой химического выветривания, характерной для этого минерала. Возможная датировка находки – эпоха неолита. Попасть на участок отмели данный артефакт случайно не мог, т.е. это местонахождение с неструктурированным (поверхностным) залеганием культурного слоя. Мы предлагаем назвать памятник Озеро Красилово-2.

Таким образом, можно констатировать перспективность археологического обследования береговой зоны озера Красилово.

Библиографический список

- Алтайский край. Атлас. Т. 1. М. ; Барнаул, 1978. 222 с.
Лузгин Б.Н. Происхождение Красиловского озера // Известия Алтайского государственного университета. 1998. №4. С.113–116.
Уманский А.П. Памятники культуры Алтая. Барнаул, 1959. 252 с.

О.С. Лихачева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

РАЗВЕДКА В ЧЕМАЛЬСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Экспедицией Алтайского государственного университета летом – осенью 2015 г. проведена археологическая разведка в Чемальском райо-

не Республики Алтай. Маршрут для обследования территории был подготовлен на основе ранее полученных сведений о памятниках данного района [Степанова, Соенов, 2009, с. 25–40]. Осмотрен участок так называемого Чемальского тракта от с. Чемала до места впадения р. Бийке в р. Катунь (рис. 1). Выбор участка был обусловлен тем, что на сегодняшний день там ведутся работы по расширению дороги и прокладке асфальта между селами Чемал и Куюс, что может привести к разрушению памятников, находящихся вблизи трассы. Цель разведки заключалась в выявлении новых объектов археологии, а также мониторинге уже известных.

В ходе работ выявлено четыре новых, ранее не фиксировавшихся комплекса, а также проведен осмотр на разрушающемся поселении Усть-Бийке-I. Выявленным памятникам присвоены названия и порядковые номера по наиболее близко расположенным к ним известным археологическим объектам. Так, одиночный курган вблизи памятников Чечкиш-1, 2, 3 был обозначен как Чечкиш-4, а могильники вблизи комплексов Бике-I, II, III, IV – соответственно Бике-V, Бике-VI и Бике-VII [Степанова, Соенов, 2009, с. 27–28, 35–37].

Чечкиш-4 расположен к юго-востоку от с. Чемала на мысовидном выступе второй надпойменной террасы правого берега Катунь (рис. 1.-1). Представляет собой одиночный курган, который имеет каменную насыпь округлой формы диаметром 6 м и высотой 0,5 м. Насыпь сложена из крупных и средних камней. В центре находится западина размером 2 x 1,5 м. Курган сильно задернован, археологических материалов не обнаружено.

Могильник Бике-V находится к юго-востоку от с. Еланды на первой надпойменной террасе правого берега Катунь (рис. 1.-2; рис. 2). С севера и юго-запада могильник огибают две полевые дороги. Осмотр позволил выявить наличие десяти курганных насыпей. Они расположены двумя параллельными цепочками по линии ЮЮЗ–ССВ. Западная цепочка включает курганы №1–5, восточная – №6–9. Курган №10 рассматриваемого памятника расположен обособленно – в 40 м восточнее кургана №9. Насыпи курганов округлой формы диаметром от 2,5 до 7,5 м и высотой от 0,2 и 1,1 м состоят из мелких и средних, средних или средних и крупных камней и сильно задернованы. Археологических материалов в ходе осмотра не обнаружено. Планиграфия могильника, строение насыпей и их размеры позволяют предварительно отнести большую часть объектов к раннему железному веку [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 32–37; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 6–7]. Курганы №8–9 предположительно относятся к раннему средневековью. Об этом свидетельствуют их небольшие размеры, а также обособленное расположение относительно других курганов [Кубарев, 2005, с. 12].

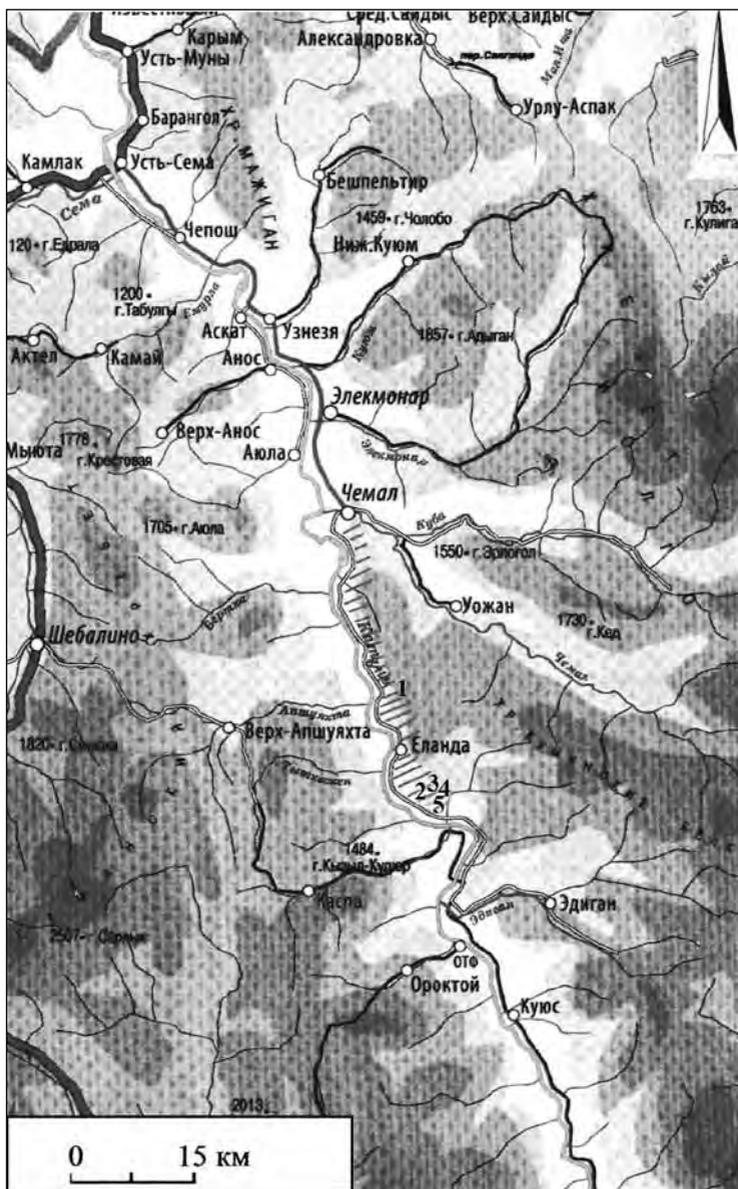

Рис. 1. Расположение обследованных памятников в Чемальской районе:
 1 – Чечкиш-4; 2 – Бике-V; 3 – Бике-VI; 4 – Бике-VII; 5 – Усть-Бийке-I.
 Заштрихована территория обследования

Памятник Бике-VI расположен к юго-востоку от с. Еланды на пологом склоне первой надпойменной террасы правого берега Катуня, в 107 м к северо-востоку от могильника Бике-V (рис. 1.-3; рис. 3). С западной стороны могильник ограничен подошвой горы. Осмотр позволил выявить 24 курганные насыпи. Курганы расположены четырьмя параллельными цепочками, вытянутыми по линии Ю–С с небольшими отклонениями. Цепочка №1 является наиболее длинной и включает курганы №1–13. Цепочка №2 располагается к западу от цепочки №1 и включает курганы №14–17. Цепочка №3 находится к востоку от цепочки №1 и включает курганы №18–21. Цепочка №4 является самой восточной и включает курганы №22–24. Курганы имеют насыпи округлой формы диаметром от 2 до 6 м и высотой от 0,25 до 0,8 м, состоящие из мелких и средних, средних и средних и крупных камней. Через памятник проходят две полевые дороги: одна – вдоль его западной стороны, вторая – между цепочками курганов №1 и 3. Могильник сильно задернован, некоторые из курганов повреждены кротовинами. Археологических материалов при осмотре не обнаружено. Предварительно данный памятник можно датировать ранним железным веком, на что указывают расположение курганов, а также характер насыпей [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 32–37; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 6–7].

Объект Бике-VII находится к юго-востоку от с. Еланды на первой надпойменной террасе правого берега Катуня. Он локализуется в небольшой седловине между горами (рис. 1.-4). Памятник представляет собой одиночный курган с каменной насыпью округлой формы. Она имеет диаметр 6 м и высоту 0,5 м, сложена из средних и крупных камней и сильно задернована. Археологических материалов в ходе осмотра не обнаружено.

Поселение Усть-Бийке-I расположено к юго-востоку от с. Еланды на второй надпойменной террасе правого берега Катуня (рис. 1.-5). Памятник был открыт в 1976 г. Б.И. Лапшиным. В 1989–1992 гг. на нем проводился сбор подъемного материала Бийкенским археологическим отрядом АГУ. В 1996 г. для уточнения хронологии поселения был заложен разведочный шурф. Южная часть надпойменной террасы, на которой находится поселение, была разрушена при строительстве Чемальского тракта и моста через р. Бийке [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 34, 38, 42].

Осмотр памятника показал, что на настоящий момент он находится в аварийном состоянии и разрушается под воздействием природных (подмыв, ветровая эрозия, осыпание) и антропогенных (гредирование дороги) факторов. На обнажениях культурного слоя в осыпи вдоль дороги были собраны каменные артефакты, а также фрагмент керамического сосуда. Первые представлены проколкой, выполненной на пластинчатом отщепе, преформой призматического нуклеуса, двумя техническими сколами подработки фронта нуклеуса, одним пластинчатым и девятью обычными отщепами.

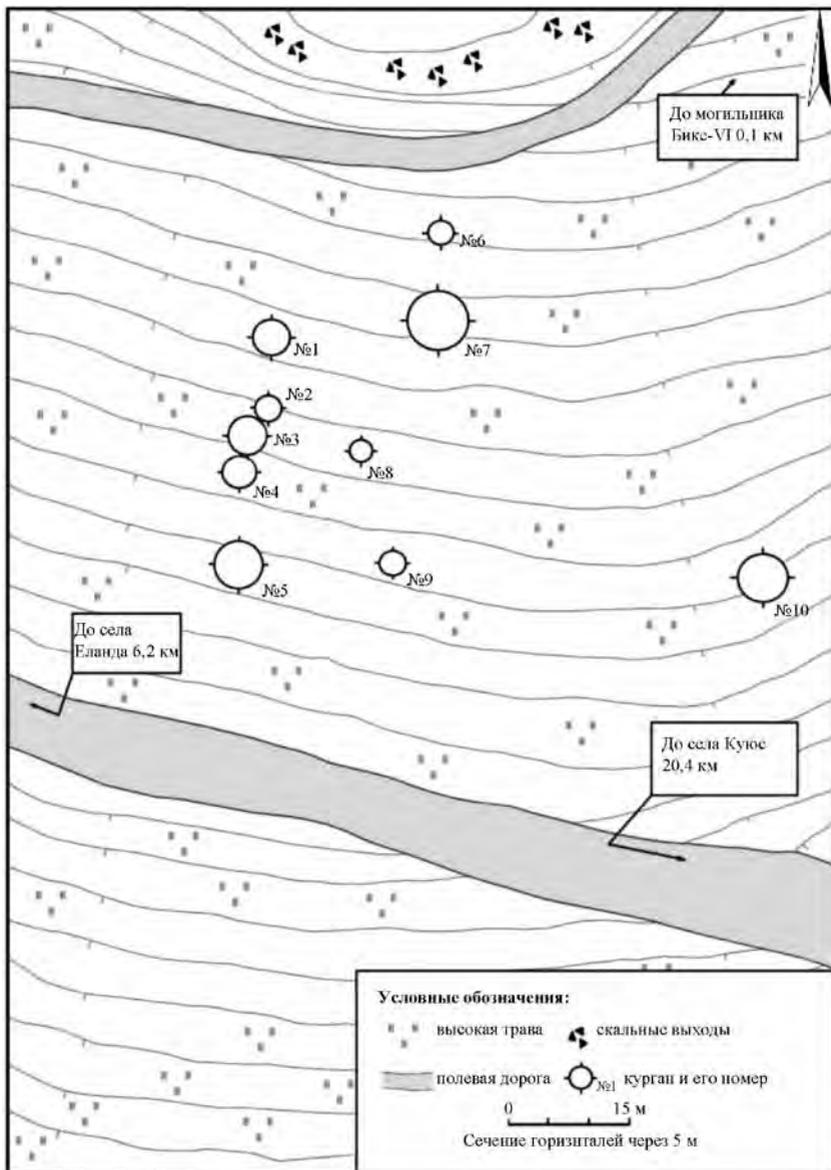

Рис. 2. План курганного могильника Бике-V, зафиксированного в ходе разведки в Чемальском районе

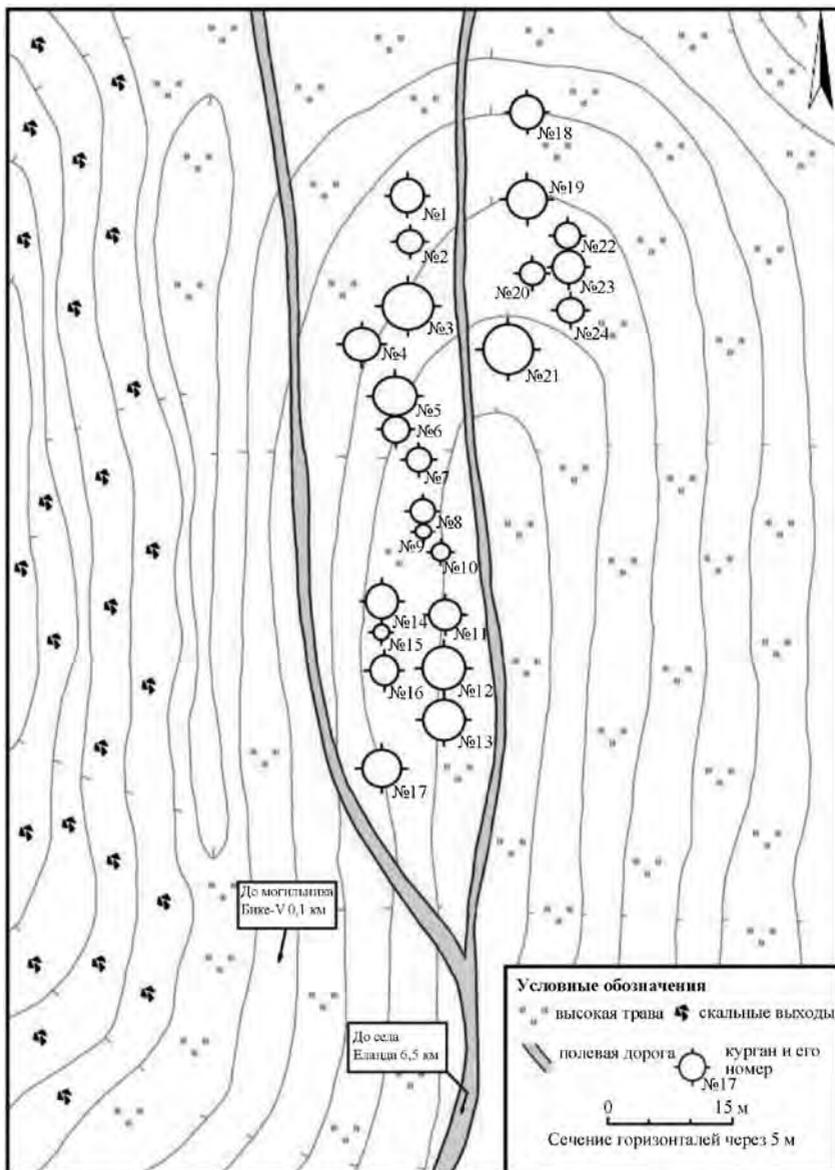

Рис. 3. План курганного могильника Бике-VI, зафиксированного в ходе разведки в Чемальском районе

Наиболее важным итогом археологической разведки в Чемальском районе Республики Алтай стало выявление четырех новых объектов, которые должны расширить сведения по древней истории данного района. Все они считаются достаточно перспективными для изучения, поскольку при визуальном осмотре курганных насыпей не выявлено следов ограбления или разрушения. Немаловажным оказалось и обследование поселения Усть-Бийке-I, которое позволило определить его современное состояние. Его исследование важно не только с точки зрения получения нового материала, но и в связи с его аварийным состоянием.

Библиографический список

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катюни. Барнаул, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.

Степанова Н.Ф., Соенов В.И. Археологические памятники и объекты Чемальского района. Горно-Алтайск, 2009. 212 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.

О.С. Мамонтова, А.С. Толкацкая

Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

НОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В СОБРАНИИ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

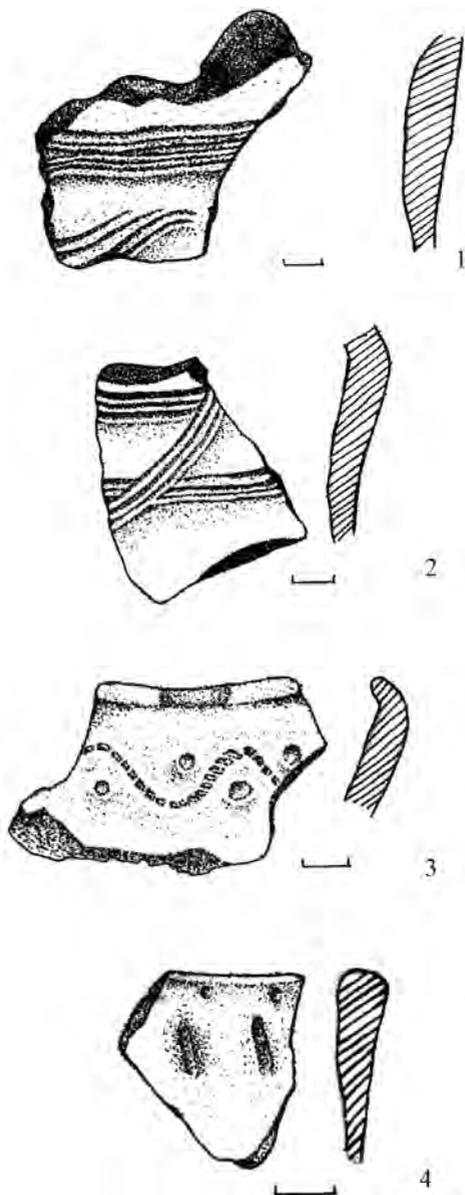
Работа выполнена в рамках гранта РГНФ, проект №16-11-22007
«Археологические коллекции Алтайского государственного краеведческого музея»

Раскопки русских памятников в Алтайском крае носят сопутствующий характер при проведении мониторинговых, реставрационных, строительных работ, при раскопках памятников древних эпох. В Алтайском государственном краеведческом музее хранится коллекция русской археологии, представленная сборами подъемного материала на разрушениях некоторых памятников в Усть-Пристанском, Топчихинском, Шипуновском районах. Частичный анализ данной коллекции был представлен в нескольких публикациях [Мамонтова, 2004, с. 47–50; Фролов, Мамонтова, 2006, с. 260–264]. В 2015 г. коллекция пополнилась

сборами Я.В. Фролова, старшего научного сотрудника Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая АлтГУ, проводимых им во время мониторинга НПЦ «Наследие» в 2006–2010 гг. в Первомайском, Павловском, Каменском, Тальменском, Усть-Пристанском, Шелаболихинском, Алейском районах Алтайского края. Сборы представлены подъемным материалом, в основном керамикой из разрушений культурного слоя и кладбищ. Целью данной публикации является введение в научный оборот новых источников, которые имеют научно-информационный потенциал при изучении культуры жизнеобеспечения русского населения Алтая в XVIII – 1-й трети XX в. В данной публикации для атрибуции сосудов используется терминология В.А. Липинской и Л.В. Татауровой [Липинская, 1980, с. 38–46; Татаурова, 1998, с. 88–123].

Тальменский район, с. Речкуново (ОФ 19531 А-3135, НВФ 7081). Сборы проводились в 2006 г. на старом сельском кладбище. Материалы включают один сосуд баночной формы и 12 фрагментов (венчики, стенки, придонные части) от сосудов, имевших форму горшка, кувшина, датированных концом XIX – началом XX в. Цвет керамики черный, серый, коричневый, светло-коричневый. В сборах представлено 41,6% глазурованной керамики зеленого, зелено-коричневого, коричневого цветов. По имеющимся фрагментам можно выделить две технико-технологические традиции, в которых были изготовлены сосуды: гончарная, лепная. Придонные части лепных сосудов несут признаки донно-емкостного начина. Обжиг печной и горновой. Часть фрагментов орнаментирована. Композиции на стенках представляют сейчас зигзагообразные линии в технике штампования гребенкой; косо поставленные линии, выполненные гребенкой, ниже которых проходит прочерченная горизонтальная полоса, по краю венчика – полоса из точечных вдавлений. На внешней стороне некоторых фрагментов видны следы гари.

Тальменский район, д. Малый Кокуй (ныне не существует) (НВФ 7097). Сборы проводились в 2010 г. у о. Кокуйское. Материалы включают четыре фрагмента (венчик, стенки) от сосудов, имевших форму горшка, датированных концом XIX – началом XX в. Цвет керамики черный, коричневый. Один фрагмент глазурован поливой коричневого цвета. По имеющимся фрагментам сложно судить о технико-технологической традиции, за исключением глазурованного фрагмента, выполненного на гончарном круге. Обжиг горновой, печной. Неглазурованные фрагменты орнаментированы. Композиции выполнены в технике накалывания и протаскиванием трех-, четырехзубчатой гребенки. Орнамент представляет собой косо поставленные линии, горизонтальную и незаконченную волнообразную полосу, ряды прямо- и косо поставленных линий, разделенных горизонтальной прямой полосой (рис.-1).

Керамика из комплексов русской археологии Алтайского края:
1 – Тальменский район, д. Малый Кокуй; 2–3 – Павловский район,
с. Давыдов Лог; 4 – Шелаболихинский район, д. Киприно

Первомайский район, окрестности д. Мыльниково (в настоящее время дачный поселок) (НВФ 7099). Сборы 2006 г. Комплекс включает 74 фрагмента керамики (венчики, стенки, придонные части, фрагмент стенки с носиком (рыльцем) от сосудов, имевших форму горшка, горшка с носиком (рыльцем), корчаги-дырчатки, колыванки, бокала, датированных концом XIX – началом XX в. Цвет керамики серый, серо-коричневый, коричневый, черный. 16,4% фрагментов глазуровано поливой зеленого, желто-зеленого, темно-коричневого, зеленовато-коричневого цветов. По имеющимся фрагментам можно выделить три технико-технологические традиции, в которых были изготовлены сосуды: гончарная, лепная и комбинированная. Придонные части лепной и комбинированной керамики носят признаки донного и донно-емкостного начина. На некоторых придонных частях, выполненных во второй и третьей технологических традициях, видны следы песчаной подсыпки и деревянной фактуры рабочей поверхности. На внешней и внутренней поверхностях некоторых фрагментов видны следы гари. Два фрагмента стенок орнаментированы. Орнамент представляет собой композиции из прочерченных горизонтальных прямых параллельных и одиночной волнообразной линий.

Первомайский район, окрестности с. Кислухи (НВФ 7095). Сборы 2008 г. Материалы включают 11 фрагментов керамики (венчики, стенки с придонными частями) от 10 сосудов, имевших форму горшка, латки. Цвет керамики черный, черно-коричневый, темно-коричневый. 9% фрагментов керамики глазуровано поливой темно-коричневого цвета. По имеющимся фрагментам можно выделить две технико-технологические традиции, в которых были изготовлены сосуды: гончарная и лепная. Придонные части лепной керамики носят признаки донного начина. При визуальном осмотре в составе формовочной массы в качестве примеси наблюдается большое количество песка. Обжиг печной, горновой.

Первомайский район, с. Фирсово (НВФ 7098). Сборы проводились в 2008 г. у археологического памятника Фирсово-23, поселения в 100 м к северу от северной окраины с. Фирсово под мостом через р. Лосиху на левом берегу. Сборы представлены четырьмя фрагментами керамики (венчики, стенки) от сосудов, датированных концом XIX – началом XX в. Цвет керамики коричневый, черный. Один фрагмент покрыт глазурью коричневого цвета. По имеющимся фрагментам трудно однозначно сказать о технологии изготовления посуды, за исключением глазурованного фрагмента, выполненного на гончарном круге. Обжиг горновой и, вероятно, печной. Один фрагмент орнаментирован в технике протаскивания гребенкой. Композиция представляет собой широкую горизонтальную полосу, под которой находится скошенная волнообразная полоса. На двух фрагментах с внешней стороны наблюдаются следы гари.

Павловский район, окрестности с. Касмалы (НВФ 7093). Сборы 2007 г. Представлены 11 фрагментами (венчики, стенки, придонная

часть) от сосудов, имевших форму горшка, датируемых концом XIX – началом XX в. Цвет керамики серый, коричневый, серо-коричневый, темно-коричневый. В сборах присутствует 45,5% глазурованной керамики зеленовато-коричневого и темно-коричневого цветов. По имеющимся фрагментам трудно однозначно сказать, сделаны ли неглазурованные сосуды с помощью круга или круг применялся как поворотный столик. На внутренней поверхности фрагмента придонной части имеются признаки формовки на гончарном круге. Два фрагмента в данном комплексе орнаментированы: композиция из прямой и волнообразной линий, выполненных гребенкой, и волнообразная прочерченная линия. На внешней стороне некоторых фрагментов видны следы гари.

Павловский район, д. Давыдов Лог (ранее д. Лога, ныне садоводство у д. Березовка) (НВФ 7090). Сборы 2007 г. Комплекс представлен 97 фрагментами (придонные части, стенки, рыльца (носики), венчики, ручка) от сосудов, имевших форму горшка, горшка с носиком (рыльцем), кувшина, миски. Материал датирован Я.В. Фроловым серединой XVIII – началом XX в. Цвет керамики светло-коричневый, коричневый, серый, серо-черный, черный. 25,7% глазуровано поливой зеленого, темно-зеленого, зелено-коричневого, коричневого цветов. По имеющимся фрагментам можно выделить три технико-технологические традиции, в которых были изготовлены сосуды: гончарная, лепная и комбинированная. Некоторые фрагменты орнаментированы гребенкой и прочерчиванием. Под венчиками выполнены композиции накальванием гребенкой в виде волн, между которыми расположены точечные углубления, протаскиванием гребенки – широкая горизонтальная полоса, две горизонтальные полосы, а одна по диагонали пересекает их. В технике прочерчивания выполнены зигзагообразные, прямые линии, V-образные фигуры (рис.-2–3). На внешней и внутренней поверхностях некоторых фрагментов видны следы гари.

Каменский район, с. Дресвянка (НВФ 7087). Сборы 2007 г. проводились на разрушенном берегу Оби. Комплекс представлен 23 фрагментами (венчики, стенки, придонные части) от 14 сосудов в форме горшка, миски, чашки, датированных Я.В. Фроловым концом XIX – началом XX в. Цвет керамики черный, серый, коричневый. 26% фрагментов глазуровано поливой темно-зеленого, зелено-коричневого цветов. По имеющимся фрагментам можно выделить три технико-технологические традиции, в которых были изготовлены сосуды: гончарная, лепная и комбинированная. При визуальном осмотре в составе формовочной массы в качестве примеси наблюдается большое количество дресвы. Придонные части лепных и комбинированных сосудов носят признаки донного и донно-емкостного начина. Судя по отпечаткам оси гончарного круга на днищах некоторых сосудов, можно предположить, что круг исполнял роль поворотного столика. Отпечатки осей представляют собой кольцо с углублением. Характер следов обработки поверхностей сосудов свидетельствует

о том, что гончарный круг мог использоваться в качестве инструмента для заглаживания поверхностей. Возможно, круг мог применяться для профилирования венчика. Один фрагмент комплекса орнаментирован. Орнамент представляет собой прочерченную горизонтальную полосу и пересекающую ее вертикальную под углом. На внешней и внутренней сторонах некоторых фрагментов присутствуют следы гари.

Усть-Пристанский район, с. Клепиково (НВФ 7088, 7089). Сборы проводились в 2007 г. на территории старой деревни, русском кладбище, археологическом памятнике Клепиково-III. Материалы включают 36 фрагментов (венчики, придонные части) от сосудов, имевших форму горшка, корчаги-дырчатки, колыванки, миски, датированных XVIII – началом XX в. Цвет керамики коричневый, серый, светло-коричневый, светло-серый. 2,7% фрагментов глазуровано поливой темно-коричневого цвета. По имеющимся фрагментам можно выделить три технико-технологические традиции, в которых были изготовлены сосуды: гончарная, лепная и комбинированная. Некоторые фрагменты имеют следы гари с внутренней и внешней стороны.

Усть-Пристанский район, с. Вяткино (НВФ 7082). Сборы проводились в 2007 г. у устья р. Крутихи и у парома. Материалы включают пять фрагментов (венчики, придонные части, крышка) от сосудов, имевших форму горшка, датированных Я.В. Фроловым концом XVIII – XIX в. Цвет керамики черный, коричневый, светло-коричневый. Сосуды были выполнены в комбинированной технике. Придонные части несут признаки донного и донно-емкостного начина. Обжиг печной. В формовочной массе при визуальном осмотре наблюдается большое количество песка. На всех фрагментах присутствуют следы гари с внутренней и внешней стороны.

Алейский район, окрестности с. Серебренниково (НВФ 7094). Сборы 2007, 2008 гг. Комплекс состоит из 10 фрагментов керамики (венчики, стенки, придонная часть) от сосудов, имевших форму горшка, датированных XIX – началом XX в. Цвет керамики черный, серый, коричневый. 60% фрагментов глазуровано поливой коричневого, зеленого цветов. По имеющимся фрагментам можно выделить три технико-технологические традиции, в которых были изготовлены сосуды: гончарная, лепная и комбинированная. Один фрагмент орнаментирован. На фрагменте стенки протаскиванием частой гребенки выполнена горизонтальная волнообразная полоса. Некоторые фрагменты имеют следы гари с внешней стороны стенок.

Шелаболихинский район, окрестности д. Киприно (НВФ 7096). Сборы 2008 г. Материалы включают девять фрагментов (венчики, стенки, придонная часть) от сосудов, имевших форму горшка, датированных концом XIX – началом XX в. Цвет керамики коричневый и черный. 44,4% фрагментов керамики глазуровано поливой коричневого, зеленовато-коричневого цветов. По имеющимся фрагментам можно

выделить две технико-технологические традиции, в которых были изготовлены сосуды: гончарная и комбинированная. Один фрагмент орнаментирован. Композиция представляет собой две косо поставленные черточки, выполненные палочкой (?) (рис.-4). На некоторых фрагментах присутствуют следы гари.

Томенцевский район, с. Черемшанка (ОФ 19529 А-3133). Сборы проводились в 2009 г. на границе старого и нового кладбищ. Материалы представляют собой развал сосуда из 15 фрагментов (венчик, стенки), имевшего форму горшка, датированного концом XIX – началом XX в. Фрагменты керамики глазурованы поливой темно-коричневого цвета. Сосуд был выполнен в гончарной технике. Обжиг горновой.

Поселок Борзовая заимка (ОФ 19530 А-3134). Сборы 2009 г. представлены сосудом, имеющим форму колыванки, датируемым 1-й третью XX в. Сосуд глазурован поливой темно-зеленого цвета. Был выполнен на гончарном круге. Обжиг горновой.

Таким образом, представленные сборы показывают наличие трех технико-технологических традиций у русских Алтая в XVIII – 1-й трети XX в. и подтверждают длительность бытования лепной керамики. Ни в одном из населенных пунктов, за исключением поселка Борзовая заимка, по архивным, этнографическим, устным источникам не фиксируется наличие гончарного производства. В близлежащих селах существовали гончарные центры, которые могли снабжать округу своей продукцией. Например, в ближайшем к с. Дресвянка Каменского района селе Столбово существовала гончарная мастерская, а среди старожильческого населения – традиция изготовления лепной керамики. Подобная ситуация складывалась и в Усть-Пристанском районе, где в близлежащем к с. Клепиково селе Усть-Пристань работали гончары и параллельно бытовала традиция лепной керамики в XIX – 1-й половине XX в. По архивным источникам известно лишь о функционировании до 1946 г. гончарной мастерской в п. Борзовая заимка [ГААК. Ф. Р-880. Оп. 1. Д. 269. Л. 119, 157].

По представленным комплексам прослеживается устойчивость форм посуды на протяжении XVIII – 1-й трети XX в., а также функциональное значение сосудов: приготовление горячей пищи, напитков, хранение продуктов питания. Вероятно, сосуды, фрагменты которых происходят из старых сельских кладбищ с. Речкуново, Клепиково, Черемшанка, могли использоваться в похоронном обряде русского населения. В собрании АГКМ уже имеются образцы керамики, собранные на могильниках Клепиково-III, Староалейка-II и с двух захоронений у с. Шипуново, которые применялись при погребении у русского населения Алтая в XIX – 1-й четверти XX в. [Мамонтова, 2004, с. 47–50; Фролов, 1999, с. 6–29; Фролов, Мамонтова, 2006, с. 260–264].

Более четкую и ясную характеристику данных комплексов может дать работа в русле археолого-этнографических исследований.

Библиографический список

Липинская В.А. Гончарство русских женщин Алтайского края // Полевые исследования института этнографии. 1978. М., 1980. С. 38–46.

Мамонтова О.С. Лепная керамика русских Алтая (археологическая и этнографическая коллекции Алтайского государственного краеведческого музея) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы; Омск, 2004. С. 47–50.

Татаурова Л.В. Типология русской керамики (по этнографическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1998. С. 88–123.

Фролов Я.В. Древние памятники Усть-Пристанского района // Нижнее Причарышье: Очерки истории и культуры. Барнаул; Усть-Пристань, 1999. С. 6–29.

Фролов Я.В., Мамонтова О.С. Русский керамический комплекс XVIII – XX веков поселения Елбанка II (Усть-Пристанский район Алтайского края) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск, 2006. С. 260–264.

И.В. Мерц¹, В.К. Мерц², Г.А. Куц³, А.А. Тишкин^{4,5}

^{1, 2}*Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Павлодар, Казахстан;*

³*Восточно-Казахстанский областной музей, Усть-Каменогорск, Казахстан;*

⁴*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

⁵*Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан*

НАХОДКИ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ ВЕРХНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ (Восточный Казахстан)

Работа выполнена при поддержке бюджетной программы МОН РК «Грантовое финансирование научных исследований» на 2015–2017 гг. (проект «Ранний бронзовый век левобережья Казахстанского Прииртышья: этнокультурное взаимодействие»), а также в рамках реализации гранта Комитета науки МОН РК №1038/ГФ4 «Древние и средневековые кочевники Юго-Западного Алтая: междисциплинарные исследования»

Ранний бронзовый век Восточного Казахстана до сих пор остается малоизученным периодом в археологии Северной Евразии. Поэтому введение в научный оборот новых материалов является первостепенной задачей. В настоящей работе рассматриваются три древних предмета (часть ножа и два наконечника стрел), происходящие из Восточно-Казахстанской области Казахстана. Два изделия являются случайными находками и хранятся в фондах Восточно-Казахстанского областного музея (ВКОМ, г. Усть-Каменогорск), а третье происходит с разновременного поселения Тюмень-3 (рис. 1).

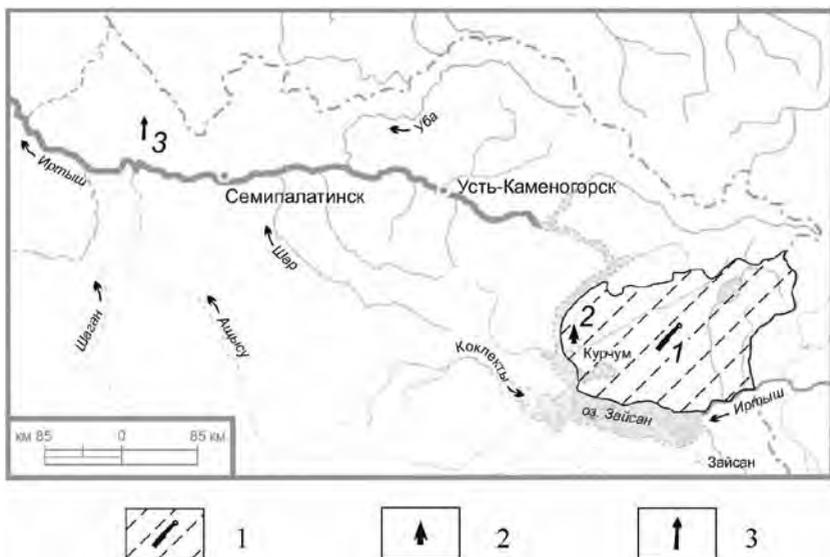

Рис. 1. Карта-схема расположения находок:

- 1 – местонахождение части ножа в пределах Курчумского района;
 2 – наконечник стрелы из с. Курчум; 3 – наконечник с поселения Тюмень-3

Основная задача исследования заключалась в определении культурной и хронологической принадлежности рассматриваемых артефактов. Кроме этого, осуществлялся рентгенофлуоресцентный анализ для установления химического состава сплавов публикуемых металлических изделий. Для таких определений одним из авторов статьи использовался портативный спектрометр ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), который имеется на кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия).

Обломок бронзового ножа (ВКОМ КПо19П-8636), случайная находка из Курчумского района, поступил в фонды музея в 70-е гг. XX в. (рис. 2.-1). Артефакт сильно корродирован, на клинке фиксируется свежий слом. Видимо, изделие происходило из погребения или культурного слоя поселения, о чем свидетельствует отсутствие на нем своеобразной патины (рис. 3.-1). Находка представляет собой выгнутообушковый нож с обломанным клинком и кольцом на рукояти. Вес предмета – 31,4 грамма. Длина сохранившейся части составляет 12,45 см, из них длина Т-образного в сечении клинка – 4,1 см, а ширина – 1,9 см. Длина I-образной в сечении рукояти с кольцом – 8,4 см, ширина сужается от 1,6 см (у основания клинка) до 1,05 см (у коль-

ца). Размеры кольцевого навершия – 1,7 x 1,3 см, ширина – 0,4–0,5 см. В месте перехода от рукояти к клинку орудие достигает максимальной толщины – 0,55 см, затем этот параметр постепенно уменьшается к кольцу и острию до 0,25 см. Рукоять от основания кольца до клинка украшена рельефно выступающими линиями (толщиной до 1 мм), которые образуют шесть косых крестов. На одной стороне, где нанесен шифр музея, изображение сохранилось плохо. Четко различимы только три знака, остальные – фрагментарно. Нож был отлит в двухстворчатой литейной форме, о чем свидетельствует наличие необработанных литейных швов на торцах предмета, отсутствующие только по внешнему краю кольцевого навершия и на лезвии. Пробы металла были взяты с торца орудия, в самой его толстой части и анализировались два раза. Получены такие результаты: 1) Cu (медь) – 84,7%; Sn (олово) – 15,16%; Fe (железо) – 0,14%; 2) Cu – 85,84%; Sn – 14,02%; Fe – 0,07%; Pb (свинец) – 0,07%. Они свидетельствуют о качественном бронзовом сплаве. Незначительное присутствие железа и свинца может указывать на наличие рудных примесей, однако более вероятно то, что данные элементы попали в пробу с окислами.

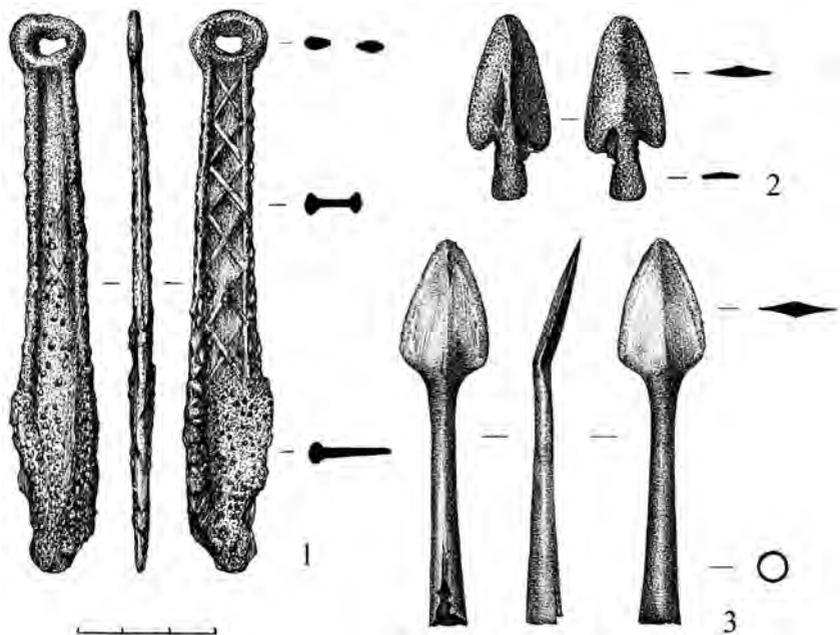

Рис. 2. Археологические находки из Верхнего Прииртышья:
1 – выгнутообушковый нож; 2 – черешковый наконечник стрелы;
3 – втульчатый наконечник стрелы

Рис. 3 (фото). Бронзовые изделия из Верхнего Прииртышья: 1 – выгнуто-обушковый нож из Курчумского района; 2 – черешковый наконечник стрелы из с. Курчум; 3 – втульчатый наконечник с поселения Тюмень-3

Черешковый бронзовый наконечник стрелы (ВКОМ, КПо91-37315) обнаружен в 2015 г. на зимовке Курчум (в Курчумском районе) местным жителем Т.З. Набиевым (рис. 2.-2). Ориентировочные координаты места находки такие: N – 48°40'41.26"; E – 84°30'7.71". Общая длина предмета – 4,1 см, вес – 5,1 грамма. Изделие имеет подтреугольный абрис пера (длиной 2,9 см и шириной 1,8 см), края лопастей переходят в свисающие полуовальные «шипы». Перо в сечении подромбическое толщиной 0,25 см. Посередине его проходит нервюра. На одной из лопастей имеется сегментовидная выемка (размерами 1,1 x 0,12 см), а у другой при переходе от шипа к черешку фиксируется литейный брак (рис. 2.-2; рис. 3.-2). Черешок трапециевидной формы (длиной 1,4 см), имеет подчетырёхугольное сечение. Стрела отлита, по-видимому, в односторонней форме, о чем свидетельствует одна, практически плоская, сторона. Артефакт покрыт так называемой благородной патиной (рис. 3.-2), что позволяет констатировать его залегание на открытой поверхности. С плоской стороны, в месте перехода пера к черешку, взяты пробы на анализ. Они были изучены с помощью указанного рентгенофлюоресцентного спектрометра. Получены такиеazoleментные ряды: 1) Cu – 95,7%; Sn – 3,67%; Fe – 0,32%; Pb – 0,31%; 2) Cu – 96%; Sn – 3,4%; Fe – 0,34%; Pb – 0,26%. Данные результаты демонстрируют бронзовый сплав с присутствием железа и свинца.

Втульчатый наконечник (рис. 2.-3) обнаружен в 2014 г. В.К. Мерцем во время сборов на разновременном поселении Тюмень-3. Памятник расположен в одноименном урочище, в 3,8 км к юго-востоку от с. Канонерки, в Бескарагайском районе. Географические координаты места находки: N – 50°42'40,66"; E – 79°45'07,24". Изделие имеет длину 8,2 см и вес 18 граммов. В месте перехода от пера к втулке оно согнуто. Подтреугольное перо (в сечении ромбовидное, размерами 3 x 1,9 см) под тупым углом переходит к несомкнутой втулке, длина которой достигает 5,5 см. В обозначенном месте толщина наконечника составляет 0,6 см, затем втулка постепенно расширяется к основанию до 0,9 см, ее глубина – 2,2 см. Поверхность покрыта «благородной» патиной (рис. 3.-3). Снятие пробы на спектральный анализ осуществлялось у основания втулки два раза: 1) (с окислами) Cu – 67,6%; Sn – 31,23%; Pb – 0,61%; Fe – 0,33%; Ti (титан) – 0,23%; 2) (после снятия окислов) Cu – 69,6%; Sn – 29,45%; Pb – 0,65%; Fe – 0,3%. Эти предварительные данные указывают на бронзовый сплав с существенным содержанием олова. Такое соотношение позволяет предположить, что мастер не испытывал дефицита в важной легирующей добавке. Остальные зафиксированные элементы могут представлять собой сопутствующие рудные примеси, но, судя по всему, они демонстрируют загрязнение поверхностного слоя в процессе окисления предмета.

Рассматриваемые артефакты имеют аналогии в синхронных культурных образованиях сопредельных регионов. Обломок ножа из Курчумского района близок к ножам с кольцевыми навершиями из

погребений-1 и 2 грунтового могильника Цыганкова Сопка-II в Верхнем Приобье [Кирюшин, 2002, рис. 119.-1–2], а также из скопления в кв. Д-17 памятника Ростовка в Среднем Прииртышье [Матюшенко, Сеницына, 1988, с. 43, рис. 54.-2]. Их морфологическое сходство, помимо выгнутообушкового клинка и кольцевого навершия, проявляется в Т- и I-образных сечениях клинков и рукоятей. При этом в курчумском изделии присутствуют признаки всех рассматриваемых аналогий: 1) строение рукояти ближе к орудиям из могилы-2 Цыганковой Сопки-II и Ростовки, у которых имеются сквозные отверстия и достаточно широкая рукоять, позволяющая нанести орнаментальный мотив в виде заштрихованных треугольников и ромбов; 2) узкий клинок, уступ между рукоятью и лезвием составляет 0,3 см, что позволяет его сопоставить с изделием из могилы-1 Цыганковой Сопки-II и предположить наличие у него длинного и такого же узкого клинка. Основное же отличие заключается в орнаментированной косыми крестами рукояти. Подобный орнаментальный мотив нанесен на одной из сторон рукоятей ножей с конеголовыми навершиями из Елунино-I и Усть-Муты [Кирюшин, 2002, рис. 150.-1, 4].

На основании приведенных аналогий курчумское изделие проявляет большее сходство с ножами елунинской археологической культуры, которое выражается как в морфологическом строении, так и в орнаментации. Время существования подобных изделий определяется концом III – началом II тыс. до н.э. [Грушин и др., 2009, с. 126].

Наконечник стрелы из с. Курчум не имеет прямых аналогий в синхронных комплексах Западной Сибири и Казахстана. Определенное сходство, выраженное в подтреугольном абрисе пера, в наличии «шипов» и черешка, фиксируется с плоским изделием из погребения-17 могильника Ордынское-I в Верхнем Приобье [Молодин, Дураков, 2014, рис. 18.-4], а также с наконечником, у которого ребро жесткости оформлено в виде округлого в сечении валика, из могилы-9 Канаая в Верхнем Прииртышье [Черников, 1960, табл. XXа.-2]. Существенное отличие заключается в наличии у курчумской стрелы нервюры, образованной гранями пера, и в длинном узком черешке*. По-видимому, данное изделие занимает промежуточное положение между наконечниками из Ордынского-I и Канаем, поскольку считается, что нервюры, образованные гранями клинка, по отношению к ребрам жесткости в виде округлых в сечении валиков являются более ранними [Аванесова, 1991, с. 24]. Столь немногочисленные аналогии не позволяют пока однозначно отнести стрелу из Курчума к елунинской культуре, поскольку ближайшая аналогия происходит из канайского погребения, которое сейчас рассматривается в рамках так называемых чемурчекских комплексов Верхнего Прииртышья [Ковалев, 2014, с. 7]. В целом данное культурное образо-

* Авторы выражают благодарность С.П. Грушину, указавшему на эту морфологическую особенность курчумского наконечника.

вание синхронно елунинской общности и входит с ней в единый круг памятников [Грушин, 2013, с. 23]. Время существования металлических черешковых стрел в елунинской культуре определяется в широком диапазоне: от конца III по 1-ю треть II тыс. до н.э. [Грушин и др. 2009, с. 44]. Следовательно, предвательно курчумскую стрелу можно датировать рубежом III–II тыс. до н.э.

Наконечник с поселения Тюмень-3 проявляет сходство со стрелой из с. Кенжеколь, которое выражается в одинаковых пропорциях и морфологии: подреугольное перо и длинная втулка [Грушин и др., 2006, с. 7]. Основными отличиями являются несколько более ромбовидный абрис пера и несомкнутая втулка, что позволяет отнести тюменский наконечник к более раннему времени. По этим признакам он схож с копьями из сейминско-турбинских могильников Турбино и Коршуново [Черных, Кузбьминых, 1989, рис. 24] и из синташтинского кургана Халвай-3 [Шевнина, Логвин, 2011, рис. 2.-3], а также с копьями и стрелами абашевской культуры из Верхне-Кизильского кладя и поселения Дальняя гора (Куштау) [Сальников, 1967, рис. 8.-9]. Необходимо отметить, что Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989, с. 64] подобные орудия относят к разряду К-2, считая их по форме и технологии изготовления чуждыми сейминско-турбинским, и возводят к абашевскому и иным производствам.

Проведенный рентгенофлюоресцентный анализ показал, что все рассмотренные предметы выполнены из оловянной бронзы с незначительным присутствием других элементов. Такая рецептура металла характерна для елунинской культуры на юге Западной Сибири и является для нее одной из основных. Зафиксированный состав сплавов позволяет предположить, что источниками медной руды могли служить месторождения змеиногорской зоны Рудно-Алтайского горно-металлургического центра [Грушин и др., 2009, с. 46–47]. Эти факты указывают на то, что рассматриваемые изделия были изготовлены из местного сырья. И если для первых двух изделий вполне приемлема елунинская принадлежность, то для последнего наконечника определить точно культурную принадлежность пока не представляется возможным. Однако время его существования синхронно перечисленным культурным образованиям, и датируется 1-й четвертью II тыс. до н.э. [Епимахов и др., 2005, с. 99].

Таким образом, рассмотренные материалы дополняют информацию о металлокомплексе раннего бронзового века региона и отражают развитие двух металлургических традиций: елунинской и «западной». Последняя, по-видимому, связана с влиянием в 1-й четверти II тыс. до н.э. нового (западного) населения. В последующем, при изучении погребальных комплексов Верхнего Прииртышья, возможно удастся более точно определить культурную и хронологическую принадлежность данных орудий, так как представленные заключения носят предвательный поисковый характер.

Библиографический список

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлургическим изделиям). Ташкент, 1991. 200 с.
- Грушин С.П., Мерц В.К., Папин Д.В., Пересветов Г.Ю. Материалы эпохи бронзы из Павлодарского Прииртышья // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 4–17.
- Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. 160 с.
- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // Российская археология. 2005. №4. С. 97–108.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 294 с.
- Ковалев А.А. Введение // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чумурчакский культурный феномен. Ч. I: Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. СПб., 2014. С. 5–8.
- Логвин А.В., Шевнина И.В. Курган Халвай-3 (предварительное сообщение) // Маргулановские чтения. 2011. Астана, 2011. С. 291–296.
- Матющенко В.И., Сииныцына Г.В. Могильник у деревни Ростовка, близ Омска. Томск, 1988. 136 с.
- Молодин В.И., Дураков И.А. Погребения эпохи ранней-развитой бронзы могильника Ордынское-I (новая версия историко-культурной интерпретации) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №4. С. 84–101.
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. 408 с.
- Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л., 1960. 272 с. (МИА. №88).
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. 320 с.

Т.С. Паршикова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Б.Х. КАДИКОВА ПО ИЗУЧЕНИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ В 1950-е гг.

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также в рамках базовой части государственного задания Алтайского государственного университета «Использование естественно-научных методов в реконструкции историко-культурных процессов на Алтае в древности» (код проекта 1006)

Одним из периодов интенсивного изучения археологических памятников Алтая стали 1950-е гг. Работы проводились как сотрудниками ведущих научных центров страны, так и местными учрежде-

ниями, среди которых особое место занимали краеведческие музеи. Штаты некоторых из них располагали ставкой специалиста-археолога, что позволяло привлечь компетентные кадры для решения вопросов комплектования археологических фондов и проведения разведочных и аварийно-спасательных работ на памятниках.

От Бийского краеведческого музея (БКМ) такие изыскания осуществлял Борис Хатмиевич Кадиков. Приехав в Бийск в августе 1955 г. после окончания Пермского (Молотовского) университета, профессиональный археолог, ученик О.Н. Бадера, был принят в БКМ заведующим отделом истории дореволюционного времени [ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 248. Л. 24; Ирисов, Цехановская, 1970, с. 7]. Приступив к своим служебным обязанностям, Б.Х. Кадиков в первую очередь разработал новый тематико-экспозиционный план раздела по археологии [ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 248. Л. 24]. Преобразованный отдел по древней истории региона открылся для посетителей в мае 1956 г. и был признан лучшим в музее на то время. Однако сам заведующий отмечал, что для наполнения экспозиции не хватает подлинных экспонатов [ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 248. Л. 59].

С конца 1950-х гг. Борис Хатмиевич развернул активные разведочные работы и раскопки памятников в Бийском Приобье и северных предгорьях Алтая, предварительно обследовав объекты, открытые в 1930–1940-е гг. Основной целью исследований было получение материалов для музейной экспозиции, в первую очередь наполнение разделов по каменному и бронзовому веку [Занина, 2012, с. 10]. Археолог сотрудничал с геологами В.Е. Рясиной, О.М. Адаменко и другими, которые в процессе профессионального изучения региона периодически фиксировали палеолитические находки. Так, В.Е. Рясиной в песчаном карьере на северо-восточной окраине с. Маймы была обнаружена стоянка и описана стратиграфия памятника. В 1956–1958 гг. Б.Х. Кадиков раскопал наиболее аварийную его часть (около 62 кв. м), где зафиксировал достаточно насыщенный культурный слой и остатки трех наземных палеолитических жилищ округлой формы [Кадиков, 1957, с. 297; Кадиков, 1959, с. 18; Лапшин, Кадиков, 1981].

В то же время проводились исследования многослойной стоянки в устье р. Семы (Усть-Сема) [Кунгуров, Кадиков, 1985]. Там Б.Х. Кадиковым было раскопано свыше 400 кв. м. В результате в музей поступила обширная коллекция каменных изделий, превышающая 10 тыс. артефактов (колл. №153 БКМ).

Отмечается, что раскопки Маймы и Усть-Семы проводились на достаточно высоком методическом уровне, фиксировалась планиграфия, сохранились подробные разрезы, планы и профили объектов. Исследования осуществлялись на основании «Открытого листа» №1 (форма №2), выданного ИИМК АН СССР от 17.02.1956 [ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 147. Л. 52–53]. В музее сохранились коллекционные описи матери-

лов, полученных в ходе разведок и раскопок. Необработанная часть архива БКМ содержит большое количество фотографий, позволяющих визуально представить процесс проведения исследований, а упорядочивание имеющейся документации может дать возможность получения новых сведений. В настоящее время такая работа представляется актуальной, особенно учитывая, что коллекции этих памятников тщательно обработаны и подробно описаны в инвентарных книгах, что позволило в свое время А.Л. Кунгурову идентифицировать по горизонтам и культурным слоям все артефакты [Кунгуров, Цыро, 2006, с. 39]. Однако им же отмечается, что разрыв во времени между раскопками (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) и публикацией материалов (1980-е гг.) негативно отразился на интерпретационной и эвристической ценности материала [Кунгуров, Цыро, 2006, с. 39]. В дальнейшем Б.Х. Кадиков проводил исследования памятников более поздних периодов, но материалы каменного века продолжали поступать в музей в результате разведок и обследований. Археологом открыт ряд стоянок каменного века на Катунь, Бию, Оби. В 1956 г. Б.Х. Кадиков обследовал пещеру Искра (бассейн Ануя – левого притока Оби, северо-запад Алтая). В шурфе им обнаружены отщепы и обломки фоссилезированных костей быка, позволившие предположить палеолитическую датировку. В 1958 г. во время одной из экспедиций там же Б.Х. Кадиковым были обнаружены артефакты палеолитического облика [Кадиков, 1959, с. 18].

План археологических работ БКМ на 1959 г., составленный Борисом Хатмиевичем, предполагал получение материалов для археологической экспозиции: фотографирование и копирование наскальных изображений, курганов, каменных оградок и изваяний для стенда «Археологические памятники Алтая». Для макета «Пещера первобытного человека» осуществлена съемка общего плана, разреза и окружающего ландшафта Усть-Канской пещеры [ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 379. Л. 25]. В результате проведения летних экспедиций в музей поступили отщепы, скребло и обломки зуба животного [ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 393. Л. 18]. Стоит отметить, что пещерным памятникам в то время уделялось большое внимание [Уманский, 1973, с. 2], на что существенным образом повлияло возобновление деятельности Географического общества СССР на Алтае. Алтайский отдел был открыт при музее в 1955 г., а Б.Х. Кадиков стал одним из первых его членов [Горизонтова, 2007, с. 152].

Важным этапом в деятельности археолога стали исследования на оз. Иткуль, продолжавшиеся несколько сезонов. Как и многие работы того времени, обследование началось после информации о разрушенных погребениях, поступившей от местных жителей. Первый осмотр местности был сделан Б.Х. Кадиковым еще летом 1955 г., произведен сбор подъемного материала [ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 248. Л. 29]. В 1956 г. осуществлена полная разведка берегов озера, в ходе которой

открыто 35 разновременных археологических памятников [Кирюшин, Кадиков, 1980, с. 59]. Как отмечал сам Б.Х. Кадиков, наиболее выразительные объекты получены со стоянок Ляпустин Мыс, Корчажка-1, поселения Корчажка-5 [Кадиков, 1959, с. 18–19; Кирюшин, Кадиков, 1980, с. 59–61]. В 1959 г. основные работы проводились на памятнике Корчажка-5, раскопано около 200 кв. м. В отчете по итогам года отмечается, что в общей сложности в результате раскопок получено более 12 тыс. предметов древности [ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 393. Д. 15]. Все они переданы в БКМ для дальнейшей обработки и изучения. Исследование памятников на оз. Иткуль продолжалось и в 1960-е гг.

Таким образом, археологические исследования Б.Х. Кадикова 1950-х гг. стали своего рода продолжением изысканий, проводившихся его коллегами – сотрудниками БКМ в более ранний период. Первые разведки осуществлены по следам экспедиций М.Д. Копытова, С.М. Сергеева, А.П. Маркова, П.П. Хороших. В то время Б.Х. Кадиков и А.П. Уманский (н.с. Алтайского краевого краеведческого музея) являлись единственными в крае специалистами-археологами, проводившими исследования от местных организаций. Основные работы осуществлялись на базе краеведческих музеев, что определяло основную цель проведения экспедиций – наполнение экспозиций новыми материалами. В результате осуществления чисто практических задач Б.Х. Кадиковым были открыты и исследованы многие памятники. Существенным образом пополнилась источниковая база по древней истории региона. Наличие в штате БКМ профессионального археолога позволило систематически дополнять музейное собрание. Другими результатами стали реконструкция археологической экспозиции и наполнение ее новыми материалами.

Библиографический список, архивные источники

Годовой отчет Бийского краеведческого музея за 1954–1956 гг. (Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). Ф. 1041. Оп. 1. Д. 248. 83 л.

Горизонтова Л.Ю. Борису Хатмиевичу Кадикову 75 лет // Известия Бийского отделения Русского географического общества. Вып. 28. Бийск, 2007. С. 152–153.

Занина Н.М. Археолог, историк, краевед Борис Хатмиевич Кадиков // Кадиков – музей, ставший судьбой. Бийск, 2012. С. 10–12.

Ирисов Э.А., Цехановская Н.А. Бийскому краеведческому музею 50 лет // Известия Алтайского отдела Географического общества Союза ССР. Вып. 11. Барнаул, 1970. С. 3–13.

Кадиков Б.Х. Археологические работы музеев в СССР за 1955–1956 гг. // Советская археология. 1957. №4. С. 297.

Кадиков Б.Х. Итоги археологических разведок Бийского музея // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Вып. 3. Томск, 1959. С. 18–19.

Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Итоги исследований археологических памятников на оз. Иткуль // Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1980. С. 59–61.

Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х. Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 29–50.

Кунгуров А.Л., Цыро А.Г. История открытия и изучения палеолита Алтая. Барнаул, 2006. 144 с.

Лапшин Б.И., Кадилов Б.Х. Позднепалеолитическая стоянка у села Майма в Горном Алтае // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 9–21.

Материалы о работе БКМ за 1950–1964 гг. (КГКУ ГААК). Ф. 1041. Оп. 1. Д. 147. 203 л.

Материалы об организации археологических экспедиций, экспедиций по сбору историко-бытовых материалов. (КГКУ ГААК). Ф. 1041. Оп. 1. Д. 379. 161 л.

Отчет о работе Бийского краеведческого музея за 1959 г. (КГКУ ГААК). Ф. 1041. Оп. 1. Д. 393. 82 л.

Уманский А.П. Пещерные стоянки Алтая // Алтайская правда. 1973. 1 июля.

Н.Н. Серегин, В.В. Горбунов, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**РАСКОПКИ РИТУАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ
НА КОМПЛЕКСЕ ЧОБУРАК-I
(Северный Алтай)**

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ
в рамках научно-исследовательского проекта «Этнокультурные процессы
на юге Западной Сибири в раннем средневековье», №14-01-00463а

В настоящее время Чемальский район представляет собой одну из наиболее исследованных частей Алтая. В результате работ, проведенных главным образом в конце XX и в начале XXI столетия, на данной территории выявлены и в разной степени изучены более 300 памятников, которые демонстрируют развитие культур от эпохи камня до средневековья [Степанова, Соенов, 2009]. Вместе с тем значительное количество раскопанных объектов остаются до сих пор неопубликованными. Кроме того, одним из актуальных направлений дальнейших работ является доисследование перспективных комплексов. В полевом сезоне 2015 г. Чемальской археологической экспедицией Алтайского государственного университета были проведены работы на погребально-поминальном комплексе Чобурак-I.

Памятник расположен на правом берегу Катуня, в 3,4 км к югу – юго-востоку от устья р. Тыгескень, к юго-западу от ручья Чобурак, в 3,6 км к югу от с. Еланды Чемальского района Республики Алтай (рис. 1). Комплекс Чобурак-I ранее исследовался экспедициями Алтайского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в также в 2007 г. Эти работы были связаны с необходимостью реализации охранных мероприятий в зоне предполагаемого затопления Катунской ГЭС. Однако в связи с закрытием данного масштабного проекта полевые исследования были прерваны.

Рис. 1. Расположение памятника Чобурак-I на карте Республики Алтай

В результате работ, проведенных указанными экспедициями, на комплексе Чобурак-I вскрыто более 20 объектов, относящихся к энеолиту (афанасьевская культура), а также ко 2-й половине I тыс. н.э. (тюркская культура) [Бородовский, 1994; Семибратов, Матренин, 2008, с. 55–63, рис. 3–8; Кирюшин и др., 2010, с. 30–39, рис. 14–18]. Важными задачами полевых изысканий в 2015 г. стали детализация плана памятника, определение современного состояния комплекса и выявление сооружений, наиболее перспективных для дальнейших исследований. В настоящей статье представлены результаты изучения ритуальных оградок, получивших, в соответствии с уже представленными в научной литературе раскопанными объектами, порядковые обозначения №23–25.

Объекты №23–24 расположены в юго-западной части комплекса Чобурак-I, в 55 м к северу от автодороги Чемал – Куюс. Их координаты по GPS-приемнику: N – 51°10.481', E – 086°06.743', высота над уровнем моря – 476 м. До раскопок данные объекты представляли собой сильно задернованные каменные насыпи округлой формы, расположенные вплотную по линии Ю–С с небольшим смещением к востоку. Для их изучения был заложен раскоп размерами 9 x 6 м. В результате зачистки наземных конструкций выявлены два каменных сооружения, представлявшие собой полусферические насыпи высотой до 0,35 м с небольшими западинами в центре (рис. 2). После удаления мелких камней по периметру и из внутренней части насыпей зафиксированы ограды округлой формы, в некоторых участках – с двухслойной кладкой. Между оград выявлена конструкция подпрямоугольной формы, напоминающая «перемычку» и соединяющая объекты №23 и 24 (рис. 3).

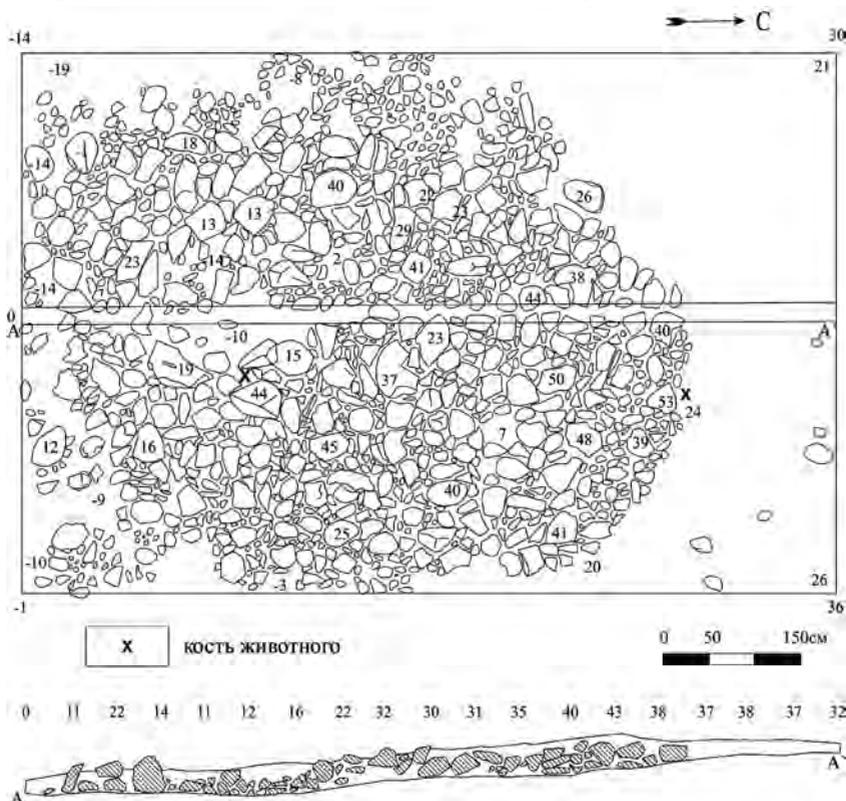

Рис. 2. Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I. Объекты №23–24. План и разрез

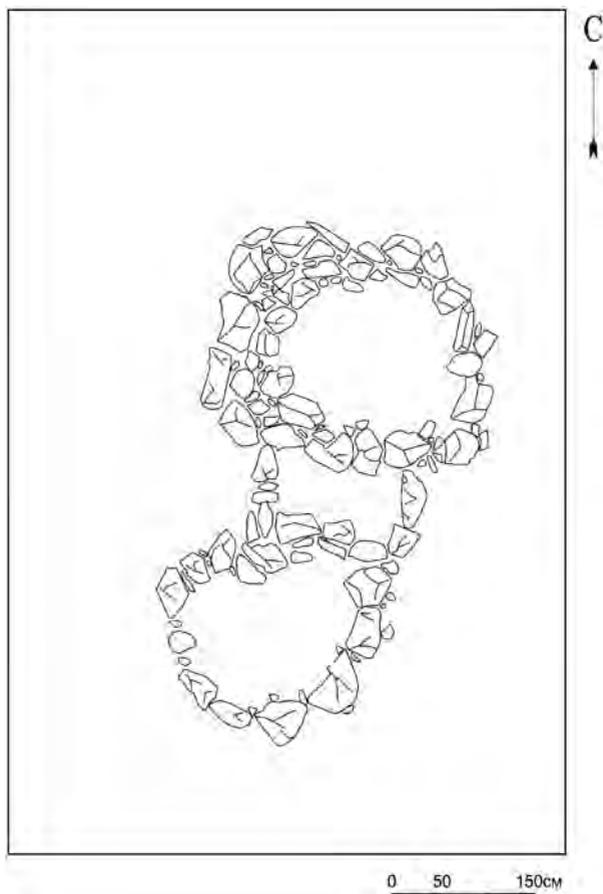

Рис. 3. Погребально-поминальный комплекс Чобурак-1.
Объекты №23–24. План кольцевых конструкций

Структура объектов прослежена по разрезу А–А'. Объект №23: длина кольца – 2,15 м, глубина в центре до материка – 0,33 м. Объект №24: длина кольца – 2,25 м, глубина до материка – 0,3 м. Расстояние между объектами №23 и №24 составило 0,5 м. Разрез состоит из слоя дерна, гумусированного слоя коричневого цвета и материка – супесь светло-коричневого цвета с вкраплениями мелкого камня. В него попадают каменные элементы конструкции насыпей. Фиксируются крайние крупные камни объекта №23, провал в центре сооружения, а также развал камней вокруг кольца. Структура объекта №24 в разрезе прослеживается хуже, так как бровка прошла по краю кольца. При этом фиксируются крупные

камни по краю, а также развал камней вокруг крепиды. Глубина раскопа в точке А до уровня материка составила 0,17 м, в точке А` – 0,1 м.

Зачистка и разборка сооружений позволили проследить особенности объектов №23 и 24. Первоначальную основу для каждой из насыпей составляла кольцевая крепида, выложенная из крупных камней. Диаметр каждого из колец составил 2,5 м. Крепида объекта №24 имела слегка вытянутую форму, что, возможно, являлось следствием естественного разрушения. Ее диаметр по линии З–В в связи с этим составил 3 м. В центре пространства, образованного каждым из колец, камни отсутствовали. Между двух колец была сооружена «перемычка», внутри которой также отсутствовали крупные камни. В ходе разборки насыпей в кольце №23 и у края полы объекта №24 обнаружены отдельные кости мелкого рогатого скота. Какие-либо сооружения в центре колец и внутри «перемычки» отсутствовали, что подтвердил контрольный перекоп.

Объект №25 расположен в западной части комплекса Чобурак-I, в 70 м к северу от автодороги Чемал – Куяс, в 25 м на запад – северо-запад от объектов №23–24. Его координаты по GPS-приемнику: N – 51°10.496', E – 086°06.660', высота над уровнем моря – 485 м. До раскопок представлял собой сильно задренованную каменную насыпь округлой формы. Для изучения объекта был заложен раскоп размерами 6 x 6 м. В результате зачистки насыпи выявлено сооружение округлой формы из средних и небольших камней высотой до 0,5 м (рис. 4). После удаления мелких камней по периметру и из внутренней части насыпи зафиксирована ограда неправильной подовальной формы из средних по размеру камней (рис. 5).

Структура объекта прослежена по разрезу А–А`: общая длина насыпи – 4,5 м; длина кольца – 2,5 м; глубина в центре до материка – 0,5 м. Разрез состоит из слоя дерна, гумусированного слоя коричневого цвета и материка – супесь светло-коричневого цвета с вкраплениями мелкого камня. В него попадают каменные элементы конструкции насыпи. Фиксируются развал камней по периметру кольца, крупные камни кольцевой крепиды, небольшой провал в центре сооружения. Глубина раскопа в точке А до уровня материка составила 0,1 м, в точке А` – 0,15 м.

В ходе разборки насыпи в кольце обнаружена кость мелкого рогатого скота, а по краю западной части объекта – развал керамического сосуда (рис. 6.-1–5). Зачистка и разборка сооружения позволили проследить особенности объекта №25. Первоначальную основу насыпи составляла кольцевая крепида неправильной формы, выложенная из средних и крупных камней. Крепида имела вытянутую форму, что, возможно, являлось следствием естественного разрушения. Таким образом, диаметр крепиды по линии Ю–С составил 2,9 м, а по линии З–В – 3,4 м. В центре пространства, образованного кольцевой конструкцией, крупные камни отсутствовали. Какие-либо сооружения в центре кольца также не выявлены, что подтвердил контрольный перекоп.

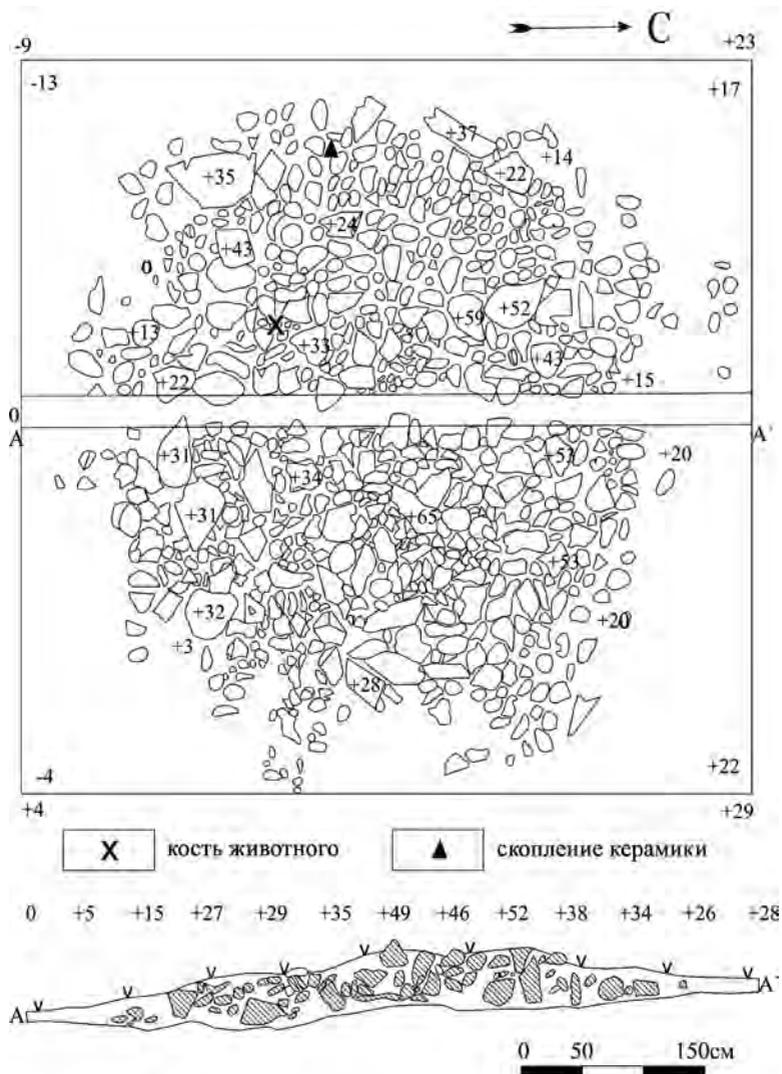

Рис. 4. Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I.
Объект №25. План и разрез

После исследования объектов №23–25 осуществлена рекультивация раскопов с элементами музеефикации. Пространство насыпей внутри крепиды закладывалось камнями и плитами, с воссозданием

первоначальной структуры сооружения. Оставшаяся земля равномерно подсыпалась вокруг пола насыпи. Актуальность подобных работ обусловлена расположением погребально-поминального комплекса Чобурак-I в зоне активного туризма. В связи с этим создание музейфицированных площадок представляется довольно перспективным.

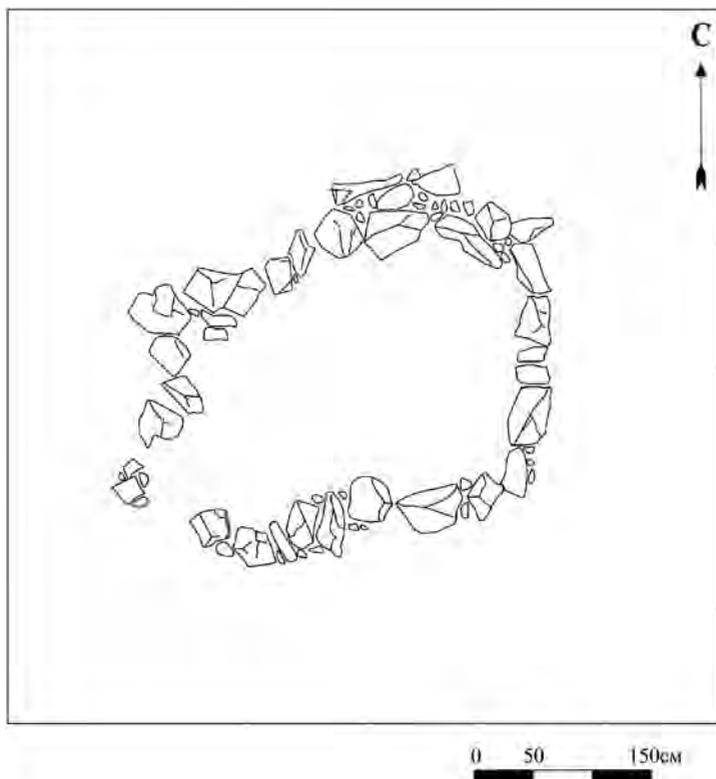

Рис. 5. Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I.
Объект №25. План кольцевой конструкции

Раскопанные сооружения комплекса Чобурак-I, судя по полученным материалам, демонстрируют особенности культовой практики населения Алтая во 2-й половине I тыс. н.э. Кольцевые рядом стоящие и одиночные ограды встречаются на раннетюркских памятниках рассматриваемого региона (Кара-Коба-I, Верх-Чепош-I, Чендек, Биченег, Ороктой-эке и др.) [Васютин, 1983, с. 115; Соенов, Эбель, 1992, с. 19; Могильников, 1994, с. 94–116; и др.]. Такие сооружения раскопаны ранее и на комплексе Чобурак-I [Семибратов, Матренин, 2008, рис. 7]. Датировка некоторых из подобных объектов по наход-

кам характерных предметов уверенно определяется в рамках 2-й половины V – VI в. н.э. [Могильников, 1994, с. 100; Горбунов, Тишкин, 2002, с. 178–179; Тишкин, Серегин, 2011]. Несмотря на отсутствие датированных находок, исследованные кольцевые оградки памятника Чобурак-I могут быть отнесены к этому же хронологическому периоду. Данному утверждению не противоречит облик обнаруженных фрагментов керамики. Судя по зафиксированным элементам орнамента, ближайшую аналогию данным находкам предоставляют материалы раскопок тюркского погребения комплекса Монгун-Тайга (курган №57-XXXVI). Обнаруженное в детском захоронении изделие представляет собой плоскодонный сосуд с орнаментацией в виде ромбов и сходящихся углов линий [Грач, 1960, с. 32, рис. 31–32; Кубарев, Журавлева, 1998, рис. 1.-9] (рис. 6.-6).

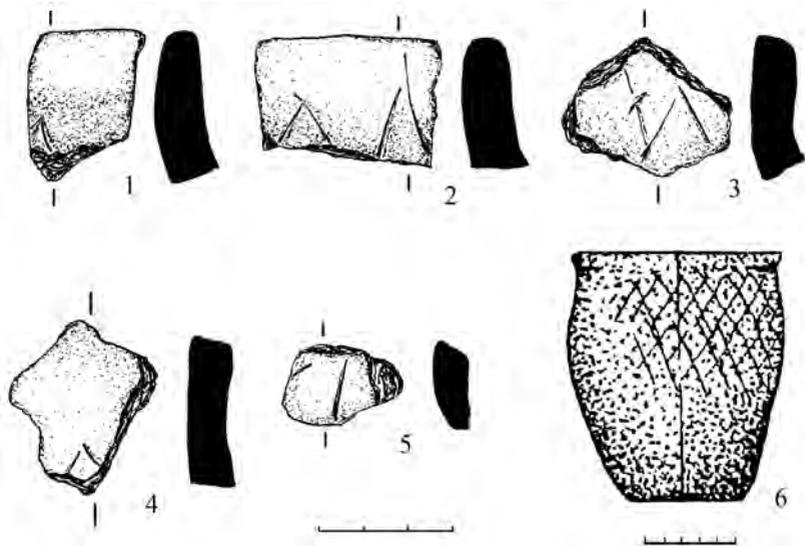

Рис. 6. Фрагменты керамики из насыпи объекта №25 комплекса Чобурак-I и аналогия данным находкам из тюркского погребения Монгун-Тайга-57-XXXVI (по: [Кубарев, Журавлева, 1998, рис. 1.-9])

Таким образом, исследованные Чемальской экспедицией АГУ в 2015 г. ритуальные объекты расширяют источниковую базу для изучения особенностей поминальной обрядности тюрков. Дальнейшие археологические изыскания в этой части Алтая представляются весьма перспективными для получения новой информации о специфике этнокультурных процессов, происходивших в регионе в древности и средневековье.

Библиографический список

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуні // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 75–82.

Васютин А.С. Культурные памятники древних тюрков Горного Алтая (VII–X вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1983. 16 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы. Тобольск; Омск, 2002. С. 43–46.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М.; Л., 1960. С. 7–72.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катуні (результаты исследований Катунской археологической экспедиции в зоне строительства и затопления Алтайской ГЭС в 2006–2007 гг.). Барнаул, 2010. 80 с.

Кубарев Г.В., Журавлева А.Д. Древнетюркская керамика Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. №3. С. 25–31.

Могильников В.А. Культурные кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 94–116.

Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. Вып. 4. Барнаул, 2008. С. 54–66.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск, 1992. 116 с.

Степанова Н.Ф., Соенов В.И. Археологические памятники и объекты Чемальского района. Горно-Алтайск, 2009. 212 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызылташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Вып. 6. Барнаул, 2011. С. 14–32.

С.М. Ситников¹, К.Ю. Кирюшин^{1,2}, С.С. Запрудский³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

³МВД России, Барнаул, Россия

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА БЫЧЬЕ-III В ВОЛЧИХИНСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Исследование частично выполнено за счет гранта
Российского научного фонда (проект №14-50-00036)

Озеро Бычье входит в систему озер, расположенных на границе Волчихинского и Угловского районов Алтайского края (озера Домашнее, Золотое, Топкое, Чайчье, Маралье, Белое, Валовое). История изуче-

ния памятников археологии по берегам этих озер начинается в 1980 г., когда студентом АГУ П.И. Навротским на оз. Белое в Волчихинском районе Алтайского края были обнаружены семь поселений. Осенью того же года памятники осмотрели Ю.Ф. Кирюшин и М.Т. Абдулганеев. Ими же в том же году открыты три памятника в юго-западной части оз. Валовое в Угловском районе Алтайского края. На памятниках Белое I–VII и Валовое I–III собрано большое количество керамики, орнаментированной уголком отступающей палочки и гребенки, каменные наконечники треугольной и ромбовидной формы, отщепы. Подъемный материал датируется от раннего металла до раннего железного века [Кирюшин, Клюкин, 1985, с. 75].

В 2006 г. система озер на границе Волчихинского и Угловского районов Алтайского края обследована отрядом Волчихинской экспедиции БГПУ (АлтГПА) под руководством С.М. Ситникова. Проведен мониторинг современного состояния памятников Белое I–VII и Валовое I–III и обследованы окрестности оз. Бычье.

На западном берегу оз. Бычье, в 2,5 км к востоку от с. Бор-Форпост и в 1 км к северо-востоку от пионерского лагеря, выявлено поселение Бычье-III. Коллекция керамики и каменных артефактов собрана на пологом берегу оз. Бычье, на кромке пляжа и первой надпойменной террасы. Терраса разрушается водами озера и ветровой эрозией, и артефакты из культурного слоя проецируются на пляж.

Собранная коллекция насчитывает 22 экз. керамики и 37 экз. каменных артефактов.

Значительная часть коллекции керамики – это фрагменты без орнамента (10 экз.). Наибольший интерес представляют пять фрагментов керамики, которые являются обломками одного сосуда (три из них апплицируются) (рис.-1). Несколько фрагментов сильно обкатаны, замыты. Один из фрагментов хорошо сохранился, и на нем четко видны отпечатки штампа из трех вертикально ориентированных зубцов, средний из которых примерно в 1,5 раза длиннее крайних. Кроме того, он глубже уходит в стенку сосуда. Создается впечатление, что в момент нанесения орнамента эти три зубца окружало какое-то относительно мягкое, упругое, эластичное вещество (возможно, хрящевая ткань). В качестве рабочей гипотезы выдвинуто предположение, что орнамент наносился косточкой рыбы среднего размера, но эта гипотеза требует экспериментального подтверждения.

Интересна находка фрагмента керамики, орнаментированного отпечатками отступающей палочки с элементами накальвания и ямками (отступающе-накольчато-ямочная керамика) (рис.-2). Керамика, орнаментированная в «отступающе-накольчато-ямочной» технике, находит многочисленные аналоги на поселениях эпохи неолита Новоильинка-III [Кирюшин, Ситников, Семибратов, Гельмел, 2011] и Новоильинка-VI

[Кирюшин, 2013, 2015] в Северной Кулунде. Подобная керамика встречается на поселениях Барнаульско-Бийского Приобья Бойниха-I [Кирюшин, Фролов, Редников, 2014; Кирюшин, Грушин, Ситников, 2015], Иня-3 [Кирюшин, Шмидт, Грушин, 2001]. К сожалению, археологические коллекции поселений Бойниха-I и Иня-3 представлены сборами подземного материала. «Отступающе-накольчато-ямочная» керамика представлена в коллекциях вместе с каменными артефактами и обломками сосудов более раннего и более позднего времени. Это существенно ограничивает возможности историко-культурной интерпретации материалов памятников.

Керамика, орнаментированная в «отступающе-накольчато-ямочной» технике, встречена в заполнении могилы №7 и в межмогильном пространстве грунтового могильника Тузовские Бугры-1 вместе с 22 фрагментами тонкостенного сосуда, орнаментированного отпечатками короткого гребенчатого штампа, образующими ряды шагающей гребенки [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2015]. Подобная керамика характерна для поселенческих комплексов большемысской энеолитической культуры Барнаульско-Бийского Приобья [Кирюшин, 2002, с. 16–18, рис. 2–11] и Средней Катунь [Кирюшин, 2002, с. 31, рис. 60; Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 56–63, рис. 82–100].

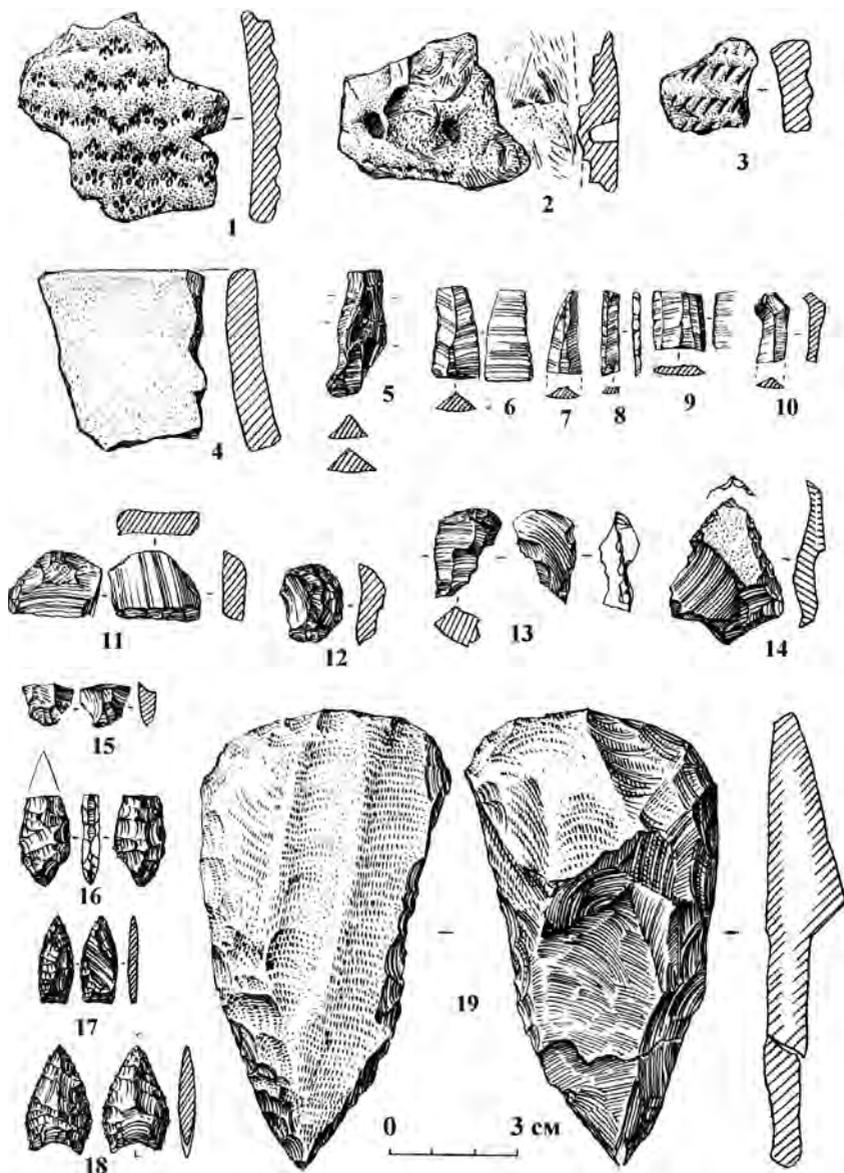
Два фрагмента керамики орнаментированы насечками (рис.-3). Сосуды с подобным орнаментом встречаются на поселениях Барнаульско-Бийского Приобья [Кирюшин, Грушин, Ситников, 2015, рис. 2.-8] и Степного Алтая [Кирюшин, Клюкин, 1985, рис. 1.-10, 19–21].

Стоит отметить венчик без орнамента (рис.-4). Аналогии подобной керамике мы находим в материалах неолитических слоев поселений Тыткескень-2 [Кирюшин, Кирюшин, 2008] и Тыткескень-VI [Кирюшин, Кирюшин, Семибратов, 2013] на территории Средней Катунь.

Коллекция каменных артефактов насчитывает 36 экз. Продукты обработки нуклеусов представлены дистальным фрагментом реберчатого скола средних размеров (рис.-5).

Орудийный набор насчитывает 18 экз., из них 3 экз. – орудия на пластинах (рис.-6, 8–9), 13 экз. – орудия на отщепках (рис.-11–18) и одно орудие на сланцевой плитке (рис.-19).

Орудия на пластинах – 3 экз., представлены пластинами с ретушью (рис.-6, 8–9): двумя медиальными фрагментами (рис.-8–9) и одним дистальным (рис.-6). Два фрагмента среднего размера (рис.-6, 9) и один мелкого (рис.-8). У одного фрагмента ретушь мелкая краевая двусторонняя по одному краю и дорсальная односторонняя по другому (рис.-6). У медиального фрагмента мелкого размера с «притупленной спинкой» ретушь мелкая вертикальная модифицирующая (рис.-8). У медиального фрагмента среднего размера ретушь мелкая краевая дорсальная односторонняя (рис.-9).

Материалы поселения Быче-III:
1-4 – керамика; 5-19 – камень

Орудия на отщепях представлены 13 изделиями. Три скребками (рис.-11–13): один из которых – двойной с одной рабочей кромкой на дорсальной поверхности, а второй – на вентральной (рис.-11). Еще один скребок – боковой (рис.-12), и один – случайной формы (рис.-13). На вторичном отщепе выполнена симметричная проколка (рис.-14). В коллекции также присутствуют два обломка (рис.-15–16) и два целых наконечника стрел (рис.-17–18). Обнаружено также пять отщепов с ретушью, из них обычные мелкие – 3 экз., обычный средний – 1 экз. и вторичный средний – 1 экз.

Из двух обломков апплицируется орудие на сланцевой плитке – скребло (рис.-19).

Отходы производства представлены 17 экз. Среди них одна чешуйка, 14 мелких обычных отщепов и два дистальных фрагмента пластин среднего размера без ретуши (рис.-7, 10).

В орудийном наборе поселения Бычье-III представлены изделия на пластинах и на отщепях. Орудий на отщепях больше в несколько раз. К сожалению, данную выборку нельзя назвать представительной. Это обстоятельство заставляет отказаться от окончательных выводов. В керамике поселения Бычье-III просматриваются аналогии и аналогии с комплексами неолита и энеолита Алтая. На данном этапе наиболее правильным будет обозначить датировку этого комплекса в широких рамках – неолит – энеолит.

Подводя итоги, стоит отметить, что неолит и энеолит остаются одним из наименее изученных периодов в древнейшей истории Алтайского края, и любые новые материалы существенно расширяют имеющуюся в нашем распоряжении источниковую базу. Материалы поселения Бычье-III позволяют сделать вывод, что на берегах озер, расположенных на границе Волчихинского и Угловского районов Алтайского края, сосредоточено скопление памятников неолита и энеолита. Привлекательность данной территории для древнего населения требует отдельного исследования. Не вызывает сомнения, что данная группа озер является перспективной для целенаправленного поиска памятников этих наименее исследованных периодов в древней истории Алтайского края.

Выявленный на территории Волчихинского района Алтайского края новый памятник – поселение Бычье-III – представляет значительный интерес. Несмотря на то, что находки сделаны на участке с разрушенным культурным слоем, научный потенциал памятника остается значительным. Необходимо проведение раскопок с целью изучения планиграфии и стратиграфии памятника. Есть вероятность получения более представительных материалов из участков с сохранившимся культурным слоем. Будущие исследования позволят уточнить хронологию, периодизацию и культурную принадлежность материалов поселения Бычье-III.

Библиографический список

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 293 с.

Кирюшин К.Ю. Керамика поселения Новоильинка-VI (по результатам исследований 2013–2014 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. №4/1 (88). С. 149–156.

Кирюшин К.Ю. Поселение Новоильинка-VI – новый памятник энеолита Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск, 2013. С. 202–206.

Кирюшин К.Ю., Грушин С.П., Ситников С.М. Обследование поселения Бойниха 1 в 2014 году // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул, 2015. С. 116–124.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тьткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул, 2008. 335 с. : ил.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П. Керамика развитого неолита с поселения Тьткескень-VI // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №4 (56). С. 65–72.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Семибратов В.П., Гельмель Ю.И. Поселение Новоильинка-III – памятник энеолита Кулунды // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб. ; Великий Новгород, 2011. С. 226–227.

Кирюшин К.Ю., Фролов Я.В., Редников А.А. Бойниха-1 – памятник неолита и раннего железного века Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул, 2014. С. 112–119.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Проблемы культурной принадлежности ранних погребений грунтового могильника Тузовские Бугры-I (одна из версий историко-культурной интерпретации) // Теория и практика археологических исследований. 2015. №2 (12). С. 51–67.

Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 73–117.

Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Грушин С.П. Неолитический комплекс памятника Иня-III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. Барнаул, 2001. С. 75–79.

С.М. Ситников, В.П. Семибратов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НОВЫЕ НАХОДКИ С МОГИЛЬНИКА ЧЕКАНОВСКИЙ ЛОГ-7

В период поздней бронзы на обширной территории Евразийских степей сформировался ряд культур, характерным признаком которых является керамика, украшенная валиками. Доля подобной посуды в различных памятниках колеблется в пределах 15–40%. В зоне общности культур валиковой керамики выделяются три основных области: вос-

точная – охватывающая степи и лесостепи от Алтая до Урала, западная – локализуемая на северо-востоке Балкан, в низовьях Дуная, Восточных Карпатах и Прикарпатье вплоть до Днестра, и контактная – включающая в себя Северное Причерноморье и прилегающие территории [Черных, 1983, с. 82].

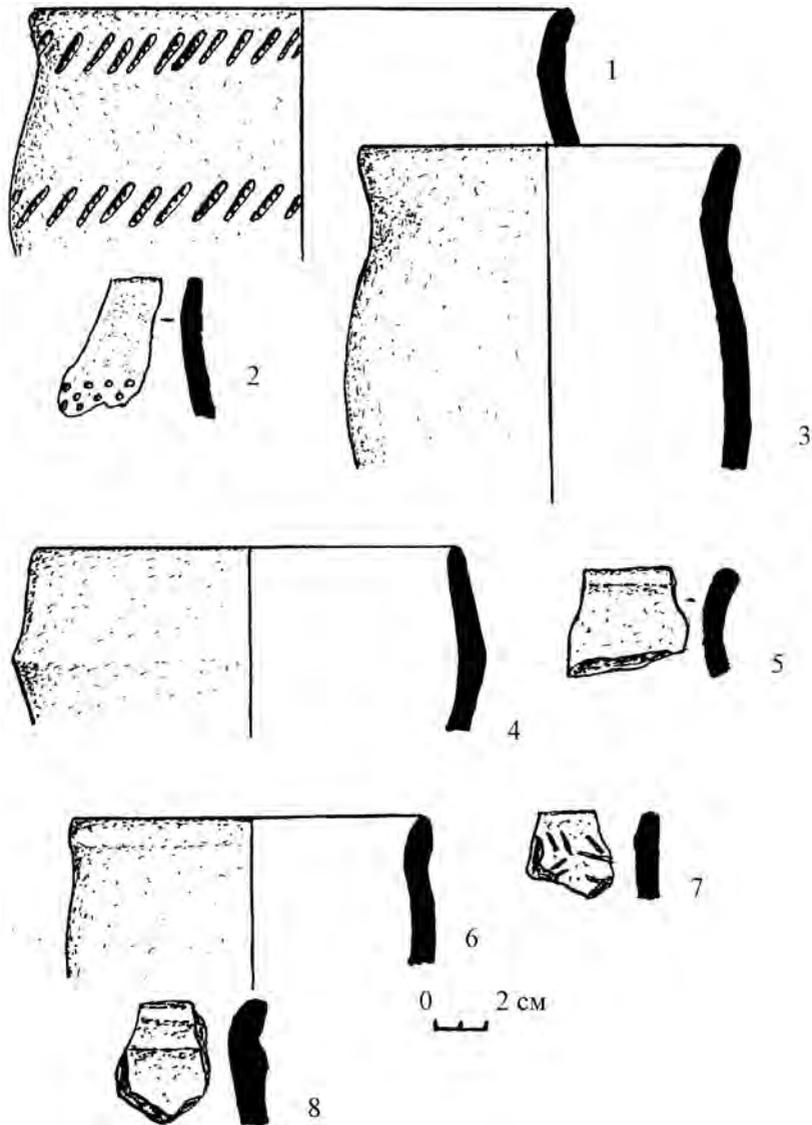
В восточном регионе известны три основные культуры валиковой керамики: черкакульская, памятники которой встречаются в районе Южного Урала; бегазы-дандыбаевская, локализуемая преимущественно в Центральном Казахстане; саргаринско-алексеевская, ареал распространения которой включает территорию Центрального, Северного и Восточного Казахстана, а также лесостепного и степного Алтая.

Саргаринско-алексеевская культура выделена сравнительно недавно. К настоящему времени лучше исследованными, благодаря работам О.А. Кривцовой-Граковой, С.С. Черникова, А.Х. Маргулана, М.К. Кадырбаева, Г.Б. Здановича, С.Я. Зданович, В.В. Евдокимова, Т.М. Потемкиной, В.Г. Ломана, М.А. Демина, А.Б. Шамшина, Д.В. Папина, А.С. Федорука, являются казахстанские и алтайские памятники. Однако очень часто саргаринско-алексеевские материалы, как правило, залегают совместно с более ранними – андроновскими и более поздними – эпохи раннего железа. Смешанный характер этих памятников затрудняет изучение собственно саргаринско-алексеевской культуры. Помимо этого, на территории лесостепного и степного Алтая погребальные комплексы саргаринско-алексеевской культуры исследованы весьма слабо. Это объясняется рядом причин. В первую очередь, неразработанностью методики поиска погребальных комплексов. В связи с этим полученные в 2015 г. экспедицией Алтайского государственного университета под руководством В.П. Семибратова новые находки с могильника Чекановский Лог-7 представляют определенный интерес.

Могильник расположен в Третьяковском районе, в верховьях Алея, на правом берегу Гилевского водохранилища, в 0,9–1 км к северо-востоку от с. Корболихи [Ситников, 2000, с. 75]. Памятник открыт в 1997 г. С.М. Ситниковым. В ходе обследования береговой кромки памятника найдены фрагменты керамики эпохи поздней бронзы (рис.), происходящие не менее чем от 20 сосудов. Орнаментация посуды в целом типична для саргаринско-алексеевской культуры. Кроме того, зафиксирован один фрагмент бегазы-дандыбаевской керамики (рис.-2). Данное соотношение (доминирование саргаринско-алексеевской керамики при минимальном количестве бегазы-дандыбаевской и станковой) довольно характерно для поселенческих комплексов Казахстана и Алтая.

В настоящее время на позднебронзовую проблематику Казахстана и лесостепного Алтая сформировалось две точки зрения. Сторонники первой [Аванесова, 1979, 1991; Варфоломеев, 1982, 1987,

1988, 1989, 1992; Михайлов, 2001] считают, что бегазы-дандыбаевские и саргаринско-алексеевские комплексы в культурном плане не самостоятельны, поскольку принципиальные различия между ними отсутствуют, а нарядная посуда погребений является столовой, ритуальной.

Керамика могильника Чекановский Лог-7

Другие исследователи, к которым присоединяются авторы статьи, в культурном плане признают самостоятельность бегазы-дандыбаевских и саргаринско-алексеевских комплексов [Зданович, 1970, 1973, 1975, 1984, 1988; Потемкина, 1979, 1983, 1985, 1995, Евдокимов, Ломан, 1982; Кузьмина, 1994]. Данные археологические культуры имели различные генетические корни и своеобразный инвентарь, что находит яркое отражение в наиболее массовом материале – в керамике.

К сожалению, несмотря на достигнутые успехи в изучении памятников поздней бронзы, многие проблемы остаются открытыми: не до конца определена роль саргаринско-алексеевского и бегазы-дандыбаевского компонентов в формировании «раннескифского» населения Казахстана и Алтая; не разработана единая типология самой распространенной категории находок этих культур – керамики и т.д. Публикации многих эталонных памятников имеют преимущественно тезисный характер. Дальнейшее исследование уже полученных материалов поможет выяснить происхождение, абсолютную и относительную датировку данных памятников, определить направление основных контактов и роль саргаринско-алексеевского населения в формировании культуры эпохи раннего железа.

Библиографический список

Аванесова Н.А. Проблема истории андроновского культурно-исторического единства (по металлическим изделиям) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979. 26 с.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент, 1991. 200 с.

Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевские погребальные сооружения могильника Карагаш // Вопросы археологии, этнографии Центрального Казахстана. Караганда, 1982. С. 57–68.

Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 56–68.

Варфоломеев В.В. О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сары-Арки // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988а. С. 80–99.

Варфоломеев В.В. О культурно-исторической ситуации в Сары-Арке в эпоху поздней бронзы // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988б. С. 132–134.

Варфоломеев В.В. Погребения эпохи поздней бронзы могильника Шоиндыкуль // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1989. С. 76–84.

Варфоломеев В.В. Кент как поселение городского типа // Маргулановские чтения. Петропавловск, 1992. С. 59–62.

Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Поселение Копя 1 // Вопросы археологии, этнографии Центрального Казахстана. Караганда, 1982. С. 20–41.

Зданович Г.Б. Новое поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 147–153.

Зданович Г.Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // Вопросы археологии Урала. Вып. 12. Свердловск, 1973. С. 21–43.

Зданович Г.Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. 26 с.

Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 3–23.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988. 186 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии. М., 1994. 464 с.

Михайлов Ю.И. Мироззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово, 2001. 363 с.

Потемкина Т.М. О соотношении алексеевских и замаараевских комплексов в лесостепном Зауралье // Советская археология. 1979. №2. С. 19–29.

Потемкина Т.М. Некоторые аспекты интерпретации остеологических материалов с поселений и могильников при реконструкции хозяйства // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1983. С. 48–53.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985. 376 с.

Потемкина Т.М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) // Российская археология. 1995. №2. С. 11–19.

Ситников С.М. Могильник финальной бронзы Чекановский Лог-7 // Вопросы истории, археологии и этнографии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2000. С. 75–78.

Черных Е.Н. Проблемы общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 81–99.

А.А. Тишкин, Н.И. Быков, В.В. Горбунов, Н.Н. Серегин
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научно-исследовательского проекта №14-01-00463а
«Этнокультурные процессы на юге Западной Сибири в раннем средневековье»

Сросткинская культура является одной из наиболее хорошо изученных археологических общностей раннего средневековья. На сегодняшний день раскопано более 600 погребений, в определенной мере демонстрирующих особенности материального и духовного развития населения юга Западной Сибири во 2-й половине VIII – XII в. Уже рассмотрены отдельные аспекты истории населения сросткинской культуры. Им посвящено значительное количество научных работ различного

уровня. Одним из актуальных направлений дальнейшей интерпретации накопленных обширных материалов является детализация хронологии исследованных памятников. К настоящему времени ощущается нехватка абсолютных дат, анализ которых позволил бы уточнить имеющиеся представления о времени сооружения конкретных погребений и целых комплексов.

В настоящей статье в научный оборот вводится серия результатов радиоуглеродного датирования, полученных по материалам ряда памятников сrostкинской культуры лесостепного Алтая. Отбор образцов целенаправленно осуществлялся А.А. Тишкиным для возможности использования дендрохронологического анализа при датировании отдельных средневековых объектов. При этом применялась широко апробированная методика [Тишкин, 2001]. Такая работа должна быть продолжена для построения длинной дендрохронологической шкалы, основа которой уже начала формироваться при изучении сосен современного реликтового бора на территории Алтайского края и нескольких исторических образцов древесины [Малышева, Быков, 2011].

Радиоуглеродный анализ археологических проб из сrostкинских памятников производился в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии Сибирского отделения Российской академии наук (аналитик – канд. геол.-мин. наук Л.А. Орлова). Осуществлено датирование девяти образцов из курганных могильников Иня-1, Филин-1, Грань, Прудской и Яровское-V, которые относятся к разным этапам развития сrostкинской культуры лесостепного Алтая [Тишкин, Горбунов, 2002, с. 83–84]. Приводимые калибровочные показатели получены при использовании специальной программы, разработанной в лаборатории Вашингтонского университета (RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAMM REV 4.3).

Результаты радиоуглеродного датирования
погребальных комплексов сrostкинской культуры
лесостепного Алтая

№ п/п	Шифр	Памятник, объект	Материал	14С BP
1	СОАН-8853	Филин-1, курган №2	дерево	1260±45
2	СОАН-8854	Грань, одиночный курган	дерево	1210±40
3	СОАН-8855	Прудской, курган №6	дерево	1120±35
4	СОАН-8856	Прудской, курган №4, могила-1	дерево	1140±40
5	СОАН-8857	Прудской, курган №1	дерево	1150±35
6	СОАН-8861	Прудской, курган №3	дерево	1190±30
7	СОАН-8858	Яровское-V, курган №1	дерево	1170±35
8	СОАН-8859	Иня-1, курган №27	дерево	1225±30
9	СОАН-8860	Иня-1, курган №28	дерево	1245±40

Все отмеченные образцы предварительно изучены анатомическим и дендрохронологическими методами [Быков и др., 2013]. Установлено, что они представлены сосной обыкновенной, за исключением находки из кургана могильника Яровское-V, в котором оказалась береза. Выявленные древесно-кольцевые хронологии имели от 19 до 84 годичных колец. В некоторых случаях получено несколько хронологий с различных фрагментов одного и того же объекта. Их перекрестное датирование позволило установить наиболее поздние годы, с которых в последующем отбирались пробы для радиоуглеродного анализа. Комплексная проба с различных фрагментов была получена по памятникам Грань и Иня-1 (курган №27). В образце из могильника Яровское-V внешняя периферия (0,5 см) была трансформирована процессами гниения, что привело к потере 3–5 самых поздних колец. Данное обстоятельство необходимо учитывать при определении возраста объекта, в частности в случае использования методики «wiggle-matching». Отданные для радиоуглеродного анализа пробы включали до 19–20 внешних колец.

Могильник Иня-1 расположен в окрестностях одноименного села в Шелаболихинском районе Алтайского края. Первые раскопки данного комплекса были осуществлены в 1951 и 1959 гг. археологической экспедицией Алтайского краевого краеведческого музея под руководством А.П. Уманского [1970]. В 1989–1990 гг. памятник изучался археологической экспедицией Алтайского государственного университета (АГУ) под руководством С.В. Неверова. В 1998 и 2000 гг. исследования были организованы В.В. Горбуновым [2000]. Среди погребальных сооружений (под насыпями курганов) зафиксированы ямы с остатками деревянных столбов, расположенных в «изголовье» большинства могил [Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2000, с. 213]. Радиоуглеродный анализ образцов дерева позволил получить следующие данные: курган №27 (СОАН-8859) – 1225±30 лет; курган №28 (СОАН-8860) – 1245±40 лет.

Калибровочные значения выглядят, соответственно, таким образом:
(СОАН-8859): 68.3 (1 sigma) cal AD 725–739 (0.124); 772–783 (0.119); 788–831 (0.437); 838–872 (0.320); 95.4 (2 sigma) cal AD 691–702 (0.027); 712–751 (0.177); 761–889 (0.797);
(СОАН-8860): 68.3 (1 sigma) cal AD 691–703 (0.097); 708–753 (0.409); 758–782 (0.211); 790–815 (0.178); 842–859 (0.106); 95.4 (2 sigma) cal AD 686–886 (1.000).

Согласно типологическому анализу инвентаря памятник Иня-1 датируется 2-й половиной VIII – 1-й половиной IX в. и относится к раннему этапу сросткинской культуры. Это подтверждают и нумизматические материалы комплекса [Неверов, Горбунов, 2001, с. 176]. Полученные калибровочные показатели в целом демонстрируют аналогичный диапазон. В то же время отражена тенденция к удревнению до конца VII в. и омоложению до конца IX в.

Могильник Филин-1 расположен в 7,25 км к югу от с. Новообинцево Шелаболихинского района Алтайского края. Информация о распахиваемых курганах данного комплекса поступила в 1998 г. от жителя обозначенного села А.С. Тагильцева. В том же году экспедицией АГУ были осуществлены предварительный осмотр памятника Филин-1 и сбор находок с него [Горбунов, Тишкин, 1999, с. 137–141]. В 2000–2001 гг. исследованы два кургана, датированные шадринцевским этапом сrostкинской культуры (2-я половина X – 1-я половина XI в.) [Тишкин, Горбунов, 2000, с. 410; Горбунов, Тишкин, 2001, с. 287].

Для радиоуглеродного анализа бралась проба с остатков деревянного столба, зафиксированного под насыпью кургана №2. Обнаруженная нижняя часть находилась на расстоянии 5,7 м от северо-восточного края могилы. Фрагмент столба оказался углублен на 0,1 м в материк и располагался под насыпью кургана толщиной 0,5 м. Радиоуглеродный анализ дерева (СОАН-8853) позволил обозначить следующий хронологический показатель: 1260±45 лет. Получены такие калиброванные данные:

68.3 (1 sigma) cal AD 685–781 (0.897); 792–808 (0.103);

95.4 (2 sigma) cal AD 670–784 (0.692); 787–880 (0.308).

По анализу инвентаря курган №2 является наиболее ранним объектом шадринцевского этапа – 3-я четверть X в. [Горбунов, Тишкин, 2001, с. 287]. Представленные калибровочные значения существенно удревняют датировку в пределах последней четверти VII – конца IX в.

Одиночный курган Грань находился в 1,25 км восточнее оз. Яровское, в 4 км северо-восточнее с. Безголовово, на самой границе Алейского и Топчихинского районов Алтайского края. Исследование данного объекта осуществлялось экспедицией АГУ в 2000 г. [Тишкин, Горбунов, 2000, с. 407].

Для радиоуглеродного анализа была взята проба с остатков деревянного столба, зафиксированного под насыпью кургана. Столб находился на расстоянии 4,8 м к северо-востоку от края могилы. Образец оказался углублен на 0,3 м в материк и представлял собой дерево округлой формы (диаметром 0,35 м). Радиоуглеродный анализ пробы (СОАН-8854) дал такой результат – 1210±40 лет. Получены следующие калиброванные показатели:

68.3 (1 sigma) cal AD 777–785 (0.075); 785–884 (0.925);

95.4 (2 sigma) cal AD 690–704 (0.025); 707–753 (0.130); 758–897 (0.812); 922–943 (0.033).

По типологическим особенностям инвентаря одиночный курган Грань датирован 2-й половиной X – 1-й половиной XI в. в рамках шадринцевского этапа сrostкинской культуры [Тишкин, Горбунов, 2000, с. 410]. В данном случае также наблюдается значительное удревнение исходя из калибровочных данных – в пределах конца VII – 1-й половины X в.

Могильник Прудской расположен в 4 км юго-восточнее одноименного поселка и в 5,5 км северо-западнее с. Шадрино в Калманском

районе Алтайского края. Исследование шести курганов данного памятника, отнесенных к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры (2-я половина X – 1-я половина XI в.), осуществлено экспедицией АГУ в 2001 г. [Горбунов, Тишкин, 2001, с. 281–285, 287].

Для радиоуглеродного анализа взяты пробы с остатков деревянных столбов, зафиксированных под насыпями курганов №1 и 6, от перекрытия могилы-1 кургана №4, а также от деревянной ограды, сооруженной под насыпью, в центральной части кургана №3 на уровне древнего гумусированного слоя. Радиоуглеродный анализ образцов дерева позволил получить следующие показатели: курган №1 (СОАН-8857) – 1150±35 лет; курган №3 (СОАН-8861) – 1190±30 лет; курган №4 (СОАН-8856) – 1140±40 лет; курган №6 (СОАН-8855) – 1120±35 лет.

Калибровочные значения выглядят, соответственно, таким образом: (СОАН-8857): 68.3 (1 sigma) cal AD 783–789 (0.046); 828–840 (0.077); 863–903 (0.350); 916–964 (0.508); 972–975 (0.019); 95.4 (2 sigma) cal AD 781–793 (0.053); 802–979 (0.947).

(СОАН-8861): 68.3 (1 sigma) cal AD 781–792 (0.120); 809–845 (0.404); 845–886 (0.476); 95.4 (2 sigma) cal AD 728–737 (0.012); 773–898 (0.920); 921–956 (0.067).

(СОАН-8856): 68.3 (1 sigma) cal AD 784–787 (0.026); 834–836 (0.012); 878–979 (0.962); 95.4 (2 sigma) cal AD 780–793 (0.044); 800–985 (0.956).

(СОАН-8855): 68.3 (1 sigma) cal AD 894–905 (0.135); 907–931 (0.320); 935–977 (0.545); 95.4 (2 sigma) cal AD 782–790 (0.012); 818–842 (0.034); 860–1000 (0.953).

Типологические отличия инвентаря позволяют считать могильник Прудской наиболее поздним памятником шадринцевского этапа и датировать его 2-й четвертью XI в. [Горбунов, Тишкин, 2001, с. 287]. Калибровочные данные дают разброс в интервале от последней четверти VIII в. до X в. включительно. Однако XI в. в них не фигурирует, что удревяняет хронологию памятника минимум на полвека.

Могильник Яровское-V находится в 2 км южнее одноименного озера у с. Безголовово в Алейском районе Алтайского края. Раскопки четырех курганов данного некрополя, отнесенного к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры (2-я половина X – 1-я половина XI в.), осуществлены экспедицией АГУ в 2000 г. [Тишкин, Горбунов, 2000, с. 405–407, 410]. Для радиоуглеродного датирования взята проба с остатков деревянного столба, зафиксированного под насыпью кургана №1. Анализ дерева (СОАН-8858) позволил получить следующий результат: 1170±35 лет.

Калибровочные показатели оказались следующими:

68.3 (1 sigma) cal AD 782–791 (0.097); 809–845 (0.321); 848–895 (0.457); 924–938 (0.126);

95.4 (2 sigma) cal AD 777–904 (0.762); 915–976 (0.238).

Представленные данные указывают на период с последней четверти VIII по 3-ю четверть X в., что лишь частично совпадает с археологической датировкой.

Сравнительное рассмотрение результатов археологического и радиоуглеродного датирования материалов, полученных в ходе раскопок, показывает, что использование древесины в большинстве случаев ведет к удревнению хронологических позиций исследованных памятников. Дендрохронологическое изучение образцов свидетельствует о том, что они могут быть исследованы с использованием AMS-датирования и процедуры «wiggle-matching». Это позволит получить более точные даты и исключить возможные ошибки радиоуглеродного датирования на QUANTULUS-1220 по бензолно-сцинтилляционному варианту. Таким образом, предстоит дальнейшая работа в обозначенном направлении, при которой будет учтен имеющийся опыт осуществленных исследований.

Библиографический список

Быков Н.И., Малышева Н.В., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Дендрохронологический анализ древесины из памятников сrostкинской культуры // Вестник алтайской науки. 2013. №1. С. 208–212.

Горбунов В.В. Исследование курганного могильника Иня-1 в Лесостепном Алтае // Археологические открытия 1998 года. М., 2000. С. 285–286.

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Раскопки курганов на Алтае // Археологические открытия 2000 года. М., 2001. С. 212–214.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник сrostкинской культуры Филин-1 – аварийный памятник археологии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X. Барнаул, 1999. С. 137–141.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII. Новосибирск, 2001. С. 281–287.

Малышева Н.В., Быков Н.И. Дендрохронологические исследования ленточных боров юга Западной Сибири. Барнаул, 2011. 125 с.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Сrostкинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 176–178.

Тишкин А.А. Методика отбора проб для радиоуглеродного и дендрохронологического датирования : учеб.-метод. пособие. Барнаул, 2001. 40 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Результаты исследования курганов сrostкинской культуры на Приобском Плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VI. Новосибирск, 2000. С. 405–410.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. №9. Горно-Алтайск, 2002. С. 82–91.

Уманский А.П. Археологические памятники у с. Иня // Известия Алтайского отдела ГО СССР. 1970. Вып. 11. С. 45–74.

А.А. Тишкин¹, А.Н. Мухарева², Ч. Мунхбаяр³

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;*

³*Ховдский государственный университет, Ховд, Монголия*

**ПЕТРОГЛИФЫ СКАЛЫ ЧАНДМАНЬ ХАР УЗУУР
В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ
(перспективы повторного документирования)**

Работа частично выполнена в рамках реализации гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Изучение, сохранение и использование памятников наскального искусства Большого Алтая являются важными направлениями современной деятельности в области представления культурно-исторического наследия таких сопредельных стран, как Россия, Монголия, Казахстан и Китай. Однако такой комплексный подход в обозначенном регионе пока не реализуется в должной мере. Для этого, по-видимому, необходимо разработать международную программу, которая бы предусматривала все современные научные подходы и требования, а также учитывала рекомендации ЮНЕСКО. Данная практика требует серьезных усилий, что может занять длительный период времени. Важно, чтобы исследовательская работа не прекращалась и носила системный характер.

Среди многочисленных петроглифических комплексов Монгольского Алтая несомненный интерес представляют те местонахождения, рисунки которых отнесены к древнейшей эпохе. Часть этих памятников (Хойт Цэнхэрийн-агуй, Чандмань хар узуур, Ишгэн толгой и др.) была открыта в 50–70-е гг. XX столетия и фиксировалась отрядом по изучению каменного века Монголии под руководством А.П. Окладникова [1972, 1981а–б; и др.].

Введение в научный оборот целой серии древнейших наскальных изображений Западной Монголии трудно переоценить, хотя сами рисунки, их интерпретация и особенно хронологическая атрибуция до настоящего времени остаются предметом острых дискуссий. Часто в качестве источниковой базы продолжают использоваться материалы первых публикаций, тогда как возможности документирования петроглифов за прошедшие десятилетия значительно выросли. В связи с этим представляется актуальным повторное и неоднократное исследование известных объектов, их всесторонняя фиксация на современном уровне.

В полевом сезоне 2015 г. Буянтской российско-монгольской археологической экспедицией проведено обследование скалы Чандмань

хар узуур – одного из местонахождений, петроглифы которого датированы в том числе каменным веком [Дорж, Новгородова, 1975, с. 39]. Наскальные изображения этого комплекса, расположенного неподалеку от г. Ховда, на территории Буянт сомона Ховдского аймака Монголии, широко известны по монгольским, советским и российским публикациям. Памятник представляет собой довольно компактную небольшую гору, рядом с которой по мосту через р. Зумья-Гол проходит дорога, ведущая в г. Улаанбаатар (рис. 1.-1–2). От крайнего поста полиции в г. Ховде по дороге до Чадмань хар узуура – 20,9 км (по спидометру автомобиля). Географические координаты памятника, полученные с помощью GPS-приемника, такие: N – 48° 09.301'; E – 091° 44.793' (± 4 м). Высота над уровнем моря, зафиксированная тем же прибором, составила около 1277 м.

Петроглифы скалы Чандмань хар узуур были открыты в 1967 г. отрядом по изучению каменного века Монголии в составе А.П. Окладникова, Д. Доржа, Н. Сэр-Оджава и др. [Дорж, Новгородова, 1975, с. 7]. Впервые опубликовала наскальные изображения памятника, названного по обозначению горы, Э.А. Новгородова в соавторстве с Д. Доржем [1975, табл. VIII, рис. 1–29, с. 39], датировав их каменным веком. После этого отдельные фигуры и целые композиции местонахождения неоднократно приводились в научной литературе как палеолитические, но они фигурировали в публикациях под разными названиями (см. обзор: [Кубарев, 2004, с. 296–297]). Несколько позже Э.А. Новгородова [1984, с. 37–39; 1989, с. 73] уточнила возраст рисунков, отнеся их к неолиту. Сторонники датировки петроглифов Чандмань хар узуура неолитом также есть среди монгольских исследователей [Батмунх, 2008, т. 35, зураг 16]. Наиболее полно петроглифы рассматриваемого памятника представлены в монографии А.П. Окладникова [1981а, с. 62–65, табл. 122–132].

В последние десятилетия интерес к этому местонахождению не угасает, в том числе у российских специалистов. Летом 2001 г. памятник осматривали участники российско-монгольской комплексной экспедиции, датировавшие основную часть рисунков энеолитом [Дроздов и др., 2001, с. 71; 2004, с. 109]. Осенью того же года рисунки на скале Чандмань хар узуур обследовал В.Д. Кубарев [2004]. Им были выявлены новые изображения, не представленные ранее в других публикациях, на основании чего исследователь также омолодил возраст петроглифов, определив время их создания «финальным неолитом или даже энеолитом, а отдельные изображения... эпохой ранней бронзы» [Кубарев, 2004, с. 299–300].

В ходе обследования скалы Чандмань хар узуур (Чандмань в переводе с монгольского языка означает «три драгоценных камня», хар – «черный»; узуур – «ущелье») в 2015 г. участниками Буянтской экспедиции выявлено множество вертикальных и горизонтальных

плоскостей с петроглифами, выполненными главным образом в технике выбивки. Почти все скальные плоскости покрыты сине-черной и блестящей на солнце патиной, благодаря чему выполненные на них изображения практически не различимы на фоне темной каменной поверхности.

Основное скопление петроглифов находится на южном склоне горы (рис. 1.-2). Оно представлено группой отвесных скальных выходов (рис. 1.-3), на которых имеются крупные силуэтные или контурные фигуры животных (диких лошадей, оленей, козлов и др.). К этим рисункам можно подобраться лишь по небольшим уступам и карнизам, стоя на которых, почти невозможно проводить фотофиксацию или копирование изображений. Судя по своеобразной манере исполнения петроглифов, плотному «загару» и аналогиям на сопредельных территориях, на памятнике Чадмань хар узуур имеется древнейший пласт наскальных изображений, известный к настоящему времени в Западной Монголии. Помимо основного скопления, подобные рисунки (как в составе многофигурных композиций, так и одиночные) были зафиксированы на других склонах горы (рис. 2; рис. 3.-1-2). Кроме того, на плоскостях встречаются и более поздние петроглифы, прежде всего единичные антропоморфные фигуры, а также изображение тамгообразного знака (рис. 3.-3-4), монгольские надписи (рис. 3.-5) и современные выбивки (рис. 3.-6). Отдельные изображения в августе 2015 г. были выборочно сфотографированы, скопированы и описаны. Проведен мониторинг некоторых наскальных сцен. К сожалению, в ходе этой работы не была найдена часть плоскостей, ранее опубликованных Э.А. Новгородовой и Д. Доржем [1975, табл. VIII, рис. 1-29]. Вместе с тем зафиксированы петроглифы, не представленные в известных публикациях (рис. 3.-1-4).

Из-за природных и антропогенных факторов скала с рисунками интенсивно разрушается. Многие плоскости испорчены современными изображениями и надписями. Учитывая эти обстоятельства, необходимо начать повторное документирование памятника на современном уровне. Возможно, результаты подобной работы позволят не только выявить новые фигуры и композиции, пополнив серию древнейших изображений на скале Чандмань хар узуур, но и получить дополнительные данные о времени их создания. Одним из направлений таких исследований могут стать фотограмметрия и 3D-сканирование, которые дополнительно обеспечат информацией разного уровня.

В заключение необходимо указать, что у руководства Буянт сомона имеются планы сохранения и использования памятника. Для этого обязательно нужно осуществить полное и всестороннее документирование всех наскальных изображений. Полученная информация обеспечит возможность продуктивной реализации экскурсионно-туристской деятельности.

Рис. 1. Скала Чандмань хар узуур: 1 – общий вид на памятник с дороги, ведущей из Ховда в Улаанбаатар; 2 – южный склон горы с основным местонахождением петроглифов; 3 – отвесные скальные плоскости с наиболее древними рисунками

Рис. 2. Чадмань хар узуур. Фрагмент многофигурной композиции с изображениями лошадей на наклонной плоскости:
1 – фото 2015 г.; 2 – микалентная копия

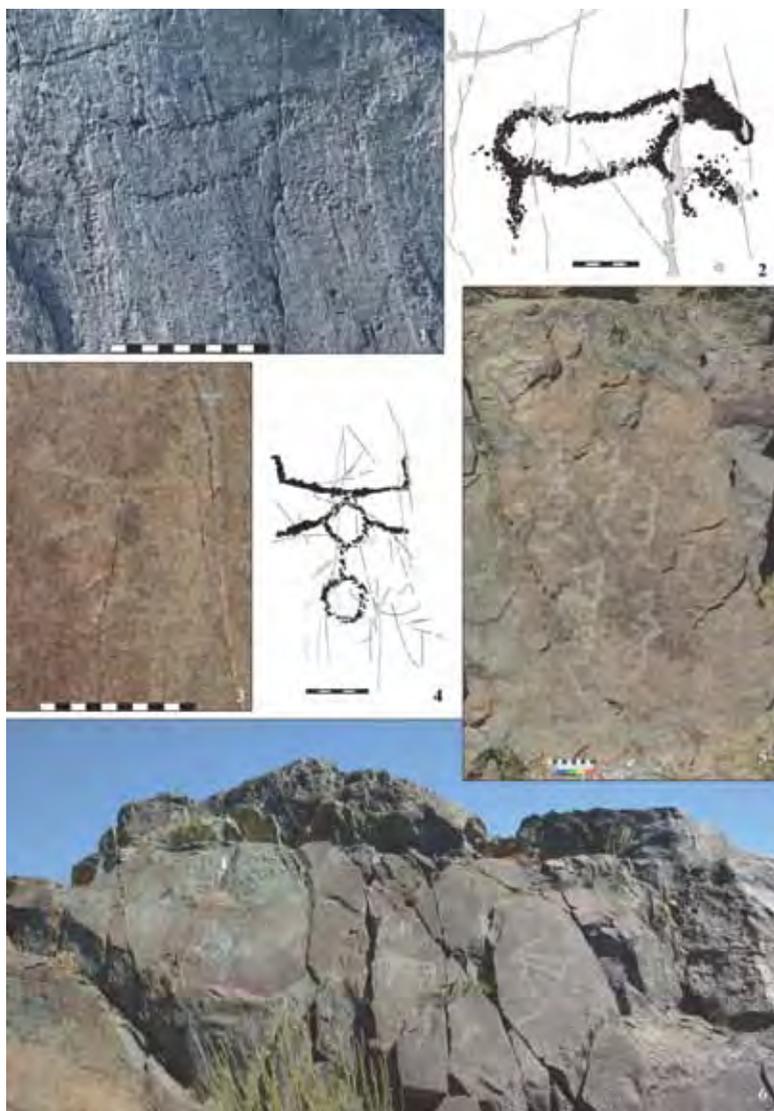

Рис. 3. Петроглифы скалы Чандмань хар узуур: 1 – изображение лошади, выполненное контурной выбивкой (фото 2015 г.); 2 – изображение лошади, выполненное контурной выбивкой (прорисовка); 3 – изображение тамги (фото 2015 г.); 4 – изображение тамги (прорисовка); 5 – монгольская надпись, выбитая на одной из плоскостей памятника; 6 – современные рисунки на одной из плоскостей памятника

Библиографический список

- Дорж Д., Новгородова Э.А. Петроглифы Монголии. Улан-Батор, 1975. 234 с. : ил.
- Дроздов Н.И., Басаандорж Ц., Артемьев Е.В., Заика А.Л., Макулов В.И., Чеха В.П., Цэдэв Х., Ганболд М., Дашцерен Ц. Археологические исследования в Западной Монголии (Комплексная экспедиция КГПУ, ИАЭт СО РАН и Ховдинский филиал МонГУ) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII. Новосибирск, 2001. С. 66–71.
- Дроздов Н.И., Басаандорж Ц., Чеха В.П., Артемьев Е.В., Макулов В.И., Заика А.Л., Ганболд М., Баранов А.А., Гаврилов И.К. Результаты полевых исследований российско-монгольской комплексной экспедиции в 2001 г. Красноярск, 2004. 184 с.
- Кубарев В.Д. О петроглифах скалы Чандмань Хар Узуур (Ховдоский аймак, Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X. Новосибирск, 2004. С. 296–300.
- Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М., 1984. 168 с.
- Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989. 383 с.
- Окладников А.П. Центральноеазиатский очаг первобытного искусства (пещерные росписи Хойт-Цэнкер Агуй (Сэнгри-агуй), Западная Монголия). Новосибирск, 1972. 75 с.
- Окладников А.П. Петроглифы Монголии. Л., 1981а. 228 с.
- Окладников А.П. Петроглифы Чулутын-Гола (Монголия). Новосибирск, 1981б. 183 с.
- Батмөнх Б. Монгол алтайн нурууны төв хэсгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар, 2008. 141 т.

А.А. Тишкин, Я.В. Фролов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

БРОНЗОВЫЕ ПАРНЫЕ РАСПРЕДЕЛИТЕЛИ УЗДЕЧНЫХ РЕМНЕЙ СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также в рамках реализации базовой части государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект №1006 «Использование естественно-научных методов в реконструкциях историко-культурных процессов на Алтае в древности»)

Осенью 2015 г. около с. Рогозихи Павловского района Алтайского края жителями Барнаула А.В. Неверовым и Е.Б. Красноперовым обнаружены парные распределители ремней оголовья коня. Древние металлические предметы найдены в долине Касмалы, в 600 м к юго-западу от окраины указанного села, на невысокой гриве, с севера примыкающей к левому берегу реки (рис. 1). По информации находчиков, место представляет собой задержавшуюся котловину выдува.

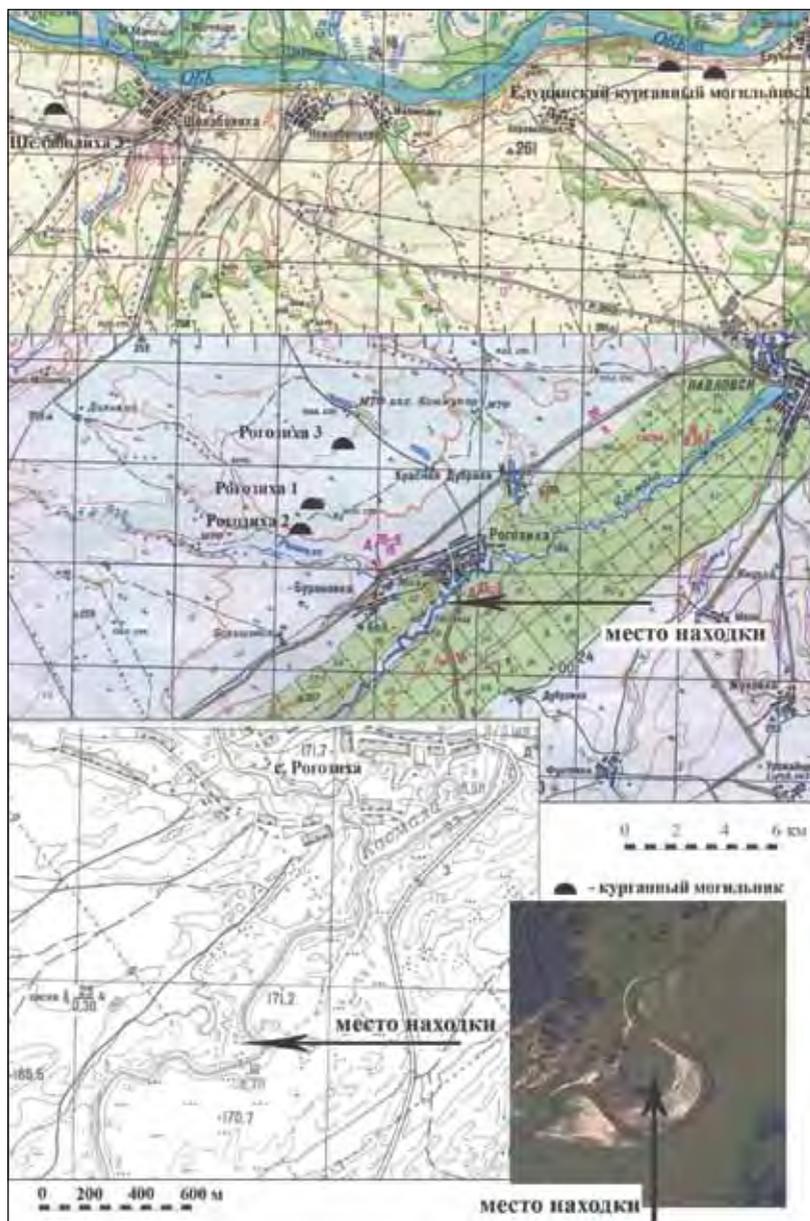

Рис. 1. Место обнаружения распределителей уздечных ремней на фрагментах карт Алтайского края и на снимке из космоса

Изделия имеют круглый выпуклый гладкий щиток и фигурно оформленный козырек (лопасть) в виде стилизованного изображения головы грифона внутри с прорезью, похожей на запятую (рис. 2 и 3). Они покрыты «благородной» патиной и представляют собой парный комплект, так как контуры зеркально противопоставлены друг другу. На одном из распределителей завиток повернут вправо, а на другом – соответственно, влево.

С обратной стороны каждого распределителя имеется приемник для ремней – подпрямоугольный щиток на четырех «ножках» (рис. 2.-б, г-е; рис. 3.-б, г-е), служивший для фиксации и направления пропущенных через него перекрещивавшихся ремней оголовья лошади. Данное оформление у изделий отличается друг от друга (как по качеству изготовления, так и по расположению креплений). На одном из распределителей «ножки» стоят под небольшим углом и образуют отверстия подтрапецевидной формы, а на другом они размещены вертикально, и, соответственно, рамки имеют подпрямоугольный абрис. Кроме того, на одном из указанных прямоугольных щитков имеется небольшое углубление (рис. 3.-б, г).

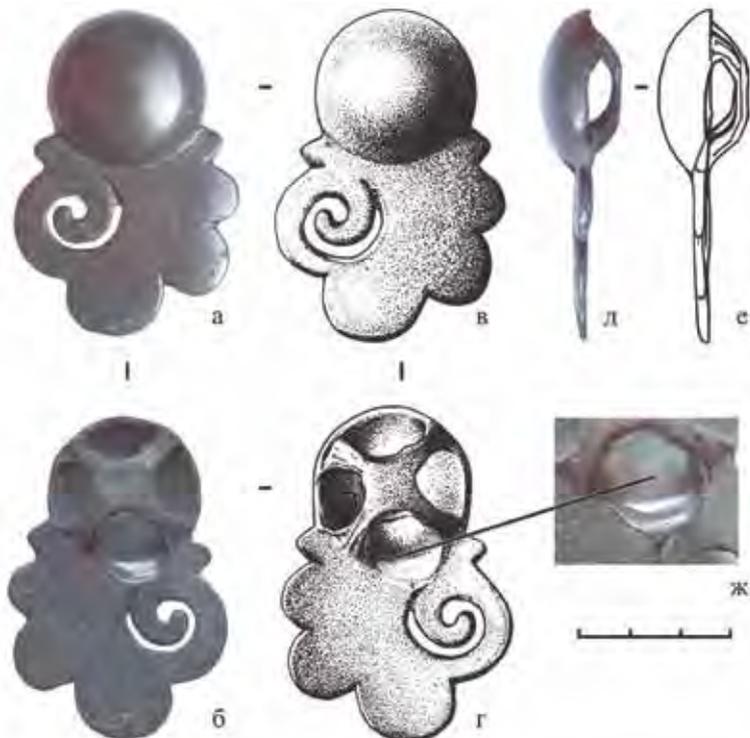

Рис. 2. Бронзовый распределитель ремней №1 из окрестностей с. Рогозищи (фотоснимки Я.В. Фролова и графические прорисовки И. Чудилина)

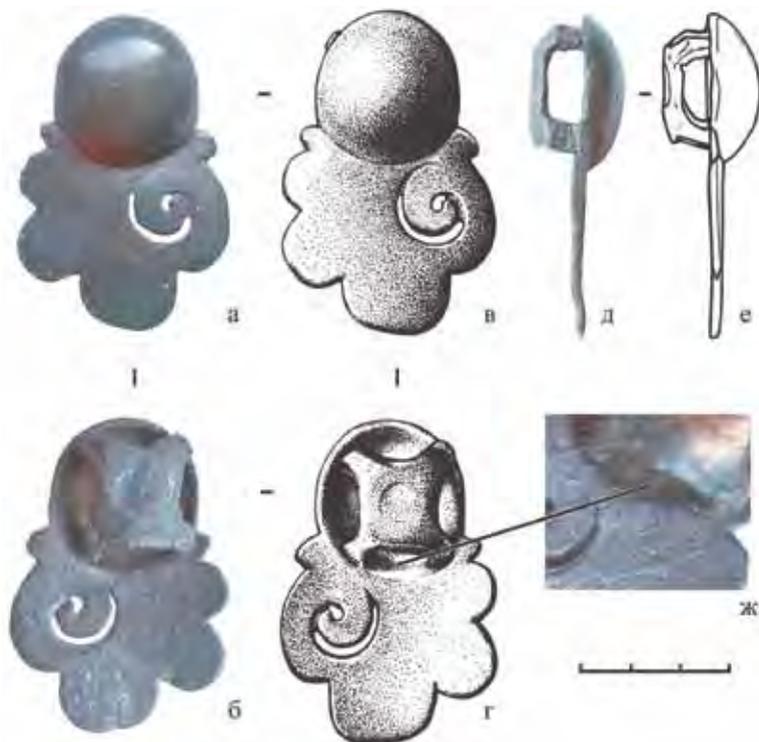

Рис. 3. Бронзовый распределитель ремней №2 из окрестностей с. Рогозихи (фотоснимки Я.В. Фролова и графические прорисовки И. Чудилина)

На поверхности обратной части круглого щитка, в районе одного из отверстий для пропускания ремней, расположенного напротив фигурного щитка, у обоих изделий прослеживаются следы сработанности (рис. 2.-ж; рис. 3.-ж), которые, вероятно, образовались в результате трения об этот участок уздечного ремня. Причем ремень был расположен под углом к центральной оси отверстий.

Публикуемые изделия похожи друг на друга, но немного отличаются параметрами и уже отмеченными особенностями. Распределитель №1 (рис. 2) имеет выпуклый округлый щиток размерами 2,9 x 2,7 см (высота – 1,05 см). Его максимальная длина составляет 6,1 см, толщина – 1,8 см. Наибольшая ширина козырька – 4 см, толщина – 0,25 см. Показатели длины и ширины отверстия приемника ремней – соответственно 1,3 и 0,45 см. С помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), который имеется в Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая АГУ, получены следующие результаты:

– патинированная лицевая поверхность: Cu (медь) – 59,03%; Sn (олово) – 35,27%; Pb (свинец) – 4,83%; Ti (титан) – 0,35%; As (мышьяк) – 0,34%; Fe (железо) – 0,18%;

– участок на обратной стороне козырька, на котором удалены окислы, тестировался трижды в разных местах: 1) Cu – 82,98%; Sn – 14,16%; Pb – 2,64%; As – 0,22%; 2) Cu – 82,18%; Sn – 15,18%; Pb – 2,64%; 3) Cu – 82,85%; Sn – 14,45%; Pb – 2,7%;

– центральный участок щитка (в месте пересечения скоб), механически освобожденный от патины: Cu – 72,05%; Sn – 23,59%; Pb – 4,36%.

Зафиксированные результаты свидетельствуют о качественном медно-оловянно-свинцовом сплаве.

Распределитель №2 (рис. 3) имеет выпуклый округлый щиток размерами 2,9 x 2,8 см (высота – 1 см). Максимальная длина изделия составляет 6 см, толщина – 1,7 см. Наибольшая ширина козырька оказалась 4,1 см, толщина – 0,3 см. Показатели длины и ширины отверстия приемника ремней – соответственно 1,4 и 0,45 см. С помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра сначала тестировалась патинированная лицевая поверхность. Получен следующий поэлементный ряд: Cu – 60,96%; Sn – 35,87%; Pb – 3,02%; Fe – 0,1%; Ni (никель) – 0,05%. Затем с обратной стороны на щитке, удерживающем скобы, были сняты окислы, и прибором зафиксированы такие показатели: Cu – 58,64%; Sn – 37,1%; Pb – 4,18%; Fe – 0,08%. Кроме этого, спектрометром дважды в разных местах исследовался участок козырька, на котором механическим путем удалялась патина. Результаты свидетельствуют о наличии медно-оловянно-свинцового сплава:

1) Cu – 60,45%; Sn – 35,67%; Pb – 3,88%.

2) Cu – 60,64%; Sn – 35,25%; Pb – 4,11%.

Подобная рецептура обычно использовалась при изготовлении бронзовых зеркал [Тишкин, Серегин, 2009].

Как уже было отмечено, публикуемые предметы представляют собой парные распределители ремней конской узда. Они могли располагаться на месте перекрестия наносного и суголовного (нащечного) ремня или налобно-подбородного и суголовного (нащечного).

Имеющиеся сработанности по краю одного из отверстий приемника ремней распределителей, расположенные под углом к оси симметрии изделия (примерно 45°) (рис. 3.-ж), могли появиться из-за постоянного воздействия на этот край ремня оголовья. Такая сильная сработанность могла возникнуть из-за возвратного смещения подбородного ремня, возникавшего в ходе движения челюстей лошади при пережевывании корма или покачивания головы, а также в ходе управления животным. Эта предварительная версия позволяет предположить, что данные распределители размещались на месте соединения суголовного и подбородочного ремней лопастью (козырьком) вниз. Данное заключение требует экспериментального подтверждения. Не исключено, что подобная

сработанность могла появиться и при размещении распределителей на месте соединения суголовного и наносного ремней, как предлагает П.И. Шульга [2015] при произвольной реконструкции месторасположения на узде типологически близких изделий из могильника Кайнду (Алтай). На опубликованном рисунке фигурные козырьки распределителей показаны вверх, к носу лошади [Шульга, 2015, рис. 10.-1]. Если предположить, что подобным образом могли располагаться на узде и распределители из Рогозихи, то в таком случае не ясно, как могла возникнуть фиксируемая сработанность в отверстии приемника ремней.

Хотелось бы подчеркнуть, что при реконструкциях любого типа узды в раннескифское и последующее время в случаях, когда металлические предметы не обнаружены *in situ* и отсутствуют ремни, необходимо предполагаемые схемы исследовать экспериментальным путем.

Типологически близки распределителям, найденным у с. Рогозихи, изделия из могильника Кайнду (курган №7). Они также составляют пару. Контуры козырьков на одном и на другом предметах зеркально противопоставлены [Мамадаков, 2003, рис. 8.-г; Кирюшин, Степанов, 2004, с. 48, рис. 55.-1-2]. Распределители из Кайнду отличаются от рогозинских наличием подпрямоугольного отверстия, расположенного с обратной стороны сверху на приемнике ремней, а также контурами абриса козырька. Ю.Т. Мамадаков [2003, с. 66] датирует комплекс кургана №7 могильника Кайнду VI – началом V в. до н.э.

Территориально наиболее близкую аналогию представляют собой распределители из могильника Раздумье-VI (курган №3, могила-4) [Уманский, 1998, рис. 2.-2-3, 5]. От распределителей, найденных у с. Рогозихи, их отличает оформление переднего круглого щитка в виде розетки и наличие отверстия на фронтальной части приемника ремней на обратной стороне распределителей.

Близкие по оформлению переднего щитка распределители встречаются довольно редко, но территория их распространения довольно обширна и включает западный ареал азиатской части зоны распространения культур скифо-сакского круга. Так, похожий по оформлению распределитель найден в кургане №1 Михайловского могильника в южно-таежном Прииртышье [Данченко, 1996, рис. 55.-18]. Парные распределители с округлым передним щитком и фигурным козырьком (лопастью) найдены в восточном Памире на могильнике Аличур-II [Литвинский, 1972, табл. 23.-1-3].

Наиболее западными аналогиями находкам из окрестностей с. Рогозихи являются распределители ремней конской амуниции из Ананьинского могильника [Васильев, 2004, рис. 10.-6-7] и памятника Метчесай-1 на р. Илек [Смирнов, 1961, рис. 55.-1-2; Васильев, 2004, рис. 10.-6-7]. Округлый выпуклый щиток с козырьком в виде головы хищной птицы и дужку на обороте имеют уздечные бляхи из могильника Вторые Пятимары [Смирнов, 1961, рис. 54].

Предметы, похожие по оформлению внешнего щитка на рогозинские распределители, известны по случайным находкам в Минусинской котловине [Членова, 1967, табл. 34.-13, 15; Завитухина, 1983, с. 94, рис. 311; Мир кочевников..., 2013, с. 34]. Схожее оформление переднего щитка имеет бляха с дужкой на обороте – деталь конского снаряжения из Второго Башадарского кургана [Руденко, 1960, рис. 49.-а]. П.И. Шульга [2015, с. 52, рис. 20.-2а, 2б] предполагает, что это изделие служило распределителем ремней конской упряжи. Указанное оформление щитка имеют и другие детали конской амуниции из кургана №2 памятника Башадар [Руденко, 1960, рис. 50; Шульга, 2015, с. 53, рис. 20.-6–7]. Следует отметить, что внешне похожие деревянные бляхи имеются в других памятниках пазырыкской культуры (см., например: [Руденко, 1953, табл. L.-8–9]).

Представленный круг аналогий позволяет сделать заключение, что распределители ремней, сходные с находками из окрестностей Рогози-хи, были распространены в основном в азиатской части ареала культур скифо-сакского круга (прежде всего на территории Южной Сибири и прилегающих районах). Судя по наиболее близким аналогиям из могильников Кайнду и Башадар, время существования распределителей из окрестностей с. Рогозихи можно соотносить с башадарским этапом пазырыкской культуры, который датирован в рамках 2-й половины VI – 1-й половины V вв. до н.э. [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 160]. Имеющиеся результаты рентгенофлюоресцентного анализа позволяют рассматривать более ранний период указанных хронологических рамок. Находки предметов конского снаряжения в ареале каменской археологической культуры, в памятниках которой подобные изделия довольно редки, позволяют не только подтвердить кочевой характер населения, но и рассматривать истоки формирования этой общности.

Библиографический список

- Васильев С.А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. Вып. 11. СПб., 2004. С. 275–297.
- Данченко Е.М. Южно-таежное Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н.э. Омск, 1996. 212 с.
- Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л., 1983. 192 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул, 2004. 282 с.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972. 270 с.
- Мамадаков Ю.Т. Исследования погребений могильника Кайнду // Археология и этнография Алтая. Вып. 1. Горно-Алтайск, 2003. С. 63–78.
- Мир кочевников. Из археологических коллекций Государственного Эрмитажа: Каталог выставки. СПб., 2013. 132 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.: Л., 1953. 402 с. + 120 табл.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с. + 128 табл.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. 170 с. (МИА. №101).

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул, 2011. 144 с. : ил.

Уманский А.П. Раскопки кургана №3 в урочище Раздутье-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 145–153.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 300 с.

Шульга П.И. снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Ч. II (VI–III вв. до н.э.). Новосибирск, 2015. 322 с.

А.С. Федорук^{1,2}, Я.В. Фролов^{1,2}, А.А. Редников^{1,2}, Д.В. Папин¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²НИЦ «Наследие», Барнаул, Россия

РАБОТЫ 2012, 2014, 2015 гг. ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ГРАНИЦ ТЕРРИТОРИЙ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Работа частично выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Объекты археологического наследия (ОАН) постоянно вовлекаются в хозяйственную деятельность, в результате которой многие из них разрушаются. Одной из основных проблем в области охраны памятников археологии остается неопределенность их статуса в сфере земельных отношений. На территории Алтайского края лишь единицы ОАН поставлены на кадастровый учет и являются полноценными объектами земельных отношений. Для постановки на кадастровый учет необходим определенный комплекс действий, одним из основных мероприятий которого является определение границ территории памятника.

В соответствии с действующим законодательством одним из ключевых атрибутов памятника считается его территория. С вступлением в силу Федерального закона от 22.10.2014 №315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [О внесении...] Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» дополнен статьей 3.1, которая посвящена территории объектов культурного наследия и их границам. Пункт 3 данной статьи (абзац 2) прямо прописывает, что «границы территории объекта археологиче-

ского наследия оформляются на основании археологических полевых работ» [Об объектах...]. Таким образом, задача определения границ территорий объектов археологического наследия целиком возложена на плечи археологов. При этом определение границ территорий ОАН – специфический тип работ, для которого, помимо Положения о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации [Положение...], Институтом археологии РАН разработана, а Министерством культуры РФ рекомендована детальная методика определения границ территорий объектов археологического наследия [Методика..., 2012].

Вместе с тем зачастую в отчетных документах исследователи не дают четкого описания границ территории объекта, а лишь указывают его местонахождение и характеристику памятника. В большей степени это касается слабо выраженных в современном рельефе объектов: поселений, стоянок, грунтовых могильников, ритуальных комплексов и прочего, и объясняется трудностями выявления таких объектов и получения полноценной информации о них без проведения дополнительных полевых исследований. Однако получение полноценных сведений о границах территорий ОАН чрезвычайно важно для сохранения данных памятников, поскольку является необходимым условием для официального признания памятника в пределах данных границ, установления их зон охраны и ограничений использования, а также отражения данной информации в государственном кадастре недвижимости.

Уже несколько лет в рамках федеральной целевой программы «Культура России» осуществляются мероприятия по мониторингу и инвентаризации памятников истории и культуры Российской Федерации. В рамках этого направления осуществляется и финансирование работ по определению границ памятников археологии федерального значения. В 2012, 2014 и 2015 гг. в рамках финансирования ФЦП «Культура России» сотрудниками отдела археологии НПЦ «Наследие» и Алтайского государственного университета проведены работы по определению границ территории 17 ОАН федерального значения Алтайского края: «Селище “Елбан”», «Курганная группа “Бугры”» (Шелаболихинский район); городище Усть-Иша 3, курганный могильник Балыкса (группа курганов около 50 шт.), курганный могильник Пильно (90 курганов), (Красногорский район); «Неолитическая стоянка “Чудацкая гора”», Елунинский курганный могильник 1, Елунинское культовое место (Павловский район); «Многослойное поселение “Ближние Елбаны”», «Могильник и поселение “Ближние Елбаны-6”», «Могильник и поселение “Ближние Елбаны-7”», «Могильник и поселение “Ближние Елбаны-9”», «Могильник и поселение “Ближние Елбаны-11”», «Могильник “Ближние Елбаны-14”» (Топчихинский район); многослойное поселение «Казенная Займка» (Ленинский район г. Барнаула); курганная группа «Сростки» (Бийский район); поселение «Большой лог-1» (Калманский район).

В ходе выполнения данных работ разработан алгоритм их поэтапной реализации и применен комплексный подход, включающий в себя всестороннее изучение объекта: изучение и анализ архивных источников и изданных публикаций, выборочную шурфовку наиболее перспективных мест и визуальное обследование всей обозначенной территории, изучение микрорельефа, сбор подъемного материала и т.д.

На первом этапе проводились библиографические, архивные, картографические исследования. Изучены отчеты о результатах археологических полевых работ (архив НПЦ «Наследие», Музей археологии и этнографии Алтая АлтГУ), публикации об изучаемых памятниках и картографические материалы, связанные с археологическими памятниками Шелаболихинского, Топчихинского, Бийского, Павловского, Красногорского, Калманского районов и г. Барнаула, картографические материалы мониторинга памятников археологии, а также проведен анализ первичной учетной документации и нормативных правовых документов о постановке ОАН на государственную охрану на предмет соответствия наименования, пообъектного состава и датировки.

На втором этапе проводились археологические полевые работы: визуальное обследование территории объектов, заложение шурфов на объектах, выполнение графической и фотофиксации локальных земляных работ. Результатом являлось собственно установление границ территорий исследуемых ОАН.

На третьем этапе совместно со специалистами-геодезистами ООО «Топограф» велась работа по фиксации координат поворотных точек, расположенных по периметру границ территорий объектов (с использованием электронного тахеометра Nikon NPL-332 с действующим свидетельством о поверке). В итоге составлялись таблицы координат поворотных точек границ территорий объектов, ситуационные планы расположения объектов и топографические планы территорий объектов с установленными в результате проведенных мероприятий границами территорий объектов (используемый масштаб – М 1 : 500 и 1 : 2000).

Кроме практического результата, определение границ территорий памятников имеет и важное научное значение. Детализированное определение территории распространения культурного слоя того или иного поселения позволяет выходить на решение вопросов планировки жилого пространства, уточнить тип поселенческого комплекса и оценивать степень сохранности объекта.

Так, работы на памятнике «Селище “Елбан”» (Инской Елбан I–III) позволили уточнить ряд важных сведений. На момент его обнаружения А.П. Уманским в 1951 г., значительная территория поселения была уничтожена несколькими песчаными выдувами. Процессы ветровой эрозии активно продолжали разрушать культурный слой. В 1959 г. А.П. Уманским [1970, с. 45–47] на месте разрушений культурного слоя была собрана большая коллекция подъемного материала, доисследованы части

разрушенных жилищ. Следующее обследование памятника проведено только спустя 35 лет, в 1995 г., В.В. Горбуновым в рамках работ по картографированию памятников археологии Алтайского края. Исследователь зафиксировал, что выдувы на площади поселения задержаны, частично покрыты кустарниковой растительностью. В результате возник вопрос о степени разрушения памятника. Оставалось неясно, сохранился ли культурный слой на этом объекте. Проведенные в 2012 г. на памятнике работы по определению границ его территории позволили уточнить, что под мощными песчаными наносами в северо-западной и северной частях мысовидного выступа останца в пойме р. Оби сохранился мощный культурный слой, имеющий сложную стратиграфию. Эти работы подтвердили, что памятник остается ярким объектом археологии федерального значения.

Похожие проблемы решались при определении границ территории памятника «Чудацкая гора». Объект был открыт на месте крупного выдутаго пространства в 1924 г. В 1927 г. М.П. Грязнов провел там раскопки нескольких объектов [Кирюшин, Фролов, Шамшин, 2000, с. 17]. Долгое время считалось, что большая часть памятника уничтожена ветровой эрозией и действовавшим на его территории песчаным карьером. После работ Н.Ю. Кунгуровой в 2007 г. выяснилось, что культурный слой поселения раннего железного века продолжается и в 20 м к югу от карьера, занимающего центральную часть мысовидного выступа коренного берега Оби, на котором располагается объект. Работы же 2012 г. позволили отодвинуть границу памятника еще на 70 м к югу. Тем самым было определено, что значительная часть крупного поселения каменной культуры сохранилась. В то же время подтвердились предположения, что в северной части памятника культурный слой уничтожен. К сожалению, сложный рельеф, многочисленные разрушения северной и центральной частей поселения и ограниченный объем работ не позволили выявить в этой части памятника конфигурацию оставшейся зоны распространения культурного слоя.

Работы по определению границ памятников создают дополнительные возможности по интенсификации охраны этих объектов. В наиболее аварийном состоянии из всех объектов, на которых проводились работы, находится поселение Казенная Заимка. Территория памятника застроена. Вся площадь поселения находится на приусадебных участках. При этом застройка северо-западной части поселения происходила уже в конце 1990-х – 2000-е гг., т.е. после того, как органами охраны памятников поднимались вопросы о сохранении этого объекта. Обследование 2015 г. показало, что памятник продолжает уничтожаться. Строительство новых жилых домов и хозяйственных построек разрушает культурный слой. После проведения работ по определению границ памятника сохраняется надежда, что будет закончена подготовка всей необходимой документации для постановки данного объекта на кадастровый учет. Это создаст условия для заключения охранных обязательств собственниками земельных участков, которые попадают на территорию памятника.

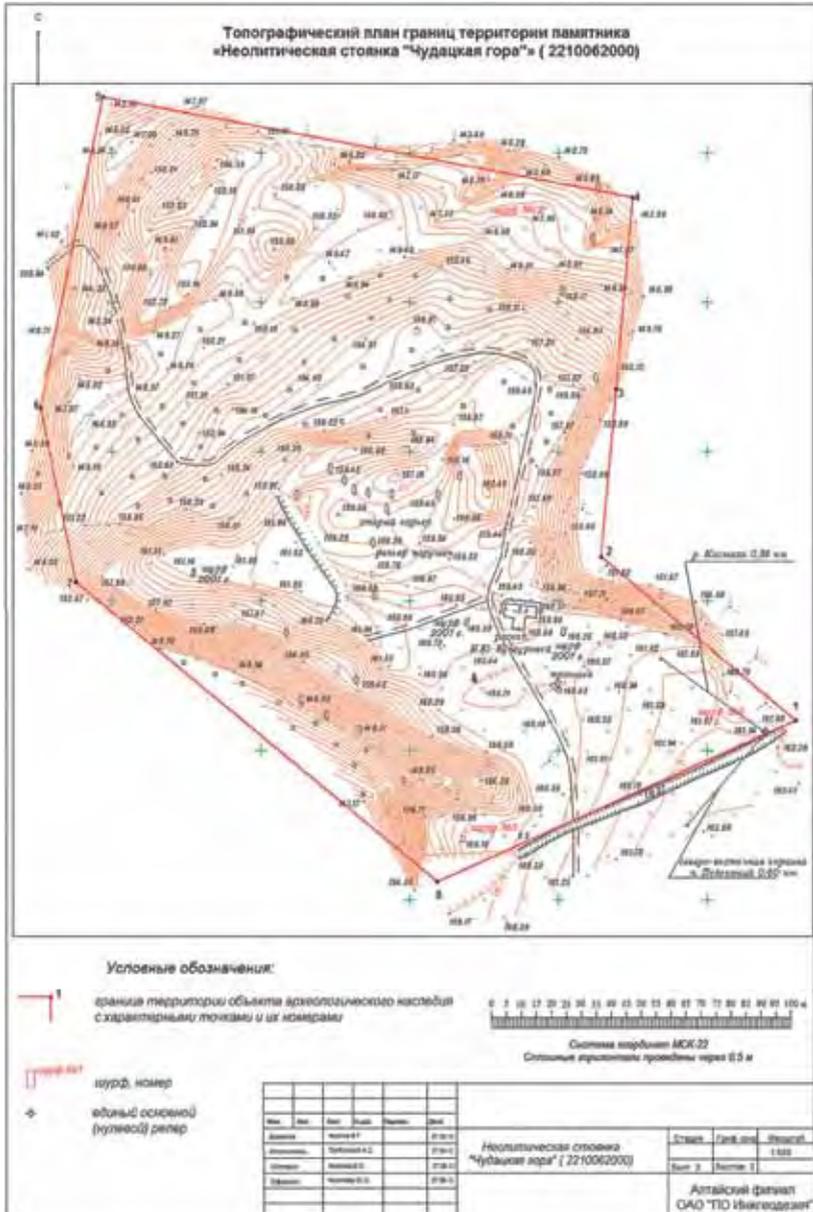

Рис. 1. Топографический план границ территории памятника «Неолитическая стоянка “Чудацкая гора”»

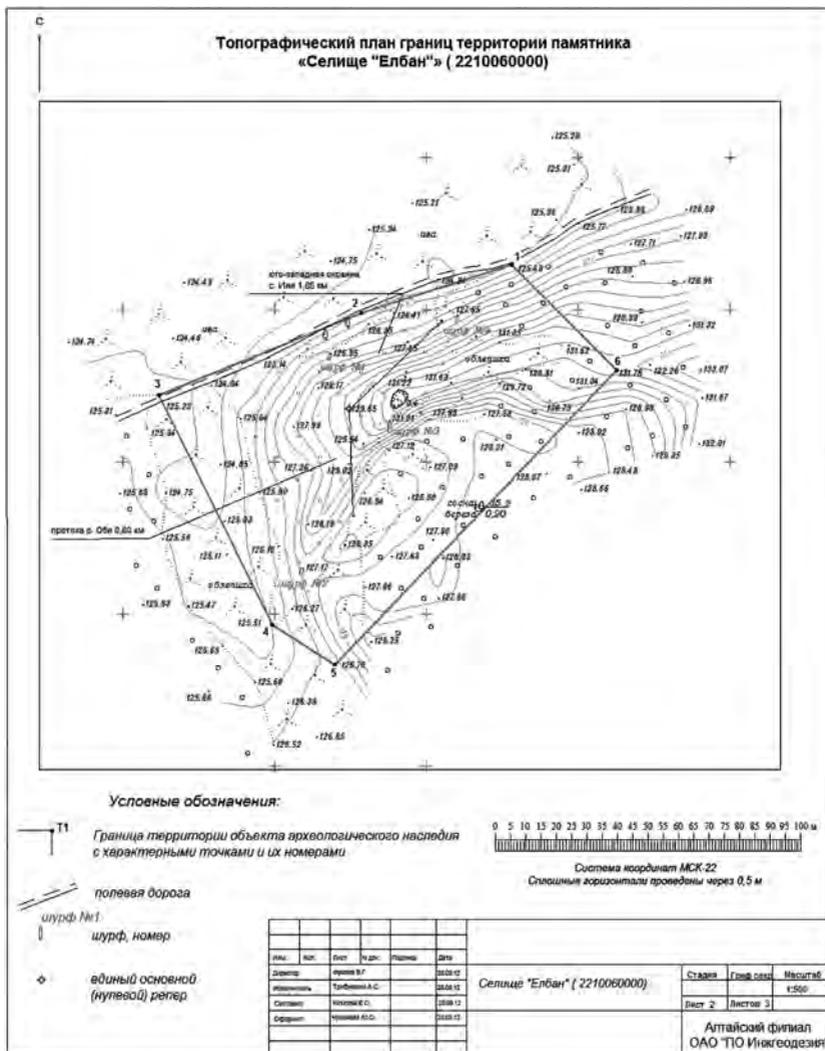

Рис. 2. Топографический план границ территории памятника «Селище “Елбан”»

Следует подчеркнуть, что определение границ территорий памятников – одно из самых актуальных направлений в работе по охране ОАН. Особенно важно провести подобные работы в зонах наиболее активной хозяйственной деятельности на территории городов Алтайского края.

Библиографический список

Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Археологическое изучение Павловского района // Павловский район: очерки истории и культуры. Барнаул ; Павловск, 2000. С. 6–27.

Методика определения границ территорий объектов археологического наследия. М., 2012.

Уманский А.П. Археологические памятники у с. Иня // Известия Алтайского отдела географического общества Союза ССР. Вып. 11. Барнаул, 1970. С. 45–74.

Об объектах культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации : Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 09.03.2016) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/8b24ea557f91f94233b700912d8c4c4013e124cc/.

О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 22.10.2014 N 315-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170104/.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации. М., 2014.

Е.Г. Шалахов

ГБУК Республики Марий Эл «Замок Шереметева», Юрино, Россия

СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИЙ ФЕНОМЕН: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ МАРКИРУЮЩЕГО ИНВЕНТАРЯ (кремневые изделия)

Факт почти непрерывного пополнения источниковой базы по сейминско-турбинской проблематике отмечен в целом ряде специальных работ [Кузьминых, 2010, с. 276–281; 2011, с. 240–252]. По обе стороны от Урала собран уникальный вещевой материал, раздвигающий горизонты изучения маркирующего инвентаря популяций, имевших исход в Алтае-Саянском регионе.

Основной исследовательский ресурс задействован для поиска и атрибуции металла типа «Сейма – Турбино» как наиболее выразительного компонента в интерпретации инновационных явлений на просторах Евразийской металлургической провинции [Корочкова, 2015, с. 133–135; Корочкова, Спиридонов, 2015, с. 97–103; Кузьминых, 2011, с. 248–252]. По-прежнему актуальны полевые работы на базовых памятниках сейминско-турбинского феномена [Денисов и др., 2011, с. 42–46] и обращение к коллекционному материалу памятников, введенных в научный оборот [Михайлов, 2012, с. 78–82; Шалахов, 2015, с. 173–175].

В ареале распространения сейминско-турбинских бронз отмечены многочисленные находки кремневого инвентаря (рис.), который пока

изучен весьма поверхностно. Что значит последнее утверждение? Как правило, кремневые изделия сейминско-турбинского горизонта, полученные в ходе раскопок и сборов [Косинская, 2011, с. 44–51; Стефанов, 2006, с. 53; Шалахов, 2014, с. 195–197; 2012, с. 75–76, рис. 1], соотносятся с известными комплексами эпонимных памятников [Черных, Кузьминых, 1989, с. 230–235]. Безошибочно проводится типолого-морфологический анализ каменных предметов, залежавших вместе с металлом фактически постсейминского времени. Речь идет о каменном инвентаре шайтаноозерских жертвенно-ритуальных объектов [Сериков и др., 2009, с. 73–75, рис. 12–14; Korochkova и др., p. 495–496, fig. 10–11].

Кремневые изделия сейминско-турбинского облика (могильник Усть-Ветлуга). Фото автора

Новизну в проблематику изучения сейминско-турбинского кремня могли бы привнести аналитические исследования вещевых комплексов поселенческих памятников Западной Сибири (Окуневский археологический микрорайон). Насколько это важно для специалистов по эпохе бронзы и для археологической науки в целом можно судить по выступлению нашего коллеги из Омска на IV Международном Северном археологическом конгрессе [Толпеко, 2015, с. 149].

Требует детального рассмотрения тема локализации районов добычи кремневого сырья сейминско-турбинских памятников. Судя по концентрации малых могильников, местонахождений и случайных находок [Денисов и др., 1988, с. 46–69], сырье для изготовления треугольно-усеченных наконечников стрел и ножей-вкладышей поступало из Волго-Камья. Кремневые находки сейминско-турбинского облика из могильника Товкуртлор-3, собранные В.И. Стефановым [2006, с. 53], по характеру сырья сопоставимы с усть-ветлужскими [Шалахов, 2015, с. 174]. Для последних мы находим аналогии в материалах разведочных сборов Марийской археологической экспедиции вблизи Юльяльских выходов кремня [Никитин, 2009, с. 318–319; Соловьев, 2001, с. 90–91].

Что касается технологических приемов обработки кремня в сейминско-турбинское время, то интерес вызывает процесс получения заготовки при первичной обработке сырья. Любопытно, что в кремневых комплексах практически всех базовых памятников присутствует немало предметов в пластинчатой технике [Бадер, 1970, с. 120–121; Косинская, 2011, с. 47–48, ил. 11; Стефанов, 2006, с. 56; Черных, Кузьминых, 1989, с. 19, 22; 1987, с. 87–88]. Очевидно, пластины могли использоваться для изготовления основной категории маркирующего инвентаря – наконечников стрел. На наш взгляд, пластинчатая техника у носителей сейминско-турбинской традиции успешно конкурировала с техникой отщепа. В материалах Усть-Ветлуги есть крупная ножевидная пластина с двухсторонней ретушью на боковых краях изделия. Предмет происходит из размытого погребения у подножия Сутырской дюны.

В завершение отметим, что изучение каменного инвентаря типа «Сейма – Турбино» позволит ответить на вопрос о возможном влиянии традиций древнесибирской кремнеобработки на развитие орудийного комплекса так называемых «евразийских» культур поздней бронзы.

Библиографический список

- Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970. 176 с.
Денисов В.П., Жуковский А.С., Мельничук А.Ф. Новые материалы турбинско-сейминского хронологического горизонта Пермского Приуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2011. №7. С. 42–46.
Денисов В.П., Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Могильники сейминско-турбинского типа в Волго-Камье // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988. С. 46–69.

Корочкова О.Н. Инновации в присваивающем мире: металл в культуре населения Урала и Западной Сибири // IV Северный археологический конгресс. Екатеринбург, 2015. С. 133–135.

Корочкова О.Н., Спиридонов И.А. О судьбах инноваций в культурах присваивающего мира Урала и Западной Сибири // Уральский исторический вестник. 2015. №3 (48). С. 96–107.

Косинская Л.Л. Каменный инвентарь // Беспрозванный Е.М., Дегтярева А.Д., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И., Косинская Л.Л. Сатыга-ХVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург, 2011. 192 с.

Кузьминых С.В. Новое в сейминско-турбинской проблематике: приложение 4 // Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). Пекин, 2010. С. 276–281 (на кит. яз.).

Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // Краткие сообщения Института археологии. 2011. №225. С. 240–263.

Михайлов Ю.И. Металлический инвентарь могильника у д. Ростовка // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. №4 (52), т. 1. С. 78–82.

Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009. 416 с.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. №2 (38). С. 67–78.

Соловьев Б.С. Находки сейминско-турбинского времени в Марийском Поволжье // Древности Поволжья и Прикамья. Йошкар-Ола, 2001. С. 90–96.

Стефанов В.И. Могильник Товкуртлор 3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // Российская археология. 2006. №1. С. 44–58.

Толпеко И.В. Каменная индустрия памятников сейминско-турбинского типа // IV Северный археологический конгресс. Екатеринбург, 2015. С. 147–149.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. 320 с. : ил.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 84–105 (Сер. «Археология СССР»).

Шалахов Е.Г. Кремневый комплекс Усть-Ветлужского могильника сейминско-турбинского типа // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул, 2014. С. 194–198.

Шалахов Е.Г. Могильники Товкуртлор 3 и Усть-Ветлуга: о некоторых параллелях в кремневых комплексах памятников // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации. Воронеж, 2015. С. 173–175.

Шалахов Е.Г. Погребальный инвентарь Юринского (Усть-Ветлужского) могильника сейминско-турбинского типа: кремль и нефрит // История и археология. СПб., 2012. С. 75–77.

Korochkova O.N., Kuzminykh S.V., Serikov Y.B., Stefanov V.I. Metals from the ritual site of Shaitanskoye Ozero II (Sverdlovsk Oblast, Russia) // Trabajos de Prehistoria. 2010. №67 (2). P. 489–499.

РАЗДЕЛ 3. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ И ЭТНОГРАФИИ

О.В. Богданова

Томский государственный университет, Томск, Россия

ИЗ ОПЫТА СТРОИТЕЛЬСТВА НАРОДНЫХ ДОМОВ НА АЛТАЕ

Развитие и динамичное нарастание урбанистических процессов, демократизация общественной жизни в конце XIX – начале XX в. вызвали рост и активизацию различных массовых явлений и процессов, появились новые типы развлекательных и культурно-просветительных учреждений, а следовательно, строительство зданий и сооружений для них. Одними из таких типов стали народные дома.

Первые народные дома появились в Западной Европе, в частности в Англии в 1887 г. В 1896–1899 гг. в Брюсселе по заказу Бельгийской рабочей партии архитектор Виктор Орта построил Народный дом, предназначенный для проведения съездов и других общественных мероприятий (много позже, в 1922–1928 гг., Виктор Орта построил по своему проекту в Брюсселе Дворец изящных искусств). К началу XX в. демократизация театров и строительство народных театров в Европе приобретает массовый характер. Как отмечалось на страницах прогрессивных архитектурно-художественных журналов того времени, «демократизация театра в самом широком смысле этого слова, который был бы доступен широким массам не только по своей стоимости, но и по своему внутреннему содержанию» [К развитию современного театра, 1906, с. 213–214].

В России Народный дом стал формироваться на рубеже XIX–XX вв. Кроме зрительного зала и фойе, Народный дом вмещал в себя библиотеку, выставочные и гимнастические залы, столовую или буфет. В начале XX в. народные дома были построены в Петербурге, Москве и других крупных российских городах [Богданова, 2011, с. 51–58]. В Петербурге в 1901 г. по проекту Р.Ф. Мельцера был возведен Народный дом-читальня им. Нобеля на Лесном проспекте; в 1903 г. – Лиговский Народный дом им. С.В. Паниной; в 1912 г. по проекту Г.И. Люцдарского – Опера Народного дома. В Москве в 1903–1904 гг. были построены Введенский Народный дом по проекту И.А. Иванова-Шиц. В 1914 г. в Москве насчитывалось 12 народных домов. В 1902 г. Лукьяновский Народный дом был построен в Киеве, в 1909–1910 гг. Народный дом – в Тамбове, в 1909–1914 гг. – во Львове. По проекту архитектора П.П. Рудавского Аксаковский Народный дом возведен в Уфе.

Опыт строительства народных домов был быстро подхвачен и на Алтае. Народные дома были построены в Барнауле, Бийске и Змеиногорске.

Так, застройка Барнаула на рубеже XIX–XX вв. обогатилась зданием, построенным по проекту талантливого российского зодчего И.П. Ропета, чье творчество, по словам Е.И. Кириченко «во многом определило характер одного из наиболее заметных направлений в русском зодчестве второй половины XIX в.» [Кириченко, 1972, с. 85]. «Русский стиль», ярким поклонником и пропагандистом которого стал И.П. Ропет, в различные периоды истории архитектуры России находил разные интерпретации. Еще в 1860-х гг. группа молодых зодчих во главе с профессором А.М. Гороностаевым «...восстала против “русской архитектуры”, созданной К. Тоном и его последователями и проложила русло, по которому пошло новое течение, которое в свою очередь в наши дни за “русский стиль” не признается», – писали в журнале «Зодчий» в 1909 г. [Памяти Ропета, 1909, с. 29]. Единомышленниками И.П. Ропета были известные российские зодчие, такие как И.И. Горностаев, В.А. Гартман, И.С. Богомолов, Н.И. Никонов, М.А. Кузьмин, Ф.С. Харламов и др. Именно их проектами прославилось издание А. Рейнбота «Мотивы русской архитектуры». Проекты этих зодчих составили и первый выпуск энциклопедии Г.В. Барановского. Следует отметить, что проект Народного дома для Барнаула был выполнен И.П. Ропетом бесплатно, оплачена была только работа чертежников и копировальщиков.

Народный дом в Барнауле стал центром культурной и просветительской жизни города. Строительство Народного дома на 1000 человек в Барнауле было предопределено работой «Общества попечения о начальном образовании», созданного в 1886 г. по инициативе ссыльного народовольца В.К. Штильке. Благодаря работе общества в Барнауле были организованы драматический кружок, бесплатная библиотека, начальные школы, воскресные школы для взрослых. По инициативе общества организован сбор средств на строительство Народного дома. Для строительства был безвозмездно передан участок земли, где ранее находилась сгоревшая в 1865 г. гауптвахта [Скубневский, 2000, с. 196–197].

Народный дом был одним из значимых зданий для города. Здесь устраивались народные чтения, спектакли любителей театра, проводились гастроли приезжих актеров, здесь находилась библиотека, проходили заседания «Общества попечения» [Солопова, 2006, с. 120–123]. Народный дом строился с 1898 по 1900 г. под руководством гражданского инженера И.Ф. Носовича. 17 декабря 1900 г. состоялось открытие Народного дома. Здесь прошла первая художественная выставка Барнаула. В 1911 г. состоялась выставка известного алтайского художника, ученика знаменитого И. Шишкина, Г.И. Гуркина. За две недели, с 10 по 24 апреля, выставку посетило 900 человек, что было очень неплохо для

Барнаула. Как писали в алтайской газете в 1911 г., «к выставке Гуркина барнаульская публика отнеслась с должным вниманием и ожидать большего, пожалуй, было нельзя...» [К-н Ф., 1911, с. 3]. Здание явилось одним из немногих на территории Западной Сибири, выполненных в «русском стиле» в кирпичном исполнении. Стилизованные кокошники, тройные оконные проемы, башенки, трапециевидная форма завершения кровли – все это элементы, взятые из древнерусского зодчества и привнесенные в зодчество Барнаула рубежа XIX–XX вв.

До работы над Народным домом в Барнауле И.Ф. Носович уже участвовал в проектировании зданий для народных благ [Богданова, 2011, с. 51–58]. В 1897 г. в журнале «Зодчий» были опубликованы результаты конкурса на проектирование Дома для рабочих при фабрике Товарищества российско-американской резиновой мануфактуры в Санкт-Петербурге, в котором проект Носовича получил вторую премию [Приложения. Дома для рабочих, 1897, с. 3–5]. Первая премия была отдана проекту, выполненному гражданскими инженерами А.И. Максимовым и Л.А. Шишко. Третья премия присуждена проекту, исполненному архитектором М.И. Сигалем. В 1905 г. в журнале «Зодчий» публикуется проект русского театра с общественной библиотекой, читальней и залом для собраний в Варшаве, представленный И.Ф. Носовичем на конкурс. Несомненно, к этому времени в русской архитектуре уже был накоплен большой опыт строительства театральных зданий. Опираясь на достижения театральных зодчих, И.Ф. Носович спроектировал театр в неоренессансной трактовке, введенной в театральное зодчество еще немецкими архитекторами в 1840–1840-х гг. и подхваченной нашими признанными зодчими в области театрального искусства, такими как В.А. Шретер и И.С. Китнер.

Опыт строительства Народного дома в Барнауле, а также участие в конкурсе на проектирование театра в Варшаве И.Ф. Носович использовал для строительства Народного дома в Бийске. При проектировании Бийского Народного дома И.Ф. Носович, так же как и в проекте здания русского театра в Варшаве, использовал угловое диагональное расположение здания в системе квартала. Нереализованные творческие задумки нашли свое воплощение в облике здания, ставшего в архитектуре Бийска особо значимым сооружением. Конкурс на строительство Народного дома в Бийске был объявлен в 1912 г. [Долнаков А.П., Долнакова Е.А. и др., 1982, с. 77]. В конкурсе на строительство Народного дома участвовал и еще один гражданский инженер – А.Д. Крячков. 23 ноября 1916 г. состоялось торжественное открытие Народного дома. Он был построен на средства подполковника в отставке А.П. Копылова, получившего наследство своего дяди – купца Павла Копылова. Народный дом в Бийск является одним из наиболее значимых произведений в творчестве И.Ф. Носовича [Богданова, 2007, с. 47–51]. Зданию, построенному в 1914–1916 гг., присущи столичные масштабы. В архитектуре ярко

отразилась рационалистическая направленность школы Института гражданских инженеров, выпускником которого был И.Ф. Носович. Здание представляет собой довольно редкое для Алтая рационалистическое направление модерна и является одним из немногих в застройке Западной Сибири.

Следует отметить, что бывшие народные дома были отреставрированы в конце XX – начале XXI в. и до настоящего времени используются в культурно-просветительских целях. В бывшем Барнаульском Народном доме располагается Государственная филармония Алтайского края. В Бийске в бывшем Народном доме разместился драматический театр.

Таким образом, европейский и российский опыт строительства нового типа культурно-просветительских учреждений рубежа XIX–XX в. – Народного дома – был очень быстро и активно подхвачен на Алтае. Здания народных домов, построенные в Барнауле и Бийске, несли в себе новые стилевые направления в культуре России. Спроектированный известным российским зодчим И. Ропетом Народный дом в Барнауле воплотил в своем облике «русский стиль», столь редкий в строительстве каменных зданий на Алтае. Проект здания был воплощен в жизнь ведущим алтайским зодчим И.Ф. Носовичем, который свой опыт в проектировании подобного типа зданий воплотил в облике Народного дома в Бийске. Рационалистический модерн позволил придать зданию Бийского Народного дома черты респектабельности и столичности. До настоящего времени оба здания бывших народных домов играют важную роль в формировании социокультурного пространства Барнаула и Бийска.

Библиографический список

- Богданова О.В. Гражданские инженеры в градостроении Западной Сибири // Культурологические исследования в Сибири. 2011. №1 (32). С. 51–58.
- Богданова О.В. Архитектурный облик Бийска конца XIX – начала XX вв. в контексте урбанистики // Проблемы урбанизации восточных регионов России в конце XIX – начале XX вв. Томск, 2007. С. 47–51.
- Долнаков А.П., Долнакова Е.А., Зотеева Л.А., Степанская Т.М. Памятники архитектуры Барнаула. Барнаул, 1982. С. 77.
- Приложения. Дома для рабочих // Зодчий. 1897. №26. Л. 3–5.
- Кириченко Е.Н. Архитектор И.П. Ропет // Архитектурное наследство. 1972. №20. С. 85–93.
- К-н Ф. Итоги выставки Г.И. Гуркина // Алтайская газета. 1911. 3 мая.
- К развитию современного театра // Зодчий. 1906. №21. С. 213–214.
- Памяти И.П. Ропета // Зодчий. 1909. №3. С. 29–30.
- Скубневский В.А. Народный дом // Барнаул. Энциклопедия. Барнаул, 2000. С. 196–197.
- Солопова О.А. Художественные выставки Барнаула первой половины XX столетия // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV. Барнаул, 2006. С. 120–123.

М.В. Гавриленко

Новосибирский военный институт ВВ МВД, Новосибирск, Россия

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СФЕРЕ ПИТАНИЯ
У РУССКИХ И ДРУГИХ НАРОДОВ, ПРОЖИВАВШИХ
В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ И САЯНО-АЛТАЕ В XIX–XX вв.**

Русские проживали в Сибири в тесном соседстве с другими народами, поэтому часто заимствовали у них рецепты и способы приготовления отдельных блюд и продуктов.

Русским женщинам, которые были замужем за немцами из высланных в Сибирь семей и зачастую проживали в семьях мужей, приходилось перенимать кулинарные навыки, принятые у немецких хозяек (матери мужа, его сестер). Л.А. Кайзер (в девичестве Николаева) рассказывала, что *«поначалу непривычным ей казалось, что немцы много картошки жарили и варили. Картофель “культурно” кубиками резали и отваривали»*. Кроме того, непривычным казалось и наличие большого количества блюд из капусты в повседневном рационе: капусту жарили в масле, тушили, обильно добавляли в супы, похлебки и пироги в качестве начинки. Из манной крупы стряпали галушки, на основе манной крупы делали пироги («манники»), варили кашу на завтрак. Информатор рассказывает, что манную крупу немцы покупали в больших количествах, поэтому она, живя в семье мужа, *«пристрастилась к кашам и пирогам из манной крупы, научилась делать кофе из жареных и толченых зерен пшеницы»* (ПМА, Кайзер Л.А.).

На Рождество немцы традиционно зажаривали поросенка и подавали его с тушеной или жареной капустой. На поминки готовили рисовую кашу с маслом – *«вместо нашей куты»* (ПМА, Кайзер Л.А.). *«Немцы питались культурнее и совсем по-другому, чем русские»* (ПМА, Кайзер Л.А.).

По мнению А.М. Райфергерст, традиционная кухня немцев и особенно выпечка отличается от русской *«большой изысканностью и разнообразием»*. *«Мы пекли штрудели, кухе со сметаной, кримель-кухе, бисквиты готовили»* (ПМА, Райфергерст А.М.).

Каких-либо кулинарных заимствований от русских информатор выделить не смогла. *«Парёнки, каши, супы, похлебки – это же все общее... У нас, как и у русских, тоже это было»* (ПМА, Райфергерст А.М.). К послевоенному времени относится большое число кулинарных заимствований из немецкой кухни в тех деревнях, где проживали сосланные немцы. *«У немцев мы научились готовить кофе. Жарили пшеницу, а потом ее толкли и заваривали. Получалось кофе. Немцы много из манной крупы готовили. Мы тоже манную кашу и даже манные галушки начали делать»* (ПМА, Братенкова А.А.). По свидетельству Е.Т. Губенко, в с. Маслянино Маслянинского р-на Новосибирской области в 1930–1950-е гг. жили переселенцы-немцы, приехавшие из Латвии. Они научили ее готовить штрудель: *«Подружка у меня была немочка. Мы с ней*

жили вместе, и на ужин она штрудель готовила и меня научила: варишь крупно нарезанную картошку и пережариваешь ее на сковороде с колбками из теста и добавляешь масло и лук» (ПМА, Губенко Е.Т.). Хотя известно, что в традиционной немецкой кухне штрудель – это пирог из слоеного теста с яблочной начинкой.

Информатор М.Н. Пушкина рассказывала, что ее родители, коми по происхождению, приехали из Сыктывкара в Алтайский край (Кытмановский район) еще до ее рождения. *«Никаких различий в питании не отмечала. Готовили то же, что и русские: блины, шаньги, пироги. На праздники то же самое готовили»* (ПМА, Пушкина М.Н.). Для традиционной кухни коми характерно большое разнообразие мучных и рыбных блюд: выпечка, супы из ячневой и гороховой крупы. В р. Сунгай близь села, где жила семья, ловили много рыбы. Рыбные пироги часто подавали на праздничный и повседневный стол. Рыбу, как и мясо, солили и сушили. Среди общих с русскими блюд информатор называет овсяный кисель, пироги с сушеными и свежими ягодами, толкно. От русских, как считает она, заимствована выпечка *«курника»* на свадьбу, *«жаворонков»* на день Сорока великомучеников. Отличий в обрядовой кухне не было, отмечает информатор. В разговоре с нами М.Н. Пушкина все время подчеркивала, что большого различия между традиционной кулинарией коми-зырян и русских никогда не видела, так как *«это во многом похоже по культуре народы»*.

В середине XX в. в д. Усть-Алеус Ордынского района Новосибирской области приехало несколько десятков чувашских семей. С.А. Токарева, выйдя замуж за чуваша, общалась с его семьей и получила некоторое представление о традиционной чувашской кухне. Из наиболее запомнившихся повседневных блюд информатор назвала суп-шурпу с картофелем и приправами из муки, капусты и моркови. Иногда туда добавляли кусочки говядины, баранины или сала. Часто готовили кислое молоко (*«турак»*), для его приготовления заквашивали только что снятое молоко. Из кислого и пресного теста пекли лепешки, ватрушки, пироги с ягодными и овощными начинками. Часто пекли блины, колбки на поду или на сковороде. Информатор рассказывает, что *«у чувашей пирог делали, похожий на наш курник, “хунлу” называется. Пирог круглый, закрытый, в начинке крупа, картошка, сало»*. Информатор вспоминает, что *«свекровка готовила много каш – пшеничную, гречневую. Их ели со сливочным или конопляным маслом и молоком. Часто готовили крупяные похлебки из ячменя, проса, гречихи, а также гороха, фасоли, чечевицы»* (ПМА, Токарева Т.А.).

Т.А. Токарева отметила, что, выйдя замуж вторично за русского, чувашские блюда не готовила, так как *«чужое все это было»*. Каких-либо обрядовых блюд информатор вспомнить не могла, но упомянула, что на семейные торжества в семье мужа пекли закрытые пироги с творогом, рублеными вареными яйцами. Обязательно на стол подавали яичницу.

В целом информатор характеризует чувашскую кухню как близкую к русской, с похожим набором блюд, и отмечает, что предпочтение в рационе отдавалось продуктам растительного происхождения.

А.Т. Строева (в девичестве Кучер) вместе с родителями приехала в Алтайский край из Киевской губернии. Она рассказывала, что и по приезде в Сибирь в семье продолжали готовить традиционные украинские блюда. *«Сеяли рожь (жито). Первым делом постарались развести большой огород. Основное блюдо у нас было борщ. Его ели с пампушками из кислого теста квадратной формы. Пампушки ели отдельно со сметаной или с зеленым порезанным луком. В непостные дни его готовили с мясом»* (ПМА, Строева А.Т.). Информатор отмечает, что, в отличие от русских, в родительской семье никогда не делали пельменей, потому как «страшно сырое мясо в тесто класть».

«Вторым главным блюдом у нас были вареники с сыром (творогом) и еще галушки. Их вместо блинов мы на Масленицу много делали. Зимой мы заготавливали много украинских колбас. Колбасу складывали в чугуны и заливали топленным свиным жиром, салом. Она стояла до весны (до Пасхи)» (ПМА, Строева А.Т.). На Пасху (кроме традиционных куличей и крашеных яиц) готовили жаркое из мяса и кусков запеченного сала. В каши, особенно гречневую, также добавляли сало. Сало с гречневой кашей иногда просто запекали в печи. На Рождество обедались всевозможными мясными блюдами: сало, колбасы, томленное в печке мясо. На Троицу обязательно жарили яичницу на сале. По мнению информатора, у русских на столе все время было постное мясо, а *«мясо должно быть жирным. Что за колбаса, в которой ни жиринки!»* (ПМА, Строева А.Т.).

Пекли пироги с фасолью, которую выращивали на своем огороде. Часто ели творог и использовали его как начинку для пирогов. Из напитков чаще всего пили компот (взвар) и кисель. Информатор отмечала, что в ее семье кисель и компот варили не так, как в Сибири. *«Мы на Украине больше все кисель и компот с яблоками готовили. А в Сибири яблоки хуже росли, и их мало было, и мы с ягодами кисели и компоты стали варить»* (ПМА, Строева А.Т.).

Старожилка А.В. Мануйлова, несколько лет проживавшая в д. Варламово (Новосибирская обл., Болотнинский р-н), критически оценивает кулинарные навыки украинцев – ее соседей: *«Хохлы выпечки пекли мало. Я сдобой всегда ребятишек угощала. Зато огороды у них хорошие были, ухоженные и большие». «Хохлы готовили галушки из кислого теста. Их обычно ели со сметаной»* (ПМА, Мануйлова А.В.).

Как отмечала А.Т. Строева, украинцы на родине часто употребляли в пищу вареный картофель, запивая его простоквашей («кисляком»). *«А в Сибири у вас вареную картошку все больше едят с молоком»*. Информатор рассказывала, что блинов и оладьев, в отличие от русских, на Масленицу пекли меньше, *«...а то и вообще не пекли»*. Ухи и рыбных

блюдо также в рационе было немного: «...зачем рыба, когда можно есть мясо» (ПМА, Строева А.Т.).

Материалы Т.К. Щегловой относительно этнокультурных различий русских Алтайского края подтверждают наличие определенных различий в пище и способах ее приготовления у русских и украинцев, проживающих совместно в полиэтничных селах. Так, украинские информаторы свидетельствовали, что они тщательно мыли и очищали овощи для приготовления борща, мясо варили отдельно от овощей, заправляли борщ поджаркой из моркови и свеклы [Щеглова, 2005, с. 114].

Потомки выходцев из Могилевской губернии, переселившиеся в Алтайский край Тогульский район в начале XX в., рассказывали, что больших различий между их традиционной пищей и пищей русских переселенцев и старожилов не наблюдалось. Среди некоторых отличительных особенностей сибирской белорусской кухни Т.А. Антух называет большое количество блюд из картофеля (его варили, жарили, запекали в печи, добавляли в супы и похлебки, использовали как начинку для вареников и пирогов). Из тертого сырого картофеля делали драники, из картофельной муки пекли блины (ПМА, Антух Т.А.).

Белорусы Новосибирской области Болотнинского района готовили «гульбешники» («гульбишники») из смеси вареной толченой картошки и ржаной или пшеничной муки. Для приготовления гульбешников картофель варили «в мундире», очищали, а затем остужали и толкли в ступе. Затем жарили на сковороде без масла и, уже готовые, поливали маслом или сметаной. Иногда в тесто добавляли молоко, яйца, творог, сметану. В качестве начинки использовали сушеные ягоды, овощи, сало, рубленые вареные яйца с луком. Иногда гульбешники пекли в форме лепешек, без начинки. В некоторых русских семьях заимствовали приготовление этого блюда, внося в него изменения в соответствии со вкусовыми предпочтениями большинства членов семьи. А.Л. Киселева, проживающая в г. Болотное Болотнинского района Новосибирской области, рассказывала, что «гульбешники» в ее семье пекли в основном с сушеными ягодами, муку к толченому вареному картофелю добавляли не всегда, к столу подавали обязательно горячими, обильно смазав сливочным или конопляным маслом. Белорусы пекли «лапуны» – пироги из пшеничного или ржаного теста, выпекаемые на сковороде, посыпаемые солью или с солью в качестве начинки. Это блюдо тоже было заимствовано русскими (ПМА, Киселева А.Л.).

Популярным блюдом у белорусов были вареники с разнообразными ягодами, овощными и творожными начинками.

Белорусы, приехавшие в начале XX в. из Могилевской, Минской и Витебской губерний в Тогульский район Алтайского края, готовили много овощных блюд (борщи, супы, парёнки), варили фасоль. В больших количествах солили огурцы и капусту. По словам информаторов, пища русских и белорусов имеет много сходных черт, но в белорусской традиционной кухне больше овощных блюд.

В силу разницы в материальном положении и определенных традиций в ведении хозяйства у старожилов и переселенцев из губерний Европейской России наблюдались различия в рационе питания.

Хозяйки из числа старожилов чаще всего характеризовали хозяек переселенцев как ленивых и не умеющих готовить: *«Все вместе – овощи капуста, морковь, картошку в чугунок положат, водой зальют – и в печку. Как попало, на скорую руку готовили»* (ПМА, Мануйлова А.В.).

Старожилы зачастую упрекали переселенцев в негостеприимстве. Старожилка Н.А. Харитоновна рассказывала, что ее брат женился на девушке из семьи переселенцев из Тамбовской губернии. Родители брата приехали в гости к молодой семье, проживавшей вместе с родителями жены. Свекровь удивило то, что *«на столе был только шти капуста, каша, выпечка какая то... Мы на стол ставим солонину, мясо разное, напечем-наварим всего. А они, даже если небогатые, могли уж родственников угостить»* (ПМА, Харитоновна Н.А.).

Старожилы Алтайского края Тогульского района отмечали, что собирали и употребляли в пищу все грибы, кроме шампиньонов. *«Мы брезгливые были. Шампиньонов не ели»* (ПМА, Карташова А.И.). Переселенцы из Вологодской губернии, проживающие в Тогульском районе Алтайского края, в свою очередь рассказывали, что старожилы *«...жили богато. Мясо, солонина на столе у них всегда были. А вот за огородами плохо ухаживали. Грядки как попало, все вперемешку садили. Что где растет – не разберешь»* (ПМА, Шахова А.П.).

Согласно данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., переселенцы из Воронежской, Орловской, Симбирской и Вятской губерний, проживавшие в Кузнецком уезде Уксунайской волости, с. Старый Тогул, в большем, чем старожилы, количестве на своих участках выращивали огурцы, картофель, подсолнечник, овес, просо. Яровой пшеницы садили немного [ЦХАФАК. Ф. 233. Оп. 16. Д. 807].

Как правило, нестарообрядцы (православные или неверующие) упрекают староверов в брезгливости и недружелюбии: *«У кержаков (они за речкой жили) отдельная посуда была. Мы как-то после школы шли мимо дома кержацкого и попить хотели. У них бочка с водой во дворе стояла и ковшик лежал на ней. Младшая наша за ковшиком потянулась, чтобы зачерпнуть воды. А хозяйка увидела это и как кинулась – ковшик выхватила и нас выгнала. Такие вот они люди – детям попить не дадут»* (ПМА, Калачева В.Н.).

Е.С. Полянская рассказывала, как в голодные военные годы мама отправила ее и младшую сестру *«в деревню, где боговеры жили, еды какой-нибудь попросить. Мама даже нас специально молиться научила. Сестра Богу научилась молиться, и ей хлеба и пирогов дали, молоком угостили и даже за стол посадили. А мне боговеры ничего не дали, потому что я просто просила, а Богу не молилась»* (ПМА, Полянская Е.С.).

Е.И. Белоусова, будучи замужем за старообрядцем из семьи, приехавшей из Белоруссии, и проживавшая в д. Захаровка Болотнинского района Новосибирской области, рассказывала, что когда они с мужем приезжали к свекрови в гости, их угощали «*одной картошкой: вареной, толченой, гульбеешники, ораники делали*» (ПМА, Белоусова Е.И.). Родственники мужа всегда угощали ее из отдельной посуды и строго следили за тем, «*чтобы в еде с ней не смешиваться*» (ПМА, Белоусова Е.И.).

Переселенка М.И. Рогалева (с. Усть-Пристань) рассказывала про своего мужа-кержака (старожила): «У нас с ним был во всем лад, только в питании разлад. Я люблю борщ, чтобы всего было много, особенно много капусты, чтобы ложка стояла. А он похлебку – мясо, картошку и три капустинки». Или: «Кержаки, допустим, утром едят кашу, а в обед и вечером каждый раз самовар ставили и чаем запивали, а мы то молочком, то квасом» [Щеглова, 2005, с. 114].

Старообрядцы «крепкой веры», проживающие в верховье Енисея, придерживаются мнения, что человек должен быть умерен в еде: «*На широкой дороге – пей да гуляй, ешь до отвала*», – с осуждением говорила информатор (ПМА, Белова А.П.).

Более поздние переселенцы из России сталкивались с проблемой культурной адаптации в среде старожилов и переселенцев, в том числе и в сфере питания. Следует также отметить, что переселенцами перенималось, как правило, то, что прежде бытовало у них на родине (например, различные виды выпечки). Сходные по форме и содержанию блюда начинали активно использоваться в питании и у старожилов, и у переселенцев. Здесь имело место явление культурной интерференции – процесс, при котором происходит усиление взаимно схожих традиций и, наоборот, ослабление противоположных, отличающихся и не вписавшихся в общую этнокультурную среду [Фурсова, 2004, с. 37].

Старообрядцы Саяно-Алтая проживали на заселяемой ими территории в чуждом им культурном окружении (среди тувинцев, хакасов, алтайцев). В отличие от старообрядцев верховий Енисея, в питании старообрядцев Уймонской долины можно отметить некоторые заимствования из кухни проживающих по соседству алтайцев, например приготовление «*хурута*» – сыра из свежего молока, которое варили, пока оно не свернется. Затем полученную массу складывали в холщовый мешочек и сверху придавливали прессом. Ждали, пока сыр остынет и из него выйдет вся жидкость, затем клали на блюдо и резали (Альбом «Пища старожилов Уймонской долины»).

Заимствований из кухни тувинцев и хакасов в питании старообрядцев верховий Енисея нет. Это говорит об устойчивом стремлении оградить свою культуру, в том числе и в сфере питания, от инокультурных влияний, а также свидетельствует о том, что данная группа старообрядцев обладает большей внутренней закрытостью и устойчивостью религиозного мировоззрения, чем группа старообрядцев Уймонской долины.

Полевые материалы автора (ПМА)

Республика Тыва, Ка-Хемский р-н, с. Эржей, Сизим.
Алтайский край, Первомайский р-н, с. Сорочий Лог.
Новосибирская обл., Ордынский р-н, пгт. Ордынское, д. Усть-Алеус,
Спирино.
Новосибирская обл., Сузунский р-н, с. Сузун, д. Шайдурово.
Новосибирская обл., Черепановский р-н, пгт. Черепаново.
Новосибирская обл., Болотнинский р-н, г. Болотное.
Алтайский край, Тальменский р-н, пгт. Тальменка.
Новосибирская обл., Мошковский р-н, с. Мошково, Сарапулка.
Новосибирская обл., Маслянинский р-н, пгт. Маслянино.
Алтайский край, Тогульский р-н, с. Тогул, Старый Тогул, д. Антипино.
Республика Алтай, Усть-Коксинский р-н, с. Усть-Кокса, д. Верхний
Уймон.

Архивные документы

*Архив музея старообрядчества с. Верх.-Уймон
Усть-Коксинского р-на Республики Алтай*

Альбом «Пища старожилов Уймонской долины». Рукопись.

*Центральное хранение архивного фонда
Алтайского края (ЦХАФАК)*

ЦХАФАК. Ф. 233. Оп. 16. Д. 807.

Библиографический список

Фурсова Е.Ф. Календарная обрядность восточнославянских народов в Приобье, Барабе и Кулунде: межкультурные взаимодействия и трансформации первой трети XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2004. 46 с.

Шеглова Т.К. Русское население Алтайского края: этнокультурное многообразие и идентичность // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск, 2005. С. 111–124.

Г.Е. Иванов, Е.Г. Кабанова

ОБЕЛИСК НА МЕЖЕ

Неподалеку от села Покровки Мамонтовского района стоит в поле скромный обелиск в память о существовавшей здесь коммуне «Путь равенства» – редкий памятник социально-экономическому эксперименту, проводившемуся над крестьянством в 20-е гг. XX в., когда власть искала новые формы общественных отношений, собственности, производства и распределения в российской деревне.

Попыткой сразу и окончательно решить все социальные и экономические проблемы в деревне по умозрительным марксистским лекалам стала организация коммун – трудовых объединений, в которых

объединялось практически все имущество их членов, кроме личных вещей, и предпринималось внедрение принципа «от каждого по способностям, каждому – по потребностям».

При этом подразумевалось, что способности человека к труду будут использоваться максимально, а потребности у всех должны быть примерно одинаковыми – очень скромными и удовлетворяться по минимуму исходя из реальных возможностей. Поскольку в коммуны вступали в основном бедняки, то производственная база и организация труда в них были крайне слабыми, и даже самые насущные потребности удовлетворялись с трудом. Поэтому многие коммуны быстро распались, а в остальных отток членов был очень значительным. Лишь после того, как с большим запозданием и с трудом заработало изданное ВЦИК еще 14 февраля 1919 г. «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», предусматривавшее всестороннюю поддержку, льготы и помощь коллективным хозяйствам, состав и численность коммун временно несколько стабилизировались.

Объединившиеся в коммуну крестьяне стремились, как правило, обособиться от остального деревенского «общества», организовывая поблизости, на выделенных землях, однотипные небольшие поселки, состоявшие из двух-трех жилых корпусов – поставленных вплотную друг к другу фрагментов бывших отдельных изб (двоестенков и троестенков), общих производственных помещений (коровников, конюшен, мастерских и т.д.) и объектов соцкультбыта (изб-читален, народных домов, детсадов, школ, столовых, причем все это чаще всего размещалось в одном-двух помещениях).

Выбирая место под поселок, коммунары волей-неволей пренебрегали многими, веками сложившимися принципами. При выделении земель, в погоне за наиболее продуктивными пахотными угодьями, они старались избегать включения в отвод леса и неудобий, в результате поселки часто размещались в ровной степи, с подветренной стороны колков. Обязательным условием было наличие поблизости хотя бы небольшого водопоя для скота, а вот достаточных по площади пастбищ в большинстве случаев рядом не было.

Обследование коммун Барнаульского округа весной 1926 г. показало, что из 34 проинспектированных объединений уже тогда нуждались в выпасах для скота семь (или каждая пятая). Стремление увеличить стадо и одновременно площадь распахиваемых земель в последующем ситуацию еще более усугубило.

В условиях коллективного хозяйства это было терпимо, но с переходом коммун на устав сельхозартелей, когда сельчанам вновь нужно обзаводиться, хотя и в очень ограниченных размерах, собственным скотом, птицей и огородами, без которых колхозная семья существовать теперь просто не могла, жить в таких поселках стало очень трудно,

и большинство из них исчезло еще до начала очередной губительной для русского крестьянства компании – по ликвидации «неперспективных» деревень.

С 1920 по 1926 г. на территории тогдашних Мамонтовской волости, а затем района, возникли поселки Пример №2 (1920), Стенька Разин (1920), Харьковский (1920), Новый мир (1921). Сильный толчок образованию выселков дал введенный с 1 декабря 1922 г. новый Земельный кодекс, по которому землепользование осуществлялось в трех формах: товарищеской, общинной и товарно-участковой, делившейся на отрубную и хуторскую, что привело к массовому выселению крестьян из многодворных общин и образованию небольших выселков: Бурановки (1923), Вознесенского (1923), Кургана (1923), в котором в первый же год появилось 117 дворов, Троицкого (1923), Михайловского (1924), Северного (1924), Березовки (1925). Поселок Путь Равенства до 1929 г. входил в Боровскую волость и район. Не все эти поселки были коммунами. Часть из них образовывались как различные товарищества, в том числе и с совместной обработкой земли. Довольно часто в такие товарищества превращались распавшиеся коммуны.

Первые коммуны официально регистрируются Барнаульским уездным земельным отделом с января 1921 г. Коммуна «Путь равенства» зарегистрирована 10 марта 1921 г.

Об истории коммуны «Путь равенства» большой архивный материал собрал и передал в Мамонтовский краеведческий музей сын одного из коммунаров Андрей Митрофанович Панин. Он же написал свои воспоминания о детстве в коммуне и записал воспоминания жены одного из организаторов коммуны Анны Фроловны Меснянкиной. Благодаря этим документам история коммуны нам известна достаточно хорошо.

По воспоминаниям Анны Фроловны, вернувшиеся после окончания Гражданской войны партизаны стали собираться в их доме и говорить о том, как строить новую жизнь. Разговоры закончились решением организовать коммуну. Кузьма Иванович Меснянкин и Андрей Митрофанович Панин стали ходить по дворам и записывать желающих в нее вступить. Записались в основном бедняки: все четыре брата Меснянкиных, Исай Вениченко, Илья Садовничий, Минея Лазебный, Дмитрий Бредихин, Михаил Сусакин и другие, всего более 120 семей.

Весной 1921 г. коммунары начали перевозить свое имущество из села в организованный ими поселок. Место под него выбрали в 12 км к востоку от с. Покровки, в степи, с подветренной стороны осиново-березового колка. Одновременно с посевом, сенокосом и уборкой построили в один ряд 10–12 квартир, в каждой из которых проживало по 2–3 семьи, состоящих из 10–12 и более человек; коровник голов на 20–25, скотный двор для молодняка голов на 30–40, кошару голов на 300 овец, свиновник и амбары.

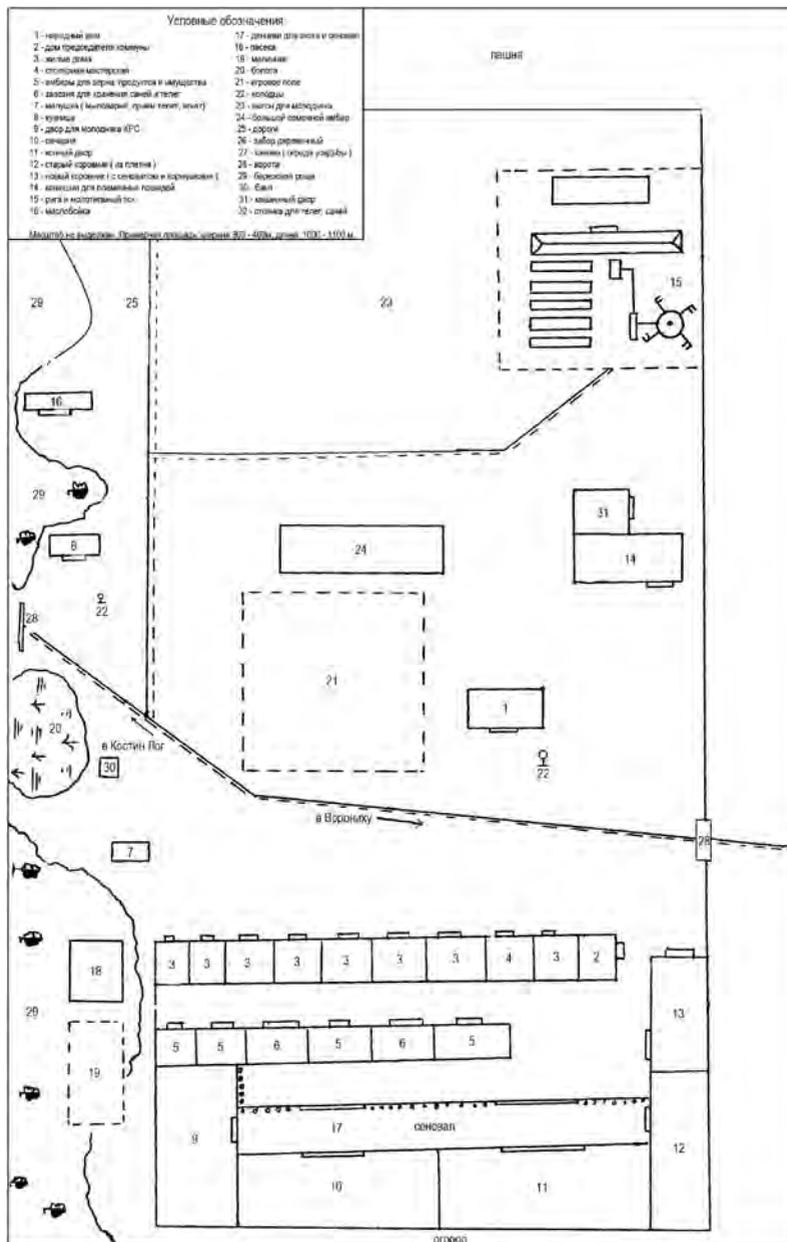

Рис. 1. Коммуна «Путь равенства». Схематический план П.А. Панина (2)

Первым председателем избрали Леонтия Иванова, как самого грамотного и опытного в хозяйственных делах. Но «за разлагательскую работу» его вскоре освободили от этой должности и исключили из коммуны. Позднее он был раскулачен и выслан. Новым председателем избрали К.И. Меснянкина. В отличие от Иванова, в школе он не учился вовсе и был бедняком, но, видимо, обладал хорошими организаторскими способностями, потому что через год его избирали председателем Костинологовского сельсовета, а председателем коммуны стал А.М. Панин. Через год уже его избирают председателем сельсовета, а Меснянкин вновь становится председателем коммуны и остается в этой должности до 1930 г., когда его назначают инструктором Мамонтовского райзо.

Количество членов коммуны в первые годы ее существования резко менялось. По отчету землемера В.А. Горшкова, на начало марта 1921 г. в коммуне числилось 257 едоков, у которых было 1111,25 десятин земли, из них 1092,25 удобной. Но уже 30 июня 1921 г. на общем собрании села Костин Лог выбывшим из коммуны 15 семьям, насчитывавшим 61 человека, возвращены 275 десятин пахотной земли и сенокосы. 15 ноября 1924 г. в выступлении на съезде колхозов Барнаульского уезда Андрей Панин говорит, что в коммуне состоит 40 душ. Есть сведения о том, что на 1 мая 1926 г. коммуна имела задолженность Барнаульскому окружному сибсельхозкредиту 300 руб. или по 5 руб. 66 коп. на едока, т.е. едоков было 53. В мае 1928 г. коммуне оставалось 255,6 га земли, в том числе удобной 155 га, 20 дворов, из них 12 безлошадных, 6 имели по одной лошади, по одному хозяйству имели 2 и 3 лошади. В хозяйствах проживало 58 человек, из них только 30 трудоспособных.

По словам А.Ф. Меснянкиной, «как только устоялся состав коммунаров (а «брожение», по ее утверждению, длилось 2–3 года), зажили мы хорошо, дружно ... Все работы выполнялись конным инвентарем или вручную. Пахали конными 1–2 лемешными плугами, боронили деревянными боронами, хлеб косили сенокосилками с приводом, потом вязали снопы, молотили конной простейшей молотилкой. Мы, женщины, в уборку хлеба по 6 недель вручную целыми днями вязали снопы».

Как происходила молотьба, рассказывает П.А. Панин: «Когда на гумне у риги накладывали много высоких и красивых скирд из снопов, запускали конную простейшую молотилку. Мужчины сбрасывали со скирд и подавали снопы в барабан молотилки, насыпали зерно, веяли его ручной веялкой или решетом и увозили с тока. Один мужчина гонял по кругу 4 пары лошадей. Круг через толстый и длинный вал вращал большой маховик, а он через длинный и широкий ремень в свою очередь вращал барабан молотилки. Женщины с граблями и полузакрытым лицом в 3–4 пары отгребали от молотилок солому к скирде. Там ее вершили. Труд женщин был тяжелый (сильный гул барабана, густая пыль, безостановочная работа) и опасный (были нередко случаи, когда зуб барабана срывался и вылетал в сторону работающих женщин и при попа-

дании в человека сильно ушибал его. Но несмотря на все это работа на молотье была веселой и радостной. Ведь она венчала труд коммунаров. На этой работе как нигде сильно проявлялся дух коллективизма, который порождал большой энтузиазм». Собранный хлеб конным обозом в 10–15 подвод увозили в Алейск на сдачу государству.

Рис. 2. А.Ф. Меснянкина

Вместе с трактором «Форзон-путиловец» в 1928 г. коммуна получила плуг «Джон Дир», молотилку «Ланц», сеялку, сноповязалку, необходимые для работы трактора керосин, бензин, солидол и смазочные масла. По обеспеченности машинами она относилась к средним хозяйствам округа. Первыми трактористами были Беляев Геннадий и Демиденко Федор.

В 1928 г. в конторе коммуны появилось радио, а вскоре его через наушники могли слушать в каждой квартире. И вновь вспоминает А.Ф. Меснянкина: «Доить коров и ухаживать за другим скотом в первые годы у нас не было освобожденных доярок и других работников животноводства. Все работали в поле или на других хозработках, а приходили с работы, шли на скотные дворы, чтобы выполнить необходимые работы там. Мне на таких условиях пришлось три года выращивать свиней. Была я и дояркой, и телятницей. Оплаты труда, как заработка, у нас не было, поэтому и денег не было тоже. Хлеб, мясо, молоко мы полу-

чали из коммуны по едокам. Кто нуждался, тому шили обувь и давали шерсть на валенки, мужчинам шили зимние тулупы. Кроме того, от выращивания льна мы получали куделю льноволокна и пряжами пряли, а потом вручную ткали полотно, чтобы шить себе белье и одежду. Кроме выращивания подсолнечника на масло, у нас его выращивали и для выдачи членам коммуны. Такого подсолнечника наша семья в 1923 г. получила 10 пудов и весь он за зиму был израсходован (Куда и как? Об этом пишет П.А. Панин: «Вечерами развлекались песнями (много и хорошо пели мужчины и женщины), сказками, разговорами о пройденном и будущем пути жизни. При этом много шелкали семечек подсолнечника»). В первые годы жизни в коммуне не было ни столовой, ни пекарни. Хлеб пекли в каждой квартире, где проживало две-три-четыре семьи, пекла по очереди каждая хозяйка по понедельно. Общую баню топили тоже поочередно. Работающие даже в поле приходили ночевать и обедать домой. Позднее организовали общий стол (столовую), куда приходили обедать со своей посудой и хлебом и садились каждая семья за свой стол. Таким образом, женщины не знали многих семейных забот. Такими условиями жизни почти все мы были довольны...»).

Рис. 3. А.М. Панин

С годами коммуна стала кое-что приобретать, строить. Купили маслобойку, паровую мельницу, сложную молотилку и другие машины, своими силами построили кирпичный завод по выработке жжено-

го кирпича, изготовили кизячноделательный агрегат. На месте старых домишек в 1927 г. построили жилой двухэтажный корпус с отдельной комнатой на каждую семью, но без кухонь. Печи топились из коридора. К корпусу пристроили кухню и столовую, где кормили три раза в день. Организована детплощадка, а через 7–8 лет – детсад, построен клуб, в котором молодежь проводила свое время и все коммунары смотрели передвижное кино.

Рис. 4. К.И. Меснянкин

С первых лет в коммуне действовала своя начальная школа, в которой преподавали приглашенные учителя. Днем в школе учились дети, а вечером три года учились взрослые коммунары, в основном женщины. Специального здания под школу не было. Занятия проходили в народном доме – деревянном здании из двух комнат, сочетавшем функции клуба, конторы, школы. Школа была одноклассной, начиная со второго класса дети могли учиться в с. Костин Лог, где существовала четырехлетняя начальная школа. Жили на съемных квартирах. «В детском возрасте, – вспоминает П.А. Панин, – учиться на стороне, жить на квартире даже у родных, было очень тяжело и грустно, но мы учились. Трудностями учебы тех лет было то, что не было хороших и очень мало было вообще учебников, не было тетрадей (писали порой на старых книгах и газетах), не было или мало было других письменных принадлежностей. Да и учителя были с низким, чаще с начальным образованием. По всем

этим и другим причинам, учиться было, при всем старании, очень трудно. К этому следует добавить, что в школе села мы, коммунары, постоянно ощущали травлю со стороны кулацких и поповских сынков только за то, что мы были коммунары, коммунисты, безбожники. Скучно было с одеждой и питанием».

Весной 1929 г. в связи с ликвидацией Боровского района села Костин Лог, Махаиха и коммуна «Путь равенства» переданы в состав Мамонтовского района. В 1930 г. коммуна перешла на устав сельхозартели. «Этот переход, – вспоминает А.Ф. Меснянкина, – женщины-коммунарки встретили неодобрительно, так как он означал некоторый возврат к старому: свой дом, огород, своя скотина, т.е. то, от чего мы уже отвыкли. Но женщины понимали, что этот переход нужен для улучшения ведения хозяйства, для массового вовлечения всех крестьян в колхоз. И они с этим согласились. Начался приток новых членов колхоза, появились личные дома колхозников на новой улице, жилой двухэтажный корпус, где жили коммунары, был сломан».

Колхоз «Путь равенства» просуществовал до 1950 г., когда в период укрупнения вошел в колхоз имени Калинина с центральной усадьбой в с. Покровке.

В 1967 г. в районе начался новый, печально знаменитый эксперимент – ликвидация «неперспективных» деревень. И первым перевезен за 12 км, в с. Покровку, поселок Путь Равенства. Летом специально созданной в колхозе бригадой перевезено и капитально отремонтировано 20 жилых домов. Правление выделило переселенцам денежные ссуды, кирпич и шифер. Последний дом перевезен 23 августа, и бывший коммунарский поселок прекратил свое существование в год 50-летия революции, породившей идею его возникновения. История поселка завершилась не менее символично, чем началась. И теперь только небольшой обелиск на заросшей меже напоминает о грандиозной социальной утопии, которую пытались здесь осуществить.

**Д.С. Калашников, С.М. Ситников,
В.П. Семибратов, О.И. Чекрыжова**

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НЕКОТОРЫЕ НАХОДКИ РЕЛИГИОЗНОГО ХАРАКТЕРА С ТЕРРИТОРИИ НАГОРНОГО КЛАДБИЩА

Осенью-зимой 2015 г. временным творческим коллективом под руководством С.М. Ситникова осуществлялись аварийные работы на территории бывшего Нагорного кладбища г. Барнаула. В числе находок, сделанных в ходе проведения работ, значительное место занимают предметы православного культа. Подавляющее большинство из них

представлено нательными крестами. Наиболее часто используемый материал – медный сплав, техника исполнения – литье или штамповка. На втором месте – серебро (штамповка). В одном случае использовалось золото (штампованное изделие) и в трех случаях – дерево (резьба). На ряде металлических изделий сохранились следы эмали зеленого, белого и/или синего цвета. Степень сохранности различная. Некоторые находки имеют фрагментарную сохранность. Причиной этому послужили активные химические процессы, вызванные разложением органики. Аналогичные явления отмечались и в 2000 г., когда на том же памятнике проводились работы по укреплению берега р. Оби от автодорожного моста до улицы Тачалова [Пугачев, Калашников, 2001, с. 270–273].

Наибольший интерес из найденных предметов представляют два деревянных резных креста. Первый из них (рис. 1–2; могила №20, раскоп 1) полностью соответствует православному канону: «Крест нательный 2-сторонний 4-конечный с расширяющимися лопастями и острыми углами в средокрестии. 55 x 23 x 4 мм. Дерево, резьба. Порода дерева не устанавливалась. Сохранность удовлетворительная. Оглавие в виде бусины.

Лицевая сторона: периметр ограничен узким бортиком, отвесным в верхней лопасти и скошенным к центру в остальных.

Поле лицевой стороны заполнено геометрическим орнаментом из чередующихся линий, образованных точками, и полумесяцев с точкой внутри.

Нижняя оконечность: схематическое изображение Голгофского холма с главой Адама внутри.

Средокрестие: рельефное изображение 8-конечного Голгофского креста с вертикально установленными копием и тростью по обе стороны. Над основной (горизонтальной) перекадиной расположены рельефные монограммы без титлов «IC» (справа) и «XC» (слева) – буквенное обозначение имени Иисуса Христа.

Оборотная сторона гладкая. На поверхности расположены 7 шестилепестковых цветов (звезд?), выполненных путем вдавливания в поверхность дерева узкого и тонкого инструмента треугольного сечения.

Датировка затруднена. Предположительно – вторая половина XIX в.».

Второй крест (рис. 3–4; могила №39, раскоп 1) больше соответствует католическому канону: «Крест нательный 2-сторонний, 4-конечный с прямоугольными лопастями и прямыми углами в средокрестии. 54 x 24 x 5 мм. Дерево, резьба. Порода дерева не устанавливалась.

Сохранность удовлетворительная. Скол шириной 2 мм на верхнем бортике левой лопасти. Оглавие в виде уплощенной бусины.

Лицевая сторона: периметр ограничен массивным бортиком, на котором в оконечностях лопастей расположены двойные диагональные насечки.

Рис. 1. Деревянный нательный крест из могилы №20, раскоп 1. Лицевая сторона

Рис. 2. Деревянный нательный крест из могилы №20, раскоп 1. Обратная сторона

Рис. 3. Деревянный нательный крест из могилы №39, раскоп 1. Лицевая сторона

Рис. 4. Деревянный нательный крест из могилы №39, раскоп 1. Обратная сторона

Верхняя оконечность: геометрический узор в виде трех символов «д». В правой и левой оконечностях ряды неясных вертикальных насечек в одну строку в средней части и ряды из заглубленных «арок» (по три в каждой лопасти).

Нижняя оконечность: схематичное изображение Голгофского холма в виде прямоугольника, заполненного точками.

В средокрестии изображение 4-конечного Голгофского креста, обозначенного узким заглубленным абрисом.

На Голгофском кресте расположено рельефное изображение фигуры распятого Иисуса Христа с головой, склоненной к правому плечу и окруженной «лучистым» нимбом.

«Провисшее» положение тела на кресте, близкое к натуралистическому, и расположенные параллельно ступни ног (что означает изображение двух гвоздей, которыми были прибиты ноги, и соответствует именно католической манере исполнения), противоречат православному канону изображения распятия.

Оборотная сторона: бортик оформлен аналогично лицевой стороне. Поле креста заполнено неясным геометрическим узором. В средокрестии – ростовое изображение Богородицы, держащей на левой руке младенца Иисуса. Правая рука простерта к Младенцу в молитвенном жесте – сюжет «Одигитрия». На лбу и плечах мафория Богородицы по три звезды – трижды повторенный символ тройной невинности, сохраненной до Рождества, во время Рождества и после Рождества.

Головы Девы Марии и Младенца окружены «лучистыми» нимбами. В верхней лопасти расположено, выполненное греческими буквами обозначение имени Богородицы.

Датировка затруднена. Предположительно – вторая половина XIX в.».

Оба креста были обнаружены в захоронениях, расположенных в кирпичных склепах. Расстояние между склепами – не более 10 м.

Библиографический список

Пугачев Д.А., Калашников Д.С. Предварительные итоги аварийных работ на памятнике истории и культуры Нагорное кладбище в г. Барнауле // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. С. 270–273.

П.С. Коваленко

Музей истории Алтайской духовной миссии, Бийск, Россия

БИЙСКИЙ АРХИЕРЕЙСКИЙ ДОМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Главным строением Бийского архиерейского подворья более века является архиерейский дом (улица Иркутская, 1/1) (рис. 1–4). Именно здесь с 1883 по 1919 г. задавался, по сути, тон духовной жизни огромного региона – от Северо-Восточного Казахстана до Хакассии, включая всю современную Республику Алтай и отчасти Алтайский край [Крейдун, 2008].

Рис. 1. Архиерейский дом в Бийске. Фото 1900 г.

Рис. 2. Архиерейский дом в г. Бийске. Начало XX в.

Первый двухэтажный с мезонином архиерейский дом был построен в период с 1880 по 1882 г. на средства бийских 1-й гильдии купцов – городского головы Я.А. Сахарова и А.Ф. Морозова, а также других почитателей и освящен Преосвященнейшим Владимиром (Петровым), первым бийским епископом. Все это время время епископ Владимир, помимо управления миссией, был «озабочен» скорейшей постройкой подворья и архиерейского дома [О миссиях Томской епархии..., 1883, с. 276].

Рис. 3. Архиерейский дом. 1914 г. Из альбома семьи Лусниковых

Рис. 4. Первый Бийский архиерейский дом с катехизаторским училищем Алтайской духовной миссии. Рисунок Г.И. Чорос-Гуркина

Это был «крытый железом просторный дом с каменным нижним этажом, деревянным средним и таким же верхним (мезонином); в верхнем этаже располагалась церковь, вмещающая более 500 душ; в прочих – просторные помещения для начальника миссии, библиотеки, канцелярии, архива и т.п., для певчих-учеников, служащей при домовой церкви братии, для иконописной мастерской, свечного, книжного, иконного и т.п. складов и, наконец, для временного приюта всех

отцов-миссионеров, являющихся к начальнику миссии по делам своей службы, отдельно, или на общие собрания...» [О миссиях Томской епархии..., 1883, с. 382].

Уже с весны 1882 г. начальник миссии с братией и другими помощниками из неудобной съемной квартиры переселился в новое, большей частью еще не достроенное здание.

На праздник Воздвижения Креста Господнего, 14 сентября 1882 г., начальником миссии при участии всех миссионеров и жителей Бийска были освящены и поставлены над храмом накупольные кресты. Домовая архиерейско-миссионерская церковь была освящена епископом Владимиром (Петровым) 17 сентября 1882 г. в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы «с тою целью, чтобы она, став здесь, на рубеже языческого Алтая, как тогда в сердце магометанского царства, была мощным покровом и защитой всех трудящихся на миссионерском поприще и утешительницею новообращенных» [О миссиях Томской епархии..., 1883, с. 276]. Очевидно, церковь и дала название обширной северной части города – Казанке. Назначенный в 1883 г. на Томскую кафедру епископ Владимир во время отъезда из Бийска в своей прощальной речи говорил, что Казанская икона Божией Матери знаменательна для него тем, что он родился в приходе церкви во имя Казанской иконы Пресвятой Богородицы. Поэтому, переселяясь из Бийска на новую кафедру и ощущая при этом свою тесную связь с миссией, владыка сказал, что «оставить ее не может и поручил миссионеров покрову Казанской Божией Матери, находившейся на рубеже христианского и магометанского мира в Казани, а теперь ставшей на рубеже Алтая языческого» [Вербицкий, 1883, с. 556]. Именно тогда епископ оставил на память миссионерам две иконы: Божией Матери, именуемой «Братская», и святого равноапостольного князя Владимира, завещая разместить их на жертвеннике, в алтаре Казанского домового храма [Вербицкий, 1883, с. 558–559].

Роспись «центральной миссионерской церкви» выполнил миссионер иеромонах Антоний [О миссиях Томской епархии..., 1883, с. 443].

Одной из главных святынь храма была точная копия чудотворной Казанской иконы Божией Матери, выполненная в Казани по просьбе святителя Макария (Невского), бывшего в то время епископом Бийским. В одном из писем директору Казанской инородческой учительской семинарии Н.И. Ильминскому владыка Макарий выразил «желание иметь для этой церкви копию с чудотворной иконы, находящейся в Казанском женском монастыре, и притом такую, которую списал бы иконописец незасорной жизни или сестра обители, опытная в иконописном искусстве, с надлежащим приготовлением к оному делу: постом и молитвою, красками, освященными при чудотворной иконе. Все было сделано так, как желал Преосвященный, и икона в 1885 г. была привезена, где торжественно встречена всеми гражданами Бийска» [Записки епархиального миссионера..., 1901, с. 20]. Отправляя икону, Н.И. Ильминский писал,

что этот священный дар, благословение г. Казани Алтаю, стал возможен благодаря трудам владыки Палладия и настоятельницы монастыря.

Новопостроенный архиерейский дом явился для бийского общества местом обсуждения и решения важных церковных и даже светских вопросов. Стараниями епископа Макария (Невского) каждый воскресный день в зале архиерейского дома для горожан проводились бесплатные духовные концерты-чтения, а также благотворительные концерты «для усиления средств против раскольнического братства святителя Дмитрия». Как писали тогда Томские епархиальные ведомости, данные мероприятия оставляли приятные впечатления [Н. Б., 1885, с. 4].

Периодически, по случаю приезда в город важных церковных лиц, а также в связи с празднованием знаменательных исторических дат и больших православных праздников, в архиерейском доме устраивались званые обеды. Так, в очерке о бийской жизни помощника окружного полицейского исправника Е.П. Клевакина подробно описан один из таких обедов, организованный в честь приезда в город Преосвященного Владимира (Петрова), епископа Томского и Семипалатинского, в свое время служившего начальником Алтайской духовной миссии. 11 мая 1886 г. «...после обедни, в час дня был назначен обед в архиерейском доме, куда начали съезжаться с 12 часов. Предварительно гостей угощали чаем. Перед обедом была подана еще закуска. Наконец, в 4 часа уселись за стол. Кушанья были большей частью рыбные, только одна жареная телятина. Первый тост был за Государя Императора, Государыню Императрицу и Государя Наследника Цесаревича, второй тост – за Преосвященного Владимира. Но прежде тоста городской голова Морозов прочитал адрес, поднесенный бийским обществом епископу Владимиру. Третий тост – за городское общество и присутствующих, за всех и за вся, причем Преосвященный Владимир говорил за единение церкви с гражданским ведомством...» [ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 9. Л. 41].

При архиерейском доме популярностью пользовался книжный склад-магазин с большим ассортиментом книг и картин. Уже тогда, в 1882 г., в здании архиерейского дома было устроено особое, приспособленное к тому помещению, и положено начало делу. По прошению начальника миссии советом общества распространения священных книг из Санкт-Петербурга было прислано для склада «на комиссию разного рода книг Священного Писания более чем на 400 рублей» [О миссиях Томской епархии..., 1883, с. 444].

В объявлении за 1885 г. представлен перечень продаваемых книг: «Евангелие разных форматов на славянском и русском наречии, псалтири на русском и славянском наречии, акафисты святому великомученику Пантелеимону, жития разных святых, слово о различных состояниях естества человеческого, слово о спасении, слово о смерти, слово о греховных помыслах, о говении по уставу святой церкви, о различных христианских обязанностях, о вечных мучениях, сочинения Преосвя-

щенного Тихона о мудрости христианской и о грехе, краткое нравоучение Тихона Задонского, епископа Воронежского, четвертая заповедь, описание Афонской часовни, Чаша Христова, изложение учения Православной Церкви, указание пути в Царствие Небесное, чудотворный образ» [Объявление, 1885, с. 11]. Среди учебных книг значились: часослов учебный, методика закона Божия, родное слово и руководство Ушинского, методика арифметики, сборник арифметических задач Евтушевского, азбука под названием «Копейка». Каждый желающий мог приобрести иконы великомученика Пантелеимона малого формата и святителя Николая Чудотворца, распятие Иисуса Христа, портрет Государя Императора, картины с видом храма Господня [Объявление, 1885, с. 11].

О потребности в создании больших размеров «общего книжного склада в гор. Бийске при доме начальника миссии» впервые упоминается в отчете миссии за 1882 г. На страницах отчета говорится, что принимаются «подготовительные меры к его устройству», к тому, чтобы склад в скором будущем мог служить духовным нуждам не только инородцев, но и русских христиан, живущих как в пределах миссии, так и в ее окрестностях. Говорится также о том, что «учреждение это не только необходимо само по себе для возвышения умственного, религиозно-нравственного уровня быстро растущего, особенно в Бийском округе, через наплыв из России населения, но и потому, что от этого зависит много успех дела в прикасающейся к нему и проникаемой им среде инородческой» [О миссиях Томской епархии..., 1883, с. 443–444].

22 мая 1886 г. на архиерейском подворье произошел пожар. В 2 часа ночи сгорел архиерейский дом, «вмещавший в себе кроме помещения начальника миссий Томской епархии епископа Макария, прекрасную домовую церковь, служившую украшением г. Бийска и, так сказать, собором Алтайской миссии, классные и спальные помещения для 50 мальчиков, воспитанников катехизаторского училища, беднейших юношей большею частью инородческих детей, имевших здесь бесплатное помещение и обучение, и готовившихся проповедовать Слово Божие на Алтае. То, что созидалось в продолжении лет трудами двух начальников миссии: Преосвященных Владимира и Макария, при пособии совета миссионерского общества и пожертвованиях частных лиц, сделалось жертвою безжалостной стихии в каких-нибудь 2–3 часа» [Известия и заметки, 1886, с. 5].

Епископ Макарий спасает от огня в домовом Казанском храме напрестольный крест, Антиминс, Евангелие и Казанскую икону Пресвятой Богородицы – список с чудотворного первообраза. Пожар уничтожил здание, все имущество, библиотеку, архивы миссии и катехизаторского училища. Уцелевшими остались только надворные постройки и церковно-приходская школа. Несчастий с людьми и насельниками дома не произошло. Как предполагалось, поджог был совершен старообрядцами, против которых была направлена деятельность противорас-

кольничьего братства во имя святителя Димитрия, митрополита Ростовского [Известия и заметки, 1886, с. 6–7].

Новый архиерейский дом возводился в короткие сроки – с 1886 по 1888 г. – на благотворительные пожертвования сотен граждан Бийска, Бийского уезда и Российской империи. Уже через несколько месяцев после пожара стараниями бийских купцов А.В. Соколова, М.С. Сычева и сотен других благодетелей, среди которых были Высокопреосвященнейший Платон, митрополит Киевский и Галицкий, графиня А.Г. Толстая, граф С.В. Орлов-Давыдович и сотни других, начато строительство нового кирпичного архиерейского дома. Средства помощи направили также некоторые государственные и церковные административные учреждения – Святейший Синод, Совет православного миссионерского общества [В пользу Алтайской миссии, 1887, с. 10–13; Список жертвователей..., 1888, с. 9–16]. Автором проекта стал выпускник Санкт-Петербургской академии художеств, томский губернский архитектор С.М. Владиславлев [Крейдун, 2010, с. 12].

В 1888 г. было освящено вновь построенное кирпичное трехэтажное «пространнейшее» здание. 21 сентября 1888 г. Макарием (Невским), епископом Бийским, освящена домовая при Бийском архиерейском доме однопрестольная церковь во имя «раскола искоренителя» святителя Димитрия, митрополита Ростовского, построенная на средства благотворителей. Она размещалась в третьем этаже-мезонине и была увенчана восьмигранным конусообразным куполом-шатром с небольшой святой главой. Таким же куполом была увенчана квадратная в основании одноярусная колокольня, связанная с центральной частью храма низким чердачным коридором под кровлей здания [ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 23. Л. 10].

В новоосвященной церкви постоянно находилась одна из главных святынь Алтая – икона небесного покровителя Бийска и Алтайской духовной миссии – святого великомученика Пантелеимона с частицей его святых «целебных» мощей. Как писали Томские епархиальные ведомости за 1890 г., «окрестные жители имеют особое благоговение к этой святыне и во время народных бедствий: засух, саранчи и эпидемической болезни – просят для молебствия в свои жилища» [Состояние центрального пункта..., 1890, с. 2]. С момента освящения храма церковным старостой на первое и второе трехлетие избирался бийский мещанин В.В. Ракин [От канцелярии епископа Бийского..., 1894, с. 5].

Документ с названием «Страховая оценка», датированный 31 августа 1910 г., из фондов Российского государственного исторического архива содержит подробное описание Бийского архиерейского дома: «...каменный, двухэтажный с мезонином (в мезонине домовая церковь), внутри и снаружи оштукатурен, покрыт железом, окрашенным зеленой масляной краской; высота дома – 5 сажен, ширина – 12 сажен, длина – 18 сажен. Окон в мезонине (церкви) – 26 штук, мерой 1½ аршина высоты и 12 вершков ширины; в верхнем этаже – 35 штук мерою 3½ аршина

высоты и 2 аршина ширины; 10 окон мерою 3 аршина высоты и 2 аршина ширины и 2 окна мерою 3½ аршина высоты и 10 вершков ширины; в нижнем этаже всех окон 42, мерою 2 аршина высоты и 2 аршина ширины; все окна с двойными рамами. Дверей двухстворчатых – 35, одностворчатых – 15; печей русских – 1, голландских – 27 и 1 печь с трубой в бане...» [РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 2157. Л. 58, 58об.].

В начале XX в. при архиерейском доме также работал книжный склад. В ассортименте склада имелись «иконы, богослужебные книги, священнические кресты, учебники для церковно-приходских школ, Троицкие и Афонские книжки и листки, а также и книги духовно-нравственного содержания» [Объявления, 1901, с. 28].

Согласно страховой оценочной ведомости от 31 августа 1910 г. в комплекс Бийского архиерейского дома входило 11 строений [РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 2157. Л. 58–59об.]:

- 1) Казанская церковь – каменная; построена в 1891 г.;
- 2) архиерейский дом – каменный, двухэтажный с мезонином; построен в 1888 г.;
- 3) дом (флигель) – каменный, одноэтажный; построен в 1906 г.;
- 4) дом (флигель) – деревянный, одноэтажный; построен в 1905 г.;
- 5) конюшня – каменная, одноэтажная (примыкает к каменному флигелю), с кучерской избой; построена в 1906 г.;
- 6) завозня, амбар и конюшня – деревянные; построены в 1905 г.;
- 7) завозня, конюшня и коровник – деревянные; построены в 1905 г.;
- 8) завозня – деревянная; построена в 1901 г.;
- 9) завозня, амбар и кладовая – деревянные, построены в 1883 г.;
- 10) амбар – деревянный; построен в 1902 г.;
- 11) баня – деревянная; построена в 1907 г.

Оценочная ведомость от 24 апреля 1914 г. содержит дополнительный список вновь возведенных строений:

- 1) завозня, амбар и кладовая – бревенчатые, деревянные; построены в 1913 г. взамен старых (№9);
- 2) баня – деревянная, бревенчатая; построена в 1914 г., взамен старой (№11);
- 3) новый навес из деревянных столбов, крытый железом – примыкает к завозне, амбару и кладовой №9; построен в 1913 г. [РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 2157. Л. 61, 61об.].

Вся территория Бийского архиерейского дома с хозяйственными строениями, Архиерейской рощицей с фонтаном и беседками была обнесена изгородью высотой более 2,5 м, состоящей из каменных столбов и деревянных решеток-пролетов, и частично – кирпичным забором. Справа и слева от центрального входа в архиерейский дом, согласно почтовым открыткам и фотографиям начала XX в., симметрично располагались каменные парадные двухстворчатые ворота с двумя однотипными калитками по бокам [МАДМ. НВФ. Инв. №512].

Предположительно, в калитке левых ворот, под навесом, в специально устроенном киоте со ставнями (согласно почтовым открыткам начала XX в. [МАДМ. НВФ. Инв. №512]) и находилась для всеобщего поклонения особо чтимая Бийская чудотворная Казанская икона Божией Матери. В 1910 г. «один из просвещенных освободителей “рабочих” – Гушин похвалился своим единомышленникам, что он выстрелит в Казанскую икону Божией Матери...». В ночное время суток Гушин отправился с товарищами к иконе и выстрелил в нее. Более 20 дробинок попали в изображение младенца Христа. Мучаясь угрызением совести, он сам заявил властям о своем преступлении. Богоотступник и его сотоварищ вскоре в душевных муках покончили жизнь самоубийством. И, как писали Томские епархиальные ведомости, «...никто из мимо проходящих не решится пройти мимо означенной иконы, чтобы не поклониться ей. Даже бывшие явные атеисты и те не проходят без поклонения и лобзания этой иконы» [Кара Божия, 1910, с. 762–763]. К сожалению, в советские годы XX в. икона была утеряна.

В 1920 г. архиерейский дом, как и все здания подворья, был национализирован. Уже 21 февраля 1920 г. квартирно-жилищный отдел при Бийском горхозе выдал Бийскому отделу народного образования удостоверение за №438, разрешающее занять помещение церкви архиерейского дома [МАДМ. НВФ. Инв. №344].

Более восьмидесяти лет здание использовалось в иных целях. В разные годы в нем располагались: общежитие опытно-показательной школы имени III Коминтерна, начальные школы имени Г.Е. Зиновьева и А.С. Грибоедова, семилетняя «Привокзальная» школа, автомобильный техникум, в годы Великой Отечественной войны – эвакогоспиталь, затем штаб воинской части [МАДМ. НВФ. Инв. №317].

В июне 2002 г. архиерейский дом был возвращен РПЦ. Начались реставрационные работы.

Официальное распоряжение Правительства РФ за №979-р о безвозмездной передаче здания в собственность Барнаульской епархии РПЦ было подписано только 16 июля 2003 г. [МАДМ. НВФ. 416].

19 сентября 2002 г. Преосвященнейший Максим (Дмитриев), епископ Барнаульский и Алтайский, в сослужении духовенства освятил два новых креста на купола архиерейского дома. При большом стечении народа в этот же день состоялось поднятие и установка святого креста на главный купол домового храма во имя святителя Димитрия, митрополита Ростовского [Носкова, 2002, с. 1].

В залах архиерейского дома с 25 сентября 2009 г. разместились экспозиции Музея истории Алтайской духовной миссии. По состоянию на 1 марта 2016 г. в составе музея 19 тематических залов-экспозиций, 48547 музейных предметов. Коллектив музея проводит ежегодно более 700 экскурсий, которые посещает до 35 тысяч туристов и паломников.

В мезонине здания воссоздана и 31 октября 2013 г. Преосвященнейшим Сергием (Иванниковым), епископом Барнаульским и Алтайским, освящена домовая крестовая церковь бийских архиереев во имя святителя Димитрия, митрополита Ростовского. В храме ежемесячно проводятся богослужения.

С июля 2014 г. при музее открыта Центральная православная библиотека г. Бийска. В ее собрании 12760 книг, более 30 тысяч номеров православной периодики, 1400 документальных фильмов о православии.

В помещениях архиерейского дома работают взрослая воскресная школа и молодежный православный центр «Добро» Казанской церкви г. Бийска, православный кинолекторий.

Таким образом, Бийский архиерейский дом в начале XXI в. переживает время вторичного возрождения, снова является духовным, образовательным и культурным центром Бийской епархии. Сбор исторических фактов и архивных документов, их изучение и анализ позволяют глубоко и емко проследить «биографию» здания, понять первоначальное функциональное назначение его залов и комнат и тем самым восстановить историческую преемственность.

Библиографический список

В пользу Алтайской миссии на возобновление сгоревших от пожара 22 мая дома и церкви Начальника томских миссий епископа Бийского и катехизаторского училища... // Томские епархиальные ведомости. 1887. №5. С. 10–13.

Вербичкий В. Проводы из г. Бийска Преосвященнейшего Владимира на кафедру Томскую // Томские епархиальные ведомости. 1883. №19. С. 556, 558–559.

ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 9. Л. 41. Из очерков Е. П. Клевакина о бийской жизни. 1886 г.

ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 23. Л. 10. Клировая ведомость Казанской церкви Томской епархии гор. Бийска Алтайской духовной миссии за 1905 год.

Записки епархиального миссионера, священника Павлина Смирнова // Томские епархиальные ведомости. 1901. №24. С. 20.

Известия и заметки // Томские епархиальные ведомости. 1886. №13. С. 5–7.

Кара Божия // Томские епархиальные ведомости. 1910. №18. С. 762–763.

Крейдун Г., свящ. Алтайская духовная миссия в 1830–1919 гг.: структура и деятельность. М., 2008. 200 с. : илл.

Крейдун Ю.А. Бийский архиерейский дом. История и архитектура. Бийск, 2010. С. 12.

МАДМ. НВФ. 416. Распоряжение Правительства РФ за №979-р о безвозмездной передаче в собственность Барнаульской епархии РПЦ зданий по адресу: Алтайский край, г. Бийск, улица Иркутская, 1/1 и 1/2 от 16 июля 2003 г.

МАДМ. НВФ. Инв. №317. Папка с документами и материалами (копии) «Бийский архиерейский дом. 1880–2014 гг.».

МАДМ. НВФ. Инв. №344. Удостоверение за №438 от 21 февраля 1920 г. выданное квартирно-жилищным подотделом при Бийском горхозе Бийскому отделу народного образования.

МАДМ. НВФ. Инв. №512. Альбом фотографий «Бийское архиерейское подворье в начале XX в.».

Н. Б. 6 апреля и 13 мая – в г. Бийске // Томские епархиальные ведомости. 1885. №12. С. 4.

Носкова Л. Под сенью крестов архиерейского дома // Бийский рабочий. 2002. 26 сент. №186. С. 1.

О миссиях Томской епархии Алтайской и Киргизской в 1882 г. // Томские епархиальные ведомости. 1883. №10. С. 276.

О миссиях Томской епархии Алтайской и Киргизской в 1882 г. // Томские епархиальные ведомости. 1883. №13. С. 382.

О миссиях Томской епархии Алтайской и Киргизской в 1882 г. // Томские епархиальные ведомости. 1883. №15. С. 443–444.

Объявление // Томские епархиальные ведомости. 1885. №3. С. 11.

Объявления // Томские епархиальные ведомости. 1901. №2. С. 28.

От канцелярии епископа Бийского, начальника Алтайской и киргизской миссий Томской епархии // Томские епархиальные ведомости. 1894. №23. С. 5.

РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 2157. Л. 58, 58–59об., 61, 61об. Страховые оценочные ведомости на церковные строения г. Бийска. 1910 г. и 1914 г.

Состояние центрального пункта (в Бийске) и станов миссии / Отчет Алтайской миссии за 1889 г. // Томские епархиальные ведомости. 1890. №7. С. 2.

Список жертвователей на построение Бийского архиерейского дома с церковью, катехизаторским училищем на месте сгоревших 26 мая 1886 г. // Томские епархиальные ведомости. 1888. №16. С. 9–16.

И.Г. Минов

Музей города Новосибирска, Новосибирск, Россия

**К ВОПРОСУ О ЗАСЕЛЕНИИ ПАМЯТНОГО МЕСТА
с. ЮРТ-ОРЫ – МЕСТА ДРЕВНЕГО ПОСЕЛЕНИЯ
СИБИРСКИХ ТАТАР В XVII–XIX ВВ.**

Деревня Юрт-Оры является древним поселением чатов – группы так называемых томских татар, входящих в сибирско-татарский этнос.

До появления ермаковского отряда в Сибири чаты занимали территорию по соседству с барабинцами в бассейне Верхней Оми, а также, видимо, верховий Каргата, Чулыма и в бассейне р. Чаус, притока Оби. Передвижки, охватившие в разной степени тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины после 1583 г., подтолкнули чатов к занятию обширных районов Приобья, Поселившись на Оби, в основном в лесной и лесостепной зонах, чаты стали все более приобретать черты оседлости. Еще до прихода русских отрядов они подчинили жителей междуречья Оби и Томи. На Оби, у Кривой Луки, чаты основали свой родовой городок, который именовался по русским документам Чатским. Существует предположение, что Чатский городок стоял на берегу Оби, где-то возле современной деревни Юрт-Оры. Местонахождение его часто определяли и местом на берегу Оби по дороге из Томска в Тару, на мысу, образуемом левым берегом р. Июна (Уени) при впадении ее в Обь

[Томилов, 1980, с. 209]. С.У. Ремезов там и нанес на карту Чатские юрты [<http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155>].

Во второй половине XVII в. обские чаты занимали значительную территорию обского бассейна «примерно от уровня современной Кольвани или даже Новосибирска и на север до Уртама. Населенными пунктами кочующих чатов были Юрты Орские, Акбалыкские (Курбес) и Таганские; 4-я ревизия населения (1782 г.) и ведомость Томского округа о населении 1805 г. называют эти же юрты» [Томилов, 1980, с. 209]. В работе Г.Ф. Миллера «Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в теперешнем его состоянии, в октябре 1734 года» приводятся ценные сведения о коренном населении этого уезда в первой половине XVIII в. [ЦГАДА. Ф. 199. Портфели Миллера, портф. 526, ч. 2, д. 6, л. 1–36об.]. В частности, Г.Ф. Миллер приводит список чатских деревень, относящихся к Томскому уезду, среди которых можно увидеть и Усть-Уенские юрты.

В течение XVII–XIX вв. у каждой группы татар отмечались случаи исчезновения и появления отдельных поселений, укрупнения населенных пунктов. Наиболее существенные сдвиги в расселении всех групп сибирских татар были связаны с земледельческим освоением этого региона русскими. Прежде всего, это привело к возникновению чересполосицы в размещении их селений и хозяйственных угодий. Как отмечают С.Н. Корусенко и Н.А. Томилов, в группах обских татар русские оседали на местожителство непосредственно в их деревнях, обские татары селились и в русских деревнях. [Корусенко, Томилов, с. 177]. Подобные выводы подтверждаются архивными изысканиями.

Так, по материалам «Книги-рописи крестьян с отметкой об изменениях в семейном положении по селам Чаусского уезда» за 1820 г. в селе Орском, обнаруженной нами в ГАНУ, насчитывается 115 душ населения, все русские [ГАНУ. Д-85. Оп. 1. Д. 1. Л.д. 098–099]. Однако достоверно известно, что татарское поселение здесь существовало и ранее. Таким образом, есть все основания предполагать верными выводы исследований о чересполосице в размещении селений и хозяйственных угодий коренного татарского населения и русских поселенцев Кольвано-Воскресенского горного округа. Ф.С. Кузнецова [2013, с. 47], изучая возникновение локального крестьянского сообщества «Чаусская волость», определила ряд интересных для нашего исследования фактов. Совокупность их сводится к следующему.

Волость образована в 80-е гг. XVIII в. в ходе административной реформы в Сибири. Основанием для реформы послужили результаты четвертой ревизии (1782 г.), которые выявили на юге Западной Сибири сложившийся контингент русского населения. На современной территории Новосибирской области было создано два типа волостей: русские и татарские (инородческие) с разными обязанностями перед государством. К сожалению, в новосибирских архивах сохранились лишь документы русских волостей, которые позволяют, пусть и не полностью,

представить картину происходящего в волостях инородческих (к каким относилось и исследуемое поселение Юрт-Ора).

Первоначально Чаусская волость объединяла двенадцать селений, расположенных по р. Выюне и на ее ручьях, вместе с тем в перечне населенных пунктов нет интересующего нас поселения. Однако есть все основания предполагать, что русская часть Орского поселения появилась позднее, где-то в 1810–1815 гг. В пользу этой гипотезы говорит и анализ семейного состояния и происхождения крестьян, по уже упоминавшейся «Книге-рописи», большинство крестьян являются либо выходцами из деревень Большая Оешная и Малая Оешная либо связаны с ними родственными узами. По нашему мнению, этот факт говорит о переселенческом характере появления с. Орское, что вполне соответствует политике властей Кольвано-Воскресенского горного округа.

Места для поселения колонисты выбирали самостоятельно. Смотрели, есть ли места, пригодные для пашни, сенокосов, березовые и сосновые леса в урочищах речек.

Главными экономическими ресурсами этого региона являлись свободные пахотные земли. С XVII в. сюда переселялись русские крестьяне, нуждавшиеся в пашне. Они захватывали пустолежачие земли, расчищали их и владели ими по праву первооткрывателей. Правительство следило за тем, чтобы интересы местного населения, платящего ясак, при этом не ущемлялись.

Неудивительно, что неравное распределение земли и повинностей у проживающих рядом отдельных этнических групп населения вызывало между ними напряженные отношения и поземельные споры. Причем агрессивной стороной здесь выступали татары. Они стремились сосредоточить в своих руках как можно больше земельных площадей, чтобы иметь возможность сдать их в аренду бухарцам и русским. Последние кортомили у татар сенокосные и рыболовные угодья, а также брали новь под распашку. Земли арендовали как у всей общины, так и у конкретных ее членов (т.е. выкупали один или несколько паев в пользование).

В материалах, хранящихся в ГАНУ, были обнаружены документальные свидетельства проживания и ведения хозяйства чатских татар на территории, ныне занимаемой поселением Юрт-Оры. В июне 1815 г. в Чаусское волостное правление поступает письмо из администрации Томского уезда, в котором предписывается следующее: «Указом Канцелярии Кольвановоскресенского горного начальства от 26 числа минувшего месяца №4314 прописывает, как неизвестно Канцелярии, что в заводском округе между крестьянскими селениями с давнего времени имеют жительство ясашные, подведомственные губернскому начальству, но в каком количестве, чем промышляют и содержат себя, Канцелярия настоящего сведения не имеет. И для того предписывает обстоятельно и в непродолжительном времени Канцелярии донести с приложением списков каких волостей и уездов ясашные, в каких же

волостях в заводском округе имеют жительство, особыми ли селениями, или в общине с крестьянами, или же будут есть кочевыми. Если особыми селениями то в скольких домах или юртах, под каким названием, между какими заводских крестьян деревнями, в каком от какой деревни расстоянии. Какие в тех селениях или улусах состоят реки или урочища. А если кто в общем с крестьянами, то в каких именно деревнях, сколько в тех ясашных мужеских душ. Различие порознь крещеных и некрещеных, а кочевые по каким урочищам имеют свое переходение, в чем вообще состоит их промысел...» [ГАНУ. Д-78. Оп. 1. Д. 224. Л.д. 276].

Для нас здесь важны несколько моментов. Во-первых, речь идет о проживании ясашных «с давних времен», что подтверждает ранее приведенные доводы ученых-историков, этнографов и содержание картографических материалов. Во-вторых, признаваясь в своей полной неинформированности, чиновники решили облегчить волостному правлению поставленную задачу и указали интересующие их населенные пункты, среди которых первыми значатся Юрты Орские. Более того, волостному правлению была предложена форма отчета с заданными параметрами [ГАНУ. Д-78. Оп. 1. Д. 224. Л.д. 277]. Ответ не заставил себя долго ждать, и в августе того же года томскому земскому управителю был направлен рапорт, в котором, в частности, содержались следующие сведения: «Список учиненный в Чаусском волостном правлении о жительствовавших и поведении оных ясашных Томского уезда. Чатской волости Орских юрт живущие особо от крестьянских селений Скалинское в 13, а Орскогостанца в 6 верстах. Душ – 65. Домов – 27. Состоит сие селение называемое юртами прямо у реки Оби. Коих промысел бывает рыбный, звериной, кедровых орех, хлебопашество и производство скотоводства, обращаются подвозом повально разных тягостей. И платя ясак в деревню, получают небезбедные выгоды от сенокосных мест, коих имеют во владении достаточное количество, отдают их в кортом крестьянам. Пропитание имеют сполна посредством описываемых выгод, а не менее и от хлебопашества, которым занимается таковых 15 человек и имеют оные до 25 десятин. Впродчем и скотоводство их есть непосредственное. И все они некрещеные» [ГАНУ. Д-78. Оп. 1. Д. 224. Л.д. 278–278об.].

Обратим внимание на то, что Орские юрты существуют «особо от крестьянских селений», т.е. являются самостоятельным поселением чатских татар. Хотя, несомненно, и приведенный документ, и другие архивные находки свидетельствуют о тесных контактах русских и татар. Так, в долговом регистре живущего в Чаусском селе уволенного со службы титулярного советника за 1820 г. упоминается житель деревни Орские юрты Курбан Косогдов, который «недоплатил денег 2 руб. 50 коп.» [ГАНУ. Д-78. Оп. 1. Д. 224. Л.д. 156–157]. Интересно и упоминание о «подводном» промысле чатских татар, что косвенно подтверждается записью в «Росписи о почтовых станциях и содержимых на оных

курьерских и почтовых лошадей и также о количестве дров и свечей сальных», 1815 г. [ГАНО. Д-78. Оп. 1. Д. 224. Л.д. 274].

Таким образом, исторические, картографические и архивные исследования подтверждают тезис о приоритетном заселении указанной территории чатскими татарами и дальнейшем их совместном с русскими переселенцами освоении.

Библиографический список

Катионов О.Н. Наш край на первых картах Сибири // Страницы истории нашей области: Люди, события, культура: Первая областная научно-практическая конференция краеведов. Ч. I. М., 1995. С. 16–20.

Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск, 2004.

Корусенко С.Н., Томилов Н.А. Татары Сибири в XVII – начале XIX века: расселение, численность и социальная структура // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. №2 (15). С. 177–178.

Кузнецова Ф.С. Крестьянский «мир» Чаусской волости в XVIII – начале XIX вв. // Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв. Новосибирск, 2013. С. 47.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск, 1980. С. 202.

Электронные ресурсы

http://wiki.darlingcity.ru/wiki/Дорусская_история:_Бараба

<http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155>

ЦГАДА. Ф. 199. Портфели Миллера, портф. 526, ч. 2, д. 6, л. 1–36 об. (цит. по: <http://sibtat.ru/history/>)

Архивные материалы

ГАНО. Д-78. Оп. 1. Д. 224. Л.д. 276.

ГАНО. Д-78. Оп. 1. Д. 224. Л.д. 277.

ГАНО. Д-78. Оп. 1. Д. 224. Л.д. 278–278об.

ГАНО. Д-78. Оп. 1. Д. 224. Л.д. 156–157.

ГАНО. Д-78. Оп. 1. Д. 224. Л.д. 274.

ГАНО. Д-85. Оп. 1. Д. 1. Л.д. 098–099.

А.В. Попкова

Музей Природы и Человека, Ханты-Мансийск, Россия

LIVING HISTORY НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНОГО ЦЕНТРА «НЕФТЯНИК» В ГОРОДЕ ЛАНГЕПАСЕ

В последнее время резко возрастает интерес к феномену традиционной культуры, что чрезвычайно актуально как в условиях трансформации российского общества, так и в контексте современных процессов

экспансии идеологии глобализации, размывающей национальные культуры и препятствующей обретению целостной идентичности личности.

Социально-педагогический смысл феномена этнокультуры заключается в ее способности оказывать влияние на становление личности через ощущение глубинной связи общности судеб человека и его народа, определяющей способ мировосприятия, уклад жизни и поведения, придающей смысл человеческому существованию. Этнокультура содержит своеобразный защитный механизм, обеспечивающий психологический комфорт и совершенствование личности, гарантирующий воспроизведение первичных форм человеческого бытия, сознательный отбор, культивирование и создание новых духовных и материальных ценностей.

В педагогическом плане погружение личности в мир этнокультурных традиций осуществляется в аспекте патриотического воспитания, способного сформировать личность молодого человека как органичного носителя ценностей и норм родной культуры, гармонизировать процессы формирования национально-культурной идентичности и межкультурной толерантности.

Однако сегодня педагогические резервы этнокультурных традиций как средства патриотического воспитания подрастающего поколения не используются в полной мере как в практике учреждений образования, так и в сфере культурно-досуговой деятельности. В современном образовании недооценивается роль преемственности этнокультурных традиций, что в конечном итоге тормозит развитие национальной культурной самобытности региона. Культурно-досуговые учреждения, работа в жестких условиях рынка, все больше специализируются в русле зрелищно-развлекательных программ.

Одним из важных условий духовно-нравственного образования является использование духовных традиций. Воспитание гражданина и патриота, знающего и любящего свою Родину, неосуществимо без глубокого познания духовного богатства своего народа и приобщения к его этнокультуре.

Необходимо заново приобщать человека к основным политическим, духовным и нравственным ценностям общества. А это сложный воспитательный процесс. Духовный опыт, нравственно оправданные формы ведения жизни, дозволенность тех или иных норм поведения, толкование феномена совести, гражданской ответственности, патриотизма складываются веками. Одной из таких форм является историческая реконструкция.

Дадим определение термину «историческая реконструкция». Это, прежде всего, восстановление внешнего вида и конструкции объекта, теоретическое или практическое, основанное на его сохранившихся фрагментах, остатках, и имеющейся исторической информации о нем, с помощью современных методов исторической науки (в том числе такого метода, как археологический эксперимент).

На данный момент апогеем исторической реконструкции является такое течение, как *Living history* – с английского «живая история». Это научное направление, находящееся на пересечении таких дисциплин, как «экспериментальная археология» и «музейная педагогика». «Живая история» занимается воссозданием повседневного быта жителей какого-либо места в определенный исторический период, обычно в форме организации «музея живой истории», проведения «фестиваля живой истории», а также уроков «живой истории» в школах.

Условно началом данного течения можно назвать 1883 г., когда была изготовлена и за 40 дней успешно переплыла Атлантический океан реплика скандинавского судна из Гокстада. Позднее в Гокстаде был устроен огромный музей с археологическими находками судов эпохи викингов и их реконструкциями.

На данное время в Европе успешно функционируют десятки музеев под открытым небом, где людям предоставлена уникальная возможность не только познакомиться с жизнью, бытом и культурой своих предков, но и погрузиться в нее, стать соучастниками прошлого.

С начала XXI в. в России также намечена тенденция строительства подобных этнокультурных комплексов. К сожалению, в нашей стране строительство и функционирование подобных объектов встречается с рядом серьезных проблем, основной из которых является недостаточное финансирование.

На территории Ханты-Мансийского автономного округа объекты подобного плана уже есть, но представляют они в основном культуру коренных традиционных народов, тогда как вклад славянского населения в развитие региона остается забытым. Хотя роль в этом переселенцев из России трудно переоценить.

Первые упоминания о Югре славянами относятся к XII в., когда новгородские ушкуйники установили торговые связи с населением Югры [Словцов, 1995]. Первые славянские поселения на территории современного ХМАО фиксируются с середины – конца XVI в. [Буцинский, 1999]. Активное строительство первых русских острогов и городов начинается с XVII в. [Кочедамов, 1978]. Этим людям не стоит забывать. Они уезжали с насиженных мест в далекую, иногда враждебно настроенную страну, поднимали быт в непривычно суровых природных условиях. Изучали огромный неизведанный край, налаживали отношения с коренным населением, служили своей Родине.

В настоящее время в городе Лангепасе на базе Музейно-выставочного центра ЛГ МАУ ЦК «Нефтяник» уже третий год в августе проходит фестиваль живой истории «Таежная застава», где можно увидеть быт средневековых славян, соприкоснуться с их традицией и культурой, познакомиться с различными древними технологиями ткачества и кузнечного дела русских переселенцев. Все это дает посетителям возможность воочию посмотреть на нехрестоматийную историю своего регио-

на, в той или иной степени принять участие в жизни переселенцев и тем самым приобрести ценный жизненный опыт на материале и средствами русской культуры.

Региональный фестиваль живой истории «Славянский стан» является массовым историко-культурным мероприятием, призванным собрать любителей истории, историков-реконструкторов и ремесленников и создать для участников и зрителей неповторимую атмосферу, позволяющую почувствовать себя причастным к историческим событиям далекого прошлого.

Формат фестиваля: историческая реконструкция полевого лагеря эпохи становления русской государственности IX–XI вв. (материальной культуры, ремесел, быта, дружинной культуры и традиций Древней Руси и ее соседей) в формате «живой истории» и на основании археологических находок, изобразительных и нарративных источников, а также научных исследований.

Целью фестиваля является привлечение внимания широких слоев общественности к истории нашей Родины, организация познавательного досуга для гостей и жителей города.

Задачи фестиваля:

1. Популяризация истории, движения исторической реконструкции и клуба исторической реконструкции «Вольга» среди гостей и жителей города.
2. Сохранение и укрепление связи современного человека с культурным наследием предков.
3. Приобщение широких кругов общественности к движению исторической реконструкции как конструктивному и позитивному способу самовыражения.
4. Организация культурного и познавательного досуга в формате событийного городского туризма.
5. Обмен опытом и налаживание партнерских отношений между историческими клубами и организациями региона Западной Сибири.
6. Пропаганда здорового образа жизни, формирование патриотических, морально-нравственных ценностей и активной жизненной и гражданской позиции у гостей и жителей города.

После каждого фестиваля в музее традиционно формируется тематическая экспозиция, на которой можно увидеть реконструкцию костюмов и вооружения, бытовые предметы времен раннего средневековья. В основном она ориентирована на тех посетителей, которые не смогли присутствовать на самом мероприятии.

Власти Лангепаса одной из важнейших задач в сфере развития культуры и туризма видят в создании историко-культурных заповедников на территории города. Работая в этом направлении, администрация оказывает всяческую поддержку в проведении фестивальных форумов межрегионального взаимодействия. В связи с этим на терри-

тории Музейно-выставочного центра полным ходом идет строительство комплекса древних жилищ, присущих славянам и уграм раннего средневековья.

На базе комплекса смогут проводиться открытые уроки, мастер-классы и семинары по традиционной народной культуре и истории, народные праздники и фестивали. Посетители получат возможность познакомиться с внутренним убранством избы, традиционной пищей крестьян, фольклором, одеждой русских переселенцев.

Одной из форм работы по популяризации исторической реконструкции и «живой истории» является мастерская русского традиционного костюма «Душегрея» – это клубное образование, которое появилось на стыке направлений исторической реконструкции раннего средневековья и русского этнографического направления. Мастерская осваивает редкие и забытые ремесла, которые имели место в русской традиционной культуре. Обучает всех желающих постичь секреты этих ремесел на специальных курсах. По факту мастерская образовалась для обеспечения молодежных коллективов Лангепаса комплексами костюмов, т.е. она имеет важное практическое значение для клубных объединений города.

В этой связи нет ничего удивительного, что в феврале 2016 г. проект Музейно-выставочного центра «Школа ремесел» (автор Галина Клиперт), поступивший от мастерской русского традиционного костюма «Душегрея», получил грантовую поддержку. Благодаря этому перед мастерами открываются новые возможности по возрождению обрядов и культурных традиций русских переселенцев, созданию фольклорных программ, формированию локальных исторических зон, накоплению научно-образовательной и информационной базы.

Библиографический список

- Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников // Буцинский П.Н. Сочинения. Т. 1. Тюмень, 1999.
Кочедамов В.И. Первые русские города в Сибири. М., 1978.
Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995.

В.И. Станченко

Москва, Россия

ДОМ ЯКОВЛЕВА В БАРНАУЛЕ: ИСТОРИЯ БАРНАУЛЬСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ СТЕПАНА ЯКОВЛЕВИЧА ЯКОВЛЕВА (1866–1917)

В Барнауле по адресу: ул. Короленко, 50 (дореволюционный адрес: Томская, 44), находится дом, известный как Дом Яковлева, построенный в 1912 г. моим прадедом Степаном Яковлевичем Яковлевым (1866–

1917). Теперь этот дом является памятником культуры федерального значения и охраняется государством. При жизни его владельца строительство дома не было завершено. Внешне он выглядел так, как его можно видеть в наши дни, но была не закончена отделка внутренних помещений, и семья Степана Яковлевича жила в деревянном доме на приусадебном участке. Право владения С.Я. Яковлева домом, землей и постройками на ней подтверждено в купчей крепости старшим нотариусом Барнаульского окружного суда 7 июня 1912 г. [ГААК. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Л. 38]. Согласно этому документу Степану Яковлевичу, екатеринбургскому мещанину, принадлежит владеемое им по купчей крепости недвижимое имение в городе Барнауле на углу Томской улицы и Мостового переуллка. Оно состоит из каменного и деревянного двухэтажных домов, надворных построек и дворового места земли под ними. Ссуду на покупку земли и строительство дома Степан Яковлевич брал в Нижегородско-Самарском Земельном Банке.

Рис. 1. Степан Яковлевич Яковлев в Барнауле, 1912 г.

Вся предреволюционная история Дома Яковлева тесно связана с драматическими событиями в жизни Степана Яковлевича и его семьи. Строительство дома было начато в 1910 г. В это время С.Я. Яковлев заявляет о себе как об успешном предпринимателе, организаторе товарищества «С.Я. Яковлев и А.И. Поляков» с миллионным оборотом капитала. В короткие сроки товарищество заняло конкурентные позиции в торговле мануфактурой в Западной Сибири. Степан Яковлевич открывает сеть магазинов в Барнауле и Новониколаевске и накануне Первой мировой войны получает товары на продажу более чем от 200 фирм

Москвы, Петербурга, Твери, Иванова, Лодзи, Екатеринбургa, Томска и многих других городов. В числе поставщиков были «Товарищество ситценабивной мануфактуры А. Гюбнера», «Богородско-Глуховская мануфактура», Товарищество «Ралле и К°», Прохоровская мануфактура, Зуевская мануфактура Зимина, Циндель, Невская ниточная мануфактура, мануфактура Познаньского, Товарищество Тверской мануфактуры и многие другие [Скубневский, 1995, с. 129]. Был успех, и вдруг внезапный крах: в январе 1914 г. Барнаульский окружной суд объявляет товарищество «несостоятельным должником по торговле».

Рис. 2. Барнаул. Дом Яковлева. Фото 1930-х гг.

Рассмотрение дела о банкротстве в суде принимает затяжной характер, конец которому де факто положит февральская революция 1917 г. Процесс был громкий, широко освещался в прессе как Алтайской, так и Московской, поскольку затрагивал интересы большой группы кредиторов товарищества в Московском регионе. Кое-что об этом деле мне было известно из рассказов моей прабабушки Евгении Васильевны (1870–1963), жены Степана Яковлевича: она ушла из жизни, когда мне было 26 лет, все детство и юность я провел в ее компании. Если коротко, то Евгения Васильевна утверждала, что все банкротство было спровоцировано и от начала до конца организовано Николаем Второвым («А.Ф. Второв и сыновья»), бывшим компаньоном Степана Яковлевича, в котором тот видел своего конкурента. О том, что Второв «немало способствовал краху товарищества», писала сибирская пресса того времени. Есть упоминания об этом и в ряде научных публикаций. Однако все это не давало законченного представления о том, что прои-

зошло с товариществом на самом деле, а акцент в попытках объяснить банкротство смещался в сторону неэффективности управления компаний. За основу при этом принимались аргументы стороны обвинения в суде. Желание разобраться в этой истории долгие годы бродило во мне, пока наконец в 2012 г. я не начал свое собственное расследование дела о банкротстве товарищества «С.Я. Яковлев и А.И. Поляков». Большую помощь мне оказывали «Музей «Город» Барнаула и лично заместитель директора музея по науке В.А. Чернов. В результате в 2015 г. была издана книга «Степан Яковлевич Яковлев (1866–1917) барнаульский предприниматель. История, рассказанная правнуком». В рамках данной публикации я постараюсь коротко изложить и обосновать выводы, к которым я пришел в книге. Но прежде несколько слов о Степане Яковлевиче и его семье.

В печатных изданиях Степана Яковлевича часто называют «предпринимателем из Екатеринбурга». Это не совсем верно. Верно лишь то, что в Барнаул в 1892 г. он приехал из Екатеринбурга, когда ему было 26 лет. В адресных справочниках того времени и в архивных материалах судебного разбирательства С.Я. Яковлев упоминается как помещик из Екатеринбурга, и это верно, так как предпринимателем как таковым он стал только в Барнауле, посвятив этому прекрасному городу 25 лет из своей недолгой жизни.

В Екатеринбурге по окончании реального училища Степан Яковлев получает работу в качестве приказчика (менеджера) по продажам в торговом доме «А.Ф. Второв и сыновья». Фирма вела широкомасштабную экспансию продаж товаров мануфактуры на рынки Западной Сибири, и Степан Яковлев приобрел отменный опыт в этом деле. Александр Федорович Второв (1841–1911) заприметил молодого человека, обладавшего четким комбинаторным мышлением, всегда выступавшего с разумной инициативой и, что было главным, доказавшего свою безупречную честность и порядочность. Шесть лет работы со Второвым-старшим в Екатеринбурге не прошли для Степана Яковлевича даром. В 1892 г. он получает назначение на должность управляющего делами фирмы в ее отделении в Барнауле. Сюда он приезжает с женой Евгенией, дочерью горного инженера Василия Васильевича Ярославцева (1840–192?). Евгения Васильевна родилась и провела детство в Нерчинске, где ее отец был управляющим Урюмскими золотыми промыслами [Адрес календарь..., 1880, с. 70]. Начинал он работу на промысле под руководством его первооткрывателя А.А. Черкасова (1834–1895), который впоследствии проживал в Барнауле, где он избирался городским головой (1886–1894). Ярославцевы и Черкасовы дружили семьями.

В качестве управляющего делами Второва в Барнауле С.Я. Яковлев проработал до 1906 г. (12 лет). В городе он пользовался уважением местной деловой и административной элиты, особым расположением и покровительством начальника Алтайского округа генерал-майора В.К. Болдырева (1850–1916), был авторитетом в вопросах финансирования,

состоял членом учетно-ссудного комитета по торгово-промышленным кредитам Барнаульского отделения государственного банка [Памятная книжка..., 1913, с. 77]. Будучи верноподданным монархистом, создал в 1906 г. ячейку «Союза 17 октября» и стал ее председателем. В Барнауле Яковлевы проживали (до 1912г.) по адресу: ул. Большая Тобольская, дом Морозовой, держали прислугу гувернантку-немку. Часто выезжали в Европу (Австрия, Швейцария), где Степан Яковлевич мог изучать постановку торгового дела. Старшая дочь Яковлевых Екатерина (1897–1952) училась в гимназии М.Ф. Будкевич, дальней родственницы Евгении Васильевны: Вера Васильевна Ярославцева (1875–194?), родная сестра прабабушки, была замужем за Владимиром Ивановичем Шемелевым (1885–1943), сыном Раисы Флегонтовны, родной сестры Марии Флегонтовны (обе в девичестве Шалобановы)*.

В 1900 г. А.Ф. Второв поручил сыну Николаю торговую политику компании в Западно-Сибирском и Алтайском регионах. В 1906 г. Николай открыл официальное представительство фирмы в Барнауле. Личные отношения Степана Яковлевича с Николаем, необузданным, вероломным, деспотичным человеком, не сложились. Из компании Второвых ему пришлось уйти. Репутация Степана Яковлевича как высококлассного специалиста в торговом деле была известна. Это помогло ему к 1910 г. заключить договоры на торговлю в кредит с поставщиками мануфактуры и иных изделий бытового спроса. По уставу товарищества «С.Я. Яковлев и А.И. Поляков» Степан Яковлевич фактически являлся единоличным управителем компании, строил торговую политику фирмы по своему усмотрению и также решал ее финансовые вопросы. Александр Иванович Поляков был надежным партнером, но делами товарищества не занимался, во всем следуя за Степаном Яковлевичем. У него было свое предприятие – пимокатное производство [ГААК. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Л. 9]. Дела товарищества шли успешно, несмотря на препятствия, которые, по признанию Степана Яковлевича, без конца чинил ему Николай Второв. Он оказывал давление на компанию в Москве, требуя, чтобы те не подписывали договоры с товариществом Яковлева – Полякова [Центральный архив города Москва. Д. 78/18. 1652, с. 10–12]. Второв опасался ослабления позиций монополии. В своей статье для Московской газеты «Коммерческий телеграф» Степан Яковлевич признавал, что Московские компании кредитовали его товарищество, и «в этом надо видеть лишь правильное понимание характера постановки торговли в Барнаульском округе, где в противном случае могла бы появиться во вред Московской промышленности нежелательная монополия» [Коммерческий Телеграф, 1913, с. 4]. По сути, именно в этой установке (противодействие монополии со стороны группы московских компаний) кроется главная причина, повлекшая разгром Второвым това-

* С мая по сентябрь 1917 г. социал-демократ В.И. Шемелев являлся председателем исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов Барнаула. – *Прим. авт.*

рищества Яковлева – Полякова. Удобный для этого случай представился Второву в мае 1913 г., когда в результате экономического спада и снижения потребительского спроса в Барнаульском округе Степан Яковлевич не смог своевременно вернуть ряду компаний долги по кредитам. Компания Второва к 1913 г. заняла главенствующие позиции в торговле мануфактурой в Западной Сибири. Кроме того, в Москве Второву удалось объединить под своим крылом таких крупных мануфактурных магнатов, как Коншин, Кноп, Гюбнер (компания последнего к 1913 г. практически принадлежала Второву). Н. Второв также создал свою финансовую группу, в которую входили такие купеческие фамилии, как Морозовы, Прохоровы, Коноваловы, Корзинкины и др. [Лященко, 1948], и занял ключевую позицию в Сибирском торговом банке. У него появились широкие возможности влиять на политику отдельных компаний в Московском регионе в нужном ему направлении. Мне удалось доказать, что Второв лично организовал группу из 14 компаний – кредиторов Яковлева – Полякова во главе с «Ситценабивной мануфактурой Альберта Гюбнера». С помощью этой группы в мае 1913 г., как только стало известно о временных трудностях, постигших товарищество, Второв выдвинул в судебном порядке требования Яковлеву – Полякову незамедлительно расплатиться по долгам [Письмо Степана Яковлевича..., 2015, с. 60–61]. Положение товарищества усугубляло то обстоятельство, что кредит на сумму 75 тыс. руб., о котором Степан Яковлевич был уведомлен и который мог исправить положение, шел по линии Сибирского торгового банка, но был остановлен по невыясненным причинам. Степан Яковлевич, понимая, что Второв будет добиваться признания товарищества несостоятельным должником, вынужден был принять меры по спасению активов товарищества. Весь товар фирмы он переоформил на вновь созданную им компанию «Е. Яковлева, В. Волков, Т. Полякова», сохранив свое участие в ней в качестве главного финансового распорядителя. Административные функции в компании выполняла Евгения Васильевна. В. Волков, племянник Степана Яковлевича и Т. Полякова, мать Александра Ивановича, значились в компании номинально. В Москве в июне 1913 г. Степан Яковлевич договорился с кредиторами (основная масса которых, более 200 компаний, недовольная агрессией Второва, его поддерживала) об отсрочке платежей для товарищества Яковлева – Полякова, но об оплате кредитов компанией Е. Яковлевой [Коммерческий Телеграф, 1913, с. 4]. Товарищество Е. Яковлевой успешно справилось со своей задачей, погасив к концу 1913 г. основную часть задолженности по кредитам [ЦИАМ. Д. 78/18–1656. С. 18]. Второв, между тем, приступил к реализации второго этапа своего замысла. Выкупив в банках по завышенным ценам векселя фирмы Яковлева – Полякова, а сам и с помощью подвластных ему компаний, в том числе и не кредитовавших товарищество, он предъявил их Степану Яковлевичу к оплате. Сумма платежей по векселям значительно превышала сумму первоначальной

задолженности по кредитам. Несмотря на все старания, оплатить их немедленно С.Я. Яковлев был не в состоянии. Барнаульский окружной суд приступил к рассмотрению дела о банкротстве товарищества. Степан Яковлевич, чтобы доказать кредитоспособность фирмы, принимает решение укрепить актив компании переводом на ее баланс принадлежавшей ему недвижимости. То же самое сделает со своей недвижимостью А.И. Поляков. По доверенности Степана Яковлевича Евгения Васильевна реоформирует купчую, с разрешения Нижегородско-Самарского Земельного Банка, на Дом Яковлева в пользу товарищества «С.Я. Яковлев и А.И. Поляков» [ГААК. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Л. 38]. Этот формальный акт не изменил фактического статуса дома как единоличного владения С.Я. Яковлева: в судебных заседаниях Дом Яковлева фигурировал в качестве собственности ответчика, а в рамках товарищества недвижимость, как и прежде, рассматривалась в привязке к ее владельцу. Второву удалось доказать в суде несостоятельность должника, занизив цену на недвижимость товарищества, и в январе 1914 г. оно было признано судом банкротом [ГААК. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Л. 45, 45об., 46, 46об., 47]. Было образовано конкурсное управление по распродаже товарной массы должников во главе со ставленником Второва Бончковским, в которое также вошли компании – группа поддержки Второва. Ими была сделана попытка с помощью Омской судебной палаты взять должников под стражу. Степан Яковлевич и Александр Иванович вынуждены были укрываться в Благовещенске, откуда через Иркутскую судебную палату, где у Второва не было такого влияния, как в Омске, добиваться опротестования решения об аресте. Справедливость восторжествовала, и партнеры почти после годового отсутствия, вернулись в Барнаул.

Конкурсное управление в Барнауле под контролем Второва действовало в интересах группы его сторонников. В их карманы шли доходы от распродажи товарной массы должника, что неизбежно вызвало резкое недовольство основной массы кредиторов. Фактически из 246 компаний кредиторов товарищества только 14 поддержали Второва в первоначальных действиях по разрушению товарищества Яковлева – Полякова, и около 50 – заключение Яковлева и Полякова под стражу, и то лишь потому, что не поняли, кто на самом деле мешал им получить свою долю дохода от распродажи. Налицо вырисовывалось реальное столкновение интересов Второва с интересами большой группы московских компаний. Коммерческий суд как высший арбитраж по банкротствам принял решение перевести работу комитета конкурсного управления по делу товарищества из Барнаула в Москву, распустив при этом в феврале 1915 г. весь состав провторовского правления. Такие перемены активизировали действия сторонников Степана Яковлевича. Особую роль при этом сыграло ранее уже упомянутое письмо Степана Яковлевича из Благовещенска в адрес Московского конкурсного правления, в котором он раскрыл незаконные махинации Второва по отно-

шению к товариществу и кредиторам и заявил о своей готовности дать показания в суде. Московские компании доверили Степану Яковлевичу распродажу оставшегося на балансе конкурсного правления товара. С их согласия он приступил к продажам под брендом «В бывшем магазине Т-ва С.Я. Яковлев и А.И. Поляков» [Жизнь Алтая, 1916, с. 1]. В апреле 1916 г. Нижегородско-Самарский Земельный Банк сделал попытку продать Дом Яковлева в счет уплаты долга Степана Яковлевича, однако не удалось найти покупателя. На территории дома по-прежнему проживали Степан Яковлевич и члены его семьи. Здесь родилась его внучка, моя мать, Попцова-Станченко Марионилла Анатольевна (1915–1986). Во время пожара в Барнауле в мае 1917 г. Дом Яковлева сильно обгорел, а деревянные постройки сгорели дотла. Только после этой трагедии семья Яковлевых покинула родные пепелища и поселилась в особняке по адресу: ул. Бийская, 102. В 1918 г., уже после смерти Степана Яковлевича, семья перебралась в Томск. Дом Яковлева навечно сохранил для барнаульцев память о его владельце Степане Яковлевиче Яковлеве – светлом человеке, нашедшем в себе мужество в начале XX в. вступить в борьбу против жестокой монополии в торговле, в защиту права на свободную конкуренцию.

Библиографический список

Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи. Ч. 1 и 2. 1880. С. 70.

ГAAK. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Л. 10. Выписка из договора об учреждении Товарищества на вере под фирму «Е. Яковлева, В. Волков...».

ГAAK. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Л. 12. Промысловое свидетельство на 1913 г.

ГAAK. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Л. 16. Приложение. К прошению Бончковского о признании товарищества Яковлев – Поляков несостоятельным по торговле должником (список кредиторов).

ГAAK. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Л. 38. Главная выпись из крепостной Барнаульского Нотариального Архива книги по городу Барнаулу за 1914 год.

ГAAK. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Л. 45, 45об., 46, 46об., 47. Протокол Барнаульского Окружного Суда от 31 января 1914 г. (признание банкротом).

ГAAK. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Л. 48, 48об., 49, 91. Резолюция.

ГAAK. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Л. 86, 86об., 87. Прошение Бончковского об аресте Яковлева, август 1914 г.

ГAAK. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Л. 9. Выписка из договора об учреждении полного товарищества Яковлева – Полякова.

Жизнь Алтая. 1914–1918 гг. Электронная библиотека АКУНБ www.akunb.altlib.ru

Жизнь Алтая. 1916. №202, 13 сентября. С. 1.

Коммерческий Телеграф. 1913. №168, 17 июня. С. 4.

Лященко П.И. Москва торгово-мануфактурная. «История народного хозяйства СССР». Т. 2. Капитализм, ОГИЗ, 1948. Объединения в Московской текстильной промышленности; Москва банковская; гл. 15, <http://www.fintrest.ru/moskva.html>.

Памятная Книжка Томской губернии на 1913 год, Барнаулское отделение государственного Банка, Издание Томского Губернского Статистического Комитета, под редакцией Секретаря Комитета П.Т. Виноградова. Томск: Типография губернского управления, 1913. 200 л.

Письмо Степана Яковлевича в Конкурсное управление по делам товарищества ... // Степан Яковлевич Яковлев (1866–1917) барнаульский предприниматель. История, рассказанная правнуком. М., 2015. С. 60–61.

Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.): межвузовский сборник научных статей. Барнаул, 1995. 206 с.

Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. С. 106.

Скубневский В.А. Торговая инфраструктура Сибирского города в начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Барнаул, 1995. С. 129.

Сорокина Н.Л. Банкротство торговых домов Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. (на примере торговых домов Томской губернии): [в т.ч. Алтай] // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2010. №4/3. С. 203–206.

Станченко В.И. Степан Яковлевич Яковлев (1866–1917), барнаульский предприниматель. История, рассказанная правнуком. М., 2015. 160 с.

Центральный архив города Москва. Д. 78/18. 1652 стр. 10–12. «В Конкурсное управление по делам товарищества С.Я. Яковлев и А.И. Поляков от членов Торгового дома «С.Я. Яковлев и А.И. Поляков» 1.09.1915, письмо С.Я. Яковлева.

Центральный исторический архив Москвы – ЦИАМ. Д.78/18–1652; 1650; 1648; 1651; 1656.

Л.С. Супонина

Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

ЛИЧНЫЙ ФОНД ФОТОГРАФА С.И. БОРИСОВА В СОБРАНИИ АГКМ

В начале XX в. в Барнауле работало довольно много фотографов-профессионалов, владельцев фотоателье. Среди них мне бы хотелось выделить Сергея Ивановича Борисова.

Борисов Сергей Иванович (1858?–1935 гг.) родился в г. Симбирске в семье крепостных. В конце XIX в. из-за голода в европейской части России он переехал в Барнаул, где начинал заниматься фотографией. Сначала С.И. Борисов основательно ознакомился со всеми техническими новинками в области фотографии, для чего совершил несколько поездок в столицы. Во время одной из таких поездок приобрел рецепт технологии изготовления фотобумаги и по возвращении в Барнаул пытался наладить ее производство. С 1894 г. практически все фотографии изготовлены на фирменном паспарту с указанием фамилии фотографа, адреса фотомастерской.

Значительная часть фотографий начала XX в., имеющихся и сегодня в семейных альбомах барнаульцев, сделана в фотоателье С.И. Борисова. В музее хранится более 200 фотоснимков и открыток конца XIX – начала XX в., не только запечатлевших Барнаул и горожан, но и открывших для широкой публики еще не известный мир Горного Алтая, вещи из семейного архива фотографа С.И. Борисова.

Личный фонд С.И. Борисова в собрании Алтайского государственного краеведческого музея (АГКМ) формировался благодаря поступлениям от местных жителей, однако значительная часть коллекции была скомплектована при участии дочери фотографа Татьяны Сергеевны Борисовой, внучатой племянницы Антонины Федоровны Сенниковой и Малюковых, у родственников которых жил С.И. Борисов по приезду в Барнаул.

Материалы фонда С.И. Борисова можно распределить на несколько разделов: фотографии из семейного архива, фотографии города и портреты горожан, виды Горного Алтая, виды Зырянской выщелачивательной и Змеевской электролитической фабрик.

Семейный архив включает в себя два портрета С.И. Борисова, фотографии семьи Малюковых, Клещевых, детский снимок дочери Татьяны, рисунки-шаржи Г.А. Мамонтова на С.И. Борисова и его супругу Таисию Петровну [ОФ 17269/1, 2, ОФ 17270/1–5, ОФ 17271, ОФ 17272, ОФ 17950, ОФ 17268/3].

С.И. Борисов обладал небольшим голосом – тенором, и еще в детстве с приездом в Барнаул он продолжил свою сценическую деятельность. В фонде АГКМ сохранилась фотография сцены из спектакля «Девичий переполох», поставленного членами Общества попечения о начальном образовании [ОФ 8392], а также три программы спектаклей, напечатанных на шелке разного цвета [ОФ 13473]. 29 января 1917 г. барнаульцы отметили двадцатипятилетие его сценической деятельности в Народном доме. В связи с этим событием он был награжден приветственными адресами от сообщества попечения о начальном образовании, Барнаульской женской прогимназии Н.Н. Красулиной, реального училища Императора Николая II, педагогического совета 2-го женского и 2-го мужского училищ с благодарностью за постановку ученических спектаклей [ОФ 17267/1–5].

В 1920–1930 гг. С.И. Борисов работал в фотоателье «Объединение», где готовил молодые кадры. За это он был удостоен звания «Ударник третьего года пятилетки» от Барнаульской кооперативной артели фотографов «Объединение» и нагрудным знаком «Лучшему ударнику промкооперации от ЗСПС в 4 завершающем году. 1932» [ОФ 17267, ОФ 17948].

Пересматривая теперь уже музейную коллекцию фотографий, обращаешь внимание на разнообразие тем, сюжетов: портретные снимки горожан [ОФ 15216, ОФ 15269, ОФ 16901, ОФ 17109, ОФ 17112,

ОФ 17762, ОФ 17790, ОФ 17272, ОФ 17270, ОФ 17743, ОФ 17762, ОФ 17790, ОФ 15727, ОФ 17147, ОФ 12667, ОФ 17147] – общественный деятель В.К. Штильке, семья барнаульского мещанина А.Г. Пешкова, многочисленные детские портреты сменяют виды Барнаула, позволяющие совершить прогулку по старому городу. Фотографу явно хотелось запечатлеть самые красивые уголки Барнаула, его парадную часть: главную улицу города – Московский проспект, Пушкинскую улицу, Базарную площадь, панорамные снимки города. В его объектив попадают виды города в один из его лучших периодов [ОФ 12594, ОФ 12595, ОФ 9778, ОФ 10290, ОФ 10573, ОФ 12416]. В музее нет ни одного снимка, сделанного С.И. Борисовым сразу после пожара, возможно, потому, что пожар лично коснулся фотографа. С.И. Борисов все же продолжил работу, но уже не в своем ателье, а в фотоартели «Объединение». В это время С.И. Борисов делает не отдельные фотографии, а фотоколлажи, хотя каждый отдельный снимок достоин быть отдельной открыткой. Но в эти годы, видимо, такой возможности не было. Каждый снимок фотоколлажа несет большую информационную нагрузку и имеет авторское название. На них мы можем проследить новый и очень сложный этап в истории города – восстановление от пожара: реставрация пострадавших зданий, строительство новых объектов, памятников советского толка [НВФ 5689. ОФ 15713/3].

С 1907 г. С.И. Борисов начинает свои фотоэкспедиции по Горному Алтаю, продолжившиеся до 1914 г. – начала Первой мировой войны. Итогом поездки стали более 1000 снимков отдаленных уголков Горного Алтая. Вернувшись из экспедиции, Борисов решил познакомить барнаульцев с результатами работы. Для этой цели были вручную раскрашены диапозитивы, приобретен диапроектор. Окончательным результатом поездок по Горному Алтаю были многочисленные цветные открытки. Изданные около 100 лет одной из европейских полиграфических фирм начала XX в. – Акционерным обществом Гранберг в Стокгольме, они и сегодня привлекают внимание посетителей музея. Открытки отличаются очень высоким качеством печати [ОФ 12595, ОФ 14239, ОФ 14536].

В коллекции С.И. Борисова представлены фотографии из альбома с видами Зырянской выщелачивательной и Змеевской электролитической фабрик [ОФ 863–875]. Каждый снимок снабжен пояснительным текстом и свидетельствует о многом: в первую очередь о применении передовой технологии, да и покоряет работа тогдашних промышленников о глубине переработки.

Зырянский рудник был открыт по старым «чуждским» шурфам в 1791 г. работником Герасимом Зыряновым, по фамилии которого и назван. В 1820-е гг. Зырянский рудник становится главным поставщиком серебросодержащих руд на все Алтайские заводы. В 1837 г. здесь была построена первая в России гидроэлектростанция – Березовская ГЭС, и впервые в России применены центробежные насосы с электри-

ческим приводом. В конце 1830–1840-х гг. на Зырянском руднике добывалось до 914 пудов золотистого серебра.

В 1891–1892 гг. построен первый в России выщелачивательный завод для обогащения сульфидных руд мокрым (химическим) способом. В 1893–1894 гг. сереброплавильный завод перепрофилирован в электролитную фабрику для изготовления электролизной меди и серебра. Получаемый при выщелачивании зырянских руд порошок цементной меди отправляли для окончательной переработки в г. Змеиногорск на Змеевский электролитный завод.

Фотографии Борисова с видами Барнаула и Горного Алтая приобрели мировую известность благодаря их публикации на почтовых открытках. «Торговый дом А.Г. Морозова с сыновьями», «Книжный магазин В.К. Сохарева» в Барнауле, шведская полиграфическая фирма «Акционерное общество Гранберг в Стокгольме» и другие фирмы выпустили многочисленные серии открыток с этими видами.

Несмотря на то, что большая часть снимков С.И. Борисова была сделана около века назад, каждый из них и по сей день интересен как для исследователей, так и простых горожан. В АГКМ неоднократно проводились выставки, посвященные жизни и творческой деятельности С.И. Борисова. Так, в 2014 г. на выставке «Будущему на память: С.И. Борисов, фотограф, деятель культуры» была полностью представлена коллекция его фотографий.

М.А. Целищева

АРКОО «Наследие Алтай», Барнаул, Россия

УСАДЬБА КУПЦОВ СУХОВЫХ В БАРНАУЛЕ

Купцы Суховы были известны в Барнауле с XIX в. Крупные предприниматели и владельцы недвижимости, они были хорошо известны в городе и как меценаты. В 60–80-е гг. XIX в. главой семьи являлся Никифор Трофимович Сухов, купец первой гильдии. Помимо Дмитрия, у Н.Т. Сухова были сыновья Василий и Федор. Никифор Трофимович умер в 80-е гг. XIX в., а в 1888 г. умирает его сын Василий Никифорович. Дмитрий и Федор Никифоровичи продолжили род Суховых. Особую активность в коммерческих и общественных делах проявили Дмитрий Никифорович и его сыновья Василий, Павел и Прокопий. Именно в 80–90 гг. XIX в., когда дело возглавил Дмитрий Никифорович, Суховы становятся крупнейшими предпринимателями Барнаула [Скубневский, 1996, с. 91–92].

Усадьба купцов Суховых занимала целый квартал по ул. Большая Тобольская (с 1910 г. – ул. Л. Толстого), Базарной площади и ул. Малотобольская. Первым был построен двухэтажный каменный жилой дом,

который отмечен на картах Барнаула за 1856 и 1877 гг. Другое здание – торговый дом, первоначально состоял из двух частей, одна часть здания (каменная), выходящая фасадом на Базарную площадь, была построенная в 1880-е гг., другая часть отдельно стоящего здания, расположенная по ул. М. Тобольской, по данным карты г. Барнаула за 1894 г., была деревянной. Жилой дом и каменный магазин были соединены каменными въездными воротами. Над воротами на парапете были размещены на кирпичных тумбах два чугунных грифона (львы с птичьими головами). На карте Барнаула за 1907 г. отмечен уже объединенный объем каменного здания магазина Сухова на углу Базарной пл. и ул. М. Тобольской, который торговал железом. Одноэтажное каменное торговое здание по ул. Б. Тобольской, входившее в комплекс усадьбы, было построено в конце XIX в. и отмечено на карте Барнаула за 1894 г.

23 июня 1904 г. городская управа зарегистрировала Торговый дом «Д.Н. Сухов и сыновья», в который вошли барнаульский 1-й гильдии купец Василий Дмитриевич Сухов и барнаульский 2-й гильдии купец Прокопий Дмитриевич Сухов. Торговый дом торговал мануфактурными, жировыми, железными товарами, сельхозорудиями, машинами [ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 16. Л. 77]. В 1907 г. городская управа разрешила 1-й гильдии купцу В.Д. Сухову построить каменные кладовые по ул. М. Тобольской [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 4. Л. 64]. В 1909 г. В.Д. Сухов имел недвижимого имущества в Барнауле на сумму 72742 руб. [ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 22. Л. 166]. Из списка торгово-промышленных предприятий за 1911 г. мы можем узнать, что ТД «Д.Н. Сухов и сыновья» имел оптово- и рознично-мануфактурный, железный магазины на ул. Б. Тобольской в собственном доме и ренсковый погреб в своем доме на Петропавловской улице. А здание по ул. М. Тобольской арендовал В.В. Кнудсен под скупку сливочного масла [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. Л. 90, 95]. В ноябре 1912 г. барнаульский окружной суд признал ТД «Д.Н. Сухов и сыновья» несостоятельным должником. С 1915 г. здания на усадьбе В.Д. Сухова были заняты под воинский постой.

В 1916 г. В.Д. Сухов, занимавшийся кожевенным производством, имел недвижимого имущества в Барнауле на сумму 98138 руб. [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 50. Л. 103об.]. По данным инвентарной книги недвижимых имуществ по Барнаулу за 1918 г., на усадьбе Сухова был каменный двухэтажный жилой дом (на углу ул. Л. Толстого и Базарной площади), двухэтажный флигель, двухэтажное торговое помещение (расположенное на углу Базарной площади и ул. М. Тобольской), одноэтажный торговый корпус на ул. Л. Толстого, а также службы и конюшни [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 358. Л. 210об.]. Кроме данного имущества, у В.Д. Сухова были дома и по другим адресам в Барнауле. Так, в августе 1918 г. городская управа обратилась к старшему нотариусу Барнаульского окружного суда с просьбой выдать справку о том, кому перешли по крепостным документам недвижимые имущества, бывшие Сухова Василия

Дмитриевича: по ул. Петропавловской №26, 16, 31 и 33 и по ул. Томской №32, на что 14 сентября управа получила ответ из суда о том, что после пожара архива 2 мая минувшего года справку выдать не представляется возможным [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 34. Л. 64]. В 1920 г. здания на усадьбе были национализированы. Так, под №176 проходит имущество В.Д. Сухова по ул. Л. Толстого, 29 – дом 2-этажный каменный, склады, торговый каменный корпус, а под №175 по адресу: ул. М. Тобольская, 24 проходит имущество П.Д. Сухова – дом 2-этажный, склады, уборная, конюшня [ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 2. Д. 8. Л. 32].

Три дома, входившие в комплекс бывшей усадьбы купцов Суховых: «Дом жилой» (ул. Л. Толстого, 33), «Магазин Сухова» (ул. Л. Толстого, 31) и «Универмаг торгового дома «Сухов с сыновьями»» (ул. Мало-Тобольская, 36 / пр. Социалистический, 12), являются памятниками архитектуры регионального значения, поставлены на государственную охрану решением исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов от 24.03.1989 №108 и постановлением Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28.12.1994 №169.

«Дом жилой»

(г. Барнаул, ул. Л. Толстого, 33)

Двухэтажное кирпичное здание находится в исторической части города, на пересечении улицы Л. Толстого и проспекта Социалистического. Декоративное оформление с ярко выраженным штукатурным декором имеется только по уличным фасадам. Жилой дом купцов Суховых был построен в XIX в., отмечен на картах Барнаула за 1856 и 1877 гг.

В 1915 г. здание было отведено под воинский постой. Так, в феврале 1915 г. был осмотрен каменный дом Сухова по Л. Толстого для размещения учреждений и частей военного ведомства [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 43. Л. 2–3]. С 1917 г. дом на углу ул. Л. Толстого и Базарной площади и складские помещения арендовал Алтайский союз кооперативов, в том числе под квартиры своих сотрудников. Так, 22 августа 1917 г. П.Д. Сухов продал Товариществу «Алтайский Союз кооперативов» кожевенный завод под Б. Гляденом, и в договоре купли-продажи было отмечено, что члены правления данного товарищества В.А. Муравьев и М.К. Цаплин проживают в доме Василия Сухова на ул. Л. Толстого [ГААК. Ф.Р. 216. Оп. 1. Д. 1724. Л. 4]. Чуть позже Алтайский союз кооперативов подал заявление, что у него по адресу: угол ул. Л. Толстого и Базарной площади (д. Сухова) расположен склад принадлежностей пчеловодства и молочного хозяйства [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 114. Л. 1]. В январе 1920 г. часть помещений в доме Сухова на углу ул. Л. Толстого и Соборного переулка была занята барнаульским Особым отделом 5-й Армии [ГААК. Ф.Р. 9. Оп. 1. Д. 224. Л. 43; Д. 216. Л. 12]. В 1920-х гг. в здании находились правление, контора и оптовый склад Алтайского губернского союза рабоче-крестьянской кооперации [ГААК. Ф. 51. Оп. 2.

Д. 114. Л. 1; Ф.Р. 207. Оп. 1. Д. 16. Л. 147; Ф.Р. 12. Оп. 2. Д. 202. Л. 100; Ф.Р. 9. Оп. 1. Д. 224. Л. 39]. В 1921 г. был составлен список столовых при фабрично-заводских комитетах. Управление Губсоюза в доме Сухова по ул. Л. Толстого имела столовую, в которой было 277 столоющихся [ГААК. Ф.Р. 207. Оп. 1. Д. 16. Л. 147], а также по данному адресу находилась районная секция по молочному хозяйству Алтгубсоюза – раймолсекция [ГААК. Ф.Р. 12. Оп. 2. Д. 202. Л. 100]. В 1922 г. Губсоюз занимал в здании по ул. Л. Толстого, 29 под канцелярию 19 комнат, и по одной комнате было отведено под квартиру и кучерскую [ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 338. Л. 23]. В 1924 г. здание Алтайского губернского союза кооперативов было обследовано и составлен акт [ГААК. Ф.Р. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 9]. В 1925 г. был составлен список национализированных строений по Барнаульскому округу, согласно декрету ВЦИК и СНК от 30.11.1925 г., по адресу: ул. Л. Толстого, 29 находилось следующее имущество: дом каменный общей площадью 870,75 кв. саж., дом каменный – 292,28 кв. саж., склад каменный – 259,87 кв. саж., склад деревянный – 187,6 кв. саж., конюшня каменная – 261,12 кв. саж., конюшня деревянная – 17,16 кв. саж., склад каменный – 370,0 кв. саж., подвал каменный – 105,3 кв. саж., склад деревянный – 309,46 кв. саж., склад каменный – 90,54 кв. саж. и кладовая каменная – 36,94 кв. саж. [ГААК. Ф.Р. 102. Оп. 1. Д. 155. Л. 24]. В 1926 г. Сибирский краевой суд по г. Барнаулу постановил строения, занимаемые Алтайским союзом кооперативов на праве аренды у отдела местного хозяйства – дом по ул. Л. Толстого, 29, бывший Сухова, как ранее принадлежащий частному лицу, считать муниципализированными [ГААК. Ф.Р. 102. Оп. 1. Д. 155. Л. 4]. По сведениям о торговых заведениях, составленным в 1927 г., в здании находилась контора Алтайского союза потребительских обществ, а рядом центральный склад [ГААК. Ф.Р. 328. Оп. 1. Д. 244. Л. 31]. В 1928 г. двухэтажный каменный жилой дом по ул. Л. Толстого, 39 (29) вместе со складскими каменными помещениями Горкомхоз передал Деткомиссии под размещение в нем детского дома [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 57. Л. 200, 284; Д. 140. Л. 12; Д. 142. Л. 9]. В 1929 г. часть помещений была отведена под учебно-производственные мастерские при Деткомиссии [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 138. Л. 100]. По информации Горкомхоза в 1932 г. в здании находились две организации: Горком Союза РОП (работников общественного питания) и Деткомиссия при Окрисполкоме [ГААК. Ф.Р. 333. Оп. 1. Д. 53. Л. 82]. В 1936 г. городской Совет принял решение (№1120) конторе «Заготскот» освободить помещения по ул. Л. Толстого для общежития пединститута [ГААК. Ф.Р. 312, Оп. 1а. Д. 10, Л. 490]. В 1938–1939 гг. в здании по ул. Л. Толстого проходил капитальный ремонт на сумму 681 руб. [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 29. Л. 29]. В марте 1943 г., после освобождения помещений пересыльным пунктом Горвоенкомата, горсоветом было принято решение (№112) предоставить помещения в здании на нижнем этаже следующим организациям: Крайко-

му РОКК – 2 комнаты, ГорЗО – 3, конторе Главметаллсбыт – 3 комнаты. На втором этаже – ГорФО – 3 комнаты, управлению Горархитектуре – 3, городскому ЗАГСу – 2, Леспромсоюзу – 2, Детской комнате и Горono – 1 [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 75. Л. 167, 241]. В июле 1943 г. часть помещений предоставили для школы №28, а вышеперечисленные организации были переведены в другие здания [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 75. Л. 294, 348]. В октябре 1943 г. решением Крайисполкома (№962) помещения школы №28 передали во временное пользование Пушкинскому сельхозинституту для размещения в нем филиала института [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 77. Л. 494]. В дальнейшем дом использовался под жилье. Так, в феврале 1969 г. решением горисполкома (№67) жилой дом по ул. Л. Толстого, 33 был передан от Крайсельхозуправления на баланс городского управления жилищного хозяйства [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 7. Д. 204. Л. 123]. В 1972 г. горисполком утвердил титульный список капитального ремонта жилого фонда местных Советов. В здании по ул. Л. Толстого, 33 находилось 30 квартир общей площадью 578 м². По смете капитальный ремонт должен был выполнен на сумму 28345 руб. [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 7. Д. 301. Л. 501]. В 1990-х гг. здание было продано в частную собственность и приспособлено под торговые помещения, имеет поздние пристройки, декоративное оформление главного фасада которых повторяет архитектуру первоначальных объемов.

Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Л. Толстого, 33, является объектом культурного наследия регионального значения «Дом жилой» согласно постановлению Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28.12.1994 №169. Является примером жилого дома конца XIX – начала XX в. периода эклектики с использованием элементов классической архитектуры.

«Магазин Сухова»

(г. Барнаул, ул. Л. Толстого, 31)

Одноэтажное кирпичное здание располагается в исторической части города Барнаула, выходит главным фасадом на красную линию улицы Л. Толстого. Это высокий одноэтажный объем, где устроено единое пространство зала. В глубину двора уходит двухэтажный объем хозяйственного назначения и параллельно ему одноэтажный объем хозяйственных построек, складов. Главный фасад здания симметричен, оштукатурен и имеет богатое декоративное убранство.

Одноэтажное каменное торговое здание по ул. Б. Тобольская, входившее в комплекс усадьбы купцов Суховых, было построено в конце XIX в. и отмечено на карте Барнаула за 1894 г. В 1904 г. ТД «Д.Н. Сухов и сыновья» в доме В.Д. Сухова на ул. Б. Тобольской держал магазин, торговавший мануфактурными товарами, готовым платьем, чаем и сахаром, здесь же проводили скупку сельхозпродукции [ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 9. Л. 1об., 2об.]. В 1915 г. здание было отведено под воинский постой.

В феврале 1915 г. был составлен акт обследования помещений, занятых и признанных для размещения учреждений и частей военного ведомства, в том числе был осмотрен каменный дом Сухова по ул. Л. Толстого, освобожденный от поста 626-й пешей Томской дружины и предназначенный к размещению в нем 709-й пешей Томской дружины. Комиссия признала этот дом в санитарном отношении небезопасным и не удовлетворяющим требованиям Устава о земской повинности. В то же время члены управы сообщили, что данные помещения занимались военными с августа 1914 г. и по настоящее время. На момент осмотра в доме Сухова было расположено более 300 человек нижних чинов 710-й дружины [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 43. Л. 2–3]. В июле 1915 г. городская управа постановила (№31) арендовать для расквартирования нижних воинских чинов дом В.Д. Сухова – магазин на ул. Л. Толстого [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 56. Л. 11]. В 1920 г. здание было национализировано. В августе 1921 г. в нем разместились контора и магазин Центрального рабочего кооператива (ЦРК), который торговал мануфактурными, галантерейными, бакалейными, железоскобяными и коженными товарами, хлебопродуктами и вином [ГААК. Ф.Р. 212. Оп. 1. Д. 1235. Л. 1]. В 1925 г. был составлен список национализированных строений по Барнаульскому округу согласно декрету ВЦИК И СНК от 30.11.1925 г., по ул. Л. Толстого, 29 находился дом каменный общей площадью 292,28 кв. саж. [ГААК. Ф.Р. 102. Оп. 1. Д. 155. Л. 24]. В 1926 г. здание отдали барнаульскому райисполкому [ГААК. Ф.Р. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 138]. По сведениям о торговых заведениях, составленным в 1927 г., в здании также находился оптовый магазин Алтайского союза потребительских обществ [ГААК. Ф.Р. 328. Оп. 1. Д. 244. Л. 31]. В 1928 г. часть помещений занимала 65-я отдельная конвойная рота, по другим документам – конвойная команда [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 159; Д. 178. Л. 22об.]. Другая часть здания была отведена под универсальную торговлю магазинам барнаульского отделения Сибирского акционерного общества розничной торговли «Акорт» и ЦРК [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 57. Л. 200, 284; Д. 140. Л. 12; Д. 142. Л. 9]. В 1929 г. здание принадлежало административному отделу [ГААК. Ф.Р. 328. Оп. 1. Д. 92. Л. 6]. По данным списков избирателей по учреждениям Барнаула за 1930 г., в нем находилось 1-е отделение милиции и Барнаульский городской административный отдел [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 3. Д. 170. Л. 192–193]. В 1938 г. здесь же находилась торговая база Алтайторга [ГААК. Ф.Р. 433. Оп. 1. Д. 4. Л. 151].

В дальнейшем было принято решение перестроить здание под второй кинотеатр. 1 октября 1938 г. в связи с окончательным строительством кинотеатра по ул. Л. Толстого депутаты Барнаульского городского Совета приняли решение (№558) прирезать для него земельный участок, ранее принадлежащий ЗАГСу, в пределах 11,5 м², а 31 октября на своем заседании горсовет присвоил новому кинотеатру название «Октябрь», директором был назначен Ширияев [ГААК. Ф.Р. 312, Оп. 1а. Д. 25. Л. 152, 218]. 8 февраля 1940 г. помещения кинотеатра были предоставлены ко-

миссии горвоенкомата [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 50. Л. 96]. В 1942 г. часть помещений кинотеатра использовалась под призывной пункт горвоенкомата. В марте 1942 г. в горисполком поступило письмо от военкома Дубова о невозможности нахождения сборного пункта в кинотеатре одновременно с работой кино [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 67. Л. 219]. В июне 1942 г. был заслушан вопрос о работе кинотеатров «Октябрь» и «Родина». Депутаты городского Совета приняли решение (№293) до 1 июля 1942 г. провести ремонт зданий кинотеатров [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 67. Л. 415–416]. В 1943 г. барнаульский горсовет повторно принял решение (№236) провести капитальный ремонт здания, не прерывая работу кинотеатра. Обязал Водстрой до 1 июля 1943 г. провести необходимый ремонт паровой и водоснабжающей системы кинотеатра «Октябрь». Мебельной фабрике и артели «им. Сухова» к 1 июля 1943 г. необходимо было выполнить для фойе кинотеатра – 120 шт. стульев и 50 шт. деревянных 5-местных диванов для зрительного зала и др. В декабре 1943 г. ремонтные работы в здании кинотеатра были закончены [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 67. Л. 415–416; Д. 75. Л. 286; Д. 77. Л. 69]. В 1946 г. был составлен список каменных домов, подлежащих наружному архитектурному оформлению и благоустройству. Кинотеатру «Октябрь» по ул. Л. Толстого, 31 предписывалось провести окраску фасада и отремонтировать тротуар [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 123. Л. 27]. В сентябре 1956 г. горисполком принял решение (№382) о реконструкции кинотеатра «Октябрь» под кинотеатр с широким экраном. Директору Киноремснаба необходимо было до 20 сентября 1956 г. подготовить проектно-сметную документацию. Главному архитектору и главному инженеру Горкомхоза поручили до 25 сентября 1956 г. составить техническую документацию по прокладке канализации к зданию кино, а Горкомхозу до 1 октября 1956 г. – построить указанную канализацию [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 5. Д. 31. Л. 126]. В начале 1957 г. кинотеатр был закрыт на реконструкцию. По решению горсовета (№171) с 1972 г. в здании кинотеатра разместился буфет [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 7. Д. 301. Л. 42].

Кинотеатр в здании находился до 1990-х гг., затем часть помещений была продана в частную собственность под магазины, другая часть здания находится в краевой собственности. В 2004 г. был проведен ремонт главного фасада здания. В настоящее время здание имеет пристройки, в нем сохранились первоначальные кирпичные перекрытия – своды по металлическим балкам.

Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Л. Толстого, 31, является объектом культурного наследия регионального значения «Магазин Сухова» согласно постановлению Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28.12.1994 №169. Является примером торгового здания конца XIX – начала XX в. в формах эклектики с элементами позднего классицизма.

**Универмаг Торгового дома «Д.Н. Сухов и сыновья»
(г. Барнаул, ул. Мало-Тобольская, 36 / пр. Социалистический, 12)**

Двухэтажное кирпичное здание расположено в историческом центре Барнаула, на пересечении улицы Мало-Тобольской и проспекта Социалистического (бывший переулок Соборный), является частью непрерывной застройки торговой улицы. Сложное в плане здание переменной этажности состоит из нескольких одновременных объемов, образующих вместе с постройками хозяйственного назначения замкнутый двор, въезд в который осуществляется со стороны северо-западного дворового фасада.

Торговый дом первоначально состоял из двух частей, одна часть здания (каменная), выходящая фасадом на Базарную площадь, была построена в 1880-е гг. Другая часть отдельно стоящего здания, расположенная по ул. М. Тобольской, по данным карты Барнаула за 1894 г., была деревянной. В 1904 г. дом на ул. М. Тобольской В.Д. Сухов сдавал в аренду ТД «Коковин и Басов» под торговлю чаем и сахаром [ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 9. Л. 10]. На карте Барнаула за 1907 г. отмечен уже объединенный объем каменного здания магазина Сухова на углу Базарной пл. и ул. М. Тобольской, который торговал железом. В 1913 г. П.Д. Сухов вел оптово-розничную торговлю железоскобяными, кожевенными и шорными товарами на Базарной площади в доме своего брата [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 20. Л. 166]. В декабре 1914 г. П.Д. Сухов подал заявление в городскую управу о том, что ведет торговлю на углу ул. М. Тобольской и Базарной площади в доме своего брата В.Д. Сухова: магазин железоскобяных товаров, оптом и в розницу – 2 покоя и 3 входа [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1863. Л. 123, 126–127; Д. 20. Л. 183]. В 1915 г. в газете «Жизнь Алтая» было опубликовано объявление, что бюро труда беженцев находится в бывшем железном магазине В.Д. Сухова по ул. М. Тобольской [Жизнь Алтая, 1915, с. 1]. В 1919 г. в магазине Сухова на площади 70 кв. саж. был расквартирован Казанский Парковый артиллерийский дивизион [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 307. Л. 199]. В июле 1919 г. городской управой был направлен счет военному ведомству по расходам на приспособление городских и частных зданий, занятых военными. В бывшем скобяном магазине Сухова сумма расходов составила 266 руб. [ГААК. Ф. 233. Оп. 1в. Д. 12. Л. 9]. В 1920 г. здание национализировали. В январе 1920 г. в бывшем магазине на ул. М. Тобольской предполагалось разместить на воинский постой до 300 человек [ГААК. Ф.Р. 9. Оп. 1. Д. 224. Л. 43; Д. 216. Л. 12]. В 1923 г. Алтайгубсоюз на бывшей усадьбе Сухова размещал свои продуктовые склады [ГААК. Ф.Р. 12. Оп. 2. Д. 357. Л. 4].

В 1928 г. часть помещений по ул. М. Тобольской, 48 (24) вместе со складскими каменными помещениями Горкомхоз передал Деткомиссии под детский дом. Раньше другая часть помещений была отведена под универсальную торговлю магазина барнаульского отделения Сибирского акционерного общества розничной торговли «Акорт», чей годовой оборот за

1927 г. составил 30,0 тыс. руб. [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 57. Л. 200, 284; Д. 140. Л. 12; Д. 142. Л. 9; Ф.Р. 312. Оп. 3. Д. 179. Л. 76]. По данным списков избирателей по учреждениям Барнаула за 1930 г., по ул. М. Тобольской находился магазин «Акорт» [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 3. Д. 170. Л. 176]. В 1936 г. городской Совет принял решение помещения по ул. М.Тобольской передать от городского Совета ОСО Горстройтресту под общежитие рабочих [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 10. Л. 490]. По сведениям газеты «Алтайская правда» за 1937 г., в здании по ул. М. Тобольской на первом этаже находился магазин №1, а часть второго этажа отдали под барнаульскую городскую контору «Сибторг» [Алтайская правда, 1937, с. 4]. С 1938 г. часть помещений на первом этаже занимало управление инвентаризации барнаульского Горкомхоза [ГААК. Ф.Р. 784. Оп. 2. Д. 118. Л. 28].

В 1942 г. дом местных Советов по ул. М. Тобольская, 36 был передан в долгосрочную аренду станкостроительному заводу, который вселил в него 20 семей рабочих завода. Дом не имел благоустройства, отсутствовал приусадебный участок, не было наружной уборной, помойной ямы и мусорного ящика. По условиям расположения здания организовать эти санитарные узлы во дворе не представлялось возможным. Станкостроительный завод (директор Ключев) на протяжении всего периода аренды не проводил капитального ремонта дома и благоустройства в виде канализации и водопровода, в результате чего дом был доведен до ветхого состояния. Последние годы завод совершенно устранился от ремонта дома. Жильцы дома были вынуждены пользоваться санузлом на Базарной площади и все нечистоты сбрасывать в р. Барнаулку, что понудило их обратиться в крайком КПСС с жалобой на невыносимые условия проживания в этом доме.

В феврале 1946 г. городской Совет принимает решение (№33) предоставить Особторгу в аренду помещения под магазин и обязал директора Барнаулторга передать гастроному помещения магазина №5 (пр. Социалистический / ул. Ваксмана (с 1945, далее ул. М. Тобольская с 1952) с имеющимся штатом, оборудованием и инвентарем [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 121. Л. 29]. В марте 1946 г. принимается решение о предоставлении для конторы Военного Строительного управления №19 МВМС СССР в аренду фасадной части помещения второго этажа в доме по ул. Ваксмана, 36, и в срок до 10 мая управлением должны быть помещения капитально отремонтированы [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 121. Л. 149]. В 1946 г. был составлен список каменных домов, подлежащих наружному архитектурному оформлению и благоустройству. Общежитию сельхозинститута по пр. Социалистический, 12 предписывалось провести окраску фасада и отремонтировать тротуар [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 123. Л. 27].

В мае 1948 г. было принято постановление государственной санитарной инспекции о закрытии помещений управления инвентаризации по пр. Социалистическому, 12. В постановлении было указано, что помещения не соответствуют санитарным условиям, не обеспечивается надлежа-

щее хранение архивов. Ежегодно в весеннее время в подполье находится вода, из-за чего стены постоянно сырые, в помещениях влажно, тяжелый воздух, что отражается на здоровье работников. Архив с инвентарными делами на домовладения всего города испорчен и продолжает портиться вследствие постоянной сырости помещений. В июле 1948 г. в Горкомхоз поступило обращение начальника управления инвентаризации о содействии в выполнении решения горсовета (№44) о предоставлении управлению дополнительно помещений верхнего этажа дома по пр. Социалистический, 12, так как на момент рассмотрения вопроса управление размещалось на первом этаже. Но решение горсовета не было выполнено по причине того, что жильцов со второго этажа (4 семьи) не пересели в другое здание [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 182. Л. 148, 174].

В сентябре 1948 г. был составлен график профилактического газоокуривания конского состава, бывших неблагополучных хозяйств по четотке в Барнауле. По ул. Ваксмана, 36 находилась Алтайская база «Роспромторг», имевшая двух лошадей [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 186. Л. 87]. По данным списков торговой сети, с 1954 г. в здании находился магазин №5 [ГААК. Ф.Р. 784. Оп. 2. Д. 127. Л. 362]. В августе 1959 г. городской Совет рассмотрел жалобу жильцов дома и, учитывая, что дом по ул. М. Тобольская, 36 не имел необходимых условий для размещения надворных сан. узла, помойной ямы, мусорного ящика и детской площадки, принял решение (№439) обязать директора станкостроительного завода до 1 октября 1959 г. переселить всех жильцов дома в дома завода, после чего отремонтировать дом и сдать Горжилуправлению. Обязал ГЖУ после приемки сдать помещения торговым организациям в аренду под магазины и склад [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 6. Д. 3. Л. 304]. В октябре 1959 г. горсовет (№623а) отменил свое решение от 6 августа в связи с тем, что директор станкостроительного завода пообещал в срок до 1 июля 1960 г. в доме провести капитальный ремонт с установкой центрального отопления, устройством водопровода и канализации. При проведении ремонта две семьи необходимо было переселить на жилплощадь завода, а занимаемые ими комнаты оборудовать под общую кухню и подсобные бытовые помещения [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 6. Д. 4. Л. 127].

30 июня 1960 г. горисполком обязал Горпромторг в срок до 15 июля 1960 г. передать Горпищеторгу помещения по ул. М. Тобольская, 36, занимаемые магазином №5 Горпромторга, для расширения продовольственного магазина №69 и обязал к 1 сентября 1960 г. открыть торговлю [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 6. Д. 6. Л. 285]. 17 ноября 1960 г. депутаты горсовета вновь рассмотрели вопрос (№764) по проведению ремонта в здании. Было отмечено, что 15 октября 1959 г., рассмотрев просьбу станкостроительного завода о том, что они до 1 июля 1960 г. проведут капитальный ремонт эксплуатируемой ими части здания, исполком разрешил заводу дальнейшую эксплуатацию здания. Однако ремонт здания на момент рассмотрения вопроса не был закончен, и жители этого дома

продолжали находиться в тяжелых условиях: в доме не были закончены плотнично-столярные работы, санузел не оборудован, отопление не отрегулировано, к штукатурным работам еще не приступали. Общие кухни, предусмотренные по проекту, не оборудованы, а квартиры, предназначенные под эти кухни, от жильцов не освобождены. На ремонте ежедневно работали всего по 2–3 плотника, которые изготавливали оконные рамы. В результате депутаты решили обязать станкостроительный завод принять меры к окончанию ремонта дома по ул. М. Тобольской, 36 не позднее 15 декабря 1960 г. [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 6. Д. 7. Л. 186]. В январе 1961 г. был опубликован список магазинов, которым разрешена торговля водкой и крепкими спиртными напитками, виноградными и плодово-ягодными винами. Такое разрешение получил и магазин №69 по пр. Социалистическому, 12 [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 6. Д. 8. Л. 35; Д. 11. Л. 58]. С 1972 г. в здании на первом этаже находился магазин Горпищеторга – гастроном №4 и магазин №1 Хлебторга [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 7. Д. 301. Л. 40, 270]. Весь второй этаж занимало Бюро технической инвентаризации. Пожаром 1998 г. была частично утрачена кровля, и не сохранился интерьер первого и второго этажей со стороны ул. М. Тобольской. Здание находится в краевой собственности, помещения первого этажа со стороны пр. Социалистического сдаются в аренду под продовольственные и промтоварные магазины.

Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Мало-Тобольская, 36 / пр. Социалистический, 12, является объектом культурного наследия регионального значения «Универмаг торгового дома «Сухов с сыновьями»» согласно решению исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов от 24.03.1989 №108. Является примером торгового здания конца XIX в. в формах эклектики с элементами классицизма и мотивами барокко в оформлении первого этажа.

Библиографический список

- Алтайская правда. 1937. 14 окт. (№3). С. 4.
Жизнь Алтая. 1915. 18 сент. (№205). С. 1.
Предприниматели Алтая, 1861–1917: энциклопедия предпринимательства / В.А. Скубневский, А.В. Старцев, Ю.М. Гончаров. Барнаул, 1996. 110 с.

М.А. Целищева, М.А. Дышлок

АРКОО «Наследие Алтая», Барнаул, Россия

БАРНАУЛЬСКАЯ ОДИГИТРИЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Предпринимательская благотворительность на Алтае существовала с давних времен. Ее традиционной сферой были церковные пожертвования, и многие храмы в городах и селах Алтая являлись результа-

том купеческого попечения. Одигитриевская деревянная церковь была открыта в Барнауле в 1759 г. на средства «посадских людей», цеховых и разночинцев. Церковь была расположена в центре города, вблизи торговых рядов. Прихожанами новой церкви были торговые, ремесленные и прочие жители. В 1774 г. в Барнаульском заводе при церкви Одигитриевской было прикреплено 257 дворов, в ней служили один священник, два дьякона и два пономаря [ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 291. Л. 21].

С ростом числа населения церковь не могла вместить всех желающих, а также в связи с тем, что деревянная церковь пришла в ветхость, жители города выступили с ходатайством о строительстве нового, теперь уже каменного здания. По их мнению, церковь должна была быть четырехпрестольной: в середине – Одигитрии Богоматери, по правую руку – придел Трех Святителям – Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту, по левую – Илии Пророку и в верхнем этаже – Преображению Господню. В сентябре 1812 г. деревянная церковь сгорела, и три года прихожане ходили в другие храмы города. 23 октября 1812 г. священник Барнаульской Одигитриевской церкви Василий Евтифеев обратился в Барнаульское духовное правление с просьбой перевести его служить в Берское село при троештатной Сретенской церкви в связи с тем, что старая церковь сгорела, а новая еще строилась [ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 365. Л. 57]. Каменное здание было заложено 16 октября 1795 г., церковь освящена 26 января 1815 г., построена на средства купца Ильи Пуртова. В конце XVIII – 1-й трети XIX в. Пуртовы были самой богатой семьей барнаульского купечества, активно занимались благотворительностью, жертвуя немалые суммы на нужды просвещения, церкви, помощь малоимущим.

Каменное двухэтажное здание церкви с колокольней не отличалось внешними архитектурными достоинствами, но, по воспоминаниям современников, поражало внутренним убранством, богатством и благолепием – купцы и торговцы стремились украсить свою церковь. На карте Барнаула за 1826 г. под №28 отмечена Церковь Богоматери (Одигитриевская). С 1877 г. на планах Барнаула на усадьбе церкви показаны торговые лавки. В ведомости за 1852 г. указано, что земли при церкви усадебной нет, пахотной и сенокосной 33 десятины, на которую есть план. Землею сенокосною священноцерковнослужители пользовались сами [ГААК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 38. Л. 103]. В описи церкви за 1861 г. указано, что для входа в нижний этаж находилась дверь с западной стороны, для входа на второй этаж также была одна дверь с западной стороны. Полы внизу храма были из алебастра, покрашенные, на втором этаже полы были деревянные, также покрашенные. Церковь была покрыта железом, покрашенным зеленою краскою, в колокольне, внизу, были устроены сторожка и кладовая. Ограда была каменная с деревянными решетками, покрашена зеленою краскою. Иконостас в церкви был деревянный, местами с резьбою, позолочен и покрашен краскою. В ко-

локольне было семь колоколов, самый большой весом в 118 пудов, был изготовлен на средства купца В. Пургова в 1827 г. [ГААК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 38. Л. 51–67]. В ведомости за 1873 г. указано, что земли усадебной и пахотной при церкви нет, а сенокосной по распоряжению Алтайского горного правления от 1867 г. утверждено священникам по 10 десятин, дьяку и пономарю – по 4 десятины [ГААК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 38. Л. 152]. В 1884 г. церковным старостой Суховым на собственные средства при воротах была построена небольшая каменная часовня для помещения в ней св. иконы Божией Матери [ГААК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 38. Л. 35].

Из книги Одигитриевской церкви для регистрации богослужений за 1885 г. мы можем узнать, что на всенощных службах присутствовало в среднем по 100–150 человек, а в большие праздники в церкви присутствовало на службе 300–400 прихожан [ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 857. Л. 85об.]. Из сведений за 1896 г. следует, что церковь как внутри, так и снаружи благолепна, особенным благолепием отличался верхний этаж храма, в котором один только иконостас оценивался в 20 тыс. руб., утварью достаточна, содержится денежными доходами, получаемыми от прихожан, при исправлении у них духовных треб. Во то же время было отмечено, что в сводах нижнего этажа церкви образовались трещины от неравномерной осадки столба среднего пояса, поэтому предполагалось произвести следующие работы: устроить арки между средними столбами в трапезной, сложить вновь над окнами второго этажа трапезной с южной стороны перемычку, в двух окнах трапезной первого этажа под существующими перемычками окон сделать другие перемычки. Из данного документа мы можем узнать, что шесть больших столбов поддерживали своды на первом этаже [ГААК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 38. Л. 163].

Многие горожане жертвовали и завещали Одигитриевской церкви значительные капиталы, в том числе и дома. Из книги описанного движимого и недвижимого имущества барнаульской Одигитриевской церкви следует, что настоятель церкви протоирей Иоанн Попов проживал на Кузнецкой (ул. Гоголя) улице в деревянном, на каменном фундаменте доме, пожертвованном церкви в 1895 г. купеческими сыновьями Суховыми по завещанию их отца Д.Н. Сухова. На усадьбе находились амбар, погреб, баня. Стоимость дома с хозпостройками оценили в сумму 350 руб., налог на имущество составил 8,22 руб. Диякон Алексей Красноцветов жил в деревянном доме на Б. Тобольской (ул. Л. Толстого) улице, пожертвованном церкви купцом В. Суховым в 1882 г. Церковный староста барнаульский купец Василий Хмелев жил в своем доме на Пушкинской улице [ГААК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 58, 7; Ф. 26. Оп. 1. Д. 38. Л. 273–274, 300]. Каменный корпус с четырьмя лавками, крытый железом, выходящий фасадом на Базарную площадь, в 1895 г. оценили в 5500 руб., налог на имущество составил 129,25 руб. (в 1873 г. налог на имущество составлял 46 руб., в 1894 г. – 118,5 руб.) [ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2, 5–9].

Каменное двухэтажное здание школы было построено в конце XIX в. рядом с церковью на Большой Тобольской улице (с 1910 г. – улица Льва Толстого). Верхний этаж дома был приспособлен под помещение церковно-приходской школы (в ней обучалось около ста девочек), а нижний этаж сдавался в аренду под торговые помещения. В 1901 г. каменный двухэтажный дом, деревянный флигель, конюшня, две завозни, амбар, погреб и баня были оценены в 5,0 тыс. руб. [ГААК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 19–20]. На отношение от 29 ноября 1904 г. городская управа уведомила причт Одигитриевской церкви о возможности сложения домового налога на следующий год с дома по ул. Б. Тобольская, 15, что же касается сложения налога на нынешний год, то управа церкви отказала [ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 200]. Из клировой ведомости Одигитриевской церкви за 1902 г. следует, что усадебной земли при церкви находилось длиною по улице 36 сажень и 8 вершков и поперечно 46 1/3 сажени. Сенокосной же и пахотной не было. На усадебную землю имелся план, выданный городской управой от 20 февраля 1882 г. за №473, и свидетельство, выданное той же управой от 14 июля 1887 г. за №449. На здание имелся план, все документы хранились в церкви [ГААК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 38. Л. 31–46, 118]. Каменные лавки с 1 января 1902 по 1 января 1905 г. были отданы с торгов в аренду на 3 года барнаульскому купцу Андрею Григорьевичу Морозову за ежемесячную плату в 3620 руб. В ноябре 1904 г. Томская духовная консистория разрешила церкви отдавать лавки в аренду сроком до 12 лет [ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 200. Л. 97, 422]. В ведомости об имуществе церкви за 1905 г. значатся следующие здания: три каменные лавки в одном корпусе, построенные на церковной усадьбе, на деньги прихожан, и одна лавка с кладовой, построена в 1899 г. на церковные деньги. Кроме того, каменный двухэтажный дом с мезонином. В верхнем этаже помещалась церковно-приходская школа, а в нижнем – магазин, который сдавался в аренду. При доме находился хлебный амбар, который также сдавался в аренду. Школа была открыта в сентябре 1900 г. [ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 38. Л. 34–35]. Из рапорта в Барнаульское духовное правление следует, что в 1905 г. на содержание и ремонт церкви и церковных домов Одигитриевская церковь заплатила 3098,48 руб., в 1906 г. – 5047,8 руб. [ГААК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 41. Л. 46, 56]. В феврале 1906 г. прихожане на общем собрании слушали письменное заявление дочерей умершего чиновника: Глафиры Васильевны Великосельской и ее родной сестры, жены чиновника Евдокии Васильевны Гуляевой – наследниц каменного дома по Б. Тобольской улице, 27. Первая сестра дарила церкви свою долю в доме, а вторая продавала за 5,0 тыс. руб. Было принято решение приобрести данный дом для второго священника. При доме находились погреб и амбар [ГААК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 41; Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 67]. В феврале 1909 г. строения, принадлежащие церкви, находящиеся в Барнауле были застрахованы на сумму 184 тыс. 115 руб. [ГААК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 38]. В октябре 1909 г. мещанин

Пятков получил от церкви 400 руб. за устройство нового иконостаса в нижнем этаже храма [ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1329. Л. 18об.]. В ноябре 1909 г. церковь уплатила в городскую управу за дома и церковные лавки налога в сумме 376,82 руб., в том числе за дом В.И. Хмелева по ул. Гоголевской, 64 – 1,26 руб. Дом с постройками по ул. Б. Тобольская был оценен в сумму 3672 руб., налог составил 26,16 руб.; магазины каменные были оценены в сумму 17700 руб., налог составил 115,05 руб.; дом с постройками по ул. Б. Тобольская оценен в 172 руб., налог – 1,23 руб. [ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1329. Л. 18об.; Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 27, 36–41].

Из страховых карточек на строения, принадлежащие церкви, от 16 июля 1910 г. следует: церковь каменная была оценена в 100100 руб., годовая сумма страховки составляла 60 руб.; часовня каменная оценена в 1000 руб., сумма взноса – 0,60 руб.; каменный торговый корпус оценен в 25000 руб., сумма взноса – 17,5 руб. Всего церковь должна была заплатить страхового взноса в год 78,10 руб. Причтовый дом (по ул. Гоголевской, 64) деревянный с амбаром, баней, конюшней, навесом, ледником был застрахован на сумму 2400 руб., взнос в год составил 8,64 руб. Дом каменный был оценен в сумму 40000 руб., страховый взнос составил 28 руб., мастерские каменные оценены в 6000 руб., взнос – 16,2 руб., амбар деревянный оценили в сумму 5000 руб., взнос – 9,0 руб., два флигеля деревянных (один флигель оценили в сумму 300 руб., второй – в 200 руб.). Всего за строения на данном участке церковь должна была заплатить страхового взноса в год 54,6 руб. [ГААК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 45–47]. В 1911 г. проходил ремонт крыши храма. В железной лавке купца Богоенова для этих целей было закуплено материала на сумму 124,85 руб. В это же время на лесопильном заводе было закуплено разного леса для постройки каменной кладовой на сумму 172,13 руб. [ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1329. Л. 64об., 65об.].

По окладному листу №1656 в 1911 г. церковь заплатила налог на имущество за дом по адресу: ул. Б. Тобольская, 27б, в сумме 3,5 руб., оценочная стоимость дома составила 539 руб. [ГААК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 28]. Из клировой ведомости за 1911 г. следует, что в церкви была библиотека, состоящая из 250 книг разного наименования в 386 томах [ГААК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 38. Л. 35]. 20 января 1912 г. в контору купца Сухова церковь заплатила 44,15 руб. за доставку из Петербурга икон для иконостаса нижнего этажа храма [ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1330. Л. 3об.]. 17 мая 1912 г. в городскую управу уплатили налога по окладному листу №1656 в сумме 5,44 руб. В 1913 г. за дом по ул. Л. Толстого, 27б, налог на имущество составил 5,39 руб., за дом по ул. Гоголевская, 64, – 1,79 руб. По окладному листу №2383 за дом по ул. Л. Толстого, 15, налог составил 265 руб. [ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1330. Л. 14; Ф. 63. Оп. 1. Д. 10. Л. 16–18]. Из приходной денежной книги церкви следует, что 20 марта 1912 г. получено арендной платы за мучную лавку с Товарищества Федулова 20 руб., данные средства пошли на содержание церковного

хора певчих. 22 декабря 1913 г. с мещанина Миллера было получено арендной платы в сумме 100 руб., с мещанина Зубова за аренду старого здания, приспособленного под керосиновую лавку, – 25 руб. 31 декабря 1913 г. за аренду лавок церковного корпуса с купца А.Г. Морозова получили арендной платы в сумме 1918,25 руб. За свечную Епархиальную лавку за 1-е полугодие 1914 г. церковь получила 400 руб. [ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1331. Л. 10, 82, 92об.]. 5 июля 1914 г. церковь уплатила в городскую управу домового налога в сумме 5,53 руб. [ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1330. Л. 104об.].

Церковь обслуживала в 1761 г. 1400 прихожан, в 1819 г. – 2334, в 1852 г. – 3154, в 1914 г. – около 1300 прихожан, из них духовных лиц – 21, военных – 17, статских – 85, мещан – 1021, крестьян – 90 человек. При ней действовали церковно-приходская женская школа и школа грамоты. Уменьшение числа прихожан было связано с постройкой в начале XX в. в Барнауле Покровской и других церквей. В 1779 г. в штате церкви было два священника, диакон, два дьячка, два пономаря, в 1866 г. – уже три священника, диакон, три дьячка и три пономаря. В начале 1890-х гг. в Одигитриевской церкви было введено народное пение. Из справочной книги по Томской епархии за 1909–1910 гг. следует, что церковь каменная, двухэтажная, во имя Пресвятой Богородицы Одигитрии и во имя Преображения Господня, с двумя приделами в нижнем этаже – во имя трех святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста и во имя св. пророка Божия Илии. Была построена в 1815 г., расстояние от г. Томска – 385 в. В церкви причта по штату один священник, один диакон и псаломщик. Настоятель протоиерей И.А. Попов, 59 лет, окончивший Томскую духовную семинарию, на настоящем месте служил с 1892 г. При церкви была построена часовня в 1884 г., в церковно-приходской женской школе, открытой в 1900 г., обучалось 110 человек [Справочная книга..., 1911, с. 373–374]. Из справочной книги по Томской епархии за 1914 г. мы можем узнать, что прихожан было 1300 душ, в том числе раскольников и иноверцев – 70 человек. Церковно-приходское попечительство существует с 1898 г. Настоятель И.А. Попов, 62 л., священник на месте штатного дьякона И.П. Долинин, 38 л., на настоящем месте с 1902 г., диакон на должности псаломщика А.П. Красноцветов, 42 л., на настоящем месте с 1902 г. [Справочная книга..., 1914, с. 267–268].

После революционных событий церковь продолжала служить. В 1920 г. у Одигитриевской церкви было национализировано следующее имущество: одноэтажный дом по ул. Гоголевская, 64 (баня, навес, амбар, погреб, колодец), торговый одноэтажный корпус с подвалом и одноэтажный корпус с жилым помещением на Базарной площади, каменный корпус с жилым помещением по ул. Л. Толстого (во дворе), дом двухэтажный с дровяником, конюшней и уборной по ул. Л. Толстого, 27 [ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 2. Д. 8. Л. 29об., 36, 38–39]. В 1922 г. во время рек-

визии церковных ценностей стало известно, что Одигитриевская церковь – самая богатая в Барнауле. Из храма было изъято 5 пудов, 31 фунт серебра, множество драгоценных камней, украшавших оклады икон [Скворцова, 2007, с. 160].

24 марта 1924 г. был зарегистрирован устав Богородицкой (Одигитриевской) обновленческой православной общины верующих. В силу санитарных правил для служителей культа (Циркуляр Наркомздрава от 26.10.1923 №249) все здания и помещения, в которых происходили те или иные собрания и совещания религиозных обрядов, должны были содержаться в чистоте и отвечать всем требованиям санитарного состояния. 6 февраля 1925 г. комиссия под председательством помощника начальника подотдела милиции административного отдела Губернского исполкома Сонина, членов комиссии от Алтайской губернской милиции Кронберга и от Алтайского губздравицы врача Залесского, в присутствии представителей от Богородицкой церкви – церковного старосты Сбитнева, произвели обследование санитарно-гигиенического состояния Богородицкой церкви. При осмотре помещений и предметов богослужения комиссия застала в самом разгаре уборку, в акте было отмечено, что облачения висят в одном из притворов в незакрытом шкафу, кое-где висела паутина. Акт был передан в президиум Алтайского губернского исполкома, копия ушла начальнику губернского отдела ГПУ и заведующему Алтгубздравом [ГААК. Ф.Р. 531. Оп. 1. Д. 11. Л. 38, 49]. Согласно п. 4 договора, заключенного Алтайским губисполкомом с общиной Градо-Барнаульской Богородице-Одигитриевской церкви (ныне Кафедрального собора), община обязана была производить оплату всех текущих расходов по содержанию вверенного храма, а именно: по ремонту, отоплению, освещению, охранению, страхованию, по содержанию служителей культа, хора певчих и вообще по оплате всех долгов, местных налогов обложения – аренды, ренты и т.д. В то же время тарелочный сбор пожертвований во время богослужений в храме не оправдывал вышеперечисленные расходы по церкви, других же источников церковь не имела. Поэтому церковно-приходской совет общины 31 июля 1925 г. обратился к прихожанам с просьбой, «дабы не разрушить храм, оказать посильную помощь через подписной лист добровольным пожертвованием – в основном на необходимый ремонт вверенного собора» [ГААК. Ф.Р. 531. Оп. 1. Д. 61. Л. 337].

В связи с национализацией капиталов и имущества храма, сокращением значительного числа прихожан общине к концу 1920-х г. стало не под силу содержать огромное здание, оно много лет не ремонтировалось. Ссылаясь на это обстоятельство, президиум барнаульского городского Совета 27 января 1931 г. постановил расторгнуть с Богородице-Одигитриевской общиной договор на пользование ею культовым зданием. По разным сведениям, здание Одигитриевской церкви было разрушено в 1935 г. [Целищева, 2013, с. 98].

Библиографический список

Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII – начало XX вв.). Барнаул, 1997. С. 55, 79–85, 117.

Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае (1917–1998 гг.). Барнаул, 1999. С. 49.

Кривоносов Я.Е., Скворцова Т.В. Православные храмы Барнаула (1751–2001 гг.). Барнаул, 2001. С. 49–55.

Скворцова Т. Одигитриевская церковь // Алтайский благодатный край. Можайск, 2007. Вып. 8. С. 160.

Справочная книга по Томской епархии за 1909–1910 годы. Томск, 1911. С. 373–374.

Справочная книга по Томской епархии за 1914 год. Томск, 1914. С. 267–268.

Целищева М.А. Учет исчезнувших и исчезающих объектов культурного наследия Алтайского края // Вестник АлтГПА: Музееведение и сохранение историко-культурного наследия. 2013. №6. С. 98.

А.В. Шмидт

Музей Природы и Человека, Ханты-Мансийск, Россия

МУЗЕЙНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ РЕМЕСЕЛ КАК ПРИМЕР СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ

В настоящий момент малые коренные народы Сибири находятся под сильным влиянием современной действительности. Традиционный образ жизни охотников, рыболовов, оленеводов претерпевает сильную трансформацию. Изменения прежде всего происходят в одежде, транспортных средствах, орудиях и способах промысла и т.п. С каждой сменной поколения сокращается число носителей традиционных ремесел, навыков производства предметов быта и промысла, что ведет к постепенной утрате отдельных элементов национального наследия. Такое положение дел вызывает сильную тревогу среди археологов, этнографов, музейщиков и просто ценителей самобытной культуры коренных малочисленных народов.

Для сохранения и пропагандирования культурного наследия народа ханты сотрудники МБУ «Шурышкарский районный музейный комплекс» в июле 2008 г. организовали и провели первый фестиваль традиционных ремесел – «Земля мастеровая». Мероприятие прошло на базе Природно-этнографического парка-музея «Живун», расположенного в деревне Ханты-Мужи Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа [Этническая..., 2008]. Формат фестиваля носил районный характер. Его основная цель направлена на сохранение и популяризацию традиционных ремесел северных хантов.

В работе фестиваля приняли участие 10 мастеров – все жители Шурышкарского района, представляющие различные традиционные ремесла (строительство, обработка дерева, кости, бересты, соломы, кедрового корня, рыбьей кожи, оленьего меха, металла и др.): Родямова Елена Семеновна (с. Восяхово), Ребась Анна Ивановна (с. Восяхово), Ребась Ирина Михайловна (с. Восяхово), Озелова Варвара Петровна (с. Восяхово), Толба Григорий Иванович (с. Лопхари), Толба Михаил Григорьевич (с. Лопхари), Хартаганов Геннадий Ефремович (с. Питляр), Талигин Валерий Маркович (д. Послово), Тогачев Прокопий Никитович (д. Ханты-Мужи), Куртямов Емельян Кириллович (с. Овгорт).

Допускалось использование заранее заготовленного сырья, изделий, а также изготовление предметов с нулевого цикла. К завершению работы фестиваля мастера-участники должны были представить готовые результаты своей работы в виде предметов традиционной культуры народа ханты, которые поступят на постоянное хранение в фонды Природно-этнографического парка-музея «Живун». Встреча участников в одном месте и в одно время обеспечила возможность тесного общения ремесленников Шурышкарского района, живущих в разных уголках муниципального объединения, дала шанс в неформальной обстановке обменяться опытом и секретами мастерства.

В связи с тем, что фестиваль традиционных ремесел является музейно-прикладным мероприятием, направленным на развитие музейной педагогики, в помощь мастерам была набрана группа подмастерий из числа подростков в возрасте 12–15 лет, проживающих в селах и деревнях муниципального объединения. В ходе мероприятия дети обучались старинным навыкам и познавали различные аспекты традиционной материальной и духовной культуры коренного населения Шурышкарского района. Мастера и участники «группы подмастерий» в течение работы фестиваля (6 дней) проживали и питались на территории парка-музея. Это способствовало более тесному общению представителей разных поколений.

Большим успехом проекта «Земля мастеровая» стало привлечение в качестве гостей участников V Международного фестиваля ремесел финно-угорских народов «Югра-2008», прибывших на теплоходе «Римский-Корсаков» из г. Сургута. Это значительно увеличило интерес к мероприятию, дав возможность общения с представителями других народов и других стран. На глазах у гостей и участников районного фестиваля мастера создавали свои творения. Представилась уникальная возможность увидеть процессы выделки ровдуги, пошива летней обуви «нюки-вай», изготовления рыболовной сети, самострела и охотничьей ловушки «черкан», выделки шкур, обработки бересты, изготовления берестяной люльки «онтап», пошива зимней женской шубы «сах», использования бисера и меховой мозаики в декорировании одежды, а также изучить комплекс плотницких и домостроительных ремесел,

выделку кожи, плетение тынзяна, изготовление и применение в быту природных красителей, обработку ивового прута и кедрового корня, изготовление рыболовной снасти «пун» (гимга/морда).

Все предметы, изготовленные во время работы фестиваля (а это детские и спортивные нарты, ручной точильный станок, сувенирная продукция из кости и дерева, берестяные туески и другой хозяйственный инвентарь, а также одежда) пополнили предметный фонд ПЭПМ «Живун». Тем самым привлечение мастеров традиционных ремесел стало значительным этапом развития экспозиционной базы парка-музея. В рамках фестиваля проводились конкурсы по нескольким номинациям среди мастеров традиционных ремесел Шурышкарского района и «под-мастерий», лучшие из которых получили ценные призы.

Немаловажным аспектом данного мероприятия стала финансовая сторона. Организаторы постарались свести к минимуму личные расходы участников проекта. Им компенсировали проезд к месту проведения фестиваля «Земля мастеровая» и обратно. Питание и проживание также осуществлялось за счет принимающей стороны. По ходу работы мероприятия сотрудники районного музейного комплекса всячески стремились создать благоприятную атмосферу и комфортную обстановку вокруг проекта. В настоящее время носителями традиций национальных ремесел являются преимущественно представители старшего поколения. Чтобы заинтересовать их к дальнейшему сотрудничеству, по завершении фестиваля все мастера получили дорогие подарки.

В результате все основные цели, поставленные в начале проекта, были достигнуты. Налажен диалог с мастерами, владеющими навыками традиционных ремесел, приживающимися на территории Шурышкарского района. Их удалось привлечь к работе по развитию Природно-этнографического парка-музея «Живун», в результате чего фонды филиала пополнились великолепными экспонатами. Сформирована оригинальная линейка сувенирной продукции. Получилось обратить внимания жителей района на проблему сохранения традиционной культуры коренного населения. Введены новые формы работы в деятельности парка-музея. Повысился его статус на пространстве музейного сообщества Ямало-Ненецкого и соседнего Ханты-Мансийского автономных округов. Расширились партнерские отношения.

Учитывая положительный опыт прошедшего мероприятия, было принято решение проводить районный фестиваль традиционных ремесел «Земля мастеровая» регулярно, с интервалом раз в два года. В июле 2014 г. данный проект реализован уже в четвертый раз. Теперь, помимо ремесленников Шурышкарского района, к нему присоединились мастерицы из Ханты-Мансийского автономного округа. Всего приняло участие 14 человек: Белова Дарья Ивановна (г. Югорск, ХМАО), Еприна Вера Николаевна (с. Овгорт), Куртямов Емельян Кириллович (с. Овгорт), Куртямов Иосиф Никифорович (с. Мужы), Куртямова Аль-

бина Николаевна (с. Овгорт), Лонгортов Леонид Петрович (с. Муж), Максимова Галина Николаевна (с. Муж), Наков Егор Егорович (с. Питляр), Накова Роза Тимофеевна (с. Питляр), Рукова Нина Георгиевна (г. Югорск, ХМАО), Толба Михаил Григорьевич (с. Лопхари), Тыликова Евдокия Александровна (с. Овгорт), Хартаганов Геннадий Ефремович (с. Питляр), Шиянова Зоя Николаевна (с. Муж).

Фестиваль проходил одновременно с Детским этнографическим лагерем «Кедровый остров», воспитанники которого составили «группу подмастерий». В 2014 г. к работе привлекли 27 ребятишек из Шурышкарского, Приуральского и Ямальского районов Ямало-Ненецкого автономного округа. Под чутким руководством своих наставников девочки в основном занимались изготовлением сувенирной продукции, отражающей национальный колорит народа ханты. Это различные амулеты и браслеты из бересты, чехлы для сотовых телефонов из шелка или сукна, украшенные местной орнаментикой, подвязки, сплетенные из шерстяных нитей, предназначенные для мужской обуви *кисы*.

Мальчики учились работать по дереву, изготавливая фигурки и кухонную утварь (ложки, хуваны, поварешки), а также резать по кости небольшие рельефные изображения. Кроме этого, ребята освоили изготовление ловушек на птиц и мелких пушных зверей, точно таких, какие делали их предки.

Помимо работы с детьми, перед мастерами-мужчинами стояла другая очень важная задача. В рамках общей темы фестиваля «Парковая деревянная скульптура» им было предложено создать новый музейный объект ПЭПМ «Живун» – Мужегортовское святилище.

Организаторы фестиваля и ранее обращались к его участникам с подобными просьбами. Так, в 2012 г. во время проведения 3-й «Земли мастеровой» парк-музей пополнился двумя новыми экспозиционными объектами: навесом для лодок-калданок и «Зимним оленеводческим стойбищем».

Идея создания «Мужегортовского святилища» родилась не на пустом месте. О его существовании как раз в районе деревни Ханты-Муж писал итальянский путешественник Сомье, посетивший эти места в 1880 г. [Sommier, 1885]. Вот как описывает свои впечатления исследователь: «Оно находилось не на острове, а на коренном берегу, как на то указывала растительность. Лес состоял из сибирских кедров и берез.

В месте, где деревья были более высокими, а земля свободнее от кустарников, куда не вела никакая тропинка, вплотную к самому высокому кедру, ветви которого были покрыты лишайником..., стояли примерно двадцать больших отесанных обрубков дерева, сужавшихся углом к верхушке. На этих деревянных обрубках были видны рот, нос и два глаза, высеченные самым грубым образом. То были остяцкие идолы, или, лучше сказать, изображения их богов, принесенные в качестве дара на святилище. На ветвях старого кедра и некоторых ближних

деревьев можно было видеть разные предметы, принесенные в дар богам. Тут были кусочки ткани, красные ленты, медные кольца, остатки ... шаманского бубна. Внутри священного свертка тряпок, который был привязан к ветке, я нашел маленькую русскую бронзовую монету. Здесь были наизанные на ветки продырявленные лопатки оленей, черепа с рогами и целые олени шкуры, снятые вместе с копытами. Одна из этих шкур была новой и показывала, что не так давно здесь приносились жертвы. Следы кострища на земле недалеко от капища указывали, что здесь было приготовлено и съедено мясо жертвенного животного» [Соммье, 2012, с. 246–247].

Покидая «священный лес остяков», Соммье забрал со святилища некоторые предметы и несколько идолов [Соммье, 2012, с. 246–248], по сути дела, разорив священное место. Как автор статьи, как ученый, не берусь дать оценку действиям итальянского путешественника. Однако даже сейчас можно прийти в музей во Флоренции и увидеть там этих идолов и другие предметы культуры народа ханты, вывезенные Соммье.

В результате фотографии «остячких богов» из флоренского музея и рисунки из книги итальянца послужили эскизами будущих изделий мастерам районного фестиваля «Земля мастеровая». Соммье [2012, с. 246] пишет, что на святилище «стояли примерно двадцать» идолов. По всей видимости, божков было 21 – семь (священное число народа ханты) кратное трем, которые располагались вокруг кедра треугольником, по семь в ряд. Заготовки для идолов предоставили организаторы проекта.

Мастера как представители национальной хантыйской культуры со всей ответственностью отнеслись к данному заданию. Идолы были изготовлены по всем правилам и в соответствии с традициями прошли обряд очищения с участием кровавой жертвы.

Таким образом, благодаря работе районного фестиваля традиционных ремесел «Земля мастеровая» Природно-этнографический парк-музей «Живун» получил в свои фонды не только линейку уникальных экспонатов, выполненных профессиональными мастерами в соответствии со всеми традициями, но и целую серию экспозиционных объектов. Старики с благодарностью откликаются на приглашение принять участие в очередном фестивале. Для них это возможность увидеться с друзьями, пообщаться с молодежью, передать свои навыки, свои знания людям, неравнодушным к проблеме сохранения традиционной культуры северных ханты.

Библиографический список

Соммье Стефано. Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир / пер. с ит. А.А. Переваловой. Томск, 2012. 640 с.

Этническая архитектура и традиционное природопользование в проекте музейной экспозиции под открытым небом. Концепция Природно-этнографического парка-музея «Живун». Мужж; Екатеринбург, 2008. 100 с.: ил.

Sommier S. Un'estate in Siberia. Firenze; Torino; Roma, 1885. 634 p.

Т.С. Ябыштаев

*Горно-Алтайский государственный университет,
Горно-Алтайск, Россия*

**ПАМЯТНИКИ РОДОНАЧАЛЬНИКУ И ЗАЙСАНУ
ЧУЙСКОЙ ВОЛОСТИ (Республика Алтай)**

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №15-11-04003а(р) «Традиции и инновации родовой потестарности алтайцев в контексте этносоциальных процессов в Республике Алтай»)

У алтайцев сохраняется родовое сознание принадлежности к патрилинейному роду-сёоку, что выступает основным критерием этнической идентичности. В Республике Алтай известен зайсанат, включающий 15 зайсанов наиболее многочисленных и распространённых родов-сёоков. Должность зайсана как родового главы была возрождена на первых постсоветских родовых собраниях, и на протяжении последней четверти века сородичи выбирают своего зайсана.

У этнотерриториальной группы южных алтайцев – теленгитов, расселённых в Улаганском и Кош-Агачском районах, возрождённая должность зайсана проявилась через практику установки памятников зайсанам прошлого. Важным фактором этого нового явления явилось сохранение сведений о местах формирования и расселения родов-сёоков.

Сёок тёлёс, самый многочисленный и встречаемый почти во всех районах республики, сформировался в Улаганском районе, а именно в окрестностях Телецкого озера. Не случайно русские переселенцы назвали озеро Телецким – в значении «озеро тёлёсов». Регион формирования тёлёсов не ограничивался прителецкой тайгой, а охватывал прилегающую тайгу Абакан, простирающуюся до р. Енисея в Хакасии. В Кош-Агачском районе, а именно в Чуйской степи, расселён сёок кёбёк, являющийся сёоком «карындаш» – в смысле родственным сёоку тёлёс. Оттого родословные сёоков тёлёс и кёбёк берут начало от общего предка Ярынака/Ереника (Ярынак).

В 1980-х гг. были опубликованы сведения о теленгитских сёоках, записанные от информатора К. Очурдяпова из сёока ак кёбёк: «В древности алтайцы знали свое историческое происхождение со слов, передавая знания друг другу, из поколения в поколение. Раньше в нашем роду была летопись родословной в виде исторической книги. Мы, ак кёбёки, пользовались ею. Мы свою родословную начинаем от Ярынака» [Очурдяпов, 1988, с. 73]. Далее перечислены имена предков по отцовской линии. Так, в родословной ак кёбёк насчитывается около десяти имен: Ярынак – Будугеш, Бодо – Тепсегеш – Чычкан – Мандай, Очурдяп – Макайла – Чындый – Кадыр. В преданиях Ярынак, живший 17 поколений назад – примерно в XVII в., считается родоначальником теленгитских родов-сёоков тёлёс, кёбёк, дыабак, алмат [Очурдяпов, 1988, с. 74].

Историческая память как основа для социальной, культурной и этнической идентичности взаимосвязана с жизненными ценностями поколений и включена в образы жизненного пути известной личности. По эпическим данным Ярынак был рожден с отметиной – родимым пятном на лопатке, что предсказывало его необычайное предназначение воина, владевшего луком, мечом и другим оружием [Очурдяпов, 1988, с. 73]. В преданиях повествуется, что в те далекие времена прекратились нападения враждебных соседей из тувинцев, называемых алтайцами «сойон», казахов, прозванных «кыргын», и монголов «могол». Испытавшие трудности находили приют в горах Алтая, где, набрав силу, продолжали свой путь.

Место захоронения предводителя теленгитов Ярынака называется «Ала Кайын» и находится в Улаганском районе у слияния рек Чулышман и Башкауc, вблизи Телецкого озера. В июне 2013 г. по инициативе зайсана тёлёсов Акай Кине и при поддержке районного отдела культуры был установлен памятник Кезер таш теленгитскому родоначальнику Ярынаку, представляющий собой каменную статую с вырезанными на ней чертами богатыря [В Улаганском...] (рис. 1).

Рис. 1. Памятник хану Ярынаку в урочище Ала Кайын (Республика Алтай), <http://sib-guide.ru/img/ns/682>

После вхождения алтайцев в состав России в 1756 г. теленгиты на протяжении столетия оставались в положении двоеданцев, выплачивая дань Российской и Цинской империям. Последняя контролировала пограничные регионы, в которых родовые главы тёлёсов Улаганского нагорья и сёока ак кёбёк бассейна р. Чуи, являясь китайскими подданными, полу-

чили право наследственного зайсанства. После подписания Чугучакского договора в 1864 г. российско-китайская граница в южной части Горного Алтая стала проходить по водоразделам рек Чуи, Аргута, Башкауса и Катуня. В составе России на территории расселения теленгитов образовались волости: I Чуйскую волость представляли телёсы (Улаганский район), II Чуйскую волость – кёбёки (Кош-Агачский район).

В преддверии 150-летия Чугучакского договора и вхождения теленгитов в состав России в июле 2014 г. в с. Кокоря Кош-Агачского р-на был поставлен памятник (рис. 2) и названа улица в честь зайсана сёока ак кёбёк Очурдяпа Мандаева (1846–1887 гг.) [Зайсану...]. При его зайсанстве решались историческая судьба теленгитов, сохранение их исконной территории проживания и острые проблемы землеустройства. Роль зайсана Очурдяпа была важна в налаживании торговых связей между купеческим г. Бийском и с. Кош-Агач, ставшим торговым центром в пограничном регионе. В годы его зайсанства казахи, переселившиеся из Прииртышья и пограничных районов Китая, получили разрешение на поселение в Чуйской степи и плоскогорье Укок (Кош-Агачский район) [Тадина, 2011, с. 69].

Рис. 2. Памятник зайсану Очурдяпу в с. Кокоря Кош-Агачского района (ВКонтакте – сообщество Алтай сёектёр, <http://vk.com/wall-58140698?offset=60>)

Таким образом, в Республике Алтай появилась практика установления памятников в честь исторических личностей алтайцев. Памятный знак родоначальнику Ярынак в Улаганском районе назван в народе «Кезер таш», что означает «резной, обработанный, отесанный камень», и это отвечает внешним его напоминанием древнетюркского изваяния. Установленная стела зайсану Чуйской волости в Кош-Агачском районе называется «Кёжё таш» в значении «памятный пограничный знак». В памятниках теленгитских сёков отображен обобщенный образ прошлого: либо характерные черты богатыря, либо прорисовка внешности потомка ак кёбёк, взятая за типичный облик чуйского зайсана. Сохранение эпических текстов способствовало появлению памятных знаков исторического прошлого в наше время.

Библиографический список

В Улаганском районе установлен памятник легендарному герою Кайракан-Дьяранак // Министерство культуры Республики Алтай [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culture-altai.ru/index.php/deyatelnost/site-administrator/80-all-news/947-v-ulaganskom-rajone-ustanovlen-pamyatnik-legendarnomu-geroju-kajrakan-darynaku.html> (дата обращения 5.03.2016 г.).

Зайсану Очурдяпу установили стелу // Государственное Собрание – Эл Курултай Республики Алтай [Электронный ресурс]. URL: http://elkurultay.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2742:2014-07-14-09-14-21&catid=1:all-news&Itemid=2 (дата обращения 5.03.2016 г.).

Очурдяпов К. Воспоминания о Ярынаке // Эл-Алтай. Литературно-художественный альманах. Горно-Алтайск, 1988. С. 71–75.

Тадина Н.А. Алтайцы, русские, казахи – три этнических образа в этнокультурном взаимодействии в Республике Алтай // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 8. Барнаул, 2011. С. 66–71.

РАЗДЕЛ 4. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

О.В. Бондаренко

*ГАУК НСО «НГКМ», отдел «Сузун-завод. Монетный двор»,
р.п. Сузун, Новосибирская область, Россия*

ИЗУЧЕНИЕ, РЕСТАВРАЦИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИЯ ЗНАЧИМЫХ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СУЗУНСКОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Поселок Сузун является одним из старейших населенных пунктов Новосибирской области. Его возникновение связано с деятельностью Кольвано-Воскресенских заводов – металлургических предприятий на Алтае. Появился он благодаря именному указу Сенату Екатерины II от 7 ноября 1763 г. в связи с необходимостью начать чеканку медных монет на территории Сибири. Данное предназначение Сузуна обеспечило основную специфику его историко-культурного наследия. В районе насчитывается 75 объектов муниципального и регионального значения, из которых наиболее значимыми по типологии «архитектура XVIII–XIX веков» являются: достопримечательное место «Сузунский медеплавильный завод и монетный двор», дом жилой и контора управляющего Сузунским медеплавильным заводом, школа церковно-приходская (рис. 1), склад продовольственный медеплавильного завода. Объектами культурного наследия по типологии «архитектура начала XX века» являются: деревянный жилой дом по ул. Советской, 2; лавка со складскими сараями (рис. 2) и жилой дом купчихи Смирновой, находящиеся в с. Битки Сузунского района [Памятники истории. . ., 2012, с. 27–28].

В настоящее время возникла острая необходимость сохранения, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия Сузунского района и, как следствие, развития историко-познавательного туризма и его инфраструктуры. Для этой цели была разработана долгосрочная целевая программа «Создание музейно-туристического комплекса «Завод-Сузун. Монетный двор» (2012–2016 гг.). Перечнем ее мероприятий в первую очередь было предусмотрено проведение работ по сохранению объектов Сузунского медеплавильного завода – единственного исторического объекта Новосибирской области промышленной архитектуры XVIII–XIX вв.

Сузунский медеплавильный завод – памятник промышленного и горнозаводского этапа освоения Сибири, был построен в 1764 г. и работал до 1914 г. Он уникален тем, что при нем существовал единствен-

ный за Уралом монетный двор, чеканивший особую сибирскую монету. Для строительства завода была возведена плотина на р. Нижний Сузун, построены гидротехнические сооружения. Значительная их часть – сама плотина, прорезы для спуска воды, ряжи и фрагменты водораспределительных механизмов – сохранились до настоящего времени. Кроме того, на территории достопримечательного места «Завод-Сузун. Монетный двор» сохранился памятник второй половины XIX в. – толчея (толчельня). Это здание являлось частью плавильной фабрики завода и было предназначено для измельчения известняка, который добавляли при производстве для очистки меди от примесей вредных металлов. Оно представляет собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры и является подлинным источником информации о существовании в Сузуне медеплавильного производства (рис. 3).

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Для полноценного изучения достопримечательного места «Сузунский медеплавильный завод и монетный двор» необходим был комплексный подход, включающий в себя археологическое исследование территории, консервацию и реставрацию отдельных ее объектов, реконструкцию и музеефикацию здания толчельни.

В 2010–2012 гг. исследовательской группой под руководством директора Новосибирского государственного краеведческого музея, А.В. Шаповалова были проведены археологические раскопки на территории Сузунского медеплавильного завода и монетного двора. Археологам удалось расчистить и изучить сохранившиеся остатки гидросооружений, например, большой фрагмент капитального ларя – основной части деревянного водораспределительного механизма, по которому на территорию медеплавильного завода поступала вода из пруда, а также 14-метровый участок деревянного желоба для воды – разводящего ларя [Памятники истории..., 2012, с. 28–29]

Данные объекты нуждались в ряде научно обоснованных мероприятий, которые позволили бы защитить их от дальнейшего разрушения и обеспечили сохранение аутентичности с минимальным вмешательством в существующий облик. Таким образом, была проведена частичная консервация гидросооружений завода. Само слово «консервация» (от лат. *conservatio* – сохранение) предполагает совокупность мер, обеспечивающих на длительное время сохранение облика, механической прочности и химической инертности памятников истории и культуры, археологических находок, произведений архитектуры, изобразительных и декоративных искусств. В настоящее время продолжается работа по сохранению данных гидромеханизмов и подготовке их к демонстрации для жителей и гостей поселка.

Благодаря археологическим раскопкам также появилась возможность соотнести исторические данные о расположении объектов монетного двора и медеплавильного завода с современной территорией, получить информацию о том, какую ее часть занимало здание толчельни, в каком месте были расположены водоналивные машины и как туда поступала вода. Также были обнаружены старинные монеты и медные заготовки – вырубки, сделаны спилы деревянных артефактов для определения их точной датировки.

Единственное уцелевшее производственное здание Сузунского медеплавильного завода – толчельня – находилось в руинированном состоянии: декоративный пояс, конструкция полов и скатной кровли сохранились фрагментарно, заполнение оконных и дверных проемов не сохранилось вовсе. Посещение такого здания предполагало опасность для жизни. Воссоздание практически утраченного объекта культурного наследия было осуществлено посредством его реконструкции и музеефикации.

Музеефикация – направление музейной деятельности, заключающееся в преобразовании историко-культурных или природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности. [Шулепова, 1998, с. 15]. В данном случае этот процесс стоит рассматривать как высшую меру сохранения части Сузунского медеплавильного завода – здания толчельни. В ходе реконструкции состояние памятника подверглось предварительному обследованию. Были изучены элементы и детали, относящиеся к первоначальному облику здания, его стилиевая характеристика, проведены полный археологический обмер и фотофиксация толчельни. В ходе историко-архивного исследования изучены все письменные источники, на которых воспроизведено изображение памятника. Одновременно с реконструкцией был составлен проект его приспособления к новому использованию, а именно в качестве историко-промышленного музея «Толчельня». Все это позволило достоверно воссоздать объект культурного наследия Сузуна. Здание было реконструировано из тех же кирпичей эпохи медеплавильного производства, полностью сохранены его архитектурные особенности, например, выполнение оконных и дверных проемов с полуциркульным завершением (рис. 4).

Музеефикация исторических зданий, которые являются памятниками истории, архитектуры и культуры, предполагает также немаловажный этап создания музейных выставочных инсталляций, посвященных истории этого здания, известным людям, проживавшим или работающим в нем, а также основным событиям, к которым здание имеет отношение. Реализация подобных проектов является возвращением исторического долга и дает возможность более полного использования потенциала объектов культурного наследия.

Рис. 4

Экспозиция историко-промышленного музея «Толчельня» объединила в себе весь процесс медеплавильного производства (рис. 5). Для лучшего его понимания был построен макет универсальной печи – шплейзофен – в натуральную величину. На подиумах и у печи расположены орудия труда рабочих, что позволяет наглядно представить ход промышленных операций на заводе.

Рис. 5

Сузунский завод являлся также и предприятием по металлообработке. На нем действовала железоделательная фабрика, где изготавливали предметы быта из железа, меди и чугуна. Но, кроме этого, делали также инструменты для работы на заводе, ремесленные приспособления, столярные и плотничные инструменты. Экспонаты, демонстрирующие

данный вид деятельности завода, представлены в большом количестве в витринах и подиумах историко-промышленного музея «Толчельня». В экспозиции также размещена информация о людях, работающих на Сузунском медеплавильном комплексе.

Кроме историко-промышленного музея, расположенного на территории достопримечательного места «Сузунский медеплавильный завод и монетный двор», в музейно-туристический комплекс входит объект культурного наследия – дом жилой и контора управляющего Сузунским медеплавильным заводом, датированный концом XIX в. Однако последнее комплексное изучение литературных источников, архивных документов Санкт-Петербургского, Томского, Алтайского и Новосибирского архивов, имеющих описание и изображение этого здания, позволило выяснить, что горнозаводская контора находилась в другом помещении, на территории завода, а дом-усадьба управляющего располагался именно в этом месте уже с 1765 г.

Конечно, за всю эпоху своего существования памятник истории и архитектуры претерпел немало изменений. Изначально это был дом, построенный в виде буквы П, с одним крылом, немного короче другого. Отапливался он несколькими печами и был срублен на шесть опочивален [Соколов, 1986, с. 5–6]. Есть данные о большой, прилегающей к дому террасе, которая служила одним из главных его украшений. Она выходила одной стороной на улицу и давала возможность хозяину, наблюдая за проходящими мимо людьми, насладиться хорошей погодой за чашкой ароматного сибирского чая [Черкасов, 2004, с. 180]. К сожалению, терраса не сохранилась до наших дней. Можно также предположить, что первоначальный вид здания – это ничем не обшитые бревенчатые стены, которые уже в середине XX в. были закрыты рейкой: середина – «елочкой», нижняя часть и фриз – вертикальными рейками. В конце 80-х гг. XX в. здание подверглось кардинальной реконструкции. К одному его крылу была сделана пристройка, а печи и вовсе убраны.

В период советского времени в стенах дома управляющего Сузунским медеплавильным заводом располагались разные организации, а с 1989 г. здесь находится Сузунский краеведческий музей. В 2005 г. здание было причислено к категории памятников местного (муниципального) значения и включено в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов РФ.

В настоящее время в рамках программы развития музейно-туристического комплекса «Завод-Сузун. Монетный двор» ведется реконструкция объекта культурного наследия с целью возвращения ему исторического предназначения. В 2016 г. свои двери для посетителей распахнет уже не краеведческий музей, а «Дом-усадьба управляющего Сузунским медеплавильным заводом последней четверти XIX века».

На сегодняшний день для гостей и жителей поселка открыты два новых зала: гостиная и кабинет управляющего Сузунским медеплавильным заводом последней четверти XIX в. В кабинете представлена деловая

атмосфера, отражены интересы руководителя медеплавильного предприятия, такие как охота, рыбалка, изучение горных пород, чтение специфической литературы. Максимальный эффект присутствия достигается за счет созерцания подлинных экспонатов. Например, в витринах расположена коллекция оружия XIX в., среди которого присутствует ружье, изготовленное непосредственно на Сузунском медеплавильном заводе. На столе-конторке работы местной мебельной фабрики «Владиминова» стоит уникальный письменный прибор из бронзы и дерева последней четверти XIX в. В гостиной посетитель попадает в момент послеобеденного чаепития. Мебель сузунских мастеров передает достоверный образ той эпохи, а портреты управляющих и их семей позволяют наглядно представить людей, проживавших в этом доме.

В 2016 г. планируется также открытие еще одного музея, входящего в музейно-туристический комплекс, – «Сузунский монетный двор». В настоящее время ведется строительство данного объекта на его историческом месте. Проект монетного двора был разработан с опорой на планы и карты XVIII–XIX вв. с его изображением. Параллельно идет работа над экспозициями музея, изучением процесса чеканки медных монет, их образцов и особенностей.

Сохранение памятников культурного наследия Сузуна решается комплексно, с учетом возможного введения современных функций в историческую среду поселка. Такой оптимальной функцией является туризм. Он генерирует финансовые ресурсы, используемые для возмещения расходов на охрану объектов, поддержание культурных традиций и повышение уровня образования. Уникальность создаваемого музейно-туристического комплекса «Завод-Сузун. Монетный двор» заключается в том, что в нем органично соединятся историко-промышленный музей, музей монетного дела и археологический парк, музей-усадебка, центр исторической информации. Это позволит создать предпосылки для разработки единственного в своем роде внутреннего туристского продукта и не только решить многие социально-экономические проблемы, но и занять Сузунскому району достойное место в ряду наиболее привлекательных для туристов исторических мест России.

Библиографический список

Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области: Каталог памятников, сост. на гос. охр. / Упр. по гос. охр. объектов культ. насл. НСО [под ред. А.В. Кошелева]. Новосибирск, 2012. С. 24–29.

Плоткин К.М. Современные подходы к реставрации объектов культурного наследия Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/192/21913.php> (дата обращения: 18.03.2015).

Соколов И. Сузунская миллионщина. Новосибирск, 1986. С. 5–6.

Черкасов А.А. На Алтае: Записки городского главы. Барнаул, 2004. 180 с.

Шулепова Э.А. Музеефикация памятников как механизм использования культурного наследия в регионе : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 1998. С. 15–24.

А.В. Бутина, Т.Г. Гребенникова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

МУЗЕЙ ИСТОРИИ АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА ДОРОГИ*

Музейная сеть Алтайского края включает государственные, частные, муниципальные, общественные, ведомственные музей и многочисленные учреждения музейного типа. Наименее исследованными и доступными для широкой аудитории являются музеи ведомственные, которые находятся в ведении различных министерств (кроме Министерства культуры РФ) в зависимости от своего расположения в той или иной организации.

Одним из примеров крупного ведомственного музея является «Музей истории Алтайского региона дороги». По профильной специализации он относится к научно-техническим музеям, а именно к музеям транспорта, а также к историческим, поскольку раскрывает историю развития Западно-Сибирской железной дороги. История создания музея берет свое начало с 1970-х гг. с находки Виктора Халина (бывший секретарь комитета ВЛКСМ депо). Разбирая документы прошлых лет, он обнаружил воспоминание о строительстве железной дороги, написанное бывшим котельщиком депо Поповым. Заинтересовавшись прочитанным, он собрал коллектив людей, которые начинали работать в паровозном депо, попросил их принести фотографии прошлых лет. Материалы начали поступать и от других ветеранов и работников. Большую помощь в деле сбора информации оказали машинисты: Николай Рыжков, Анатолий Пашков, Николай Сигарёв, Критерий Аверченко, Юрий Шехонсун. Так начал формироваться фонд экспонатов. В комнате комитета комсомола поместили стенд истории депо с фотографиями и выдержками из воспоминаний ветеранов. Комитет комсомола организовал встречу ветеранов строительства железной дороги с молодыми рабочими депо.

Позже, когда экспонатов набралось много, начальник депо Павел Кузьмич Семитко выделил под музей комнату в административном корпусе. С этого и началось развитие уникального музея [Корягин, 2014, с. 304–305]. 8 мая 1975 г. «Музей истории эксплуатационного локомотивного депо Барнаул» впервые распахнул свои двери для посетителей. Экспонатов было не слишком много, поэтому в этот же год издается постановление о пополнении фондов музея ценными предметами исторического значения. Музей находился в здании, которое было построено еще в 1914 г., оно является историческим памятником промышленного зодчества. Решением Барнаульского городского исполнительного комитета №591 от 11 сентября 1978 г. здание локомотивного депо было официально признано историческим памятником [Корягин, 2014, с. 304].

* Выражаем благодарность за предоставленные сведения заведующей музеем Ольге Николаевне Бучневой.

В будке машиниста паровоза и тендере проводились экскурсии для посетителей музея. Школьники, студенты и учащиеся ПУ-2 знакомились с условиями работы паровозных бригад. При музее был создан совет музея, который регулировал работу по сбору информации и размещению экспонатов, по проведению в музее различных мероприятий.

Большой вклад в развитие музея в середине 2000-х гг. внес Николай Иванович Глебов. В то время закрывался дом отдыха локомотивных бригад, и он распорядился передать имущество и мебель музею. Бывая в других депо, он старался найти нужное для музея оборудование и привезти его. Начальник ремонтного депо С.Л. Митин при реконструкции цехов не выбросил, а передал в музей много измерительных приборов паровой эпохи. При нем в музей провели воду и поставили раковину [Корягин, 2014, с. 312-326].

К 2000 г. в фондах музея сформировалась большая коллекция предметов, относящихся к Великой Отечественной войне. В этом же году страна праздновала 55-летие со дня Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Неоценимый вклад военных подвигов и трудовых усилий внесли алтайские железнодорожники. Для увековечения памяти героических подвигов в военных сражениях и в тылу руководство президиума территориального комитета профсоюза, совета ветеранов войны и труда Алтайского отделения Западно-Сибирской железной дороги издает постановление от 18 февраля 2000 г. «Об организации музея боевой и трудовой славы на Алтайском отделении дороги».

Музей с течением времени расширялся, и уже в 2003 г. его коллекции стали содержать предметы не только военной тематики, но и рассказывающие о быте железнодорожников, истории создания железной дороги на Алтае и в России и т.д. Благодаря усилиям сотрудников музея любой предмет, относящийся к железной дороге, мог найти свое место в экспозиции или в фондах музея.

Со временем перед музейными работниками встал вопрос, что делать с музейными предметами, не относящимися к теме Великой Отечественной войне. Решение было очень простым – переименовать музей. На одном из заседаний Западно-Сибирского центра научно-технической информации и библиотек музею присвоен статус регионального и закреплено название «Музей Алтайского региона дороги».

В марте 2013 г. Музей истории эксплуатационного депо Барнаула из-за аварийного состояния помещения был закрыт. Это было связано с протеканием крыши и отсутствием каких-либо мер по ремонту здания. Музейный фонд был упакован и складирован в запасниках силами ветеранов.

Иными словами к 2013 г. на базе Алтайского отделения Западно-Сибирской железной дороги существовало два музея: «Музей истории эксплуатационного депо Барнаул» и «Музей Алтайского региона дороги». В целях сохранения музейных предметов и эффективного функцио-

нирования этих музеев было принято распоряжение «Об объединении музеев Алтайского региона дороги». Для размещения объединенного музея было выделено два помещения в зданиях реабилитационного центра локомотивных бригад, находящихся по адресам: г. Барнаул, ул. Привокзальная, 14 и 26а [Копия распоряжения].

В 2014 г. после реконструкции было открыто новое здание «Музея истории Алтайского региона дороги». 30 декабря состоялось его официальное открытие, которое приурочено к знаменательным датам – 100-летию локомотивного депо Барнаул и 100-летию открытия Алтайской железной дороги.

В отремонтированном здании располагаются восемь экспозиционных залов. Материалы первого зала рассказывают об истории железной дороги в России. Второй зал посвящен строительству железной дороги на Алтае. Третий зал рассказывает об участии алтайских железнодорожников в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., Афганской и Чеченской войнах. Небольшой зал оформлен в виде крестьянской избы, в которой жили переселенцы, приехавшие в Сибирь для строительства железной дороги. Зал «Пuls стальных магистралей» посвящен всем основным хозяйствам Алтайского региона. В зале локомотивного депо Барнаула установлен интересный экспонат – макет разреза кабины паровоза Л-1703 с имитацией «огня в топке». Мультимедийный зал используется для показа фильмов по истории железных дорог России и отдельных предприятий, а также организации выставок прикладного творчества железнодорожников, фотовыставок и пр.

В экспозиционном зале представлено 10 макетов и моделей железнодорожной техники, например, действующий макет железной дороги, натуральный подвижной состав – два паровоза: 9П и Л-0186, макет старого здания железнодорожного вокзала станции Барнаул и др.

Учет и хранение фондов осуществлялись в соответствии с инструкцией по учету и хранению фондов с 2007 г. Ведутся главные инвентарные книги в количестве 5 штук. Основной фонд составляет 4522 единицы хранения, научно-вспомогательный – 2761 единицу хранения. В собрании музея имеются: фонд изобразительного искусства – 64 единицы; фонд нумизматики – 322 единицы; фонд альбомов – 51 штуку; фонд филателии – 192 экземпляра; фонд документов – 2873 позиции; филокартии – 82 открытки; библиотечный фонд – 929 книг; фонд фотографии – 2528 экземпляров; фонд негативов – 231 единица.

Среди наиболее интересных экспонатов следует указать:

- натуральный подвижной состав – два паровоза: 9П и Л-0186;
- модели и макеты железнодорожной техники – 11 (действующий макет железной дороги, макет старого здания железнодорожного вокзала станции Барнаул и др.).

Ведется работа по занесению музейных предметов в электронный каталог на базе ПО «Ирбис», в данный момент введено 3662 единицы.

Отметим некоторые уникальные предметы, поступившие в музей в 2015 г.: громкоговоритель «Обь» 1951 г.; замок системы Дементьева 1962 г.; рубанок ручной работы начала XX в., личные документы Иванова Владимира Константиновича, машиниста паровоза, 1941 г., и др. В пополнении фондов активно принимают участие ветераны и их родственники: И.И. Батанин, С.М. Пожарский, В.В. Швырев, И.К. Попов, Ю.А. Антонов, Г.Н. Корягин.

В музее происходит постоянное обновление экспозиций и создание передвижных выставок (выставка прикладного творчества «РЖД зажигает звезды», фотовыставка «Профессия в лицах», выставка «Русские национальные костюмы»). За 2015 г. организовано 12 передвижных выставок. Ежегодно ко дню Победы оформляются выставки, в этом году были созданы две передвижные выставки: фотовыставка «Солдаты Победы» и выставка детского рисунка «Мы победили». Выставки работали в музее, на вокзале станции Барнаул и в детском оздоровительном лагере имени Ю.А. Гагарина.

В культурно-образовательной деятельности музея большое внимание уделяется работе с детьми и пенсионерами. Для детей работает кружок прикладного творчества «РЖД зажигает звезды». Ежегодно проходит региональный конкурс детского рисунка «Железная дорога глазами детей». В музее ведется работа с детьми-инвалидами. Для пенсионеров организуются встречи под девизом «Жизнь моя – железная дорога». Один раз в месяц в музее проводятся «Поэтические пятницы». Музей постоянно организует праздничные концерты к знаменательным датам: День защитников Отечества, Международный день 8 Марта, и др. День Победы и День памяти всегда проходят особенно торжественно.

15 мая 2015 г. в «Музее истории Алтайского региона дороги» прошло торжественное мероприятие, посвященное 40-летию создания музея локомотивного депо Барнаул. Спустя 40 лет, в новом музее собралось более 50 человек – это бывшие работники депо, гости из музеев Барнаула, ветераны.

В 2015 г. под патронатом губернатора Алтайского края А.Б. Карлина в десятый раз в Алтайском крае проведена Международная акция «Музейная ночь». Она была посвящена 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, 285-летию города Барнаула и Году литературы в России. В ночь с 16 на 17 мая «Музей истории Алтайского региона дороги» присоединился к акции «Музейная ночь», проходившей в Алтайском крае. Музей принимал гостей и проводил экскурсии до двух часов ночи, его посетило более 2,6 тыс. человек.

Музей находится в подчинении Западно-Сибирского центра научно-технической информации и библиотек, в свою очередь этот центр находится в структуре ОАО «РЖД» и финансируется ими, привлеченных источников финансирования музей пока не имеет. В музее работает четыре человека: один заведующий и три хранителя фондов. В музее

имеются сигнализация и закрытые витрины для обеспечения безопасности экспонатов. Отметим, что во всем мире год от года возрастает популярность музеев железнодорожного транспорта, возникают новые учреждения такого профиля. Значителен и интерес со стороны посетителей (местные жители и туристы) к такого рода экспозиционным проектам. Все это свидетельствует о значительных перспективах развития «Музея истории Алтайского региона дороги» при должном внимании к его нуждам и при использовании современных технологий управления музейным учреждением.

Библиографический список

- Корягин Г.Н., Попов А.И., Соколов В.М. «Сто лет по рельсам Алтая». Юбилей локомотивного депо Барнаул. Барнаул, 2014. С. 304–326.
Распоряжение «Об объединении музеев Алтайского региона дороги» 2013 г.

Т.Г. Гребенникова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

РАЗВИТИЕ СЕТИ УЧРЕЖДЕНИЙ МУЗЕЙНОГО ТИПА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Понятие «учреждения музейного типа» стал использоваться в российской литературе по музеологии начиная с 2000-х гг. [Каулен, 2010; Каулен, 2012, с. 46–52; Гребенникова, 2014, с. 57–64]. В документах по сохранению наследия международного уровня данное понятие пока не встречается, но наблюдается устойчивая тенденция к расширению содержания самого понятия «музей». Международный совет музеев (ИСОМ) включает в содержание понятия «музей» такие объекты, как: природные, археологические и этнографические памятники и достопримечательности, исторические памятники, представляющие музейный интерес, которые популяризируют материальные свидетельства о людях и их среде обитания; учреждения, содержащие коллекции, выставляющие на обозрение живые экспонаты растений и животных, такие как ботанические сады и зоопарки, аквариумы и виварии; научные центры и планетарии; художественные галереи; природные парки; национальные, региональные или местные музеи; другие учреждения, которые имеют характеристики музея [Рыбак, 2005, с. 35]. Такой подход расширяет границы понятия «музей» и включает в его содержание не только классические коллекционные музеи и музеи под открытым небом, но и так называемые учреждения музейного типа. В российской музеологии к учреждениям музейного типа относят музеи, в которых все экспонаты сосредоточены в экспозиции, а документированные фонды как таковые отсутствуют; развивающие детские музеи, брендовые

музеи; музейные учреждения, экспонирующие объекты природного наследия под открытым небом.

Традиции сохранения и популяризации природного наследия представлены деятельностью нескольких организаций. Различные виды растений можно увидеть в экспозициях под открытым небом Южно-Сибирского ботанического сада (ЮСБС) и дендрария НИИСС им. М.А. Лисавенко. ЮСБС был организован в 1979 г. в ленточном сосновом бору на территории пос. Южный в г. Барнауле как центр изучения и охраны флоры Алтая и подготовки специалистов-ботаников. В саду произрастает 117 видов древесных, кустарниковых растений и лиан [<http://ssbg.asu.ru/>].

Второе учреждение музейного типа по сохранению природного наследия в Барнауле – это дендрарий ФГБНУ «Научно-исследовательский институт садоводства Сибири им. М.А. Лисавенко». Дендрарий – учреждение музейного типа, участок территории, на котором размещена коллекция древесных растений (деревьев, кустарников, лиан), которые культивируются в открытом грунте. Первые экземпляры деревьев для будущего дендрария были посажены ученым М.А. Лисавенко в конце 1930-х гг. на территории Горного Алтая. И только в 1953 г. часть из них привезли в Барнаул и стали формировать дендрарий. В наши дни дендрарий занимает более 10 га. В нем произрастают деревья и кустарники 957 видов, гибридов, сортов и форм – всего 128 родов растений [Катренко, 2012].

Особой формой сохранения живой природы с давних времен были зверинцы, эволюционировавшие постепенно в современные зоопарки как учреждения музейного типа. Имеется свой зоопарк и в Барнауле. Барнаульский зоопарк начинался с нескольких клеток. Но постепенно строились новые вольеры, менялся ландшафт. Зоопарк организовывался в сотрудничестве с бизнес-сообществом (в обмен на рекламу). Состав коллекции учреждения таков: 1) местная фауна; 2) коллекции алтайских растений; 3) краснокнижные животные (рысь, например, прибыла из Московского зоопарка, леопард – из Северска, канадская пума – из Красноярска, тигр – из Санкт-Петербурга).

В учреждениях музейного типа сохраняется и популяризируется не только природное, но и культурное наследие. Оригинальные учреждения, актуализирующие историко-культурные ценности и сочетающие в своей деятельности работу двух учреждений, представлены и в европейской части России, и в Сибири. Так, в исторической части Барнаула, на ул. Ползунова, расположился Музей истории аптечного дела «Горная аптека». В наши дни здание «Горной аптеки» – самое старое кирпичное сооружение в городе. Реставрацию объекта начали в 2010 г. В ходе этих работ в подвале аптеки было обнаружено большое число рецептов XIX в. С использованием обнаруженных находок в музее постарались воссоздать атмосферу минувшей эпохи. «На первом этаже гостей встречают в зале истории аптечного дела, затем можно увидеть аптечный торговый

зал в стиле конца XIX века с немецким кассовым аппаратом, этажом выше в настоящей аптечной лаборатории представлен макет провизора за работой» [http://www.altai-region22.ru/territory/culture/museum_night/2012/mad.php].

В последние несколько лет в Алтайском крае активно стали возникать и так называемые брендовые музеи – учреждения, которые создаются преимущественно в целях развития культурного туризма, формируя особый бренд, символ территории, города, села. Так, в Романовском районе Алтайского края функционирует единственный в стране музей гуся. Он открыт в лечебно-оздоровительном комплексе «Гуселетовские плесы» – популярном месте туристического отдыха, которое славится лечебными грязями, где когда-то жили сотни гусей. Музей объединил более 5 тысяч экспонатов со всего мира, в том числе книги, плакаты, почтовые марки, монеты, посуду с изображением гусей, а также фигурки птиц, выполненные из самых разных материалов, игры. Гусь в данном случае выступает брендом «Гуселетовских плес», а музей, безусловно, носит брендовый характер.

Еще один пример брендового музея – Музей свадьбы в Бийске. Его открытие состоялось в 2012 г. на базе отдела записи актов гражданского состояния администрации Бийска. Экспозиция состоит из нескольких разделов, в которых представлены старинные и современные свадебные платья, аксессуары, открытки, фотографии, документы, предметы быта, которые девушка получала в приданое.

Период своего становления переживают в наши дни в России тематические парки – учреждения музейного типа, также ориентированные на развитие познавательного интереса посетителей и построенные преимущественно на воспроизведениях объектов наследия и новоделах. Примером тематического парка является комплекс «Этномир» – огромный живой музей на границе Московской и Калужской областей. Здесь можно побывать в домах народов мира, познакомиться с предметами быта, примерить национальную одежду, поучиться традиционным ремеслам, принять участие в народных играх. На территории этнографического парка-музея построены и принимают посетителей русское подворье, украинский и белорусский хутора, этнодвор «Страны Центральной Азии», этнодвор «Сибирь и Дальний Восток», этнодвор «Страны Южной Азии» [<http://ethnomir.ru/etno/what-is-etnomir/>]. Тематический парк «Легенда» начал формироваться на площадке села Полеводка Бийского района Алтайского края. Его возникновение было связано с всероссийским фестивалем деревянных скульптур, в рамках которого мастера резьбы создавали подлинные шедевры. Эти творения стали главной составляющей экспозиции под открытым небом парка «Легенда». В настоящее время парк продолжает активно расширяться и застраиваться, планируется создать кузницу и медовый ряд с настоящей пасекой.

Особым направлением в трансформации современного музейного мира России и ее регионов стало возникновение детских развивающих музеев. Собрания таких учреждений, наряду с уникальными предметами, включают и те, с которыми ребенок сталкивается в повседневной жизни, а также специально сконструированные модели, которые можно использовать в игровой и учебной деятельности. Подобные музеи начали возникать в США на рубеже XIX–XX вв. и сейчас распространены в разных странах мира: Замок Шарля Перро (Франция); Музей Астрид Линдгрэн (Швеция); Детский музей Strong National Museum of Play (США); Культурно-просветительский центр «Дом Деда Мороза» в Великом Устюге; Детский центр научных открытий «ИнноПарк» в Москве и др. Свои особенные детские музеи расширили музейный мир Барнаула. Так, 17 мая 2012 г. на базе МБДОУ ЦРР – «Детский сад №217» был открыт Педагогический музей кукол. Основной фонд музея составляют куклы – сувениры, игровые куклы в народных костюмах, коллекционные куклы, тряпичные куклы ручной работы, народные куклы-обереги, авторские куклы, куклы советского периода и современные игрушки.

Очень популярны во всем мире детские музеи научно-технической направленности. Одной из форм такого музея является планетарий – научно-просветительное учреждение музейного типа, в котором демонстрируется небесная сфера со звездами, планетами и спутниками, кометами и метеорами, панорамы Луны, других планет. В 2015 г. Барнаульскому планетарию исполнилось 65 лет. Планетарий расположен в здании, где в начале XX в. находился Храм во имя Воздвижения Честного и животворящего Креста Господня. Диаметр купола планетария – 9 метров. Круговращение небосвода модулируется малым «Цейсом» – проектором звездного неба, созданным еще до Второй мировой войны известной германской оптической фирмой «Карл-Цейс-Иена» [Через планетарий – к звездам, 2012; Павлова, 2011].

Интересен и востребован у публики еще один детский музей в Барнауле, демонстрирующий законы и открытия естествознания, – Музей занимательных наук «Как так?». Особенность этого учреждения музейного типа в том, что экспонаты не являются объектами культурного или природного наследия. Главная цель музея – популяризация науки, знакомство детской аудитории с естественно-научными законами и достижениями естествознания.

К категории детских музеев можно отнести и интерактивный музей «Мир техники», который создан в 2006 г. Музей общественный, что отражено в его официальном наименовании – Алтайское краевое общественное учреждение «Интерактивный музей «Мир техники». Большую роль в создании музея сыграли грантовые проекты, при поддержке которых были созданы экспонаты. Первым финансовым кирпичиком стала поддержка проекта фондом Дмитрия Зимина «Династия». Цель этого музея – повышение уровня образования и интереса молодежи к тех-

ническим устройствам разных исторических эпох. Главный принцип работы музея – все экспонаты можно и нужно приводить в движение! В основной экспозиции в виде моделей представлена история эволюции техники от ручных приспособлений эпохи древности до современных автоматических устройств. Модели механизмов помогают создавать такие региональные предприятия, как завод «Ротор», «СибЭнергоМаш», вагоноремонтный завод, Алтайский завод прецизионных изделий. Именно представители этих предприятий входят в совет попечителей рассматриваемого музейного учреждения.

В целом учреждения музейного типа отличаются от классических музеев по нескольким параметрам: 1) отсутствие традиционного систематизированного фондового собрания, задокументированного по установленным требованиям (акт поступления музейных предметов, инвентарные книги и коллекционные описи и т.д.); 2) все основные музейные предметы сосредоточены в экспозиции, фондохранилище, организованное по установленным правилам, отсутствует.

Главная цель учреждений музейного типа – популяризация информации, научных данных, интересных коллекций, презентация города или региона. Исследовательская деятельность представлена, как правило, только в ботанических садах, планетариях. Несмотря на то, что музейные функции реализуются в таких учреждениях лишь частично, они играют большую роль в сохранении природного и культурного наследия и со временем становятся важными центрами развития культурно-познавательного туризма.

Библиографический список

- Гребенникова Т.Г. Современные исследования музеев и объектов культурного и природного наследия России : учеб. пособие. Барнаул, 2014. С. 57–64.
- Катренко Н. Дендрарий: атака варваров? // Вечерний Барнаул. 2012. 5 окт. №150 (3664). С. 31.
- Каулен М. Музей или не-музей // Музей. 2010. №8. С. 4–11.
- Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. 432 с.
- Музей аптечного дела «Горная аптека» (город Барнаул) [Электронный ресурс]. URL: http://www.altairegion22.ru/territory/culture/museum_night/2012/mad.php (дата обращения: 15.04.2015).
- Павлова Н. Весенний фестиваль планетарных программ // Вечерний Барнаул. 2011. 18 марта. № 39. С. 21.
- Рыбак К.Е. Музейное право: международно-правовые аспекты. М., 2005. 288 с.
- Через планетарий – к звездам // Вечерний Барнаул. 2012. 20 янв. №7 (3521). С. 21.
- Этномир – этнографический парк-музей [Электронный ресурс]. URL: <http://ethnomir.ru/etno/what-is-etnomir/> (дата обращения: 28.04.2015).
- Южно-сибирский ботанический сад [Электронный ресурс]. URL: <http://ssbg.asu.ru/> (дата обращения: 15.04.2015).

Н.С. Мамешина, А.В. Кротов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В РЕГИОНЕ (Россия)

В настоящее время туризм выходит на позиции одной из ведущих отраслей народного хозяйства в мировой экономике. Россия, имея огромный туристский потенциал, пока занимает скромное место на мировом рынке, в том числе в сфере культурного туризма. Так, в рейтинге стран мира по индексу конкурентоспособности сектора путешествий и туризма 2013 г. Россия занимала 63-е место. По данным Федерального агентства по туризму Российской Федерации, в 2011 г. в структуре внутреннего турпотока страны на долю культурно-познавательного туризма приходилось порядка 20%, а во въездном турпотоке этот показатель составлял более 30% [Реализация государственной политики..., 2011].

Значительную долю туристского потенциала страны составляют рекреационные ресурсы, в которых большое значение имеют объекты культурного туризма. Как показывает практика, наиболее привлекательными для туристов являются регионы, где имеются объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО, получившие широкое признание. А таких мест в России более 20, причем объектов культурного наследия – более половины.

Культурно-познавательная деятельность играет важную роль в жизни человека. Возрастает количество туристских поездок с культурно-познавательными и обучающими целями, в связи с чем происходит постоянное расширение видов и форм культурного туризма.

Термин «культурный туризм» появился относительно недавно – в 80-е гг. XX в., и берет свое начало от так называемого «туризма наследия». Привлекательными для туристов являются не только культурный ландшафт местности, искусство, культурное и историческое наследие, но и образ жизни людей, живущих в этом регионе, традиции, социальная среда и др. Цель культурного туризма заключается в знакомстве с культурой и культурной средой места посещения, включая ландшафт, знакомство с традициями жителей и их образом жизни, художественной культурой и искусством, различными формами проведения досуга местных жителей. Культурный туризм дает возможность понять интерпретацию объекта культуры, познать культуру места и его жителей. Таким образом, культурный туризм непосредственно связан с уровнем развития местного сообщества, уровнем его культуры и образом жизни [Гордин, 2001].

Существует множество определений культурного туризма, но согласно наиболее известным подходам в современном понимании культурный туризм – это перемещение индивидов за пределы их постоянного места проживания, мотивированное полностью или частично интересом посещения культурных достопримечательностей, включая

культурные события, музеи и исторические места, художественные галереи и музыкальные и драматические театры, концертные площадки и места традиционного времяпрепровождения местного населения, отражающие историческое наследие, современное художественное творчество и исполнительские искусства, традиционные ценности, виды деятельности и повседневный стиль жизни резидентов с целью получения новой информации, опыта и впечатлений для удовлетворения их культурных потребностей.

Примерно до 80-х гг. прошлого столетия культурный туризм рассматривался как относительно небольшая ниша туристского рынка. Сегодня, согласно новым данным, культурный туризм является главным направлением в сфере туризма. Всемирная туристская организация оценивала масштабы этой деятельности в 2007 г. на уровне 40% от всего числа поездок (в 1995 г. – 37%), а ее ежегодный рост – на уровне 15% [Сушинская, 2010].

В современном мире культурный туризм обеспечивает нравственное, образовательное единство человечества, способствует утверждению толерантности, т.е. уважению, принятию и правильному пониманию богатого многообразия культур нашего мира. Путешествия подразумевают межкультурное взаимодействие. Как ни один человек не может жить без каких-либо взаимоотношений с другими людьми, так и ни одна этническая общность не способна существовать в абсолютной изоляции от других народов. Практически каждый человек и этнос в той или иной степени открыт для контактов и восприятия культурных достижений других людей, народов и народностей и одновременно сам готов поделиться собственными культурными достижениями и ценностями [Садохин, 2000].

Культурный туризм, оказывая позитивное экономическое и социальное воздействие на развитие туристской дестинации, имеет важное значение. Он поддерживает сохранение культурного наследия, способствует развитию культуры и туризма. Базовой составляющей культурного туризма является культурное наследие.

Наследие является одним из объектов культурной географии, которая изучает территориальную дифференциацию культуры и отдельных ее компонентов и имеет целый ряд научных направлений, в том числе географию культурного наследия. Как известно, культурная география одной из своих практических задач ставит разработку и применение форм и методов сохранения культурного наследия, резервируя за собой важнейшую функцию накопления и реализации культурного потенциала в целях сохранения идентичности и развития нации [Веденин, 2000].

Понятие культурного наследия постепенно трансформировалось и расширилось вместе с трансформацией понятия культуры от традиционных представлений о ней как о сфере литературы и искусства к более широкой трактовке, включающей разнообразие образов жизни, основные права человека, системы ценностей, традиции и пр. [Мазуров, 1999].

Первоначально под культурным наследием понималась совокупность только недвижимых памятников истории, культуры и природы, имеющих особую ценность для мира, страны, региона. Согласно Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия, принятой на XVII сессии Генеральной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры, которая состоялась в Париже в ноябре 1972 г., под культурным наследием понимаются памятники, ансамбли, достопримечательные места (произведения человека или совместные творения человека и природы), а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии. В Хартии ООН «В поддержку культуры», принятой в Салониках в июне 1997 г., наследие определяется как вся совокупность природных и культурных элементов, материальных и нематериальных. Помимо музеефицированных памятников культуры, к культурному наследию относят также активную часть жизнедеятельности этноса (старинные технологии, специальные способы деятельности, традиции и т.д.). С этой точки зрения наследие представляет собой отражение исторического опыта взаимодействия человека и природы. Наследие – часть культурного ландшафта территории.

Культурное наследие формируется под воздействием этнических, экономических, исторических, географических и иных факторов. Под влиянием географического положения, природных особенностей территории и сходных исторических судеб складывались уникальные региональные особенности наследия, которые обусловлены, с одной стороны, взаимодействием этносов, с другой – формированием локальных, изолированных культур.

Культурное наследие региона необходимо рассматривать как систему, как данность для сохранения памятников, как непосредственную и существенную часть национального культурного достояния, как особые элементы, определяющие самобытную региональную культуру [Герасименко, 2006].

Регионы, имея большое количество социально-географических, экономико-географических, историко-культурных, историко-археологических, архитектурно-художественных, культовых и других памятников, принадлежащих к наследию, не всегда обладают развитой туристской отраслью. Также не все эти объекты имеют официальный статус объектов культурного наследия, хотя многие могут претендовать на внесение в кадастр, по крайней мере, локального уровня.

В связи с этим на примере Алтайского края можно выделить наследие, которое официально признается и пользуется популярностью у туристов (Памятник В.М. Шукшину на горе Пикет в с. Сростки, «Денисова пещера» в Солонешенском районе), и есть объекты, которые как наследие не признаются, но рекламируются, например комплекс соору-

жений сереброплавильного завода («Барнаульский сереброплавильный завод XVIII–XIX вв.»). Данный комплекс сейчас продвигается в рамках проекта «Барнаул – горнозаводской город». Хотя в настоящий момент объекты сереброплавильного завода находятся не в должном состоянии и не способны привлечь большой поток туристов.

Рассмотрим для примера, как влияют объекты истории и культуры на турпоток в с. Сростки Бийского района, которое стало популярным благодаря выдающемуся человеку, талантливому актеру, режиссеру и писателю В.М. Шукшину. «Шукшинские чтения на Алтае» с момента проведения первого мероприятия (25 июля 1976 г.) стали популярны у местных жителей и гостей села. Уже в 1980 г. на горе Пикет собрались тысячи людей, в том числе из отдаленных регионов. Точных подсчетов численности присутствующих не проводилось. Интерес к мероприятию сохраняется до сегодняшнего дня. В 2014 г. в Сростках собрались более 12 тыс. человек [Олейник, 2014]. Гора Пикет (294 м), являясь обзорной точкой села, также стала популярной с момента проведения фестиваля, а еще больше гора стала позиционироваться как объект туризма после открытия памятника В.М. Шукшину. История Всероссийского фестиваля «Шукшинские дни на Алтае» в Сростках дает представление об эффективной интеграции культурно-исторического наследия в сферу туризма в Алтайском крае. Такая же ситуация наблюдается как по стране, так и по миру в целом.

Но есть и обратная закономерность. В регионах, имеющих большое количество туристов, многие места, производя положительное впечатление на приезжих, становятся перспективными для их популяризации в качестве объектов туризма, а объекты, уже признанные наследием, получают больший отклик за счет их посещаемости. Для примера рассмотрим курорт федерального значения в Смоленском районе – Белокуриху. За счет растущего потока туристов в районе стали появляться и рекламироваться новые объекты культуры, такие как Церковь Николая Чудотворца, первая в Сибири действующая водяная мельница. Мельница, возведена в самом центре курорта, на берегу Татарского ручья и реки Белокурихи, на месте, где в начале XX в. действительно стояла водяная мельница. Ее построил прибывший на Алтай в годы Столыпинской реформы Захар Логачев. Позднее он даже стал старостой Белокурихи, но в годы Гражданской войны был зарублен шашками большевиками. С его смертью мельницы не стало. В свою очередь, сам город-курорт, получая положительные отзывы, набирает популярность на рынке туризма. Можно сказать, что существует закономерность: многие места и объекты становятся популярными и признаются наследием в связи с ростом их посещаемости, созданием благоприятного образа туристами.

И, наоборот, в регионах, где количество туристов крайне мало, интересные объекты не пользуются спросом. Для примера можно привести такие районы Алтайского края, как Змеиногорский, Курьинский,

Третьяковский и другие, где имеются привлекательные для приезжих места (Екатеринская штольня, плотина и пруд первого в мире гидротехнического каскадного сооружения, построенного в 1783–1797 гг. на р. Змеевке в г. Змеиногорске, Мемориальный музей М.Т. Калашникова, Памятный знак в честь 200-летия камнерезного дела на Алтае (1786–1986 гг.), территория камнерезного завода в с. Колывань Курьинского района и др.), сюда прибывает значительно меньший турпоток и в основном транзитом.

Тем не менее все-таки встречаются туристы, которым интересны еще не познанные места.

Таким образом, можно сделать вывод. Объекты культурного наследия и наследие в целом играют ключевую роль в развитии туристской отрасли и являются необходимым условием для позиционирования культурного туризма в регионе. Они являются важным средством для привлечения туристов и способны создать благоприятный имидж территории путем «брендинга» историко-культурного наследия, которое, в свою очередь, используется для популяризации данной местности на туристской арене. Кроме того, наличие именно культурного наследия может способствовать развитию всевозможных видов туризма и в дальнейшем влиять на увеличение продолжительности туристского сезона в регионе.

Библиографический список

Веденин Ю.А. Формирование нового культурно-экологического подхода к сохранению наследия (в контексте истории создания Российского института культурного и природного наследия) // Экология культуры: альм. Ин-та наследия «Территория». М., 2000. С. 25–30.

Герасименко Т.И., Гладкий Т.И. Всемирное и национальное культурное наследие региона как основа развития историко-культурного туризма // Туризм и культурное наследие. Саратов, 2006. Вып. 3. 404 с.

Гордин В.Э., Сушинская М., Яцкевич И. Теоретические и практические подходы к развитию культурного туризма // Культурный туризм: конвергенция культуры и туризма на пороге XXI века : уч. пособие / под ред. Я. Брауна, В. Андерсен, В. Гордина. СПб., 2001. 212 с.

Мазуров Ю.Л. Культура и культурная политика. Послесловие к Стокгольмской конференции по культуре и развитию // Наследие и современность. 1998. №7. С. 128–144.

Олейник Я.А. История Всероссийского фестиваля «Шукшинские дни на Алтае» в аспекте интеграции культурно-исторического наследия в сферу туризма // Мир науки, культуры, образования. 2014. №6. С. 488–491.

Реализация государственной политики в области культурно-познавательного туризма в России // Министерство спорта туризма и молодежной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://russiaturforum.com/upload/presentation/314_plenarn_pisarevski_kostroma.pdf.

Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология : учебник для студ. высш. учеб. заведений. М., 2000. 304 с.

Сушинская М.Д. Культурный туризм : уч. пособие. СПб., 2010. 128 с.

Т.В. Тишкина, В.Н. Сомова

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
МБУК «Павловский историко-художественный
музей им. Г.Ф. Борунова», Павловск, Алтайский край, Россия*

ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАВЛОВСКОГО ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ им. Г.Ф. БОРУНОВА

Инициатором создания музея в с. Павловске Алтайского края выступил в 1967 г. педагог, историк Петр Васильевич Копытов. Собранные им материалы поступили в среднюю школу.

27 февраля 1987 г. члены бюро Павловского райкома КПСС и исполкома районного Совета народных депутатов приняли постановление о создании «Музея истории Павловского района» [Курочкина, 2000, с. 190]. Учреждению предоставлялись бывший жилой дом по адресу: ул. Пионерская, 5, и прилегающая к нему территория площадью 0,15 га (рис. 1). Был создан организационный комитет, который координировал работу поисковых групп учащихся школ и Дома пионеров, активистов комсомольских и партийных организаций, членов совета ветеранов, занимавшихся сбором материалов по истории Павловского сереброплавильного завода, местных организаций и предприятий, об участниках Гражданской и Великой Отечественной войн, о развитии в районе культуры, народного образования, здравоохранения. Преподаватель Павловского совхоза-техникума Р.Ф. Золотухин передал значительную денежную сумму на нужды учреждения.

Рис. 1. Здание музея

Музей был открыт 7 ноября 1987 г. Его возглавила Клавдия Григорьевна Маликова. В пополнении фондов музея приняли участие многие жители района, передававшие семейные, военные реликвии, пред-

меты быта. Постепенно шло формирование разделов природы, истории и этнографии. Оформление экспозиции осуществил житель Павловска Георгий Прохорович Мусихин. Он выполнил панораму Павловского сереброплавильного завода и несколько макетов. В.В. Глумов изготовил макет Никольской церкви, копию партизанской пушки времени Гражданской войны сделал С.С. Степанов, художник Л.С. Рыбальченко предоставил картины «Деревня Урывная», «Рудокопы». Из кабинета археологии Алтайского государственного университета были переданы в музей на хранение предметы, обнаруженные в результате исследований на территории района памятников елунинской культуры. 16 января 2007 г. музей стал юридическим лицом и зарегистрирован как Муниципальное учреждение культуры «Музей истории Павловского района».

В мае 1970 г. для создания в Павловске картинной галереи Министерство культуры РСФСР предоставило 473 произведения искусства [Колотова, 2000, с. 188]. В фонд галереи вошли живописные полотна художников (Д.А. Налбандяна, В.А. Серова, В.Т. Федосова и др.), графические работы (А.П. Вагина, Ф.А. Филонова и др.), произведения скульпторов (В.А. Малолеткова, С.Г. Аникина, Г.Ф. Чистякова и др.). Для размещения художественной экспозиции было предоставлено одноэтажное кирпичное здание бывшего «Дома колхозника» (ул. Ленина, 16) общей площадью 240 кв. м.

Со временем сотрудникам галереи удалось установить контакты с ведущими художниками Алтайского края, Сибири, некоторых союзных республик и музеями столицы. В результате были организованы выставки произведений декоративно-прикладного искусства мастеров Киргизии (1988 г.), Узбекистана (1989 г.), рисунков Нади Рушевой, «Русский и западноевропейский рисунок из собрания Государственного Эрмитажа, Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина» (1988 г.), «Русский лубок» (1989 г.) и др. С 1981 по 1995 г. Павловская картинная галерея функционировала как филиал Алтайского краевого музея изобразительных и прикладных искусств. В 1990-е гг. собрание регулярно пополнялось произведениями художников-павловчан (Г.Т. Клюева, Л.С. Рыбальченко и др.), известных алтайских художников (В.А. Зотеева, М.Д. Кавешниковой, А.Е. Емельянова, И.С. Хайрулинова, А.П. Щетинина, Л.Р. Цесулевича и др.). В 2000 г. фонд галереи объединял 1367 единиц хранения.

Благодаря ходатайству творческой общественности на собрании депутатов Павловского района 28 мая 2004 г. картинной галерее было присвоено имя Геннадия Федоровича Борунова, заслуженного художника РСФСР, уроженца с. Павловск. 11 января 2007 г. учреждение было зарегистрировано как МУК «Музей ИЗО им. Г.Ф. Борунова». Его деятельность была направлена на пропаганду изобразительного искусства, прикладного творчества.

В октябре 2010 г. в целях оптимизации бюджетных средств осуществилась реорганизация учреждений МУК «Музей истории Павлов-

ского района» и МУК «Музей ИЗО им. Г.Ф. Борунова» в «Павловский историко-художественный музей им. Г.Ф. Борунова».

В настоящее время в музее действуют художественный и исторический отделы. Фонд художественного отдела насчитывает 386 единиц хранения произведений живописи, 901 графическую работу, 66 скульптурных произведений (данные на 15.01.2016). Его пополнение осуществляется за счет дарений художников (С. Боженко, Г. Бельшева, А. Потапова и др.). Экспозиция размещается в залах здания по ул. Ленина, 16. Один из них посвящен творчеству Г.Ф. Борунова (1928–2008 гг.), демонстрируются личные документы (грамоты, благодарственные письма, дипломы), фотографические снимки, выставочные буклеты, работы художника, выполненные в различных жанрах: «Осень наступила. Отец» (1985 г.), «Кромка бора» (1993 г.), «Погасшая лампада» (1995 г.), «Руины Павловского сереброплавильного завода» (2000 г.) и др. Музей располагает 30 произведениями, переданными мастером и членами его семьи.

В другом зале вниманию посетителей представлены работы В. Константинова «Ясная поляна. У входа в дом Л.Н. Толстого» (1955 г.), В.А. Серова «Лес в Барвихе» (1958 г.), Д.А. Налбандяна «Утро в Неаполе» (1963 г.), А.Н. Варнавицкой «Две розы» (1975 г.) и др. (рис. 2). Часть экспозиционного пространства предназначена для размещения временных выставочных проектов. Наиболее значительными из них стали: «Старинные часы еще идут» (2011 г.), «Рождественская звезда» (декабрь 2012 – январь 2013 гг.); персональная выставка А.В. Арестова «Петербургские этюды» (2014 г.), персональная выставка заслуженного художника России Г.А. Бельшева «Цветы Алтая» (графика, живопись, акварель, масло, темпера) (2014 г.), «Радость. Юность. Спорт» (2015 г.), работы художников Павловского района «Я люблю эту землю» (2015 г.) и др. Регулярно организуются выставки учащихся художественных отделений Павловской детской школы искусств. Выставочные проекты музея были представлены в зале Барнаульского государственного педагогического университета («Чистая вода у истока», 2014 г.), в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая («Село в оправе серебра», 2015 г.).

Экспозиция исторического отдела расположена в здании по ул. Пионерской, 5. Она отражает историю и природу территории района с древности до современности. Сформированы следующие разделы: «Природа Павловского района», «Археологические находки Павловского района», «Этнография», «Павловский сереброплавильный завод», «Гражданская война», «Воины, погибшие в Афганистане, локальных войнах», «Развитие сельского хозяйства, народное образование, медицина, спорт, культура» и др.

В разделе «Павловчане в годы Великой Отечественной войны» представлены реликвии, в разные годы переданные в дар музея жителями района: солдатские письма, документы и личные вещи фронтовиков, вырезки из газет, карты и иные материалы. Атмосферу военных лет вос-

создают фотографии, картина художника-фронтовика Л.С. Рыбальченко «На партизанской базе», макет «Фронтная землянка», выполненный Г.П. Мусихиным (рис. 3). Поисковый отряд «Персей» из Москвы передал в музей противогаз, саперную лопату, магазин от винтовки, копию солдатского медальона красноармейца И.И. Красноленского, погибшего у д. Юшково Смоленской области. В 2012 г. от К.К. Сомова поступила немецкая каска. Историю некоторых экспонатов посетители могут узнать, ознакомившись с содержанием буклета «Реликвии Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в районном музее» [Колпачева, 2012]. Сотрудниками музея собраны и введены в научный оборот материалы о молодом поэте Л. Горбане, эвакуированном в Павловск во время войны [Колпачева, 2005, с. 193–195]. В музее сформированы значительные коллекции фотографий и негативов (2712 ед. хр.), предметов прикладного искусства, быта и этнографии (379 ед. хр.), печатной продукции (230 ед. хр.) и др. Основной фонд музея составил 5573 единиц хранения.

Различные музейные мероприятия ориентированы на все категории посетителей. В 2014 г. в них приняли участие 9,1 тыс. человек, в 2015 г. – 14,9 тыс. человек.

По музейной экспозиции предлагаются экскурсии «Флора и фауна Павловского района», «Народные традиции и обычаи» и др. На площади исторического отдела организуются разнообразные выставки: традиционной народной куклы «Крупеничка» (2013 г.); «Музейный Кулибин. К 85-летию Г.П. Мусихина» (2014 г.) и др. В 2014 г. сотрудники музея провели 352 экскурсии, 16 мероприятий: «На верность полю присягаю» (к 60-летию начала освоения целинных и залежных земель); встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, участниками локальных войн; урок памяти «Солдатский медальон» (в День неизвестного солдата); «Мы жили по соседству» к юбилею режиссера и сценариста Н.И. Лырчикова и т.д. В 2015 г. осуществлено 382 экскурсии, 26 выставок, 18 массовых мероприятий: «40 лет Павловскому мемориальному комплексу»; «Воин. Художник. Леонид Степанович Рыбальченко»; «Наш земляк Герман Степанович Титов. 80 лет со дня рождения»; встреча с автором книги «Позывной “Орел”» К.К. Сомовым; встречи с тружениками тыла и ветеранами Великой Отечественной войны и т.д. Цикл музейных мероприятий был посвящен 90-летию образования Павловского района. Информация о музейных мероприятиях размещается на страницах краевых и местных газет «Алтайская правда», «Голос труда», «Наше слово», «Новая жизнь» и др.

Посетителям предлагаются экскурсии вне стен музея: «Павловск купеческий»; «Сереброплавильный завод (Касмалинский пруд, плотина)» и др. Совместно с сотрудниками МКУК «Топчихинский районный краеведческий музей» разработан однодневный туристский маршрут «По старинным трактам Алтая» [Поздин, 2014, с. 209].

Особое внимание сотрудников музея уделено работе с учащимися. Для них, помимо традиционных экскурсий и лекций, организовывались конкурсы исследовательских работ: к 280-летию со дня рождения

И.И. Ползунова (2009 г.), «Детство, опаленное войной» (2013 г.) и др. В музее с 2012 г. ежегодно устраиваются Боруновские чтения, в рамках которых проходят конкурсы на лучшие копии картин Г.Ф. Борунова, выполненные учащимися художественных школ района [Сомов, 2013, с. 6]. В 2014 г. жюри рассмотрело 55 работ [Тепляков, 2014, с. 4].

Рис. 2. Экспозиция художественного отдела

Рис. 3. Экспозиция исторического отдела

Копытовские чтения (декабрь 2014 г.) были посвящены истории Первой мировой войны, учащимся предлагалось принять участие в викторине, конкурсах творческих и исследовательских работ, рисунков на тему «На Германской войне...». В 2015 г. состоялся конкурс «Победа! 70 лет», включавший несколько номинаций: исследовательская рабо-

та об участниках Великой Отечественной войны; «История экспоната школьного музея»; «Солдатское письмо». 21 ноября 2015 г. в музее прошла акция «Право на детство: Мы разные, мы равные» с участием воспитанников Павловского детского дома, учащихся коррекционной школы-интерната, Павловской детской школы искусств. Ребятам были представлены экскурсионные программы, мастер-класс Т.А. Гладышевой «Кукла-колокольчик» по изготовлению традиционной русской народной куклы. Учащиеся коррекционной школы и воспитанники детского дома приняли участие в выставке изделий прикладного творчества.

Деятельность сотрудников музея отмечена рядом грамот и благодарственных писем за участие в конкурсе «Этим гордится Алтайский край», подготовку экспозиции Алтайского края в региональной выставке изобразительного и декоративно-прикладного искусства «Россия. Родина. Сибирь» (2010 г.) и др.

Библиографический список

Колотова В.В. Павловская картинная галерея // Павловский район: Очерки истории и культуры / ред. Т.К. Щеглова. Барнаул ; Павловск, 2000. С. 188–189.

Колпачева Н.А. «Все. Что сил не жалея, сделаю...» // Краеведческие записки. Барнаул, 2005. Вып. 6. С. 193–195.

Колпачева Н.А. Реликвии Отечественной войны 1941–1945 гг. в районном музее [буклет] // Павловск, 2012.

Курочкина Н.А. Музей истории Павловского района // Павловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул ; Павловск, 2000. С. 190–191.

Поздин С.В. Интеграция муниципального музея в развитие сферы туризма // Вопросы интеграции историко-культурного наследия в развитие сферы туризма. Барнаул, 2014. С. 208–215.

Сомов К. «Не выразишь словами»... // Алтайская правда. 2013. №39. С. 6.

Тепляков С. Времена года Геннадия Борунова // Алтайская правда. 2014. №33. С. 4.

М.Н. Целева

*Музей города Новосибирска, филиал
«Музей Заельцовка», Новосибирск, Россия*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В МУЗЕЯХ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В «МУЗЕЕ ЗАЕЛЬЦОВКА»

Музей рассматривается сегодня как важнейший институт, способный осуществлять сохранение и актуализацию многих объектов культурного наследия. Отношение к сохраненным культурным ценностям и реликтам прошлого есть показатель уровня современной культуры.

Представления о том, что достойно сохранять в памяти и следует сбереечь для потомков, в процессе эволюции изменялись. Сегодняшнее отно-

шение людей к вопросам сохранения национальных ценностей приобретает все более идеологический и общественно-политический характер – это есть признак обновления общественного сознания. Неизбежно приходится исходить из того непреложного факта, что ни один предмет не может существовать вечно. Поэтому часть культурных ценностей постепенно исчезает в силу разных причин: естественного срока их существования, очень плохих материалов и способов изготовления, из-за неблагоприятных условий хранения и пользования, разрушения в аварийных ситуациях, из-за неподходящих или неправильно примененных способов консервации.

Памятником считается всякий остаток прошлого, что напоминает о прошлом. По научной терминологии, всякий источник исторического происхождения (памятники материальной и духовной культуры), в правовом аспекте – это те культурные ценности, которые признаны достойными государственной охраны, т.е. хранения в государственных хранилищах или учета государственными органами охраны памятников. Предметы культуры включаются в состав музейных фондов. Хранение музейных фондов является важнейшей задачей музея. В целом можно сказать, что хранение осуществляется в двух направлениях: юридическое хранение и физическое хранение. Юридическое хранение музейных фондов осуществляется с помощью ведения музейной документации. Весь комплекс музейной документации отражает существование предмета в музейных фондах. Он предусматривает закрепление принадлежности предмета данному музею, его отдельной коллекции, научное описание предмета. Документация учета, система бумажных и электронных каталогов, шифров и условных обозначений позволяет организовать контроль за состоянием музейных фондов, изменениями, происходящими в них, следить за перемещением предметов и помогает осуществлять исследования предметов в области соответствующих дисциплин. Производится подробное описание музейного предмета: время создания, бытования, находки, источник поступления, история создания и жизни до поступления в фонды музея. Процесс описания музейных предметов производится на разных этапах учета, изучения и использования предмета, а характерные особенности каждой группы предметов при этом имеют свою специфику. Несмотря на несомненную ценность всех имеющихся пособий по описанию вещественных музейных предметов различных видов, разновидностей и групп, в настоящее время ощущается необходимость в более подробном изложении информации о предмете и применении приемов описания.

Физическое хранение направлено на создание оптимальных условий, предотвращающих физико-механические и химические изменения музейных предметов. Соблюдение режима хранения (температурно-влажностного, светового, биологического и др.) позволяет защитить предметы от воздействия окружающей среды и замедлить процессы их естественного старения, т.е. проблема сохранения историко-культурного наследия имеет комплексный характер. Да, она покоится на сложных

экономических процессах, но не сводится только к ним. Огромную роль здесь играют политика, право, мораль и решимость сохранить поистине бесценное культурное наследие, доставшееся нам.

Музейная педагогика в культурно-просветительской деятельности

Понятие «музейная педагогика» сформулировано и введено в научный оборот в начале XX в. в Германии. Его разработка была связана с исследователями А. Лихтварком, А. Рехвейном, Г. Фройденцелем. В 1913 г. на конференции «Музей как образовательное и воспитательное учреждение» А. Лихтварк первым сформулировал идеи об образовательном назначении музея и предложил новый подход к посетителю как участнику диалога. Термин «музейная педагогика» послужил для обозначения новой научной дисциплины, возникшей на стыке музееведения, педагогики и психологии. Отечественная теория музейной педагогики начала формироваться в конце XIX – начале XX в., получив наиболее полное обоснование в трудах основоположников русской экскурсионной школы (Н.А. Гейнике, И.М. Гревс, Б.Е. Райков и др.) и сторонников образования педагогических, школьных и детских музеев (Н.Д. Бартрам, А.У. Зеленков, М.В. Новорусский, М.С. Страхова, Н.А. Флёрв и др.). В научной литературе существуют различные определения понятия «музейная педагогика». Современная трактовка термина «музейная педагогика» неоднозначна и имеет тенденцию к саморазвитию личности, являющуюся основой реализации образовательного потенциала музея.

Музейная педагогика уже в первой половине XX в. на стыке педагогики, психологии и музееведения сформировалась в отдельную научную дисциплину, а ее предметом стали культурно-образовательные аспекты музейной коммуникации. Утвердившаяся в 1980–1990-е гг. в российском музееведении «музейная педагогика» обозначила новую научную дисциплину – практическую культурно-образовательную деятельность музеев. О необходимости использования музейной педагогики писали К.Д. Ушинский, П.Ф. Каптерев, П.П. Блонский, С.Т. Шацкий. По их мнению, именно во временной предметно-пространственной среде музея осуществляется трансляция духовного, культурного опыта, накопленного человечеством за многие века своего существования. Цель музейной педагогики заключается в создании условий для развития личности путем включения ее в многообразную деятельность музея. Содержание музейно-педагогической деятельности как совокупности систематизированных знаний в области музейного дела и современного образования основывается на реализации разнообразных функций.

Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. традиционное понимание музея как хранителя культурных ценностей претерпело значительную трансформацию, связанную с изменениями, произошедшими в музейной практике. Современные музеи переориентируют свою работу на интерактивное взаимодействие с посетителями, заинтересованными в получении особых впечатлений.

«Музей Заельцовка» учитывает особенности восприятия современного человека, поэтому стремится активнее использовать новые информационно-коммуникационные технологии. В музее имеются свои страницы в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», «Фейсбук», на которых публикуются новости, анонсы и отчеты о проведенных мероприятиях. Использование электронного ресурса позволяет обеспечить доступ к предоставляемой информации как можно более широкой аудитории, что не только выполняет просветительскую функцию, но и стимулирует читателей, заинтересованных заданной темой, к самостоятельной поисковой и исследовательской деятельности. Современные средства массовой информации приобретают все более интерактивный характер, предлагая информацию и вовлекая в общение с музеем через анимированные планы и схемы, удобные поисковые системы, чаты, игры и другие средства коммуникаций, ставшие для современного поколения стандартными и обыденными.

«Музей Заельцовка» – это площадка, где осуществляется взаимодействие различных сообществ на основе «взаимной этики как средства развития доверия и сотрудничества».

Культура нашего музея предполагает воспитание ряда важных качеств личности музейными средствами, включающими развитие нравственной культуры, воспитание исторического и национального самосознания, формирование художественно-эстетической культуры, становление духовной личности. Использование музейного пространства и музейные ценности в культурно-просветительской деятельности способствуют формированию психологической и нравственной готовности человека не только жить в стремительно меняющемся мире, но и быть субъектом происходящих в нем культурных преобразований. Подход к музею как к модели многомерного мира вызывает необходимость существования музейной педагогики. Как самостоятельная сфера научно-практической деятельности, она стремится создавать содержательно-смысловые структуры, объединяющие усилия образовательных учреждений, семьи, музеев разного профиля вокруг единых ценностей, связанных с музейной формой существования и представления культуры. Музейная педагогика как инновационная педагогическая технология XXI в. базируется на интеграции общественно-гуманитарных наук: истории, культурологии, философии, музееведения и способствует развитию творческих способностей личности. Музейная педагогика, отказавшись от знаний приоритетов музейного просветительства в пользу личностно-развивающего общения на экспозиции, тем не менее, еще не освободилась от выработанного на просветительском этапе представления о равномерно ускоренном изменении внутреннего мира человека в ходе музейной коммуникации. В практике работы нашего музея, ключевым понятием музейной педагогики выступает музейный предмет как подлинник, обладающий большой мемориальной, научной, исторической и художественной значимостью. Во время проведения музейно-педагогических занятий его

можно рассматривать, брать в руки, манипулировать им. Музейный предмет сохраняет знаковую, образ-символ определенной эпохи, культуры, определенной позиции творца. Музейные предметы, выступая в качестве источников информации о людях и событиях, способны воздействовать эмоционально, вызывать чувство сопричастности, так как роль исследователей истории выполняют не только взрослые, но и дети под руководством взрослых. Чтобы сохранить музейный предмет как историческую ценность или ценность передачи от поколения к поколению как предмет историко-культурного наследия, в «Музее Заельцовка» для музейно-педагогических занятий используются дублетные предметы музейного значения, через которые осуществляется образовательный процесс.

Образовательная функция музея приобретает особую значимость и ценность, новую динамику в XXI в., подтверждая высокую востребованность обществом ценностного и информационного потенциала. Сегодня наш музей становится средством адаптации человека к культурной среде и выступает антиподом миру компьютерных технологий и наступлению аудиовизуальных средств обучения. В «Музее Заельцовка» ведется привлечение посетителей путем воссоздания интерьеров в экспозиционных залах, помещения в них различных технических средств (звукового сопровождения), а также использования музейных концертов, праздников и благотворительных мероприятий.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что специфика нашего музея в значительной степени заключается в том, что он не просто собирает реликты прошлого, а соотносит их с современной культурой, являя целостную модель, соединяющую прошлое и настоящее (в рамках которой прошлое неизбежно актуализируется в настоящем). Понимание музея как исторической реальности позволяет обозначить основное направление музея и культуры в решении общих целей сохранения, трансляции и интерпретации историко-культурного наследия. Продолжая оставаться местом хранения раритетов и реликвий, музей становится более эффективной базой для общения, культурно-просветительской деятельности и местом повышения культурно-образовательного процесса.

Библиографический список

- Бахтин М.М. Творчество и наследие М.М. Бахтина. Т. 2. СПб., 2002. С. 603–658.
- Каулен М.Е. Роль музея в сохранении и актуализации нематериальных форм наследия // Культура памяти. М., 2007. С. 124–125.
- Комаровская Е.П., Ахунов В.М. Культурно-образовательная деятельность музеев и музейная педагогика // Вестник Московского университета. Сер. 20: Педагогическое образование. 2009. №1. С. 69–72.
- Крейн А.З. Жизнь в музее. М., 2006. 608 с.
- Сапанжа О.С. Основы музейной коммуникации : учеб. пособие. СПб., 2007. С. 20–25.
- Столяров Б.А. Музейная педагогика: история, теория, практика. М., 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://center.rusmuseum.ru>.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГКМ – Алтайский государственный краеведческий музей.
АГУ – Алтайский государственный университет.
БГПУ (АлтГПА) – Барнаульский государственный педагогический университет (Алтайская государственная педагогическая академия).
БКМ – Бийский краеведческий музей.
ГААК – Государственный архив Алтайского края.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГНЦ КузГТУ – Гуманитарный научный центр Кузбасского государственного технического университета.
ДК – Дом культуры.
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана.
ИЛАИ – Известия лаборатории археологических исследований.
КарГУ – Карагандинский государственный университет.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
ККАЭЭ – Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция.
КРС – крупно-рогатый скот.
МБОУ – муниципальное бюджетное образовательное учреждение.
МВД – Министерство внутренних дел.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
НГКМ – Новосибирский государственный краеведческий музей.
НПЦ – Научно-производственный центр.
ПМА – Полевые материалы автора.
РАН – Российская академия наук.
СА – Советская археология.
САИ – Свод археологических источников.
СО – Сибирское отделение.
СОШ – средняя общеобразовательная школа.
США – Соединенные штаты Америки.
ТГУ – Томский государственный университет.

Научное издание

**СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Выпуск XXII

Редактор: Е.М. Федяева
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 09.04.2016. Печать ризографическая.
Бумага офсетная. Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 19,0.
Тираж 500 экз. Заказ 258.

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Типография «Графикс»:
Барнаул, пр. Красноармейский, 15